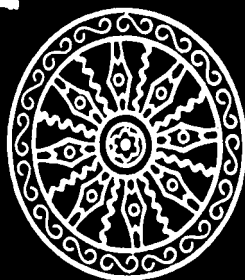

6086054

Ducamark

1809132

Ducamark

11-6011

Джатаки

Из первой книги
«Джатак»

Перевод с пали
Б. Захарьина

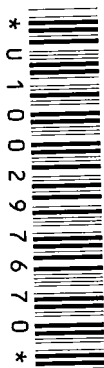
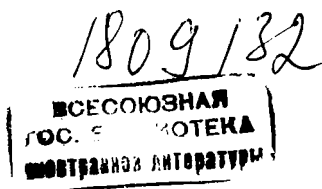
Москва
«Художественная литература»
1979

6086055

8А
Д40

Составление, вступительная статья,
примечания
В. Захарьина

Стихи в переводе
А. Голембы

Художник
А. Лепятский

Д $\frac{70304-050}{028(01)-79}$ 193-79

© Составление, переводы, вступительная статья, примечания, оформление «Художественная литература», 1979

6086055

ПАЛИЙСКИЕ ДЖАТАКИ

Среди произведений древности, изучение которых помогает уяснить себе общий процесс развития мировой литературы, несомненно, и «Джатаки» на языке пали. В основе своей «Джатаки» — это сказки, басни, занимательные истории и другие произведения народной фантазии, прошедшие определенную авторскую обработку и окончательно оформившиеся в виде художественных притч. Самое полное собрание «Джатак» — это палийские «Джатаки», найденные в середине прошлого века на Цейлоне.

«Что?» и «как?» — вот поистине «ноги», поддерживающие туловище любой религиозно-философской доктрины в Индии: что есть мир и человек, в нем живущий, и как достичь спасения. Буддизм в этом смысле не составляет исключения, но знаменитую дилемму: знание или действие (под действием имеется в виду строгое следование заповедям буддизма), он — по крайней мере, голосами его южных пророков, приверженцев школы тхеравады, — решал в пользу действия, ибо правильный образ жизни почитался важнее правильного знания. С этой точки зрения он одновременно и противостоит традиционному брахманизму, предтече индуизма, в котором обладание Священным Знанием гарантировало и привилегированное положение в «этом мире», и обретение «того мира», — и объединяется с ним в придании огромного значения идее перерождений, этого основания всех индийских религий. Столь популярное в Древней Индии учение о цепи перерождений индивидуального «я» и о карме, определяющей телесную оболочку в последующих рождениях в зависимости от суммы заслуг

и прегрешений, вполне принималось — хотя и в своем собственном истолковании — буддизмом. Точно так же буддизм разделял с брахманизмом и традиционное преклонение перед божественным авторитетом как некоторым, навеки заданным эталоном, которым поверяют истинность поступков или представлений. Только если для брахманизма и развившихся из него индуистских учений такой абсолютной «точкой отсчета» являлось слово вед, то для буддизма критерием верности помысла или деяния была возможность (невозможность) отыскать аналогию в словах или деяниях Будды.

Сказанное объясняет и то особое внимание, которое уделял буддизм — прежде всего южная школа «малой колесницы» — этическим предписаниям. Явный перевес в доктрине этики над метафизикой в раннем буддизме предопределил и характер буддийской проповеди, которая — в противоположность таинствам брахманистского ритуала — обращена была к самым широким массам и, соответственно, строилась на материалах любимых и популярнейших в народе тем, идей и представлений и читалась на понятных для всех разговорных пракритах, а не на искусственном санскрите. Так возник особый литературный жанр притчи, художественно обработанной проповеди — жанр джатак.

Само слово «джатака» означает буквально «связанное с произведенным, порожденным, пережитым (джата)» и наиболее близко формально и семантически к русскому «житие»: джатаки и представляют собой эпизоды из «житий Бодхисатт», припоминаемые и излагаемые Буддой с целью нравственного наставления слушателей. Ведь в соответствии с представлениями школы тхеравады путь к спасению (которое заключается в достижении особого, «просветленного» состояния) обязательно должен быть длительным и многоступенчатым, и единственным человеком, достигшим полного просветления при жизни и вспомнившим все свои бесчисленные перерождения, был сам Будда. «Просветленный» появлялся на свет в самых несходных обликах: мог быть зверем, рыбой, птицей, человеком, богом, обитающим в дереве, духом и даже иным Буддой; в каждой из таких ипостасей Будда («Пробужденный») называется Бодхисаттой («существом, стремящимся к пробуждению»). В отличие от

всеведущего и всепонимающего Будды, Бодхисатты ограничены в своих способностях и возможностях, но они неизменно являются неким нравственным эталоном. Любо́й Бодхисатта — идеал в ряду подобных же существ: так, если он лев, то образцовый царь зверей, по справедливости управляющий своими подданными, если рыба — то добродетельная, готовая ради спасения других рыб отправиться в сети к рыбакам; если человек — то праведный, не останавливающийся перед тем, чтобы накормить собой умирающего с голода отца. «Религиозная проповедь,— писал наш замечательный ученый академик С. Ф. Ольденбург (1863—1934),— обращается к двоякого рода слушателям: одним нужно религиозно-философское выражение для смутных, бродящих в их душах обрывков мировоззрения,— для них стройная система догматов... другим нужен непосредственный ответ, зачем жить,— для них трогательная легенда». В буддийских монастырях, где простые монахи под руководством своих наставников — тхер изучали основные принципы веры, разрабатывалась как раз «система догматов»; суетный же «мир», который кормил и поил монашескую общину, в «догматах» не нуждался, ему требовались практические советы: как поступать в трудном положении, как избавиться от горькой нужды и вкусить сладость довольства, как обрести счастье, как жить, к чему стремиться. Проблемы эти извечные, не буддизмом поставленные и не им разрешавшиеся: ставил их народ, сам всегда и находивший правильные решения. Художественное свидетельство этому — живая и необыкновенно мощная индийская фольклорная традиция, традиция сказочно-басенная, если вопрос стоит: «как?», и традиция мифологическая, если вопрос стоит: «что?». Буддизм только воспользовался этой традицией, направив неиссякающий поток народного творчества в русло дидактики и моральной проповеди и предопределив, таким образом, появление джатаки как причудливого литературного гибрида басни, сказки или мифа с параболой, с правоучительной сентенцией, с притчей. Породившая сказочно-басенно-мифологические сюжеты народная среда не могла не внести весьма характерных изменений в систему религиозно-нравственных принципов, утверждавшихся гипотетическими редакторами джатак.

В результате собственно религиозные привнесения в джатаки оказались на периферии, а на первый план выдвинулись фольклорные темы и мотивы, корнями восходящие зачастую к весьма отдаленным временам первобытной магии, тотемизма и шаманства, плохо совмещающиеся с догматами буддизма. Вот почему, например, «добродетельный Бодхисатта» не останавливается перед тем, чтобы пустить в ход кулаки для «вразумления» провинившегося, или променять «святую» жизнь подвижника на сладость плотских утех; почтенный Сагата («Джатака о пьянстве»), обязанный служить нравственным примером для мирян и новообращенных монахов, может упиться до потери сознания и выказать неуважение к старшим, а «преданный дхамме» царь ради сомнительных преимуществ выигрыша в азартной игре приносит в жертву честь жреца и поощряет прелюбодеяние («Джатака об одураченном»).

Фольклорная основа «Джатак» явственно проявляется и в вопросе о воздаянии. Рядовых слушателей, видимо, не удовлетворяли концовки, вроде «пополнил сонм богов», «возродился в мире Брахмы» и т. п.: требовалась вполне осязаемая, материальная награда за достойное поведение. Поэтому воплощающий в себе нравственные заповеди Бодхисатта пожинает урожай не только моральных поощрений, но и вполне земных благ: завладевает кладом, не имеющим хозяина, подбирает брошенные разбойниками сокровища, принимает богатые дары от благодарных жителей, становится царем и т. д. Следование нравственным заветам, таким образом, оказывается и весьма выгодным делом. В «Джатаке о ведаббхе», например, громкие сетования Бодхисатты по поводу губительного воздействия денег на неразумных людей вовсе не мешают ему в конце концов прибрать к рукам не принадлежащее ему богатство. В «Джатаке об истине» Бодхисатта тоже без особых сомнений принимает от друзей предлагаемые ему ценности. Нередко моральные наставления Бодхисатт находятся в вопиющем противоречии с их поступками. Временами складывается впечатление, что единственная заповедь, которой они руководствуются,— это урок, преподанный хитроумным индийским политиком Каутильей: цель оправдывает средства.

Разумеется, редакторы и составители «Джатак» не могли не замечать грубых швов в художественной ткани произведения: напомним, что, при всей народности «Джатак», последние — все-таки не фольклор, но литература, жанр которой мог бы — весьма условно — быть определен как орнаментированная притча. Эстетика «Джатак», однако, вполне согласована с вероучением, которое ставило своей целью привести своих приверженцев к «спасению» — нирване, или, по-палийски, ниббане. Соответственно, допускалось использование любых приемов и средств художественного воздействия, в том числе — и заимствованных из арсенала иных вероучений или из бездонной кладовой народного опыта. Весьма симптоматична, например, реакция Учителя — Будды на сообщения о том, что некоторые монахи — бхиккху расхаживают повсюду в деревянных сандалиях, давя живые существа и развлекая народ пустыми баснями (история, прокомментированная выдающимся русским исследователем «Джатак» И. П. Минаевым): Учитель запретил своим приверженцам пользоваться деревянной обувью и нарушать покой тварей земных, но никак не высказался по поводу «пустых басен». Подобная терпимость вполне соотносилась с разработанной философами концепцией «срединности», которая, говоря обобщенно, состояла в том, чтобы избегать по возможности любых крайностей, любой однобокости, не отказываться от любых достижений человеческой мысли и культуры в целом, следуя старинному принципу: «Все реки текут к единому Океану». Позволительно поэтому высказать предположение, что редакторы «Джатак» замечали противоречия внутри джатак, но мирились с ними, проявляя свойственную буддизму терпимость, поскольку нуждались в поддержке народа, никогда не удовлетворившегося бы одним сухим морализаторством и образцовой добродетельностью Бодхисатт. Вместе с тем следует принимать во внимание и различия в критериях и оценках, свойственных той, весьма далекой от нас, эпохе: то, что представляется нам противоречивым, могло восприниматься иначе не только создателями, но и читателями, слушателями «Джатак».

Возникает, однако, вопрос, какие конкретно лица могли быть гипотетическими редакторами «Джатак».

К сожалению, мы этого не знаем. Традиция, все еще живая на Шри-Ланке, приписывает авторство «Джатак» знаменитому древнему схоласту, переводчику и комментатору Буддхагхоше, однако наука давно с неопровержимостью доказала, что «Джатаки» уже существовали в качестве текста (авторского или безавторского), по крайней мере, за полтысячелетия до рождения Буддхагхоши. Предположительное время оформления фольклорных по своему происхождению рассказов в единый цикл сказаний о подвигах Бодхисатт — V—IV вв. до н. э., хотя сюжеты, которые легли в основу этих «протоджатак», по-видимому, бытовали в народной среде уже в начале первого тысячелетия до нашей эры или даже ранее. В дальнейшем джатаки неоднократно подвергались литературной обработке и редактированию, возвращались в народную среду, заново перекомпоновывались и редактировались и, наконец, на рубеже старой и новой эры, были записаны на древнесингальском языке и включены во вторую часть цейлонского (тхеравадинского) Канона — «Корзину изречений» («Суттапитаку»). В 430 г. н. э. ученый монах Буддхагхоша осуществил перевод (или, быть может, переложение) древнесингальского текста «Джатак» на пали, к тому времени уже сделавшийся официальным языком буддийской учености. В последующие века оригинал был утерян, и до нашего времени дошел только палийский свод «Джатак», представленный 547-ю текстами и имеющий несколько рукописных версий, различающихся лишь малозначительными деталями. Судя по тому, что место действия почти всех джатак связано с Восточной Индией, а точнее — с Магадхой (современный Бихар), и на основании того, что область первоначального распространения среднеиндийских диалектов, послуживших основой литературного языка пали, находилась приблизительно в том же районе (или несколько западнее), можно думать, что истоки большинства соответствующих фольклорных сюжетов здесь и следует искать. Помимо южного, цейлонского, пути миграции древних народных сюжетов, существовал и северный, связанный со школами «большой колесницы» буддизма. Так, известен санскритский памятник V—VI вв. н. э. «Гирлянда джатак», приписываемый Арья

Шуре;¹ свои версии «Джатак» содержат также тибетский и монгольский буддийские Каноны. Таким образом, с распространением буддизма как религиозно-философского учения в сопредельные страны Азии направились и усвоенные им литературные произведения, в частности, «Джатаки». Сюжеты джатак очень скоро сделались излюбленными и вызвали к жизни многочисленные подражания, разработки и комментарии по всей Азии: в Тибете, Монголии, Китае, Южной и Юго-Восточной (включая некоторые районы Индонезии) Азии, на Дальнем Востоке и в Японии; они проникли даже в христианские и мусульманские литературные памятники Европы, Ближнего и Среднего Востока; наконец, уже в новейшее время тематика джатак стала привлекать внимание и некоторых писателей Америки (Сэлинджера, Керуака и других).

Многие из использованных в «Джатаках» мотивов восходят к очень отдаленной эпохе, ко времени первых контактов переселенцев-ариев с исконным населением Индостана. Таков, например, встречающийся еще в гимнах Ригведы и воспроизведенный и в «Джатаках» рассказ о борьбе богов с демонами — асурами («Джатака о гнездах»). Другая, чрезвычайно популярная в Древней Индии история отвергнутой жены и мотив восстановленной со временем справедливости нашли свое продолжение в истории Шакунталы, героини одноименной драмы Калидасы. Одной из древнейших версий считается соответствующий вставной эпизод из «Махабхараты»: царь, соблазнив посулами Шакунталу, позже отказывается признать своим незаконнорожденного сына, и только боязнь общественного порицания вынуждает его в конце концов сделать это. В пьесе Калидасы Шакунтала — главная героиня, и весь акцент перенесен на любовно-лирическую тему. Палийская «Джатака о сборщице топлива» на тот же древний сюжет предлагает нам версию, которая, видимо, восходит к источнику гораздо более архаичному, нежели «Махабхарата»: речь идет о вечно острой для Индии проблеме брачных отношений

¹ См.: Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Перевод с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой, М., Изд-во восточной литературы, 1962.

и наследования в условиях социального неравноправия супругов и о попытке решить ее посредством ритуально-магической в своей основе практики «божьего суда». В палийской истории царь соблазняет не женщину высокого положения (как в эпосе или у Калидасы), но простую поденщицу, которой он не дает никаких обещаний, кроме одного-единственного, — позаботиться о будущем сыне (если родится сын), но потом отказывается и от сына по причинам, очевидным читателю (в других версиях той же истории социальная подоплека действия царя остается невыявленной): дитя, рожденное любовниками из разных сословий (вари), не могло быть включено в социальную структуру иначе как через процедуру «божьего суда», к которой и прибегает отчаявшаяся мать. Последующие сцены благополучного спасения младенца и «умилительного» обращения царя-злодея равно обусловлены и чисто фольклористическим стремлением к «хорошему концу», и навязанной буддизмом дидактикой; основная же линия, восходящая к весьма архаичным представлениям, необыкновенно интересна с точки зрения исторической фольклористики и истории вообще. Другая, весьма важная и для историка, и для литературоведа тема эволюции общественного сознания в Древней Индии также не может быть в полной мере раскрыта без учета материала, предлагаемого «Джатаками»; особенно интересен в этой связи симбиоз идеологических установок, характерных для эпохи достаточно развитой государственности, с представлениями, восходящими к первобытной магии и анимизму. Хотя в «Джатаках» неоднократно порицается вера в сверхъестественное, знаменья, приметы, именную и числовую символику, герои тем не менее нередко выступают, по существу, носителями внешне отвергаемых качеств и занятий: предсказывают, волхвуют, с помощью магии «извлекают» яд из тел укушенных змеями, вступают в дружественные отношения с духами, чудовищами, «нечистыми» животными; творят чудеса, пугая или, наоборот, восхищая окружающих.

«Джатаки» необыкновенно ценны в качестве исторического свидетельства жизни общества в столь отдаленные от нас времена: горожанин и житель глухой деревни, член царской семьи и отверженный, ремесленник и

знахарь, воин и купец, портной и плотник, профессиональный обольститель, куртизанка, ученый брахман, рыбак и многие-многие другие представители самых разных общественных слоев проходят перед нами в «Джатаках». Их характеры не даны в развитии и очерчены обычно схематично, скупыми средствами, как и положено в притче; общая картина общественной жизни, однако, оказывается достаточно полной и впечатляющей своим разнообразием и красочностью.

Говоря о собственно литературных достоинствах «Джатак», нельзя не отметить мягкого, ненавязчивого юмора, а порой и открытой иронии. Взять, например, монаха, любителя сытных блюд и роскошных одежд («Джатака о высшей дхамме»), или пронырливого настоятеля монастыря, заботящегося только о том, как бы поесть повкуснее и при этом не поделиться с ближним своим («Джатака о Лосаке»). Вряд ли читатель удержится от улыбки, читая о беседе двух ворон, сидящих на перекладине городских ворот и рассуждающих о том, следует ли «капнуть» на голову проходящего в ворота царского жреца. Народное, карнавальное начало присутствует в веселых сценках пьянства или обжорства монахов — здесь «Джатаки», пожалуй, не имеют аналогов в древнеиндийской литературе.

Тексты джатак весьма наглядно иллюстрируют принцип «срединности» не только в сфере содержания, но и в области композиции и формы. Композиция джатаки обычно трехчастна в соответствии с любимым в классической индийской литературе приемом обрамления: джатака начинается «рассказом о настоящем», в котором объясняются обстоятельства изложения Буддой соответствующей истории; далее следует основной текст — «рассказ о прошлом», точнее о прошлом существовании Будды в облике одного из Бодхисатт; в заключение действующие лица зачина отождествляются с героями основного текста, и повторяется моральная сентенция, выражавшаяся еще в зачине. В различных джатаках каждая из трех частей может нести разную содержательную и формальную нагрузку; кроме того, все три части могут включать в свой состав вводные эпизоды, а также и другие трехчастные джатаки, ранее самостоятельные. Все джатаки состоят из стихов и прозы; при этом начало

прозаического зачина включает полное или частичное повторение первой строки стиха, рассматриваемого как квинтэссенция всей джатаки: подобный прием, несомненно, облегчал рассказчикам запоминание джатак, которые, даже после их записи, гораздо чаще рассказывались, чем читались. Цейлонская традиция считала изначальным текст стихов, прозаическая же часть рассматривалась как позднейший комментарий. В соответствии с этим представлением «Джатаки» объединялись в сборники — нипаты: в первую нипату включены сто пятьдесят джатак, содержащих по одному стиху, во вторую — сто джатак с двумя стихами и т. д. — вплоть до двадцать второй нипаты. До некоторой степени такой способ группировки оправдан, поскольку, как давно установили лингвисты, язык стихов — особенно с точки зрения лексики и грамматики — более архаичен, чем язык прозы. Литературоведческий же анализ показывает, что в большинстве джатак стихотворная и прозаическая части слабо соотносены друг с другом и стилистически, и по содержанию. Кроме того, некоторые стихи не принадлежат исключительно джатакам, но обнаруживаются — иногда в несколько измененной форме — и в других частях Канона (в частности, в известном стихотворном сборнике «Дхаммапада»), а также и в неканонических произведениях буддийской литературы. Стихи в «Джатаках» произносят (точнее поют) Бодхисатты, поэтому они встречаются чаще всего в «рассказе о прошлом»; иногда их поет сам Будда, и в этом случае их, как правило, помещают в заключительную часть, хотя иногда стихотворные вставки попадают и в основной текст. Все это недвусмысленно указывает на то, что объединение стихов и прозы в «Джатаках» является условным приемом, результатом поздней редакторской обработки и искусственного совмещения двух стилистически разнородных, разновременных и, возможно, даже восходящих к разным диалектам текстов, существовавших когда-то независимо.

Прозаическая часть любой джатаки призвана иллюстрировать движение от безверия или недостаточной веры к состоянию нравственного совершенства или идеальной веры, воплощающейся в Бодхисатте, который в любом положении находит правильный путь, верующе-

му же остается только брать с него пример, неукоснительно соблюдать моральные заповеди, уповая на вознаграждение в этом или последующем рожденьях. С концом очередного своего жизненного пути Бодхисатта обычно пополяет сонм божеств или же становится арахатом — буддийским святым, который рождается в последний раз, зная, что ему уже уготована ниббана. Эта общая схема накладывается на движение фольклорного (сказочного) сюжета. События группируются обычно вокруг одного или двух действующих лиц (праведного или погрязшего в скверне). Всякий «рассказ о прошлом» предваряется зачином — чаще всего фразой: «Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта...» «Рассказ о настоящем» обычно начинается с указания на место: действие разворачивается в монастырях Джетаваны или Велаваны либо в городках Саваттхи, Весали, Капилаватху, Раджагаха, Варанаси (Бенарес) и некоторых других — почти все они расположены в Восточной Индии, точнее на севере современного Бихара. В «рассказе о настоящем» Учитель — Будда намеками и недомолвками в какой-то мере подогревает интерес слушателей, затем удовлетворяет их любопытство, излагая «историю о прошлом». В самом же конце он отождествляет героев прошлого с действующими лицами настоящего. Себя самого он соотносит с Бодхисаттой, того же, кто отклонился от пути праведного, с отрицательным или «пострадавшим» персонажем.

Если проза «Джатак» — главным образом обработка фольклорных сюжетов, то стихи, весьма вероятно, — авторского происхождения, хотя, возможно, они никогда не существовали как целостные произведения и даже не входили в одну антологию. Заметим в этой связи, что палийская литература восприняла распространенную во всей древнеиндийской культуре традицию безавторства или псевдоавторства. Тогдашние читатели (чаще — слушатели) в разительном контрасте с критериями привычной нам эстетики ценили не оригинальность вещи или манеры исполнения, а, напротив, умение всем известными средствами выразить всем известные «вечные истины». Стихи «Джатак», соответствуя этим эстетическим стандартам, не принадлежат к шедеврам древне-

индийской поэзии; их ритмическая и метрическая монотонность, суховатость языка, скудость образных и выразительных средств и, самое главное, назойливость дидактического морализаторства свидетельствуют, по всей видимости, о том, что их автор (авторы?), в отличие от большинства своих собратьев — поэтов, творил не в роскошных чертогах вельможи-покровителя, но в полутьме монастырской кельи. Весьма вероятно, что автор стихов (или части стихов) не был и буддистом, а исповедовал иную религию — во всяком случае, многие стихи естественно «вписываются» в традиционную, брахманистскую по духу, поэзию на санскрите, в частности, напоминают стихотворные вставки и резюме из «Панчатантры» или «Хитопадеша».

Отмечая богатство художественных приемов, используемых в «Джатаках», — а в них имеется все, чему положено быть в литературном произведении: занимательность сюжетов, отточенность стиля, разнообразие мотивов, выпуклость образов, четкая обрисовка действующих лиц и многое другое, — нельзя не упомянуть об отшлифованности и лаконизме их языка. Изощренность и претенциозная вычурность, столь обычные для санскритской литературы, «Джатакам» совершенно не свойственны. Язык их строг и даже суховат, для него не характерны столь обычные в санскрите затянутые периоды и длинные сложные слова, и преобладают типичные для разговорной речи конструкции с причастными и деепричастными оборотами. Лишь один пример — «Джатака о рыбе» содержится и в палийском своде, и в санскритской «Гирлянде джатак» Арья Шуры; сюжет обеих джатак одинаков, действующие лица — одни и те же, но словесная цветистость позднего санскритского текста резко отлична от благородной простоты и сдержанности палийского оригинала. Вот описание засухи в санскритской джатаке: «И вот однажды, по недостатку ль счастья живых тварей или же по невнимательности божеств, которым поручено следить за дождями, вовремя не начались дожди. И от недостатка дождя пруд не наполнился, как раньше, свежую водой, желтоватой от пылицы распустившихся цветов кадамбы. Постепенно подошло знойное время года, и пруд, из которого, словно томясь от жажды, пили ежедневно и жадно, как будто

измученные усталостью, и знойные лучи солнца, и изнуренная ими земля, и горячий ветер, жаждавший освежиться,— обратился в болото»¹. А вот сколь просто, без какой бы то ни было витиеватости, почти «протокольным» языком характеризуется та же ситуация в палийской «Джатаке о рыбе»: «Случилось так, что в царстве Косалы бог не хотел давать дождя, и все посевы погибли, и везде пересохли пруды, водоемы и озера. Даже пруд, что был неподалеку от главных ворот Джетаваны, обмелел, и все рыбы и черепахи зарылись глубоко во влажный ил».

Но, если лишенная стилистических «завитушек» чеканно-четкая первозданность палийской прозы, на наш взгляд, предпочтительнее любых, даже самых изысканных, красотей санскритского памятника, то для поэтических строф в обоих текстах верно обратное: изысканность формы, ритмическое разнообразие и сложная образность санскритских стихов не идет ни в какое сравнение с невыразительными и однообразными стихотворными проповедями палийских «Джатак». Сравним хотя бы стихотворное обращение Бодхисатты к богу дождя, заключающее обе версии все той же «Джатаки о рыбе». Вот прекрасные строфы санскритского текста: «Греми, Парджанья, ты раскатисто и глухо и прогони веселье, радость птиц; дождем пролей ты воды, жемчугу подобные, в которых отражаются своим пылающим сияньем молнии!»² И вот контрастирующее с этой радостной, полной жизни поэзией унылое менторство палийского Бодхисатты, поучающего повелителя богов, «как наставник ученика»: «Грозой налети, о Паджджунна! Наполни иссохнувший пруд! // Меня исцели от мучений, к воронам суров будь и крут!» Из этого краткого сопоставления, между прочим, должно быть ясно, что палийские джатаки, будучи памятником мировой литературы, ценны прежде всего прозой; поэтическая же линия в них представляет лишь побочный интерес для читателя. Это и предопределило принципы отбора: в настоящее издание включены только джатаки первой

¹ «Гирлянда джатак», с. 149.

² «Гирлянда джатак», с. 151.

книги — нипаты, содержащие минимальное количество стихов.

В целом стиль палийских джатак предельно прост. В нем нет обычных в санскритской литературе развернутых метафор, поэтических аллегорий, смысловых украшений и аллитераций; поступки персонажей, как правило, достаточно мотивированы; сюжет развивается прямолинейно, без многочисленных отступлений и вводных эпизодов; «лирические подробности» редки, а поэзия невыразительна, приемы звукописи используются крайне редко. Притягательность «Джатак» кроется в сопряжении графически четкой безыскусной формы с удивительно разнообразным содержанием, почерпнутым из бездонной сокровищницы народного опыта и потому имеющим непреходящую и универсальную значимость. «Джатаки» — поистине энциклопедия жизни древнеиндийского общества. Это вечный родник мудрости, к которому до сих пор припадает и ученый, и художник, и всякий желающий. Простота и ясность формы, глубина содержания, проповедническая страстность и эмоциональная приподнятость, скрытые под покровом сдержанности, — все это, вместе взятое, и предопределило популярность «Джатак» и в Индии, и в иных странах. Сюжеты «Джатак» породили бесчисленное множество подражаний, переводов и пересказов на других языках, воплотились в скульптуре, живописи, архитектуре; они повторяются в разнообразных в жанровом отношении произведениях древней, средневековой, новой и новейшей литературы Индии. Разумеется, в большинстве случаев трудно определить, идет ли речь о прямых заимствованиях из «Джатак» или же о наличии источника, общего для всех индийских литератур и берущего начало в бездонном океане устного народного творчества, но важно, что через сюжеты джатак связываются в единую и непрерывную традицию различные литературы Индостана и даже литературы сопредельных стран Азии.

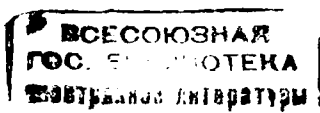
Таким образом, не правоучительными сентенциями (хотя и полезными) и не одними лишь художественными достоинствами (хотя и несомненными) ценны «Джатаки»: они дороги нам как одна из первых попыток литературной обработки архаичного фольклорного материала, как подвергшееся своеобразной интерпретации

собрание народных легенд и сказаний, как памятник одной из древнейших человеческих цивилизаций, как источник непреходящей мудрости, как исторический документ о жизни общества в Индии в древние времена, как волнующее повествование о пережитом «детстве человечества».

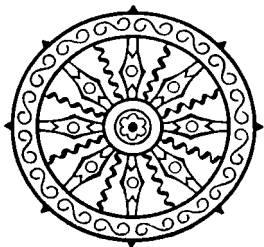
В России одним из первых исследователей палийских «Джатак» был И. П. Минаев (1840—1890); его перу принадлежат и прекрасные литературные переводы нескольких джатак на русский язык, разбросанные по специальным изданиям прошлого века и ставшие к настоящему времени библиографической редкостью. Еще около трех десятков джатак перевела в недавнее время с пали на русский язык В. В. Вертоградова (сб.: «Повести, сказки, притчи Древней Индии». М., 1964; «Поэзия и проза Древнего Востока». М., 1973). Предлагаемый перевод почти не содержит текстов, ранее переводившихся другими авторами. Он опирается на первый том критического издания палийских джатак, подготовленного В. Фаусбеллем, который придерживался традиционной классификации «Джатак» на нипаты (см. выше); наиболее интересные джатаки первой нипаты, как максимально последовательно соответствующей прозаической линии в «Джатаках», и представлены здесь.

К сожалению, это лишь небольшая часть огромной массы «Джатак». Однако и того, что уже переведено, достаточно, чтобы судить о замечательных достоинствах этих удивительно емких притч-рассказов, которым суждено было сыграть важную роль в развитии мировой литературы.

Б. Захарьин

Джаман

Джатака о пустыне (2)

Словами: «Пустыни плоть усердно рассекая...» — Всеблагой — он жил тогда в Саваттхи — начал свое наставление в дхамме. Заговорил же он об одном непочтительном бхиккху.

Когда Татхэгата жил в Саваттхи, в рошу Джэтану явился некий юноша из почтенного семейства. Внимая урокам Учителя, толковавшего дхамму, он очистился сердцем, постиг, что скверна — источник всех страстей, и стал монахом. За пять лет монашества, перед посвящением в высший сан, юноша глубоко изучил оба свода Законов и преуспел в созерцании. С помощью Учителя он вступил на избранный им самим путь сосредоточенного размышления. Отправясь в лес, юноша провел там три месяца, время дождей, однако так и не сумел ни обрести мгновенного озарения, ни достичь необходимой силы сосредоточения. И подумал тогда он: «Учитель говорил о четырех разрядах людей. Я, следует полагать, отношусь к последнему, к тем, кому открыта лишь сторона внешняя. Оттого, видимо, в этом моем существовании нет мне Пути и нет Плода. Какой же толк в моем отшельничестве? Не лучше ли мне отправиться к Учителю? Будучи подле него, я смогу радовать свой взор зримой красотой тела Пробужденного и услаждать слух его наставлениями в дхамме». Порешив так, юноша воротился в Джетавану, и сказали ему тогда другие ученики: «О достойный! Учитель благословил тебя на путь сосредоточенного размышления, однако, повинувшись правилам скитальческой жизни, ты покинул

обитель. Ныне же, воротясь, ты наслаждаешься общением с ним. Неужто же ты преуспел в своем подвиге и стал арахатом, избавившимся от перерождений?» Юноша ответил им: «О достойные! Нет мне в этом существовании ни Пути, ни Плода. Отчаявшись достигнуть вершины подвижничества, я ослабел в усердии своем и поэтому воротился к вам». «Неподобающее ты содеял, о почтенный,— сказали ему монахи. — Выслушал поучения стойкого во всех своих помыслах и деяниях Учителя, а сам явил недостаточное усердие». И они решили отвести его к Татхагате.

Все вместе они отправились к Учителю, который спросил их: «Чем провинился этот бхиккху, братия? Ведь вы привели его сюда против его воли». «Почтенный, этот бхиккху принял обет монашества, следуя справедливейшему из всех учений,— ответили монахи,— но, вкусив от праведной скитальческой жизни, ослаб в усердии и воротился в обитель». Учитель обратился к юноше: «Верно ли, что ты, бхиккху, оказался недостаточно усерден?» «Верно, почтенный»,— подтвердил монах. «Как же ты, бхиккху,— молвил тогда Учитель,— стал монахом, преданным столь замечательному учению, а сам не выказал умения довольствоваться малым, черпать удовлетворение и радость в скитальческой жизни и к тому же еще явил недостаток усердия? А ведь прежде ты был тверд в мыслях и деяниях своих. Не единственно ли твоими усилиями была добыта влага в пустыне и напоены скот и люди? Отчего же ты ослаб в усердии?»

От этих слов Учителя бхиккху приободрился и воспрянул духом. Все монахи принялись тогда упрашивать Достославного: «Почтенный, нам известно только, что этот бхиккху явил недостаточное усердие, но что в прежнем его существовании единственно благодаря его усилиям напоены были люди и скот в пустыне — это ведомо одному лишь тебе, о Всезнающий. Приобщи же и нас к тому, что тебе известно». «Хорошо, братья, слушайте»,— сказал им Учитель и, поведав монахам о случившемся, открыл

смысл события, происшедшего в прежней жизни и поэтому утраченного их памятью.

«Во времена былые, когда на престоле царства Кáси, в его столице Бенаресе, восседал Брахмадатта, Бóдхисáтта родился в семье старшины торговцев. Когда он вырос, то и сам стал старшиной торгового обоза и начал ездить по стране с пятью сотнями повозок. Однажды судьба завела их обоз в пустыню протяжением в целых шестьдесят йоджан. Песок в этой пустыне был столь мелок, что его невозможно было удержать в горсти, с восходом же солнца он раскалялся и, подобно пылающим углям, обжигал ступни путников. Поэтому обозы, которые везли топливо, масло, рис и прочие припасы, обычно передвигались только по ночам. На рассвете же повозки ставили в круг, торговцы и их слуги сооружали навес и, наспех перекусив, проводили остаток дня в тени. На закате они ужинали и, дождавшись, пока земля остынет, закладывали повозки и снова выступали в путь. Передвижение их было подобно странствию по морским волнам. Среди них был человек, которого называли «кормчим пустыни». Зная расположение планет, он выбирал путь для обоза. Таким же способом решил переправиться через пустыню и сын торгового старшины.

Когда его обоз прошел шестьдесят без одной йоджан, сын старшины подумал, что конец пути близок, и повелел выбросить после ужина все оставшееся топливо и вылить всю оставшуюся воду. Заложив повозки, они выступили в путь. Кормчий ехал в передней повозке, на удобном сиденье, и направлял обоз по звездам. В конце концов его сморил сон, и он не заметил, как быки повернули вспять. Пробудился кормчий перед самым рассветом и, едва взглянув на небо, возопил: «Поворачивайте! Поворачивайте повозки!» Тем временем взошло солнце. Люди увидели, что они вернулись на прежнюю стоянку, и принялись горестно восклицать: «У нас не осталось ни воды, ни топлива, все мы теперь погибнем». Они поставили повозки в круг, выпрягли быков и возвели навес. Затем все залезли под повозки, где и лежали, предаваясь отчаянию. «Если и я

ослабну в усердии, все погибнут», — подумал Бодхисатта. Время было еще раннее, стояла прохлада, и он бродил по пустыне, пока не увидел места, поросшего травой и кустарником. Решив, что там должна быть вода, он велел принести заступ и рыть землю. На глубине в шесть десятков локтей копавшие натолкнулись на камень и тотчас же прекратили работу. Бодхисатта угадал, что под камнем должна быть вода, спустился в выкопанный колодец и приложил ухо к камню. Услышав журчание, Бодхисатта поднялся наверх и сказал самому младшему в караване: «Друг мой, если и ты не будешь тверд в усердии, все мы погибнем. Яви же упорство, возьми это железное рубило, спустись в колодец и что есть мочи бей по камню».

Вняв речам Бодхисатты, юноша исполнился усердия. Все стояли с опущенными руками, лишь он один спустился в колодец и принялся долбить камень. Камень под его ударами треснул, и сквозь трещину устремилась вверх струя воды высотой с пальму. Все вдосталь напились и омыли тела свои. Затем, изрубив для костра запасные тележные оси, упряжь и всякое избыточное снаряжение, сварили рис, насытились сами и накормили быков. Когда же солнце зашло, они привязали близ колодца кусок ткани и направились в ту сторону, куда им было надобно. Там они продали свои товары, выручив вдвое и вчетверо против того, что было уплачено, и разошлись по домам. С истечением же отпущенного срока каждый из торговцев окончил свой жизненный путь и перешел в иное рождение в соответствии с накопленными заслугами. Такова же была и судьба Бодхисатты, который прожил жизнь, раздавая милостыню и совершая другие добрые поступки».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Просветленный — теперь уже он был и Пробужденным — спел такой стих:

Пустыни плоть усердно рассекая,
искатель обретает в недрах влагу,—
Так и святой, исполненный усердья,
покой души пусть обретет ко благу.

Разъясняя смысл своего рассказа, Учитель открыл слушателям четыре благородные истины, которые помогли бхиккху, ослабшему в усердии, утвердиться в арахатстве.

Поведав обо всем и слив воедино стих и прозу, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Юношей, который благодаря своему усердию расколол камень и напоил народ, был этот бхиккху, выказавший ныне недостаток усердия, торговцами были ученики Пробужденного, сыном же торгового старшины — я сам».

Джатака о высшей дхамме (6)

Словами: «Лишь мудрецы, отбросившие скверну...» — Всеблагодой он жил тогда в роще Джетаване — начал свой рассказ об одном многоимущем бхиккху.

Некий саваттхийский мирянин, овдовев, решил стать монахом. Вступая на стезю монашества, бхиккху этот велел приготовить для себя отдельную келью и еще одну потеплее, а также кладовую, распорядился наполнить эту кладовую топленным маслом, рисом и прочими припасами и только после этого принял монашеский сан. Но и став бхиккху, сохранил он обыкновение посылать за слугами, дабы готовили они пищу для услаждения его чрева. И все, чего у других монахов было мало, имелось у него в изобилии: спал он в одной одежде, днем надевал другую. И хоть был он простым бхиккху, жил он в некотором отдалении от всех. Однажды он разложил в своей келье для просушки одежды, покрывала и другие вещи. И зашла вдруг к нему толпа деревенских бхиккху, странствующих от обители к обители. «Чьи это вещи?» — спросили они, увидев одежды. «Мои, почтенные», — ответил им бхиккху. «Как, почтенный, и это одеяние, и это исподнее, и покрывало — твои?» — удивились монахи. «Мои, а то чьи же?» — ответил бхиккху. «Но, почтенный, — вскричали они, — Всеблагодой позволяет иметь лишь

три смены одежды. Как же ты, отринув мир ради вероучения Будды, столь скромного в своих желаниях, живешь в таком изобилии?» И, говоря между собой: «Надо отвести его к Наделенному десятью совершенствами», — повлекли монаха к Учителю.

«Зачем, о братия, вы привели ко мне силой этого бхиккху?» — спросил Учитель. «Почтенный, этот бхиккху корыстолюбив и многоимуш», — ответили монахи. «Правда ли, что ты многоимуш?» — спросил бхиккху Учитель. «Правда, почтенный», — подтвердил монах. «Отчего же ты, бхиккху, корыстолюбив? — молвил Учитель. — Не толковал ли я всем вам о том, как светла участь праведника, скромного в желаниях, довольствующегося малым, обладающего и всеми другими добродетелями, не я ли толковал вам о том, что необходимо жить в уединении и быть стойким в усердии?» При этих словах монах, обозлясь, вскричал. «Все стащу с себя», — сорвал верхние одежды и остался при всех в одном исподнем.

Учитель, желая ободрить его и укрепить на избранном им пути, проговорил: «Не ты ли, о бхиккху, в прежнем своем существовании жил в скромности и в страхе перед скверной? А ведь ты целых двенадцать лет был ракшасом, стерегущим воды, и даже, будучи ракшасом, оставался скромным и праведным. Так отчего же ныне, став на путь столь великого учения Будды, ты срываешь при людях одежды? Где же подобающая скромность и страх перед скверной?» Вняв словам Учителя, монах утвердился в праведности. Он снова надел верхние одежды, почтительно склонился перед Учителем и сел поодаль. Все бхиккху подступили к Учителю, прося раскрыть смысл сказанного, и Достославный разъяснил им суть случившегося и открыл смысл события, происшедшего в прежней жизни и утраченного поэтому их памятью.

«Во времена минувшие на троне царства Каси, в его столице Бенаресе, восседал Брахмадатта, Бодхисатта же явился на свет из лона старшей жены царя и в день наречения назван был Махимсасой — «Учителем мира». К тому времени, когда ребенок

мог уже гулять и бегать, у царя родился еще один сын, которого называли Чандой — «Месяцем». Когда же и Чанда научился ходить, мать Бодхисатты умерла. Царь взял себе другую старшую жену, которую полюбил всем сердцем. Жили они в любви и согласии, и в скором времени у них родился сын. Ему дали имя Сурья — «Солнце». На радостях царь сказал жене: «Дорогая, скажи, чего ты хочешь, и я выполню любое твоё желание». Заручившись этим обещанием, царица решила не высказывать своего желания, пока не придет время.

Дождавшись, когда царевич вырастет, она обратилась к царю с такими словами: «О повелитель! В день рождения сына ты обещал исполнить любое мое желание — посади же моего сына на престол». «Не могу я посадить твоего сына на престол, — ответил ей царь. — Есть у меня еще два сына, сверкающие своими достоинствами, словно яркое пламя». Немного погодя царица повторила свою просьбу. Видя ее упорство, царь стал опасаться, как бы она не замыслила дурного против его детей. Он призвал к себе сыновей и сказал им: «Дорогие мои! В день, когда родился царевич Сурья, я обещал его матери исполнить любое ее желание. И вот она требует царство для своего сына. Я ей отказал, но, как известно, весь женский род исполнен зла, и она может замыслить против вас дурное. Ступайте, поживите в лесу. После моей кончины вы возвратитесь в город, искони принадлежащий нашему роду, и воссядете на царство». С горькими слезами царь облобызал сыновей, и они ушли.

Когда царевичи, простясь с отцом, покидали дворец, их увидел Сурья, игравший во дворе. Расспросив братьев, он решил пойти вместе с ними. И вот пришли они к горам Гималайским. Бодхисатта уселся под придорожным деревом и попросил Сурью: «Дорогой, тут рядом есть озеро. Сходи искупайся, напейся и принеси нам воды в лotosовых листьях». Озеро это, по велению Вэссавана, стерег некий ракшас, которому владыка богатств приказал: «Пожирай всех, кто погрузится в озеро, за исключением людей, постигших высшую дхамму. Тех же, кто на

берегу, не трогай!» С тех пор каждого, кто вступал в подвластные ему воды, ракшас спрашивал: постигли ли они высшую дхамму, и пожирал всех, кто обнаруживал свое невежество. Едва Сурья вступил в озеро, ракшас тотчас же схватил его и спросил: «Ведомо ли тебе высочайшее?» «Чанда и Сурья — Луна и Солнце — вот высочайшее», — ответил царевич. «Нет, не ведомо тебе высочайшее!» — вскричал ракшас и утащил его в свое подводное жилище.

Видя, что Сурья долго не возвращается, Бодхисатта послал на поиски Чанду. И того тоже схватил ракшас и стал спрашивать, ведомо ли ему высочайшее. «Конечно же! — ответил Чанда. — Это четыре стороны света». «Нет, не ведомо тебе высочайшее», — снова воскликнул ракшас и утащил его в свой подводный дом.

Видя, что и второй брат не возвращается, Бодхисатта заподозрил, что случилась беда, и отправился вслед за братьями. Увидев, что следы обоих уходят в воду, Бодхисатта догадался, что там обитает ракшас, обнажил меч, изготовил для боя лук и принялся терпеливо ждать. Ракшас, страж озера, понял, что Бодхисатта не собирается спускаться к воде, принял облик дровосека и подошел к Бодхисатте. «Прохожий, — заговорил он, — ты утомился в дороге, отчего же ты не спустишься к воде, не освежишь свое тело, не напьешься? Как легок показался бы тебе дальнейший путь, если бы ты отведал нежных побегов и луковиц лотоса и украсил себе чело его цветами». Бодхисатта с первого взгляда признал в дровосеке прислужника Вессаваны и спросил: «Не ты ли похитил моих братьев?» «Я», — ответил ракшас. «За что?» — вновь спросил Бодхисатта. «Каждый, кто заходит в озеро, — моя добыча», — сказал ракшас. «Без всяких исключений?» — молвил Бодхисатта. «За исключением тех, кто постиг высочайшее, остальные идут мне на пропитание», — ответил ракшас. «А надобно ли тебе знать высочайшее?» — продолжал спрашивать Бодхисатта. «Да, надобно», — подтвердил ракшас. «Хорошо, — сказал Бодхисатта, — я поведаю тебе о высочайшем». «Говори, я слушаю», — согласился ракшас.

«Я бы рад научить тебя высшей дхамме,— сказал тут Бодхисатта,— да не могу, ибо тело мое нечисто». Ракшас велел своим слугам искупать Бодхисатту, накормить-напоить его, увенчать его голову цветами, умастить его тело благовониями, а затем усадить гостя на возвышении под богато украшенным навесом. Бодхисатта уселся на ложе, усадил ракшаса в ноги и начал: «Внимай же с надлежащим тщанием — и ты узнаешь, что́ есть высочайшее». И он спел такой стих:

Лишь мудрецы, отбросившие скверну,
струят сиянье дхаммы в горнем свете;
Зовутся «Средоточьем высшей дхаммы»
везде святые праведники эти.

«Ты просветил меня, мудрейший,— сказал довольный ракшас,— и я отдам тебе одного из братьев, выбирай же которого». «Приведи младшего»,— ответил Бодхисатта. «О высокоумудрый! Ты постиг высочайшее,— молвил ракшас,— отчего же ты не следуешь в жизни велениям высочайшего?» «Почему ты так полагаешь?» — спросил Бодхисатта. «Потому, что ты предпочитаешь младшего, не выказывая надлежащего почтения старшему»,— ответил ракшас. «О ракшас,— рек тогда Бодхисатта,— мне не только ведомо высочайшее. Я и живу, следуя высшей дхамме. Из-за нашего младшего брата мы ведь и очутились здесь. Мачеха просила для него царства у нашего отца, а он отказался исполнить ее просьбу и, опасаясь, что она причинит нам зло, отослал нас в лес. Младший брат тоже ушел с нами. Если я вернусь и скажу, что его съел ракшас,— никто мне не поверит. Чтобы не навлечь на себя всеобщего осуждения, я и просил тебя привести именно его». «Превосходно, превосходно, о высокоумудрый! — вскричал ракшас. — Теперь я вижу, что ты и впрямь следуешь высшей дхамме». И просветленный душой ракшас, желая выказать Бодхисатте свое благоволение, привел к нему обоих братьев.

И сказал тогда ракшасу Бодхисатта: «В прошлых рожденьях ты совершил много дурных поступков. Поэтому ты и родился в облике кровососа-рак-

шаса. Но ты и ныне продолжаешь, на пагубу себе, творить зло, нет и не будет тебе спасения от мук чистилища и тому подобных мест, если ты не отринешь скверну, не станешь творить лишь добро!»

Так Бодхисатта сумел наставить прислужника Вессаваны на путь истинный. После этого, хранимый и оберегаемый ракшасом, Бодхисатта жил вместе с братьями в лесу до тех пор, пока, наблюдая за ходом планет, не узнал однажды о смерти своего отца. Все царики вместе с ракшасом отправились в Бенарес. Сам Бодхисатта воссел на престол, царевичу Чанде он пожаловал должность первого советника, а Сурью поставил над войском. Прислужнику же Вессаваны, ракшасу, он отвел дом в красивом месте и велел посылать ему прекраснейшие цветы, изысканнейшие яства и все, чего бы он ни потребовал. И, управляя страной в согласии с высшей дхаммой, Бодхисатта в положенный срок перешел в иное рождение в соответствии с накопленными заслугами».

Закончив свое поучение, Учитель приобщил всех, кто его слушал, к четырем благородным истинам, и, вняв его речам, бхиккху укрепился на благом Восьмеричном Пути. Поведав обо всем и слив воедино стих и прозу, Пробужденный истолковал джатаку и так связал перерождения: «Ракшасом, стражем вод, был в ту пору многоимущий бхиккху; царевичем Сурьей был Ананда, Чандой — Сарипутта; Махимсасой же, старшим из братьев-царевичей, — я сам».

Джатака о сборщице топлива (7)

Словами: «Я сын тебе, о государь» — Учитель — он жил тогда в роще Джетаване — начал свой рассказ о некоей кшатрийке по имени Васабха. Все подробности содержатся в джатаке о Бхаддасале из Двенадцатой книги; пока же достаточно знать, что Васабха появилась на свет от кшатрия Маханамы Сакки и шудры по имени Нагамунда и что со

временем она сделалась первой женой правителя Косалы и родила ему сына. Узнав о низком происхождении Васабхи, царь Косалы лишил ее высокого положения, а сына ее Видудабху — его законных прав. И матери и царевичу запрещено было покидать внутренние покои дворца.

Услышал про это Учитель и как-то поутру в сопровождении пятисот бхиккху явился в царский дворец и, усевшись на предложенное ему почетное место, обратился к государю с вопросом: «Великий царь, а где дочь кшатрия Васабха?» И рассказал тогда царь Учителю обо всем случившемся. «Государь, — спросил Учитель, — от кого рождена Васабха?» «От Маханами, высокопочтенный», — отвечал ему царь. «А кого выбрала она себе в мужья?» — снова спросил Учитель. «Меня, высокопочтенный», — сказал царь. «Знай, государь, — молвил Учитель, — Васабха зачата царем, стала царской супругой и от царя родила сына; отчего же сыну твоему не наследовать царство отца? Было же такое, что царь сочетался временным браком со сборщицей хвороста и после рождения сына провозгласил его наследником престола». Царь Косалы стал тогда просить Всеблагого поведать о прошлом, и Достославный раскрыл смысл события, происшедшего в прежней жизни и поэтому утраченного памятью царя.

«Во времена прошедшие правил в Бенаресе царь Брахмадатта. Однажды он со всей своей огромной свитой отправился в сад и бродил там, с увлечением собирая цветы и плоды. В одном из уголков увидал он девушку, которая, напевая, собирала хворост. И, устремясь к этой девушке всем сердцем, он завладел ею, — и в миг их соединения Бодхисатта был зачат в лоне этой девушки. И отяжелело ее чрево внезапно, будто пронзила его стрела громовая, и, зная, что понесла, молвила женщина: «Затяжелела я от тебя, господин мой!» Перед ее уходом царь дал ей перстень-печатку, и прежде чем отпустить, наказал: «Если родится девочка, продай перстень и расти ее на вырученные деньги; родится сын — возьми перстень и приходи ко мне вместе с мальчиком».

В положенный срок родила женщина Бодхисатту. И стал уж малыш гулять и бегать. Играя во дворе, услышал он от кого-то о себе: «Этот ублюдок ударил меня!» Бодхисатта побежал к матери и спросил ее: «Скажи, кто мой отец?» «Твой отец — царь бенаресский!» — ответила мать. «Можешь ты это доказать?» — снова спросил сын. «Расставаясь со мной, твой отец вручил мне этот перстень, сказав при том: «Если родится девочка — продай перстень и расти ее на вырученные деньги, родится сын — приходи ко мне вместе с сыном», — объяснила ему мать. «Если это правда, мама, — молвил Бодхисатта, — то отчего же ты не отведешь меня к отцу?»

Видя настойчивость сына, мать пошла вместе с ним к воротам дворца. Она попросила доложить о ней государю. Получив дозволение, она вошла внутрь и с подобающими почестями сказала царю: «Вот, господин, сын твой!» Царь, хотя и признал ее, устыдился, однако, и отказался: «Не мой это сын!» «Но вот, государь, твой перстень — его-то ты признаешь?» — упорствовала мать. «И перстень этот не мой!» — продолжал отпираться царь. Тогда женщина воскликнула: «Ну что ж, государь, у меня остался теперь единственный способ доказать истину: если ребенок этот и впрямь рожден от тебя, он сможет сидеть в воздухе, а нет — упадет на землю и разобьется». С этими словами она схватила Бодхисатту за ногу и подбросила его высоко вверх.

Бодхисатта уселся, скрестив ноги, в воздухе и, наставляя своего родителя в дхамме, нежным голосом спел такой стих:

Я сын тебе, о государь!
Высокомудрый властелин,
Храни других, но пуще всех
свое дитя: ведь я — твой сын!

Царь, внимая восседающему в воздушном пространстве Бодхисатте, который наставлял его в дхамме, простер к нему руки и вскричал: «Иди же ко мне, дорогой. Я буду холить тебя и лелеять, выращу и воспитаю тебя». Тысячи людей тоже протянули руки к Бодхисатте, но он ни к кому не пошел,

а спустился в объятия к царю, который провозгласил Бодхисатту своим наследником, а его мать — своей старшей женой. После смерти царя Бодхисатта воссел на престол и при помазании был наречен Каттхавáханой — «Носящим дрова». Он правил царством, следуя дхамме, и, когда пришел срок, перешел в иное рождение в соответствии с накопленными заслугами».

Учитель поведал эту поучительную историю царю Косалы и, соединяя прошлую жизнь с нынешней и сливая в единое целое стих и прозу, истолковал джатаку и так связал перерождения: «Матерью была Махámáйя, отцом — властитель Суддхóдана, царем же Каттхавáханой — я сам».

Джатака о Мáкхадéве (9)

Со слов: «Седеют волосы мои...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о Великом Отрешении (подробнее об этом повествуется в «Книге истоков»). А было это так: монахи, сидя в зале собраний, толковали о подвиге Всесовершенного и возносили ему хвалу, когда вдруг сам Учитель вошел в собрание чтящих дхамму и, воссев на то место, где всегда сидел Пробужденный, спросил у бхиккху: «О чем это вы, братия, беседуете?» «О чем же еще, высокопочтенный, как не о твоём отрешении, — ответили монахи, — воздаем тебе хвалу!» «О монахи, — сказал им на то Учитель, — не только ныне ведь Татхагата отрекся от мирских страстей, ему и прежде уже случалось отвергать мир страстей». Заслышав это, бхиккху подступили к Благословенному с просьбой поведать им о прошедшем, и Благословенный раскрыл им смысл давнего события, происшедшего в прошлой жизни и утраченного поэтому их памятью.

«Во времена былые на престоле царства Видéха, в его столице Митхилé, восседал царь Макхадева, преданный дхамме и правивший в соответствии с

дхаммой. Был он вначале царевичем, беспечно резвился, затем стал наследным принцем, наконец — властелином, и так прошло целых восемьдесят четыре тысячи лет. И всю свою долгую жизнь прожил царь, не нарушая заповедей добра. «Любезный, — однажды предупредил он своего брадобрея, — как только заметишь у меня седые волосы, тотчас же скажи мне об этом».

Прошло еще много лет, и вот однажды, увидав в черных как смоль волосах царя один-единственный седой волосок, брадобрей почтительно молвил: «О государь, у тебя появился седой волосок». «Выври его, любезный, и положи мне на ладонь!» — приказал царь. Повинуясь ему, брадобрей золотыми щипчиками вырвал седой волос и положил владыке на ладонь. Хотя знал царь, что до конца срока, отпущенного ему в этом рождении, оставалось еще восемьдесят четыре тысячи лет, едва только глянул он на седой волос, как сердце его наполнилось унынием и тоской. Почудилось ему, будто бы он заперт в хижине, охваченной пламенем, перед ним стоит сам царь Смерти и говорит ему: «Неразумный Макхадева! Вот уж и седина в твоих волосах, а ты так и не сумел разомкнуть объятия терзающих тебя страстей». И, чем дольше размышлял царь о своей седине, тем сильнее жгла его тоска, тем обильнее проступал пот на челе его, тем сильнее ощущал он тяжесть своего царского облачения.

«Нынче же покину мир суеты и начну жизнь скитальца-монаха», — решил царь. Он подарил брадобрею огромное поместье стоимостью в сотню тысяч золотых монет, а затем, обращаясь к старшему сыну, сказал: «Голова моя поседела, и сам я вижу, что стар. Досыта вкусил я утех земных, видно, пришло время для утех небесных: настала пора оставить суетный мир. Воссядь же на престол, а я, покинув дворец, удалюсь под сень манговой рощи и, живя там, буду следовать дхамме отшельника».

«Государь, — сказали советники, услышав о желании царя отринути мирскую жизнь, — что побуждает тебя уйти в отшельничество?» И, зажав в пальцах

седой волос, царь пропел советникам в ответ такой стих:

Седеют волосы мои, в чем вижу знамение времени:
По воле неба ухожу в бездомность от земного бремени!

И в тот же день царь отрекся от престола и сделался отшельником, чуждым всего мирского. Прожив остальные восемьдесят четыре тысячи лет в святой обители в манговой роще, он утвердился на пути сосредоточенного размышления и одолел четыре ступени восхождения. По завершении же земного срока он возродился в мире Брахмы, а затем — снова низвергся на землю, в ту же самую Митхилу, в облике царя по имени Ними. Возвысив свой хиреющий род, царь Ними в конце концов отринул мир, удалился в святую обитель в той же манговой роще и, взойдя по ступеням совершенств, вновь оказался в мире Брахмы.

Свое наставление в дхамме Учитель завершил словами: «Итак, монахи, Татхагата не впервые уже отвергает мир страстей!» И он снова открыл величие четырех благородных истин. И сделались тогда иные «вступившими в Поток», а иные — «возвращающимися единожды», иные же — «вовсе не возвращающимися». Тогда Благословенный, соединяя стих и прозу и прошлую жизнь с нынешней, истолковал джатаку и так связал перерождения: «Брадобреем в ту пору был Ананда, царевичем-наследником — Рахула, царем же Макхадевой — я сам».

Джатака об отмеченном удачей (11)

Словами: «Подателя добра и благ...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще, близ Раджагахи, — начал повествование о Дэвадátте. История Девадатты вплоть до появления Абхимáры излагается в джатаке о Кхáндахáле; о том, как Девадатта был смещен с казначейской должности, говорится в джатаке о Чúлла-хámсе; а про то, как Дева-

датту поглотила земля, поведано в Шестой книге, в джатаке о путешествии за море. В ту же пору, о которой речь, Девадатта представил на суд общины пять поправок к Уставу монашеской жизни и, не найдя в монахах сочувствия, оставил монастырь и вместе с пятьюстами последовавшими за ним бхиккху поселился в Га́йасисе. Узнав, что бхиккху созрели для постижения, Учитель призвал двоих своих лучших учеников и молвил: «Сарипутта, пятьсот бхиккху, прежние твои приверженцы, ушедшие с Девадаттой, ныне достигли зрелости в понимании своем. Возьми же с собой монахов, пойдя к отступникам, наставь их в дхамме, просвети в знании Пути и Плода и приведи назад ко мне».

Сарипутта с товарищем отправился в Га́йасису, наставил отступников в дхамме, просветил их в знании Пути и Плода и на рассвете следующего дня воротился в Бамбуковую рощу вместе со всеми бхиккху, ушедшими с Девадаттой. И когда по возвращении своем Сарипутта воздал должные почести Учителю и скромно встал посреди обители, бхиккху вознесли ему хвалу и так сказали Всеблатому: «О высокопочтенный, наш старший брат поистине исполнен величия: предводитель воинства дхаммы Сарипутта, воротясь, привел с собой пятьсот бхиккху, а Девадатта растерял всех своих приверженцев». «Братия,— заметил Учитель,— воротившийся с единомышленниками, Сарипутта не только ведь ныне стяжал славу, но и в прежние времена он был отмечен славой. Так же и Девадатта: не только ныне растерял он своих сторонников, но и в былые времена утратил их». Бхиккху тогда стали просить Всеблагого растолковать суть сказанного, и, уступив им, Учитель поведал о давнем событии, из-за перерождений утраченном их памятью.

«Во времена стародавние, когда на престоле города Ра́джага́хи, что в царстве Ма́гадха, восседал один правитель по имени Магадха, Бодхисатта обрел рождение в облике оленя. Со временем он сделался вожакom оленьего стада в тысячу голов и жил в лесу. И было у него два сына: Ла́ккхана, что значит «Отмеченный удачей», и Кала́ — «Темный». Состав-

рясь, Бодхисатта призвал сыновей и, сказав им: «Дети, стар я стал, так что водите теперь вы это стадо», — разделил стадо надвое, дав каждому из сыновей по пятьсот подданных. И с этого времени те двое принялись водить свои стада.

В царстве Магадха, перед жатвой, когда тучнеют хлеба, олени подвергаются большой опасности в лесу: чтобы уберечь от них хлеба, люди роют ямы, устраивают западни, устанавливают самострелы, ставят капканы и силки, и многие олени от этого гибнут.

И вот, когда пришло время тучнеть хлебам, Бодхисатта послал за сыновьями. «Дети мои, — сказал он им, — хлеба потучнели. Наступило опасное для нас всех время. Мы, старики, как-нибудь проживем, вы же собирайте свои стада и уходите на горные пастбища. Возвращайтесь только после уборки урожая». Следуя совету отца, молодые вожаки двинулись со своими стадами в горы.

Но люди хорошо знали и оленьи тропы, и время, когда олени уходят в горы и когда спускаются с гор, и они устраивали везде засады, выслеживали и убивали оленей. Вожак Кала по глупости своей не ведал, в какое время должно совершать переходы, а в какое — не должно, и вел свое стадо от восхода до захода, вблизи от деревень. Люди же, стоя или лежа в укрытиях, сделанных ими повсюду, разили оленей. Так, из-за скудости ума сгубив множество оленей, Кала всего лишь с несколькими сородичами добрался до леса. Премудрый Лаккхана был опытен, умел соразмерять свои силы, ведал, в какое время должно передвигаться, а в какое не должно. Он не вел свое стадо от восхода до захода, не проходил вблизи деревень, а вел его только в ночные часы и благополучно добрался до леса, не потеряв в пути ни единого оленя.

Олени прожили в горах четыре месяца. После окончания жатвы они стали спускаться в долину. На обратном пути Кала так же неосторожно вел свое стадо, погубил остальных оленей и воротился домой в одиночестве. Лаккхана же, не потеряв ни одного оленя, прибыл со всеми пятьюстами своими оленями

к родителям. При виде обоих сыновей Бодхисатта, обращаясь к оленям, пропел такой стих:

Подателя добра и благ мишует всякая невзгода:
Вот Славой Меченный ведет свой род из дальнего похода,
Наш Темный следует за ним — лишился неудачник рода.

Таковыми речами приветствовал Бодхисатта сыновей своих, и жил он потом долго, покуда не подошел его срок воплотиться в ином рождении в соответствии с накопленными заслугами».

В заключение своего рассказа Учитель повторил: «О монахи, не только ведь ныне сияет славою Сарипутта в окружении бесчисленных своих подвижников, но и в прежние времена был он славен. И не только теперь Девадатта лишился своего стада, но и прежде уже с ним случалось то же самое».

И, наставляя всех в дхамме и соединяя воедино стих и прозу и прошлую жизнь с нынешней, он вскрыл смысл джатаки, так отождествив перерождения: «Оленем Кала тогда был Девадатта, приверженцами его — приверженцы Девадатты; Лаккханой был Сарипутта, сподвижниками его — сподвижники Будды; матерью была мать Рахулы, отцом же был я сам».

Джатака о тростинке для питья (20)

Словами: «Видны следы, ведущие к воде...» — Учитель начал свой рассказ о тростниковых стеблях. В ту пору он ходил по святым местам царства Косалы и забрел как-то в деревню Налакапану — «Деревню утоляющих жажду через тростинки» — и обосновался в роще Кетакаване, раскинувшейся по берегам озера неподалеку от Налакапаны. В тот день случилось так, что бхиккху, омыв тела свои в озере Налакапаны, послали молодых монахов за тростниковыми стеблями, в которые втыкали иглы, и так те иглы хранили. Но монахи, сколько ни искали, находили только полые стебли. Тогда они пошли

к Учителю и обратились к нему с такими словами: «Достопочтенный, нам велено отыскать тростниковые стебли, чтобы хранить в них иглы, но стебли, которые мы находим, от корня до верхушки полые; в чем же тут дело?» «О монахи,— отвечал Учитель,— так было мною устроено еще в прежнее время». И, сказав так, Учитель поведал бхиккху о том, что случилось в прошлой жизни.

«Говорят, будто во времена стародавние на месте этой рощи были джунгли, а посреди джунглей— озеро, где обитал ракшас — хранитель вод, и всякого, кто спускался к воде, этот ракшас пожирал. Бодхисатта же в ту пору был царем обезьян и обликом своим походил на детеныша красной антилопы. Он тоже жил в джунглях, водя и охраняя обезьянье стадо в восемьдесят, а может, и более тысяч голов. И наказывал царь подданным своим, обезьянам: «Прежде нежели отвесть плоды или что-нибудь другое, растущее в джунглях, чего вы не пробовали, прежде нежели испить воду из озера, которую еще никто не пил, испросите у меня дозволения, ибо есть в лесу ядовитые деревья, есть озера, где обитают демоны». И обезьяны обещали царю делать так, как он велит.

И вот зашли как-то обезьяны в такое место, куда прежде не заходили, и, когда, мучимые жаждой, ибо шли целый день, стали искать воду, чтобы напиться, вдруг увидали озеро. Но пить из него не стали, а уселись на берегу в ожидании Бодхисатты. «Отчего же вы не напьетесь воды?»— спросил у них Бодхисатта. «Ждем, пока ты подойдешь»,— ответили обезьяны. «И хорошо делаете»,— сказал Бодхисатта и пошел вдоль озера, разглядывая следы на берегу; он заметил, что все они ведут к воде и нет ни одного, который вел бы из воды к берегу. «Наверное, здесь хозяйничает какой-нибудь демон»,— подумал Бодхисатта и вновь обратился к обезьянам: «Хорошо, говорю, вы сделали, что не стали пить из этого озера: здесь водятся демоны».

Ракшас, стороживший воды, между тем понял, что обезьяны не спустятся к озеру, и, приняв устрашающий облик, синеврохый и беломордый, с

пурпурно-красными руками и ногами, раздвинул воды озера и, выйдя к обезьянам, спросил их: «Почему вы сидите здесь, почему не спускаетесь к озеру и не пьете воды?» Вместо ответа Бодхисатта сам обратился с вопросом к ракшасу: «Не ты ли тот ракшас, который обитает в здешних водах?» «Ну, я»,— отвечал тот. «И ты губишь всякого, кто спустится к воде?»— допытывался Бодхисатта. «Да, всякого,— отвечал ракшас,— даже птицу не пощажу, если сядет на воду, и вас всех сожру». «Нет уж,— нас сожрать тебе не удастся,— воскликнул Бодхисатта,— не дадимся!» «Попробуйте только напиться воды»,— грозно сказал ракшас. «Что ж,— молвил на это Бодхисатта,— и воды попьем, и тебе в лапы не дадимся». «Как же это? — удивился ракшас. — Как сумеете вы напиться воды?» «А так,— пояснил Бодхисатта,— ты ведь думаешь, что мы спустимся вниз, а мы и шагу отсюда не ступим. Каждая обезьяна возьмет по тростниковому стеблю и через него напьется воды из твоего озера — точно так, как пьют воду с помощью лотосовых побегов, и никак ты не сможешь сожрать нас». И, вразумляя ракшаса, Бодхисатта спел ему такой стих:

Видны следы, ведущие к воде,
но нет ни одного, чтоб вел оттуда.
Напьюсь через тростинку — и тобой
погублен, неповинный, я не буду.

Сказав так, Бодхисатта велел принести ему тростниковый стебель, взял его в рот, мысленно сосредоточился на десяти совершенствах и, с силою дунув в стебель, мгновенно явил всем плод истинного знания: ни единого узла не осталось внутри тростникового стебля, и весь он сделался полым. Затем Бодхисатте подносили еще и еще стебли, и все их он продувал таким же точно способом.

Это могло бы длиться до бесконечности, поэтому не следует думать, что все было так просто. Ведь Бодхисатта обошел вокруг озера и повелел: «Пусть весь растущий здесь тростник станет полым внут-

ри», — а надобно знать, что велико подвижничество Бодхисатт, свершаемое ими ради общего блага, и силою этого подвига исполняются все их веления. Потому с того самого дня весь тростник на берегах того озера и стал полым внутри.

Добавим еще, что в Мировом Веке, который длится поныне, есть всего четыре извечных чуда. Вы спросите: «Какие?» Вот какие: первое — заяц на Луне, который пребудет там до скончания Мирового Века. Второе — огонь, который до конца Века не коснется места, пощаженного лесным пожаром, как о том рассказывается в джатаке о перепеле. Третье — жилище Гхати́ка́ры-горшечника, над которым до скончания Века не прольется ни капли дождя. И, наконец, — стебли тростника, растущего вокруг озера близ Налакапаны, которые до конца Века пребудут полыми внутри. Вот те четыре чуда, которые были, есть и будут в этом Мировом Веке.

Так вот, после того как по велению Бодхисатты тростник на озере сделался полым внутри, царь обезьян, взяв в руку тростинку, уселся на берегу, и вслед за ним все восемьдесят тысяч обезьян сорвали каждая по тростинке и, разбредясь по берегу озера, уселись у самого края воды. И когда Бодхисатта, опустив в воду конец тростинки, принялся пить, обезьяны стали пить вслед за ним тем же способом. Ракшас же, стороживший воды, не мог их достать и в ярости удалился в свое жилище, а Бодхисатта и все его стадо, напившись, разбрелись по лесу».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель со словами: «Еще в давние времена, братия, моими усилиями тростник этот сделался полым внутри», — дал истолкование джатаке и связал перерождения. «В ту пору, — сказал он, — ракшасом, обитавшим в водах, был Девадатта; восемьдесят тысяч обезьян — это ученики Пробужденного; царем же обезьян, столь находчивым в средствах, был я сам».

Джатака об олене (21)

Словами: «Роняемые деревом сепанни...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал рассказ о Девадатте.

Как-то раз, сойдясь в зале собраний, монахи единодушно поносили Девадатту. «Почтенные,— говорили они,— этот Девадатта готов на все, дабы погубить Учителя, воплотившего в себе все десять совершенств. Однажды он отправил отряд лучников подстрелить Благословенного, в другой раз хотел сбросить на него большой камень, а как-то спустил с привязи бешеного слона Дханапалаку». Тут вошел Учитель, сел на свое место и спросил: «О чем это, братия, у вас речь?» «Достославный,— ответили бхиккху,— мы рассуждаем о низости Девадатты, который готов на все, дабы погубить тебя». «О монахи,— заметил Учитель,— не только ведь ныне Девадатта стремится погубить меня, он и прежде домогался моей смерти, хотя так и не смог выполнить свое намерение». И Учитель поведал бхиккху о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал царь Брахмадатта, Бодхисатта родился оленем. Жил он в лесу, питаясь плодами деревьев. В пору, о которой речь, он пасся близ дерева сепанни, подбирая упавшие с его ветвей плоды. В том же краю жил и некий зверолов, охотившийся с помостов на деревьях. Заметив оленьи следы у подножия какого-нибудь дерева, этот охотник устраивал в густых ветвях дерева помост, прятался там и, дождавшись, пока олень придет полакомиться плодами, пронзал его копьем; добытое мясо охотник продавал и так зарабатывал себе на пропитание. Однажды охотник увидел у подножия дерева сепанни следы копыт Бодхисатты, соорудил в ветвях помост и отправился домой. Наутро после завтрака, прихватив с собой копье, охотник пошел в лес, забрался на помост и затаился, укрывшись в ветвях.

А тут как раз на поляне появился Бодхисатта, пришедший полакомиться плодами сепанни. Однако

он не подошел сразу к дереву, а остановился поодаль. «Некоторые охотники любят прятаться на помостах среди ветвей,— думал он,— нет ли и тут кого-нибудь?» Размышляя так, Бодхисатта отошел в сторону и принялся наблюдать за деревом. Охотник же, досадуя, что олень не подходит ближе, наврал плодов сепанни и, не показываясь из своего укрытия, швырнул их к ногам Бодхисатты. При виде плодов Бодхисатта подумал: «Они мне прямо под ноги свалились. Не прячется ли там наверху охотник?» Он все пристальнее вглядывался в зелень, покуда не заметил наконец затаившегося человека. Однако он не подал и вида, что обнаружил охотника, и молвил, обращаясь к дереву: «Послушай! Прежде ты стлалось передо мной, словно лиана, роняя плоды прямо к моим ногам; но теперь ты уже не соблюдаешь дхамму деревьев, ты ее отрицую, поэтому я пойду к другому дереву и поищу себе пропитания у его корней». И, сказав так, Бодхисатта спел такой стих:

Роняемые деревом сепанни
давно оленю ведомы плоды:
К другому дереву свой путь направлю,
а то ведь и недолго до беды!

Укрывшийся на помосте охотник отшвырнул тогда копье и закричал с досадой вслед убежавшему оленю: «Ступай! Сегодня мое копье миновало тебя». При этих словах Бодхисатта остановился и, оборотясь к охотнику, сказал: «Послушай, человек! Твое копье и впрямь миновало меня. Но впереди тебя ожидают пять видов мучений в восьми великих и шестнадцати малых чистилищах. Тогда тебе не миновать воздаяния за твои дурные поступки». Олень повернулся и побежал, куда ему было нужно; охотник же слез с дерева и тоже отправился по своим делам».

И, повторив еще раз: «Не только ныне, монахи, стремится погубить меня Девадатта, он и прежде стремился к тому же, но ничего не достиг в своих стараниях», Учитель закончил наставления в дхамме

и истолковал джатаку, так связав перерождения: «С помоста в ту пору охотился Девадатта, оленем же был я сам».

Джатака о боевом коне (23)

Со слов: «Хотя поодаль я лежу...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал повествование о бхиккху, ослабевшем в усердии своем.

Увещевая этого бхиккху, Учитель говорил собравшимся: «О братия! Встарь мудрые мужественно преодолевали слабость, даже страдая от телесных ран, — и не убавляли своего усердия». И, сказав так, Учитель поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда в Бенаресе правил Брахмадатта, Бодхисатта родился на земле жеребенком синдской породы. Когда жеребенок подрос, его пышно разубрали и украсили, и стал он боевым конем бенаресского владыки. Кормили коня только рисом третьего урожая, и сдабривали этот рис самыми вкусными приправами, и подавали в золотом тазу стоимостью в целую сотню тысяч, стойло же его окропляли благовониями четырех видов. И стоял он под балдахинном из красивых пестроцветных тканей, затканых золотыми звездами. Вокруг него были развешаны венки и гирлянды из лучших цветов, а рядом всегда горел светильник, заправленный ароматным маслом.

Все окрестные цари в ту пору домогались владычества над Бенаресом. Однажды город окружили войска семи царей. Повелителю Бенареса направили послание на пальмовом листе. «Либо сдай нам царство, — писали цари, — либо выходи на бой!» Созвав советников, царь изложил им суть дела и стал спрашивать их, как ему быть. Советники сказали: «Государь, первым вступать в бой тебе не следует. Пошли сначала своего воина сразиться с ними; если он потерпит поражение, мы подумаем, как быть дальше».

Царь призвал к себе храбрейшего из воинов и спросил: «Не побоишься ли ты, почтеннейший, вступить в сражение с семью царями?» Храбрец ответил: «Государь! Если прикажешь снарядить для меня своего боевого коня синдской породы, то на этом коне берусь я победить не только этих семерых царей, но и всех владык в Джамбудипе». «Что ж, почтеннейший, бери моего боевого синдского жеребца или любого другого коня, садись на него — и в бой!» — молвил царь. «Слушаю, государь!» — ответил храбрец и, почтительно простясь с царем, покинул дворец.

Храбрец облачился в боевые доспехи, взял меч, сел на снаряженного боевого коня синдской породы и поскакал за городские ворота. Словно гром с ясного неба, обрушился воин на становье первого царя, уничтожил его войска, захватил самого его в плен и отвез в темницу. После этого воин снова ринулся в бой. Один, без чьей-либо помощи, он разгромил становье второго царя, затем — третьего, четвертого и пятого — и всех пятерых забрал в плен. Покорил он затем и шестое становье, но, когда стал брать шестого царя в плен, боевого коня синдской породы ранило, кровь хлынула ручьем, и конь зашатался от невыносимой боли. Видя это, воин спешился, уложил коня наземь возле дворцовых ворот, ослабил на нем упряжь и все снаряжение, а сам велел седлать ему другого коня.

Лежа на земле в некотором отдалении, Бодхисатта претерпевал великие муки. Приоткрыв глаза, он увидел, что хозяин седлает другого коня, и так помыслил: «Напрасно снаряжает он другого коня, ведь на том ему не взять приступом седьмой лагерь и не захватить в плен седьмого царя. Все мои старания пойдут прахом: храбрый воин, который до сих пор не знал поражений, погибнет, а государь наш попадет в руки врагов. Нет ведь никакой иной лошади, кроме меня, на которой воин мог бы разгромить седьмое становье и захватить в плен седьмого царя». Полный таких дум, Бодхисатта, продолжая лежать, позвал воина и сказал ему: «Хозяин, кроме меня, нет никакой другой лошади, на которой ты

сумел бы разгромить седьмое становье и пленить седьмого царя. Я не допущу, чтобы плоды моих дел пропали зря, поэтому подыми и седлай меня». И в добавление Бодхисатта спел воину еще такой стих:

Хотя поодаль я лежу,
хоть грудь стрелою пронзена,
Ты лишь меня седлай — и в путь,
резвей не сыщешь скакуна!

Воин помог Бодхисатте подняться с земли, перевязал ему рану, вновь закрепил на нем все снаряжение и, оседлав его, помчался в бой. Разгромив и седьмое становье, он взял в плен седьмого царя и передал его ратникам царя бенаресского, а те отвезли его в городскую темницу. Бодхисатту привели к воротам дворца, и сам царь вышел поглядеть на него. Завидев царя, Великосущный обратился к нему с такою речью: «Великий государь! Не вели казнить этих семерых царей, а заставь их присягнуть тебе на верность и отпусти с миром. Все награды, которые мы вдвоем заслужили от тебя, сполна вручи воину, ибо не подобает поступать дурно с тем, кто пленил для тебя семерых царей. Будь щедро-сердым, храни благочестие и правь этим царством по дхамме и справедливости». В то время, как Бодхисатта говорил это царю бенаресскому, служители начали снимать с коня упряжь и военное снаряжение, и в тот же миг Бодхисатта покинул этот мир.

Повелев предать тело боевого коня огню, царь Бенареса оделил храброго воина великой славою, а семерых царей отправил по домам, взяв с них слово никогда более не воевать против него. Он правил царством по дхамме и справедливости и в положенный срок перешел в иное рождение, согласно накопленным заслугам».

И Учитель, повторяя: «О братия, и в прежние времена мудрые мужественно преодолевали слабости и, даже страдая от телесных ран, не убавляли своего усердия», наставил монахов в знании четырех благородных истин. И, вняв наставлениям Учителя, бхиккху, который ранее не проявил достаточного усердия, обрел теперь высший Плод и достиг ара-

хатства. Заканчивая свое поучение, Учитель истолковал Джатаку, так связав перерождения: «Царем в ту пору был Ананда, воином — Сарипутта, боевым же конем синдской породы — я сам».

Джатака о постоянстве (27)

Словами: «Не ест ни риса, ни травы...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ об одном мирянине и монахе.

Жили, рассказывают, в Саваттхи двое друзей. Один из них, хоть и принял монашество, ежедневно навещался к другому. Тот оделял его подаванием и после трапезы отправлялся вместе с ним в монастырь, где проводил день в беседе со своим другом. Только с заходом солнца отправлялся он назад в город. Монах провожал его до городских ворот, а затем возвращался к себе в келью. Взаимная преданность друзей вскоре стала известна всем монахам в монастыре. И вот однажды, когда бхиккху, сидя в зале собраний, говорили об этой дружбе, вошел Учитель и спросил их: «О чем это вы, братия, тут беседуете?» Монахи ответили: говорим, мол, о таком-то и таком-то. Учитель тогда заметил: «О бхиккху, не только ныне ведь эти двое столь преданны друг другу — они и прежде тоже отличались взаимной преданностью». И он поведал монахам о том, что было в минувшей жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был советником царя. И жил при дворце некий пес, который постоянно заходил в загон к царскому слону и, когда того кормили, подбирал и проглатывал падавшие на пол рисовые катышки. Так изо дня в день, чтобы прокормиться, он посещал царского слона, постепенно они подружились, и пес стал есть вместе со слоном. Теперь они уже не могли жить друг без друга. Потехи ради, пес часто цеплялся за хобот слона и раскачивался на нем из стороны в сторону.

Как-то раз один деревенский житель за хорошую цену купил пса у прислужника, который ходил за слоном, и увез пса к себе в деревню. Скучая по своему другу, слон перестал есть и пить и отказался от купаний. Об этом доложили царю. Властитель вызвал Бодхисатту и велел ему: «Ступай, премудрый, узнай, что происходит со слоном». Бодхисатта пошел в загон и, видя уныние слона, помыслил: «На теле его нет никаких признаков болезни, должно быть, этого слона разлучили с его другом, вот он и затосковал». И он спросил у прислужника: «Послушай, не был ли этот слон дружен с кем-либо?» «Был, господин,— ответил прислужник,— он водил дружбу с одним «остроноухом». «Куда же тот подевался?» — спросил Бодхисатта. «Его забрал один человек»,— ответил прислужник. «А не знаешь ли ты, где этот человек живет?» — продолжал его спрашивать Бодхисатта. «Не знаю, господин»,— ответил тот.

Бодхисатта отправился к царю и доложил ему: «Государь, твой слон не болен. Он тут завел дружбу с одним «остроноухом» и теперь отказывается от еды, потому, вероятно, что разлучен с другом». И, молвив это, Бодхисатта спел царю такой стих:

Не ест ни риса, ни травы, к тому же
купаться не идет к речной излуке.
Причина, видно, в нарушение дружбы:
тоскует слон с приятелем в разлуке.

Выслушав Бодхисатту, царь спросил его: «Что же теперь нам делать, премудрый?» Бодхисатта ответил: «Вели, государь, бить в барабаны и объявить всем, что некий человек увел из дворца пса, любимца царского слона, и что тот, в чьем доме найдут этого пса, будет нещадно бит палками». Царь последовал совету Бодхисатты. Услыхав царское повеление, деревенский житель тотчас отпустил пса. Пес помчался прямо к слону и вскоре уже был в его загоне. Обняв его хоботом, слон посадил к себе на голову, а потом, печально всхлипывая, спустил на землю и поел сам только после того, как покормили его друга. «И повадки тварей всяких известны

ему», — сказал по этому случаю царь о своем советнике и воздал ему великую хвалу».

Повторяя: «Не только ныне ведь, братия, эти двое столь преданны друг другу — они и прежде тоже отличались преданностью», — Учитель окончил свое повествование и наставил слушателей в четырех благородных истинах. Хотя наставление в благородных истинах содержится и в остальных джатаках, далее о нем будет упоминаться лишь в тех случаях, когда воздается особая хвала по поводу обретения Плода. Окончив свое поучение, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору остронохим псом был наш мирянин, слоном — монах, премудрым же советником царя — я сам».

Джатака о Многославном (28)

Сказав: «Употребляй лишь добрые слова...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — повел рассказ о шести сквернословах-бхиккху. Эти шестеро затевали в ту пору ссоры с добропорядочными бхиккху, непочтительно дразнили их, всячески им досаждали и обзывали, прибегая ко всем десяти видам непристойных ругательств. Добропорядочные бхиккху пожаловались Благословенному, и тот, призвав к себе всех шестерых, спросил, правду ли о них говорят. Услыхав, что да, правду, Учитель выбрал их. «Братия, — молвил он, — ведь грубость не по праву даже животным. Одно животное даже сделало так, что его оскорбитель потерял тысячу монет». И он рассказал им о прошлом.

«Во времена минувшие, когда на троне Тákкаси́лы, что в царстве Гандхара, восседал царь Гандхара, Бодхисатта воплотился в облике теленка, появившись на свет из лона коровы. Когда он подрос и превратился в молодого бычка, хозяева, которые соблюдали обычаи приношения скота, преподнесли его в дар некоему брахману. Брахман забрал быка к себе и дал ему имя Нándивисáла, что значит «Многославный». Этого быка он растил будто

собственного сына, кормил вареным рисом и поил рисовым отваром. Бодхисатта, когда вырос, стал думать: «Этот брахман проявлял обо мне величайшую заботу. Теперь во всей Джамбудипе не сыщешь быка, который был бы равен мне силой и мог тащить телегу с таким грузом. Не пора ли мне показать теперь, на что я способен, и отблагодарить брахмана добром за все, что он для меня сделал?» Размышляя так, бык молвил хозяину: «Ступай-ка к торговцу, владельцу больших стад, и скажи ему, что, мол, есть у тебя могучий бык, который сvezет сотню тяжело груженных телег, и в подтверждение своих слов ты готов поставить тысячу монет».

Брахман отправился к богатому торговцу и завел с ним разговор о том, чьи быки в городе сильнее. Торговец похвалил быка такого-то и такого-то и добавил с гордостью: «Во всем городе, однако, нет таких быков, как у меня». Тут брахман возразил: «У меня, господин, есть бык, который может один сvezти целую сотню тяжело груженных телег». Торговец стал смеяться: «Не может этого быть». Но брахман продолжал твердить: «Есть у меня такой бык». «Что ж,— сказал тогда торговец,— побьемся об заклад». «Хорошо»,— ответил брахман и выставил тысячу монет в подтверждение своей правоты.

Погрузив сотню телег песком, щебнем и камнями, брахман составил из них длинную цепь. Для этого он связал веревками дышла каждой впереди стоявшей повозки с дышлами следующей. Он искупал Многославного, повесил ему на шею душистый венок из цветов и, обмакнув руку в благовония, растопыренной пятерней сделал у него на лбу священную мету. Потом брахман впряг своего быка в первую из ста груженных подвод, уселся на него и, взмахнув бичом, крикнул: «Пошел, безрогий! Вперед, мошенник!» Слыша такие слова, Бодхисатта возмутился: «Это меня-то, длиннорогого, он обзывает «безрогим»? Это меня-то он ругает мошенником!» Все четыре его ноги застыли в неподвижности, будто столбы. Так он и не сдвинулся с места. Торговец тотчас же забрал себе тысячу монет залога.

Потерявший тысячу монет брахман выпряг быка, пошел домой и лег там в глубоком огорчении. Многославный тоже возвратился туда. Заглянув во двор, он увидел огорченного хозяина, подошел к нему и спросил, не спит ли он. «Какой тут сон, когда я потерял целую тысячу монет?» — вскричал брахман. «Хозяин, — сказал бык, — за все то время, что у тебя я живу, разбил ли я хоть раз какую-нибудь посуду, погнался за кем-нибудь или же нагадил на берегу пруда?» «Не было такого, дорогой», — ответил брахман. «Почему же тогда, — продолжал бык, — ты меня обругал худыми словами? Ты виноват, хозяин, в том, что случилось. Моей же вины нет. Ступай, побейся с торговцем об заклад на две тысячи монет, но смотри, не называй больше меня, рогатого, безрогим мошенником!»

Выслушав быка, брахман отправился к торговцу и побился с ним об заклад на две тысячи монет. Воротясь, он, как и прежде, составил цепь из ста тяжело груженных телег, богато украсил Многославного и впряг его в первую повозку. Вот как он составил обоз: сначала крепко привязал ярмо к дышлу, затем с одной стороны впряг Многославного, а другую сторону двойного ярма как следует закрепил, просунув в ярмо гладкий деревянный шест, и привязал один конец шеста к свободной стороне ярма, а другой его конец — к тележной оси; после всего этого ярмо уже не могло ходить из стороны в сторону, и всего лишь один бык был в состоянии управляться с телегой, рассчитанной на двоих. Затем, усевшись на него, брахман погладил его по хребту и сказал: «Пошел, дорогой! Вперед!» Бодхисатта одним рывком стронул с места всю сотню груженных телег и остановился только тогда, когда задняя повозка доехала до того места, где вначале стояла передняя. Посрамленный торговец вручил брахману две тысячи монет, и все, кто там был, сделали Бодхисатте богатые пожертвования. Эти деньги тоже достались брахману, и так он, благодаря Бодхисатте, обрел немалое богатство.

Повторив: «Ведь грубые слова, бхиккху, никому не по праву», Учитель еще раз осудил шестерых

монахов и, желая открыть им знание пути нравственного совершенства, он, будучи теперь уже Всепробужденным, спел монахам такой стих:

Употребляй лишь добрые слова,
навек сквернословье прекрати.
Запомни: только для того, кто речь
умеет уважительно вести,
Охотно повлекут любую кладь.
Учтивый всюду и всегда в чести.

Затем, еще раз наказав употреблять только добрые слова, Учитель истолковал дхамму, так связав перерождения: «Брахманом был тогда Ананда, Многославным же — я сам».

Джатака о Мунике (30)

Словами: «Мунике не завидуй...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о вожделении к некоей полнотелой девице. Подробности содержатся в малой джатаке о Нараде и Кассапе из Тринадцатой книги. Здесь же довольно упомянуть, что однажды Учитель спросил у одного бхиккху: «Правду ли говорят, брат мой, что ты терзасешься вожделением?» «Да, правду, высокопочтенный», — подтвердил бхиккху. «К кому же вожделеешь ты?» — снова спросил Учитель. «К одной полнотелой девице», — ответил монах. «О бхиккху, — предостерег его Учитель, — эта девица принесет тебе несчастье, ввергнет тебя в пучину скверны. Однажды из-за нее ты уже расставался с жизнью, был лакомым блюдом для множества гостей в день свадьбы». И, сказав так, Учитель поведал о том, что было в прошлой жизни.

Во времена былые, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта воплотился в облике вола, хозяин которого жил в небольшом поселке. У вола была кличка Махалобхита, — «Красный», а его младшего брата звали Чулалобхита — «Розовый». Оба брата-вола возили всяческие грузы и использовались для разных тяжелых работ. В се-

мействе их хозяина была дочь-девица, просватанная за сына горожанина. Готовясь к свадьбе, родители невесты подумали: «Приготовим-ка для свадебных гостей лакомое блюдо»,— и, приняв такое решение, купили поросенка по кличке Муника и стали откармливать его вареным рисом и рисовым отваром.

Видя такое, Чуллалохита как-то сказал брату: «В этом доме вся тяжелая работа лежит на нас, а кормят нас только травой да соломой. Поросенка же выкармливают вареным рисом и выпаивают сладким рисовым отваром — за что ему такая честь?» «Не завидуй Мунике,— ответил брату Бодхисатта. — Этот поросенок воистину вкушает пищу смерти. Хозяева наши говорили о том, что в день свадьбы их дочери из этого поросенка приготовят для гостей лакомое блюдо. Вот зачем они выкармливают и выпаивают его. погоди немного. Скоро соберутся гости на свадьбу, и ты сам увидишь, как поросенка схватят за ноги, вытащат из-под кровати, забьют, приготовят из него лакомое блюдо со специями». И Бодхисатта спел такой стих:

Мунике не завидуй: пищу горя
он ест, мгновенья жизни коротая.
Ты жуй траву и будь доволен малым,
в смиренье долголетье обретая.

Вскоре после этого разговора состоялась свадьба, Мунику прирезали и из его мяса приготовили множество блюд. Бодхисатта сказал тогда Чуллалохите: «Ну что, милый братец, видишь, какая участь постигла Мунику?» Чуллалохита ответил: «Да, братец. Я вижу теперь, как поплатился Муника за то, что ел вкусный корм. Наша еда, пусть даже она одна трава да мякина, во сто, нет — в тысячу раз лучше еды Муники: она не пагубна для нас и предвещает долгую жизнь».

И Учитель повторил: «Так вот, бхиккху, ты и прежде уже из-за этой полнотелой девицы расставался с жизнью и был лакомым блюдом для гостей».

Заканчивая наставление в дхамме, Учитель явил четыре благородные истины, и с постижением их

терзаемый вожделением монах преобразился, укрепясь на Восьмеричном Пути. Учитель же истолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору поросенком Муникой был терзаемый похотью бхиккху, полнотелой девицей на выданье — эта самая девица, Розовым — Ананда, Красным же — я сам».

Джатака о гнездах (31)

С восклицания: «Кто пред отцом и матерью свой долг...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свое повествование о бхиккху, который пил неотцеженную воду.

Ибо, как рассказывают, двое молодых монахов-друзей отправились из Саваттхи в паломничество по стране. Остановились в одном красивом доме, пожили там, сколько хотели, а затем надумали пойти повидаться с Всепробужденным и направились к Джетаване. У одного из монахов была цедилка, у другого не было и, когда им хотелось пить, они пили по очереди, пользуясь одной цедилкой. Но вот однажды друзья поссорились, и тот, кому принадлежала цедилка, не стал больше давать ее своему другу. Сам напился отцеженной воды, а друг, у которого не было цедилки, мучаясь от жажды, напился прямо из источника.

Вскоре монахи достигли Джетаваны, вошли в залу собраний, почтительно приветствовали Учителя и сели перед ним, чуть поодаль. Учитель же, сердечно поздоровавшись с ними, стал спрашивать, откуда они прибыли. «Мы, почтенный,— отвечали монахи,— пожили некоторое время в деревушке царства Косалы, а потом надумали повидаться с тобой и вот прибыли в Джетавану». «Не ссорились вы на пути?» — спросил Учитель. Тот, у кого не было цедилки, посетовал: «Вот он, почтенный, на полпути поссорился со мной и больше не дал мне цедилки». Другой, в свою очередь, сказал: «А он, почтенный, зная, что вода кишит живыми тварями, все же стал пить ее». «Правда ли, что ты, бхиккху, стал пить

воду, зная, что она кишит живыми существами?» — спросил Учитель. «Правда, почтенный, я пил неотцеженную воду», — ответил монах. «Бхиккху, — сказал тогда Учитель, — а ведомо ли вам обоим, что в прошлом восседавшие на небесах мудрецы, когда потерпели поражение в битве и мчались над океаном, не пожелали даже ради обретения власти причинить малейший вред хоть единой живой твари? Известно ли вам, бхиккху, что мудрые, презрев величье славы, повернули свою летающую колесницу лишь затем, чтобы сохранить жизнь детенышам Пернатых?» И Учитель поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние на троне Раджагахи, в царстве Магадха, восседал правитель по имени Магадха. В ту пору Бодхисатта, которому позднее суждено было родиться Саккой, обрел свое земное существование, став отпрыском славного семейства, проживавшего в стране Магадха, в деревне Мачале, той самой, где в своей предыдущей жизни возродился на земле тот, кто ныне известен под именем Сакки. В день наречения мальчика назвали Мэгхакумара — «юный Магха», а позже, когда он превратился в юношу, его стали звать Мэгхаманáva — «молодой Магха». Родители выбрали ему в жены девушку из семьи столь же достойной и знатной. Так и жил молодой Магха в той деревне, и множились у него сыновья и дочери, и был он щедр на милостыню и следовал нравственным установлениям.

В деревне жило всего тридцать семей. И вот как-то раз мужчины собрались на деревенской площади и принялись обсуждать деревенские дела. Был среди них и Бодхисатта. Только отгреб он ногами в сторону пыль с того места, где стоял, и хотел устроиться поудобнее, как подошел другой житель и занял его место. Бодхисатта отошел и приготовил для себя еще одно место, но и его кто-то занял. Так переходил Бодхисатта с места на место, пока не расчистил всю площадь.

В другой раз Бодхисатта соорудил над площадью навес от солнца, а после убрал его, чтобы взамен

воздвигнуть зал для собраний со скамьями и кувшинами с питьевой водой. Вскоре все тридцать жителей деревни с помощью Бодхисатты уподобились ему, ибо Бодхисатта наставил их в пяти благородных установлениях, после чего подвиг их на всяческие добрые дела. И, подвигнутые Бодхисаттой, они вознамерились творить добро. Вставали спозаранку и, вооружась садовыми ножами, топорами и мотыгами, делали всякую полезную работу: с дорог, площадок и иных мест вагами откатывали лежавшие на проезжей части камни; подрезали ветви, чтобы за них не цеплялись оси телег; сравнивали бугры на дорогах, засыпали и гатили ямы; рыли пруды; сообща строили помещение для собраний. И раздавали милостыню, и блюли нравственные заветы.

И вот, когда почти все жители деревни восприняли учение Бодхисатты и укрепились в пяти установлениях, староста деревни подумал: «Прежде, когда люди предавались пьянству и, хмельные, совершали убийства и другие преступления, я получал прибыль, облагая налогом каждый кувшин выпитого вина, делая послабления в наказаниях, а также и иными путями; теперь же из-за этого Магхи, решившего блюсти нравственность, нет больше ни убийств, ни иных преступлений. Что ж, я покажу им, как следовать пяти установлениям!» И, озлившись на всех жителей деревни, староста послал царю такую жалобу: «Государь, появились в наших местах лиходеи, разбойничают по деревням, много разного зла творят». Услыхал про то царь и приказал найти и доставить к нему на суд лиходеев. Связал тогда староста всех деревенских жителей, привел их ко дворцу и доложил царю, что, мол, все лиходеи изловлены. Царь не стал разбираться, что к чему, и велел напустить на виновных слона, чтобы тот растоптал их.

И вот приказали всем лечь ничком на царском дворе и послали людей за слоном. Бодхисатта же так сказал своим спутникам: «Не забывайте пяти установлений и относитесь с одинаковой любовью и к доносчику, и к царю, и к слону, и к собственному

телу», — и те обещали сделать все так, как велит Бодхисатта. Наконец привели слона, но тот, как его ни принуждали, не стал никого топтать, а помчался прочь, громко трубя. Привели еще слона, и еще, и еще, но все убегали прочь. Повелел тогда царь обыскать крестьян, нет ли у них при себе снадобья, отваживающего слонов, но те, кто искал, ничего не нашли и о том доложили царю. И наказал тогда царь своим слугам: «Допросите-ка их хорошенько. Не иначе как ведомо им какое-то заклинание». И когда царские слуги стали выпытывать у крестьян, нет ли у них какого-нибудь заклинания, отвращающего слонов, Бодхисатта ответил, что есть у них такое заклинание. Прислужники доложили про то царю, и царь, повелев всех доставить к нему, приказал: «Говорите! Какое вам ведомо заклинание?»

И отвечал царю Бодхисатта: «Есть, государь, у нас одно заклинание, одно-единственное на всех тридцать жителей: живых тварей не убивать, на чужое не зариться, не лгать, не жить несправедно, хмельного в рот не брать, в любви пребывать, милостыню раздавать, дороги ровнять, пруды копать, дома возводить — вот оно, наше заклинание, наш оберег и наше богатство!» Обрадовался царь, услышав такие речи Бодхисатты, прозрел и приказал отдать крестьянам все имущество и дом клеветника-старосты, а самого старосту отдать крестьянам в услужение, и еще пожаловал царь крестьянам деревню и слона.

После этого жители деревни, наставленные Бодхисаттой, продолжали творить всяческие добрые дела. И решили они на скрещении главных дорог выстроить большой дом для собраний и, призвав на помощь плотника, вскоре начали строить здание, но женщин к этому делу близко не подпускали, так как утратили к ним всякий интерес. А надобно сказать, что в ту пору у Бодхисатты были четыре жены, жившие с ним же в деревне: благостная Судхамма, премудрая Чйтта, веселая Нанда и благородная Суджата. И вот однажды, улучив миг, когда плотник остался один, Судхамма поднесла ему дары и

стала молить: «Братец, сделай меня старшей над всеми в доме собраний»,— и плотник обещал ей. Прервав на время работу, он притащил бревно, из которого вырубают конек для крыши, хорошенько его высушил, обтесал, обработал, изготовил конек, завернул в кусок ткани и спрятал до поры. Когда дом собраний был выстроен и настало время увенчать крышу коньком, плотник воскликнул, будто досадуя: «Вот беда, забыли мы про одну вещь!» «О чем ты?» — спросили его. «Надо приделать конек на крышу»,— отвечал плотник. «За чем дело стало? Давай сейчас и соорудим»,— сказали крестьяне. «Нет,— отвечал плотник,— из сырого дерева конек не соорудишь, надо было загодя срубить дерево, обтесать его, а после сделать конек». «Как же теперь быть?» — спросили плотника жители. Плотник ответил: «Надо посмотреть, нет ли у кого в доме готового конька на продажу; если есть — можно взять».

Крестьяне пошли искать конек и нашли его в доме Судхаммы, но продать его женщина не согласилась, сказав: «Обещайте пускать меня в дом собраний, тогда отдам вам конек». Те вскричали: «Не хотим мы с женщинами дело иметь!» Тут за Судхамму вступился плотник: «Зачем вы так говорите, друзья? Только в мир Брахмы нет доступа женщинам. Забирайте конек, и пошли кончать работу». Те согласились, взяли у Судхаммы конек, достроили дом собраний, расставили в нем скамьи и кувшины с питьевой водой, позаботились и о том, чтобы проходящих кормили вареным рисом. Потом обнесли дом оградой, навесили ворота, посыпали вдоль ограды песком, снаружи обсадили ограду пальмами. Читта помогла разбить сад, и ее стараниями в саду насажены были все цветущие и плодоносящие деревья, какие только бывают на свете. Нанда сделала так, чтобы в саду появился красивый пруд с лотосами пяти видов. Только Суджата ничем не помогла. После этого Бодхисатта призвал всех исполнять следующие семь заповедей: печься о матери своей, печься об отце своем, почитать старших в роде, не

лгать, не сквернословить, не возводить напраслину,
не погрязать в пороке, ибо

Кто пред отцом и матерью свой долг
исправно выполняет в мире этом,
Кто старших в роде чтит, кто к старикам
с учтивым обращается приветом,
Кто вообще приветлив и учтив,
правдив и избегает слов облыжных,
Кто в жизни никогда не сочинял
доносов на друзей своих и ближних,
Кто в силах гневный сдерживать порыв,
и подавить желаний хаос дикий,—
Лишь тот велик, его лишь вознесут
премудрые небесные владыки.
Тех властелинов ровно тридцать три,
что по заслугам воздают живущим,—
Такого мужа назовут они,
по благодати его, «истинносущим».

Вот так Бодхисатта еще при жизни обрел великую славу, а по завершении срока возродился в обители тридцати трех небесных владык и стал Саккой, повелителем богов, и в той же обители обрели свое новое существование все его сподвижники.

В ту пору в обители богов жили и асуры. И сказал как-то Сакка, повелитель богов: «Что проку нам от царства, которое надобно делить с другими?» И, сказав так, дал он асурам испить напитка богов, и, когда те попадали в беспамятстве, он ухватил асуров за ноги и швырнул прочь с Горы Синеру, так что те в конце концов оказались в обители асуров. А следует сказать, что обитель асуров как раз находилась под Горой Синеру, в самом нижнем из миров, и величиной своей была точь-в-точь такой, как обитель богов. И росло там дерево с розовыми цветами, похожими на фанфары, и потому прозывавшееся Чйттанатали, что значит «Розовотрубное», и было то дерево точь-в-точь таким, как волшебное дерево в обители богов, которое может исполнить любое желание, только предназначено было ему стоять там всего лишь один Мировой Век. И вот, когда асуры, очнувшись от беспамятства, увидели цветы дерева Читтанатали, то в гневе возопили: «Нет, это не наша обитель, не обитель богов,

ибо волшебное дерево в обители богов коралловое, а не розовотрубное!» И, восклицая: «Этот старый Сакка нарочно опоил нас, а потом швырнул на самое дно Мирового Океана, дабы отобрать у нас наш небесный дом. Пойдем же на него войной и отберем наше небесное жилище», — асуры стали карабкаться вверх по склону Горы Синеру, как муравьи по колонне. Лишь только Сакке донесли, что асуры лезут вверх, он тотчас выступил и погрузился в омывающий все живое Великий Океан и стал сражаться с врагом. В битве этой Сакка потерпел поражение и, теснимый асурами, в своей огромной — в целую сотню и еще полсотни йоджан длиной — летающей колеснице, прозывавшейся «Победоносная», пустился в полуденную сторону, оставляя одну за другой горные вершины, вздымавшиеся из просторов Южного Океана.

И вот, когда колесница Сакки с невиданной быстротой неслась над просторами Океана, она приблизилась к месту, где раскинулась шелковичная роща, и деревья, оказавшиеся на пути колесницы, срезаемые под корень, будто простые пальмы, валились и падали прямо в пучину Океана. А в гнездах, свитых на ветвях шелковичных деревьев, сидели птенцы пернатых Гаруд и, низвергаясь в пучину Океана, громко плакали и кричали. И спросил тогда Сакка у своего колесничего Матали: «Послушай, Матали, что это за шум? Что за плач, наполняющий сердце великой печалью?» И ответил ему на это Матали: «Государь, твоя колесница мчится с такой быстротой, что на пути своем низвергает в пучину Океана деревья шелковичной рощи со свитыми на их ветвях гнездами Гаруд, и птенцы Пернатых, охваченные страхом смерти, громко кричат и плачут». И повелел тогда Великосущный: «Друг Матали! Да прекратится страдание, причиняемое им мною! Да не свершим мы, домогаясь власти, злого дела, не допустим умерщвления живых существ! Уж лучше пожертвуем собственной жизнью и предадимся асурам во имя спасения этих птенцов! Поворачивай колесницу!» И, повелев так, Сакка спел стих:

О Матали! Пусть гнезда этой роши
избегнут пасти нашей колесницы.
Пожертвуем собой, но не оставим
птенцов без гнезд — где им тогда селиться?

И, исполняя волю своего господина, колесничий Матали повернул колесницу и направил ее к обители богов по другой дороге. Асуры же при виде колесницы стали рассуждать: «Не иначе как прибыли сакки из иных Круговых Миров: только получив подкрепление, мог Сакка решиться повернуть колесницу». И в страхе перед неминуемой смертью асуры пустились наутек и так бежали до самой своей обители. Сакка же, окруженный сонмом жителей обоих небесных миров — его собственного и мира Брахмы, — вошел в обитель богов и расположился в центре небесного града. И в то же мгновение разверзлась твердь земная, и поднялся ввысь более чем на тысячу йоджан великолепный Дворец Победы, названный так оттого, что появился он в день победы Сакки над асурами. Сакка же, дабы асуры снова не надумали возвратиться, повелел расставить в пяти местах стражей. Вот как говорится об этом в стихах:

Два царства, разделенные навеки, —
богов и асуров — неколебимы.
Их стережет и днем и ночью стража,
и даже дух не прокрадется мимо.
Ура́ги-Змии и волхвы-Кумбханды,
Гаруды-змеееды в горней шире,
Хмельные яккхи и еще Владыки
Великие (числом они четыре).

И, распорядившись поставить стражей в пяти различных сферах, Сакка сделался единовластным повелителем богов и вкушал небесное блаженство. В ту пору Судхамма, исчерпавшая срок жизни на земле, возродилась на небе прислужницей Сакки. И за то, что в прежней жизни Судхамма пожертвовала конек для дома собраний, было для нее сооружено из небесных самоцветов здание собраний, названное «Судхамма»; и распростерлось это здание на целых пять сотен йоджан, и в нем на

золотом помосте величиной с йоджану, держа в руке царский зонт небесно-белого цвета, и восседал Сакка, повелитель богов, верша свой справедливый суд над людьми и богами.

Читта, окончив свой земной срок, тоже возродилась на небе прислужницей Сакки. И за то, что в прежней жизни она разбила сад, был ей дарован сад небесный, прозванный Чйтталатава́на,— «Роща Прекрасноцветной Лианы». Возродилась на небе прислужницей Сакки и Нанда, когда кончился ее земной срок, и за то, что в прежней жизни вырыла она пруд, был ей дарован пруд и на небесах, называвшийся Нанда — «Радостный». Суджата же, не совершившая никаких благих дел в прошлой жизни, возродилась на земле цаплей, обитавшей в уединенной пещере в лесной глуши.

И вот, заметив, что нет Суджаты, Сакка помыслил: «Надо бы узнать, кем она возродилась?» И силой своего всеведения он вскорости обнаружил Суджату и, отправясь в тот лес, перенес ее в обитель богов. Он показал ей прекрасную небесную столицу, и дом божественных собраний «Судхамма», и сад «Читталатавана», и пруд «Нанда». И молвил затем Сакка: «Три другие мои жены в прежней жизни сотворили добро и поэтому возродились на небесах моими прислужницами, ты же не сотворила добра и потому возродилась на земле в облике птицы. Следуй же отныне велению долга». И, сказав так, Сакка наставил цаплю Суджату в пяти благородных установлениях, после чего снова отнес ее в лес и отпустил. С той поры цапля следовала пяти установлениям. Некоторое время спустя Сакка решил проверить нравственную твердость Суджаты: оборотился рыбой и явился лежащим прямо перед цаплей — Суджатой. Подумав, что рыба мертва, цапля схватила ее за голову, но тут рыба вильнула хвостом, и цапля, помыслив: «Она, кажется, еще жива!» — тотчас выпустила рыбу из клюва. Сакка тогда уверился в твердости Суджаты, похвалил ее и, сказав, что, следуя пяти установлениям, она сумеет быть стойкой, воротился на небеса.

С концом отпущенного ей срока Суджата вновь родилась на земле в семействе горшечника из Бенареса. Помыслив: «Кем же она теперь возродилась?» — Сакка силой своего всеведения тотчас обнаружил Суджату и явился на деревенскую площадь в облике старика с тележкой, наполненной золотыми огурцами. Сидя на земле возле тележки, старик зазывал покупателей: «Купите огурцы! Купите огурцы!» Люди подходили и говорили: «Продай нам огурцов, любезный», — но Сакка отвечал: «Дам только тем, кто следует установлениям. Следуете вы установлениям?» — «Что такое? — удивлялись крестьяне. — Не знаем мы никаких «установлений», продай нам огурцов». «Нет, — говорил им Сакка, — за деньги я ничего не даю, но даром отдам их тому, кто следует установлениям». «Вот глупец!» — восклицали с досадой люди и проходили мимо. Суджата же, прознав о том, помыслила: «Не для меня ли доставлены сюда эти огурцы?» Она явилась к торговцу и попросила: «Продай мне, любезный!» «А ты следуешь установлениям?» — спросил ее торговец. «Следую», — отвечала Суджата. «Что ж, для тебя я и принес огурцы!» — вскричал торговец и, оставив тележку с золотыми огурцами у дверей дома Суджаты, исчез из виду.

Суджата до конца дней своих твердо следовала пяти установлениям и в новой жизни возродилась дочерью повелителя асуров Вепачитти, а за нравственную стойкость в прежних рождениях была ей дарована великая красота. Когда пришла пора выдавать ее замуж, царь Вепачитти распорядился: «Пусть моя дочь сама найдет себе мужа по сердцу», — и он велел всем асурам собраться для брачного состязания. Сакка же как раз тогда помыслил: «Где-то ныне возродилась Суджата?» — и силой всеведения тотчас ее обнаружил. «Уж если Суджате суждено самой выбрать себе мужа, пусть выберет меня», — решил он и, оборотясь асуром, явился в собрание. Ввели разряженную Суджату, усадили ее на почетное место и сказали: «Кто тебе по сердцу, того и выбирай в мужья!» Суджата взглядела в собравшихся, заметила Сакку и, повинувшись

силе любовного чувства, укрепившегося в ней еще в прежних рождениях, воскликнула: «Вот кого я хочу в мужа!» Взяв Суджату в жены, Сакка перенес ее в небесную столицу и поставил старшей над двадцатью пятью коти небесных танцовщиц. И жил так Сакка до конца положенного ему срока, а по истечении срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Заканчивая это наставление в дхамме, Учитель вновь выбрал монаха и сказал: «В былые времена, братья, мудрые, кои правили царством небесным, готовы были пожертвовать даже жизнью ради спасения живых тварей, ты же, бхиккху, посвятил себя столь справедливому вероучению, а пьешь неотцеженную воду, которая кишит живыми тварями». И, связав воедино стих и прозу, прошлое и настоящее, Учитель так истолковал джатаку: «Колесничим Матали в ту пору был Ананда, Саккой же я сам».

Джатака о согласии (33)

Со слов: «Согласно действуя...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще близ Кáпилавáттху — начал свой рассказ о ссоре, происшедшей из-за головного убора. (Подробности содержатся в джатаке о Кунале.) Учитель сказал своим приверженцам: «Знайте же, о великосильные, что ссоры между близкими недопустимы. Было ведь уже раньше так, что животные одолели своих врагов, но потерпели поражение, лишь только рассорились». И, уступая просьбам своих высокородных учеников, Учитель поведал им о прошлом.

«Во времена былые, когда царем Бенареса был Брахмадатта, Бодхисатта воплотился в облике перепела. Когда он подрос, то сделался вожаком стаи из многих тысяч перепелов. Жили они все в лесу. И был там один охотник за перепелами. Он часто приходил к месту, где обитали перепелы, подмани-

вал птиц и, дождавшись, когда они все соберутся в одном месте, накидывал на них сеть, потом затягивал ее с краев, сбивал попавшихся перепелов в середину, складывал птиц в корзину и шел домой. На деньги, которые выручал от продажи перепелов, он кормился сам и содержал свое семейство. И вот однажды Бодхисатта обратился к перепелам с такой речью: «Этот птицелов наносит нам, братья, страшный урон, но я придумал средство, благодаря которому он не сможет нас более ловить. Вот это средство: как только птицелов накинёт на вас свою сеть, пусть каждый просунет голову в ближайшую к нему ячейку сети. И затем вы все разом поднимайтесь и летите подальше. Опустиась на какой-нибудь терновый куст, вылезайте из своих ячеек и разлетайтесь. «Да будет так!» — откликнулись все перепелы на призыв своего вожака.

На другой день, когда птицелов набросил на стаю перепелов свою сеть, птицы в точности последовали совету Бодхисатты: улетев вместе с сетью, они опустились с нею на терновый куст, вылезли из своих ячеек и разлетелись. Пока птицелов выпутывал свою сеть из колючего кустарника, наступил вечер, и пришлось ему вернуться домой с пустыми руками.

На третий день и в последующие дни перепелы поступали точно так же; птицелов до самого захода солнца занимался выпутыванием сети и, не поймав ни одного перепела, с пустыми руками возвращался домой.

И вот как-то жена птицелова стала в гневе ему выговаривать: «Изо дня в день ты возвращаешься с пустыми руками. Уж нет ли у тебя другого места, куда ты относишь всю свою добычу?» Птицелов отвечал ей: «Нет у меня, милая, никакого иного места. Беда в том, что перепелы теперь действуют заодно. Лишь только я накидываю на них сеть, как они взвиваются вместе с нею, а потом запутывают сеть в терновом кусте. Но ведь не всегда же они будут жить в согласии. Не тревожься: в конце концов они все перессорятся и окажутся у меня

в руках. Тогда-то я сумею вызвать радостную улыбку на твоём лице». И птицелов спел жене стих:

Согласно действуя, уносят птицы сеть,
Но лишь рассорятся — все будут в ней висеть!

Прошло совсем темного времени, и вот как-то раз один перепел, опускаясь на пастбище, нечаянно задел на лету голову своего товарища. Тот разъярился и закричал: «Как ты посмел задеть мою голову?» Как ни успокаивал его первый, говоря: «Я задел тебя неумышленно, не сердись», — второй продолжал гневаться. Оба они принялись ссориться, дразня друг друга: «Уж не кто иной, как ты, верно, и поднимал сеть». Слушая их перебранку, Бодхисатта помыслил: «Там, где завелся разлад, не жди никакого спокойствия: оба перепела теперь не станут поднимать сеть, а от этого грядет нам великий урон, ибо птицелов начеку. Не могу я здесь больше находиться». И вместе со своей свитой Бодхисатта перебрался в другое место.

Прошло еще немного времени, и птицелов снова явился в тот лес, где жили перепелы. Подманив их манком, он дождался момента, когда все они соберутся в одно место, и накинул на них сеть. И тогда обиженный перепел принялся дразнить другого: «У тебя, говорят, когда поднимали сеть, от натуги все перья выпали, ну-ка, подними сейчас сеть». И, покуда они пререкались: «Ты подними!» — «Нет, лучше уж ты!» — птицелов затянул сеть, сбил перепелов в середину, побросал их в корзину и отправился домой. Лицо его жены, когда она увидела его с добычей, вновь расцвело улыбкой».

Эту историю Учитель заключил такими словами: «О великосильные, вы видите теперь, что свары между близкими недопустимы, ибо в ссоре — источник гибели для всех ссорящихся». И, наставив своих слушателей в дхамме, Учитель истолковал джатаку и так связал перерождения: «Глупым перепелом был Девадатта, мудрым же перепелом был я сам».

Джатака о рыбе (34)

Словами: «Сетей рыбацких не боюсь...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказывать историю о том, как некий бхиккху продолжал пылать страстью к оставленной в миру жене.

Ибо ведь, когда Учитель спросил его: «Правда ли, брат мой, что ты мучим вожделением?» — тот ответил Учителю: «Правда, Всеблагой». На вопрос же: «К кому вожделеешь ты?» — монах отозвался: «К оставшейся в миру жене, высокопочтенный! Пьянящи и сладостны, будто мед, руки у жены моей, когда она ласкает меня, и нет у меня сил покинуть ее». «Бхиккху, эта женщина вынуждает тебя поступать недостойно, — молвил Учитель. — Ведь однажды ты уже чуть было не принял смерть из-за нее, только мой приход спас тебя». И Учитель поведал тогда о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена минувшие, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был домашним жрецом царя. Как-то раз рыбаки забросили в реку невод. По реке в это время плыли две рыбы — муж и жена. Они резвились в избытке страсти и предавались любовной игре. Рыба-жена плыла впереди и, как только увидела ячейки невода, тотчас повернулась и успела спастись. Ослепленный страстью муж продолжал резвиться и угодил прямо в ячейку невода. Рыбаки сразу почувствовали добычу, подняли невод из воды и вытащили рыбку из ячейки. Решив, что лучше всего зажарить рыбу-мужа на углях и съесть на берегу, они не усыпили его, а швырнули в кучу песка, сами же стали разводить костер и точить вертел. Рыба-муж думал: «Не мысль о предстоящем поджаривании на углях или об остром вертеле страшит меня. И не пугает меня никакая другая боль, а мучаюсь я оттого, что жена моя станет терзаться подозрениями, будто я отправился к другой». И, сокрушаясь так, муж пропел стих:

Сетей рыбацких не боюсь Что мне жара и что мне
зной?

Боюсь: подумает жена, что я усладил^{3*} пищу с иной.

В это время на берегу реки в сопровождении своей челяди появился домашний жрец царя, пожелавший совершить омовение. Ему были ведомы языки всех земных тварей. Услыхав стоны рыбы-мужа, он подумал: «Эта рыба-муж терзается мучительной страстью. Если он встретит смерть в духовном ослеплении, то, вне всякого сомнения, окажется в чистилище. Буду его спасителем!» Рассуждая так сам с собой, жрец подошел к рыбакам и сказал им: «Люди добрые, вы еще, помнится, ни разу не подносили мне рыбы в знак своего уважения». «Господин,— вскричали рыбаки,— о чем тут толковать? Выбери и возьми любую рыбу, какую только пожелаешь». «Ну, тогда,— сказал жрец,— дайте-ка вот эту: эта рыбина мне по сердцу, других не надобно». «Возьми, господин»,— сказали рыбаки. Бодхисатта ухватил рыбу-мужа обеими руками и, присев на берегу, наставительно молвил: «Если бы нынче ты не попался мне на глаза, гибель твоя была бы неминуема. Плыви и не будь отныне рабом страсти». С этими словами Бодхисатта бросил рыбину в воду, а сам возвратился в город».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель объяснил монаху суть четырех благородных истин, и терзаемый похотью монах обрел плод праведного знания. Учитель же истолковал джатаку, так связав перерождения: «Рыбой-женой была оставшаяся в миру жена монаха, рыбой-мужем — сам терзавшийся вождедением монах, а жрецом был я».

Джатака о куропатке (37)

Со слов: «Тот, кто питает уважение к старшим...» — Учитель, направлявшийся в Саваттхи, начал повествование о том, как для тхеры Сарипутты не нашлось места в помещении для монахов.

Когда Ана́тха́пінди́ка сообщил Учителю о том, что монастырь выстроен, Учитель тотчас покинул Раджагаху и отправился в новую вихару, но по пути остановился в Веса́ли. Пожив там, сколько

ему хотелось, Учитель двинулся дальше в Саваттхи.

В это же время в Саваттхи явились ученики шести обособившихся бхиккху. Прибыв в монастырь ранее прочих, они принялись самоуправствовать: еще до того, как были выделены помещения для тхер, стали самочинно занимать кельи, говоря: «Эта — для наших наставников, эта — для старших, а вот эта — для нас самих». Так все места оказались занятыми. Когда наконец прибыли тхеры, они не смогли сыскать для себя помещений. Ученики тхеры Сарипутты тоже, сколько ни искали, не сумели найти свободную келью для своего наставника. Пришлось тхере Сарипутте расположиться на ночлег под деревом, что росло рядом с кельей Учителя. Он провел ночь, расхаживая взад и вперед либо сидя у подножия дерева.

Когда наутро Учитель, проснувшись, вышел из своей кельи и стал прочищать горло, тхера Сарипутта тоже кашлянул. «Кто здесь?» — спросил Учитель. «Это я, высокочтимый, — Сарипутта», — отвечал тхера. «Сарипутта? — удивился Учитель. — Что ты здесь делаешь в столь ранний час?» Выслушав объяснение Сарипутты, Учитель задумался. «Даже сейчас, — размышлял он, — когда я еще жив, бхиккху не питают друг к другу уважения, что же навороят они, когда я покину этот мир?» В тревоге за дхамму, Учитель, как только рассвело, повелел созвать монахов. Войдя в собрание, он спросил бхиккху: «Я слышал, братия, будто последователи шести явились загодя в монастырь и лишили всех остальных бхиккху и тхер мест для ночлега и дневного отдыха; правда ли это?» «Правда, Всеблагодь», — отозвались собравшиеся. Учитель выбрал приверженцев шести и, желая наставить монахов в дхамме, обратился ко всем с вопросом: «Кто, по-вашему, братия, заслуживает лучшего помещения, лучшего питья и лучшей еды?»

Некоторые монахи отвечали: «Тот, кто рожден кшатрием, но принял монашество». Другие возражали: «Нет, тот, кто родился брахманом или мирянином, но принял монашество». Иные бхиккху

рассуждали: «Тот, кто сведущ в Уставе, кто способен наставить в дхамме, кто причастился к первой, второй, третьей или четвертой высшей мудрости». Третьи говорили: «Вступивший в Поток или тот, кто возродится лишь однажды; либо тот, кто вовсе не возродится: арахат, овладевший тремя ступенями познания; причастившийся шести откровениям». И вот, когда каждый из присутствовавших высказался о том, у кого первое право на помещение, еду и питье и почему, Учитель молвил: «Нет, братья, вы не правы: мое учение отнюдь не ставит условием, что первым должен получить помещение, еду и питье тот, кто родился кшатрием, а потом принял монашество; не важно и то, что принял монашество тот, кто рожден брахманом или мирянином; не имеет первого права и тот монах, который следует Уставу, или начитан в сутрах, либо постиг высшие установления веры; не возвеличивает и достижение любой из ступеней мудрости или обретение плода от вступления в Поток, арахатства и тому подобного. Нет, бхиккху: по моему учению, нужно вставать перед старшим, обращаться к нему почтительно и любезно, кланяться и оказывать всякие иные знаки уважения, старшему полагается лучшее место, лучшее питье и лучшая еда. Вот единственное мерило, монахи, и посему кто старше — тот и достойнее. Среди нас, бхиккху, находится мой старший ученик Сарипутта: вслед за мною и он вращал колесо дхаммы и поэтому, без сомнения, заслуживает такой же кельи, какую отвели мне, но Сарипутте вчера вовсе не досталось места, и он вынужден был провести всю ночь под деревом. Если вы, бхиккху, уже и сейчас выказываете такую непочтительность к старшим, на что только вы не решитесь по прошествии некоторого времени?» И, в стремлении преподать собравшимся урок дхаммы, Учитель добавил: «Знайте же, монахи, что в прежние времена даже животные решили однажды жить во взаимном уважении и доброте и, определив старшего, оказывать ему всяческие почести. Решив так и выбрав старшего, они слушались и почитали его. Когда же пришел тому срок, животные эти возро-

дллись па небесах». И, разъясняя суть сказанного, Учитель поведал о том, что случилось в прошлом.

«Во времена стародавние у подножия Гималайских гор рос огромный баньян, и жили под его сенью куропатка, обезьяна и слон. Относились они друг к другу без всякой почтительности и уважения. Поняв в конце концов, что дальше так жить нельзя, они решили: «Надо выяснить, кто из нас старший,— того и будем почитать и слушать». И они придумали такой способ определения старшего. Однажды, когда они все трое сидели под баньяном,— куропатка и обезьяна спросили слона: «Скажи-ка, братец, каким ты помнишь это баньяновое дерево с того времени, когда впервые осознал себя?» Слон ответил: «Друзья мои, в те времена, когда еще крошечным слоненком я, бывало, прогуливался возле этого баньяна, он был высотой с траву; когда я останавливался над ним, его верхушка как раз доходила мне до пупка. Так вот: я помню это дерево с тех пор, как оно было размером с траву». Затем куропатка и слон задали тот же вопрос обезьяне. «Друзья мои,— ответила обезьяна. — В те времена, когда я была совсем крошкой, я могла, сидя на земле, рвать и есть плоды, которые росли на самой верхушке баньянчика, для этого мне даже не нужно было вытягивать шеи. Так вот: я помню этот баньян еще совсем маленьким деревцем». И, наконец, слон и обезьяна обратились с тем же вопросом к куропатке. «Друзья мои! — ответила им куропатка. — Когда-то, давным-давно, росло поблизости огромное баньяновое дерево. Я питалась его плодами, и как-то раз, облегчаясь, вместе с пометом обронила на этом самом месте баньяновое зернышко. Из него-то и выросло потом это дерево. Так что я помню баньян с тех пор, когда его и на свете не было, стало быть, я старше вас всех».

Выслушав мудрую куропатку, обезьяна и слон сказали ей: «Дорогая, ты и впрямь старшая среди нас. Отныне мы будем оказывать тебе все подобающие почести, смиренно приветствовать тебя и обращаться к тебе уважительно; мы будем возвышать тебя и словом и делом, будем складывать руки

перед грудью, ожидая твоего благословения, и признаем во всем твое превосходство. Мы станем следовать твоим наставлениям, ты же отныне води и учи нас». Куропатка наставила их и научила жить по нравственному завету, которому следовала и сама. И все трое в последующей жизни строго придерживались пяти заповедей, оказывали друг другу знаки внимания, почитали друг друга и в речах своих были вежливы. И оттого что поступали так, с окончанием земного срока все трое возродились на небесах».

«Путь, которому следовали эти трое,— продолжал свое наставление Учитель,— стал позже известен как «титтирия-брахмачария» или «Путь, избранный куропаткой для постижения высшей истины». И уж если даже животные могли, идя этим путем, жить во взаимном уважении и согласии, почему же вы, монахи, чей долг следовать ясным предписаниям дхаммы, живете в неуважении друг к другу и в непослушании? Отныне, бхиккху, я заповедую вам: словом и делом выказывайте уважение старшим, почтительно приветствуйте их, смиренно складывая ладони перед грудью, и оказывайте им все подобающие почести. Предоставляйте старшим лучшее место, лучшее питье и лучшую еду. Да не будет отныне старший лишен ночлега по вине младшего. Тот же, кто лишит старшего его пристанища, свершит дурное дело». И, завершая урок дхаммы, Учитель — он был теперь уже Всепробужденным — спел слушавшим его такой стих:

Тот, кто питает уваженье к старшим,
кто, умудренный в дхамме, бескорыстен,
Да будет в мире чувств превозвеличен,
пребудет счастлив в мире высших истин.

Поведав монахам о необходимости благостного почитания старших, Учитель слил воедино стих и прозу и истолковал джатаку, так связав перерождения: «Слоном был тогда Моггалана, обезьяной — Сарипутта, мудрой же куропаткой — я сам».

Со слов: «Хоть плут и искушен в искусстве плутовства...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал повествование о бхиккху, который промышлял тем, что шил одеяния монахам.

Был, говорят, в Джетаване один бхиккху, большой умелец по части монашеских одеяний: и разрезать, и скростить, и приметать, и сшить — на все мастер. Этим своим умением шить одежды для монахов он и был славен повсюду. Вот как он поступал: брал ношеную-переношеную одежду и, потрудившись над ней, превращал в отличную, приятную на ощупь, монашескую накидку, красил сшитое, вымачивая в растворенном в воде порошке, и скоблил раковинной, чтобы придать накидке красивый блеск, затем откладывал готовое одеяние в сторону. Монахи, само собой, ничего не смыслили в портняжном искусстве и обычно приходили к этому бхиккху с только что купленными отрезами материи. «Сшей нам, братец, накидки, — просили они его, — не знаем, как за это дело взяться». «На то, чтобы сшить накидку, — отвечал им обыкновенно портной, — нужно много времени, любезные. Тут у меня есть готовые накидки, оставьте-ка мне свои отрезы, а сами возьмите в обмен сшитое, да и ступайте». Он раскладывал перед посетителями готовые одежды. Прельщенные их видом и цветом, монахи, не зная, из чего эти одежды сшиты, думали: «Вроде прочные», с готовностью отдавали портному свои отрезы и, забрав перелицованное старье, уходили довольные. Когда же после недолгой носки накидки загрязнялись и монахи стирали их в горячей воде, истинная природа этих вещей делалась очевидной, повсюду замечались признаки ветхости, и обманутые владельцы накидок начинали сожалеть об обмене. Со временем все в Джетаване поняли, что бхиккху этот — мошенник, промышляющий старьем.

В соседней деревне жил другой портной, который тоже надувал людей — в точности так же, как

и тот, в Джетаване. Знакомые монахи как-то сказали ему: «Говорят, любезный, в Джетаване есть один портной, шьющий накидки,— такой же обманщик, как и ты». Услышав это, плут решил про себя: «Ладно же. Я обведу этого горожанина вокруг пальца». Он сшил из ветоши красивую накидку, окрасил ее в приятный оранжевый цвет и, завернувшись в нее, отправился в Джетавану. Лишь только бхиккху-портной завидел накидку, он сразу загорелся желанием заполучить ее. «Любезный, ты сам сшил себе этот плащ?»—спросил он владельца. «Да, почтенный»,— ответил хитрец. «Друг мой,— сказал тогда бхиккху,— отдай эту накидку мне, а себе ты добудешь другую». «Не могу, почтенный,— сказал тот,— у нас в деревне трудно с одеждой: если я отдам тебе свою накидку, чем же сам буду тогда покрываться?» «Любезный,— предложил бхиккху,— у меня есть нетронутый кусок материи, может, возьмешь его взамен и сошьешь себе новую накидку?» «Что же, почтенный,— ответил мошенник,— я только показал тебе свою ручную работу, но, если ты так просишь, нечего делать: возьми накидку себе». И, обменяв свою сшитую из старья накидку на новый кусок материи, мошенник поспешил восвояси.

По прошествии некоторого времени джетаванский бхиккху-портной выстирал свою загрязнившуюся накидку в горячей воде и, обнаружив, что накидка перешита из старья, раскаялся в том, что обманывал других. Вскоре весь монастырь узнал, как одурачили бхиккху, и все только и судачили о том, как деревенский мошенник обвел вокруг пальца городского. Как-то раз, когда монахи сидели в зале собраний, обсуждая эту новость, вошел Учитель. «О чем это вы, братия, тут беседуете?»—спросил он. Бхиккху рассказали ему обо всем. «Братия, не только ведь ныне портной из Джетаваны обманывает других,— сказал тогда Учитель,— он и прежде обманывал народ, и не только теперь деревенский портной одурачил его — так было уже и прежде». И он поведал монахам о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена стародавние Бодхисатта воплотился

на земле в облике божества, обитавшего в дереве, что росло на опушке рядом с заросшим лотосами прудом. В соседнем пруду, поменьше первого, в ту засушливую пору осталось совсем немного воды, а рыбы в нем водилось великое множество. Некая цапля, видя обилие рыбы, задумалась: «Найти бы способ одурачить этих рыб и съесть их одну за другой». Наконец, измыслив средство, цапля отправилась на берег пруда и, усевшись, сделала вид, будто погружена в глубокую задумчивость. Рыбы, видя ее в таком состоянии, спросили: «О чем размышляешь, госпожа?» «О вас, о вас моя забота»,— ответила цапля. «Какая же это забота, госпожа?»— полюбопытствовали рыбы. «А вот, думаю,— отвечала цапля,— что в пруду вашем воды осталось совсем мало, и корма здесь никудышные, а засуха жестокая. Вот я и печалюсь: «Как же теперь быть рыбам, что им делать?» «А и впрямь: что нам делать, госпожа?»— встревожились рыбы. «Если только вы захотите довериться мне,— сказала цапля,— я смогу вам помочь: буду брать вас по одной в клюв и переносить в большой пруд, перосший лотосами пяти видов, и там выпускать». «Госпожа,— усомнились рыбы,— но ведь с тех пор, как стоит мир, не было такого, чтобы цапля заботилась о судьбе рыб. Ты, видно, просто хочешь съесть нас всех поодиночке». «Да что вы,— возмутилась цапля,— разве я могу есть тех, кто мне доверился? Впрочем, если не верите моим рассказам о пруде, пусть какая-нибудь из вас слетает со мной туда и убедится собственными глазами». Говоря: «Она сильна и в воде и на суше»,— рыбы решились довериться цапле. Они поручили ее заботам большую одноглазую рыбку. Цапля схватила одноглазую клювом, перенесла ее на другой пруд, выпустила в воду и позволила осмотреть ей весь пруд. Затем она перенесла эту рыбу в старое обиталище и выпустила в воду. Одноглазая принялась расхваливать перед товарками достоинства нового пруда, те, внимая ей, загорелись желанием переселиться и стали упрашивать цаплю: «Прекрасно, госпожа. Перенеси нас туда».

Первой цапля пожелала переселить ту самую одноглазую рыбу. Зажав ее в клюве, цапля полетела к новому пруду и, держа свою жертву так, чтобы та могла любоваться водной гладью, опустилась на вершину дерева вара́на на берегу, потом она распластала одноглазую рыбку на ветке, ударом клюва лишила ее жизни и съела со всеми внутренностями, позволив только косточкам упасть к подножию дерева. Покончив с едой, цапля вернулась к ожидавшим ее рыбам и сказала: «Я выпустила первую, давайте понесу следующую». Действуя таким способом, цапля перетаскала и съела по очереди всех рыб. Когда она в последний раз явилась за добычей, в маленьком пруду уже не осталось ни одной рыбы, но там жил еще и рак. Стремясь съесть и его, цапля сказала: «Дружище, я перенесла всех рыб в большой пруд, поросший лотосами; хочешь, перенесу и тебя?» «Как же ты меня перенесешь?» — спросил рак. «Зажму в клюве и понесу», — ответила цапля. «Нет, — отказался рак, — так я не полечу с тобой: если ты понесешь меня в клюве, то выронишь на лету». «Не бойся, — уговаривала рака цапля, — в полете я буду крепко держать тебя». Слушая ее, рак думал: «Унести-то рыб она унесла, но уж отпустить их не отпустила. Что ж, пусть она перенесет меня на другой пруд. Если же она не выпустит меня — сдавлю ей горло клешней и так лишу жизни». И рак предложил цапле: «Дорогая! Боюсь, что ты все-таки не сможешь крепко держать меня. Вот уж у нас, раков, хватка так хватка, поэтому давай лучше я уцеплюсь клешней за твою шею: если только мне удастся обхватить ее, я готов лететь с тобой». Не подозревая подвоха, цапля охотно согласилась.

Прочно, будто в кузнечные клещи, зажав шею цапли, рак сказал: «Ну, а теперь полетели». Взмыв в воздух, цапля позволила раку полюбоваться прудом, а затем направилась к дереву вара́на. «Погоди-ка, тетушка, — воскликнул рак, — вот он, пруд, под нами, ты же уносишь меня куда-то в сторону». «Возлюбленный мой племянничек, — насмешливо ответила цапля, — уж конечно, ты для меня дороже

кровного родственника. Ты, поди, вообразил меня своей рабыней: куда, дескать, захочу, туда она меня и понесет. Взгляни-ка на грудку костей у подножия дерева варана: как съела я всех рыб, так съем и тебя, безмозглого». Рак возразил цапле: «Этих рыб погубила их собственная глупость. Что до меня, то я себя съесть не позволю, скорее уж сам прикончу тебя. Ты по дурости своей не поняла еще, что я перехитрил тебя: если уж нам суждено умереть, мы умрем с тобой вместе. Оторву-ка я тебе клешнями голову и швырну ее на землю». И с этими словами рак с силой сдавил шею цапле. Задышавшись, цапля стала хватать ртом воздух, из глаз ее ручьями полились слезы. В страхе за свою жизнь она стала молить рака: «Господи, я пощажу тебя, только сохрани мне жизнь». «Хорошо, только сейчас же сядь и выпусти меня в воду!» — потребовал рак. Цапля повернула обратно, опустилась на самый берег и, подойдя к воде, положила рака на выступавший над поверхностью ком грязи. Рак перекусил клешнями шею цапли — точь-в-точь так, как перерезают ножом лотосовый стебель, — и нырнул в воду. При виде этого небывалого чуда божество, обитавшее в дереве варана, наполнило весь лес криками одобрения, а затем громко пропело ласкающим слух голосом такой стих:

Хоть плут и искушен в искусстве плутовства,
Навряд ли полного добьется торжества.
Как цапля ни была коварна и хитра,
Рак победил ее — таков закон добра!»

И Учитель повторил: «Не только ведь ныне, братия, этот деревенский плут-портной обманул городского мошенника, он и прежде его обманывал». Закончив свое наставление в дхамме, Учитель разъяснил суть джатаки, так связав перерождения: «В ту пору цаплей был бхиккху-портной из Джетаваиы, раком — деревенский портной, божеством же дерева — я сам».

Джатака о Нанде (39)

Словами: «Я полагаю: драгоценный клад сокрыт...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — приступил к рассказу о монахе, который делил келью с Сарипуттой.

Монах этот, рассказывают, был учтив и сдержан в речах и с великим тщанием исполнял все, что требовал от него тхера. Но вот однажды с дозволения Учителя тхера вместе со своим соседом отправился в Страну южных гор, и когда они достигли цели своего паломничества, то прежде учтивый бхиккху столь возомнил о себе, что совсем перестал слушаться распоряжений тхеры, и всякий раз, когда тхера говорил: «Почтенный, исполни то-то и то-то», монах перечил ему и не подчинялся. Тхера никак не мог понять, что на того нашло. Когда их паломничество окончилось и оба они воротились в Джетавану, бхиккху опять сделался столь же кроток и послушен, как до странствия. Тхера отправился тогда к Татхагате и рассказал ему обо всем. «Почтенный,— сказал тхера,— живет со мной монах, который то ведет себя будто раб, купленный за сотню монет, то, неожиданно возомнив о себе, начинает перечить на каждом шагу и не слушается никаких повелений». «Сарипутта,— ответил Учитель,— не только ведь ныне этот бхиккху поступает столь своенравно, и прежде уже случалось так, что в одном месте он держал себя будто раб, купленный за сотню монет, а стоило ему оказаться в другом месте, он начинал перечить и выказывать непослушание». И в пояснение сказанного Учитель по просьбе тхеры поведал ему о том, что случилось в прошлом.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта воплотился в облике землевладельца. По соседству с ним проживал его приятель, тоже землевладелец и тоже, как и он сам, пожилой человек. Жена у этого приятеля была молодая, и когда она родила супругу наследника, старый муж призадумался: «Жена моя еще молода и потому с моей кончиной сыщет себе

кого-нибудь другого, да и пустит по ветру все мое богатство. Сыну моему тогда ничего не достанется. Не лучше ли самому теперь же припрятать деньги?» Приняв такое решение, он призвал своего холопа Нанду, отправился вместе с ним в лес и, зарыв свое богатство в укромном месте, сказал: «Нанда, дорогой, после моей кончины отдай этот клад сыну. И смотри не допусти, чтобы этот лес продали». Вскоре после этого старый землевладелец умер.

Прошло время, и его сын вырос. И тогда мать рассказала ему: «Сыночек, твой отец зарыл свои сокровища в присутствии холопа Нанды, пусть Нанда укажет тебе место, где они спрятаны. Вот ты бы и зажил на славу». Как-то раз юноша и спросил Нанду: «Дядюшка, верно ли, что вы вместе с моим отцом припрятали сокровища?» «Верно, хозяин», — ответил Нанда. «А где же вы зарыли их?» — снова спросил юноша. «Да в лесу, хозяин», — отвечивал Нанда. «Ну, так пойдем тогда в лес», — молвил юноша.

Взяли они заступ и корзину и пошли в лес, к тому месту, где были зарыты сокровища. «Так где же клад-то, дядюшка?» — спросил юноша Нанду. А Нанда, лишь только очутился около денег, совсем потерял голову: исполнился такой гордыни, что ответил хозяину грубостью. «Да в своем ли уме ты, прислужник холопского сына! — заорал он. — Откуда тут быть кладу?» Юноша в ответ на его грубые, оскорбительные речи только сказал: «Ну что ж, тогда пошли домой», сделав вид, будто ничего не случилось. Вернулись они вместе домой. Через два-три дня они снова отправились на то же место, и снова Нанда, как и в прошлый раз, нагрубил хозяину. Юноша опять ничего не ответил на оскорбления, а вернувшись домой, принялся рассуждать сам собой: «Холоп этот говорит: «Пойдем, я покажу тебе, где зарыт клад», ведет в лес, но там обрушивается на меня с бранью. Никак не пойму, в чем здесь дело. Живет тут неподалеку старый приятель моего отца, тоже землевладелец, пойду посоветуюсь с ним». Приняв такое решение, юноша пошел к Бодхисатте, рассказал ему обо всем

и спросил, не знает ли тот причины такого поведения.

Бодхисатта объяснил юноше: «Дорогой мой! В том самом месте, где Нанда грубит тебе, и должен находиться клад твоего отца. Поэтому, когда в следующий раз Нанда разразится ругательствами, ты ему вели: «Эй, холоп! Молчать! Чего бранишься?» Столкни его с места, вырой заступом яму, достань сокровища, по праву принадлежащие вашей семье, и прикажи холопу отнести клад домой». И, разъясняя суть сказанного, Бодхисатта спел юноше такой стих:

Я полагаю: драгоценный клад сокрыт
Там, где презренный Нандака стоит.

Почтительно простясь с Бодхисаттой, юноша отправился к себе домой. Призвав Нанду, он снова пошел с ним за кладом. Поступив в точности так, как ему советовал Бодхисатта, юноша добыл сокровища и с их помощью поправил свое положение. Всю оставшуюся жизнь он прожил, непрестанно следуя наказам Бодхисатты, раздавая милостыню и творя другие добрые дела, с концом же отпущенного ему срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами.

Заканчивая наставление в дхамме, Учитель повторил: «И прежде уже этот человек вел себя недостойно». Потом он истолковал джатаку, так связав перерождения: «Нандой в ту пору был бхиккху, который делит келью с Сарипуттой; мудрым же землевладельцем был я сам».

Джатака о пылающих углях (40)

Со слов: «Всегда угодны приношенья Будде...» — Учитель — он жил тогда в роще Джетаване — повел рассказ о торговце Анатхапиндики.

Ибо ведь Анатхапиндика во имя учения Будды на один лишь монастырь в Джетаване пожертвовал

пятьдесят пять коти. Он не признавал иных сокровищ, кроме трех сокровищ веры, и когда Учитель бывал в Джетаване, каждый день являлся в монастырь, дабы услышать три великих моления: утреннее моление, дневное, после трапезы, и вечернее. Те моления, которые устраивались в промежутках между тремя великими молениями, Анатхапиндика тоже посещал. Опасаясь, что молодые монахи могут полюбопытствовать, с чем это он нынче явился, и станут высматривать, принес он что-нибудь или не принес, Анатхапиндика никогда не являлся в монастырь с пустыми руками. На утреннее моление приносил монахам вареный рис; приходя на моление после трапезы, одаривал бхиккху топленным маслом, свежим медом, соком сахарного тростника и прочим; к вечерней же службе приносил благоухавшие цветочные гирлянды и всевозможные одежды. Так благочестивый Анатхапиндика изо дня в день приносил жертвы, и не было им предела. Многие торговцы занимали у него деньги под долговые расписки, набрали чуть ли не двадцать коти, он же, известный своим богатством, никогда не напоминал им о долгах. Было у Анатхапиндики зарыто на берегу реки сокровищ чуть ли не на двадцати коти, принадлежавших его семейству; сокровища эти, запечатанные в железные кувшины, однажды унесло в море набежавшей во время бури волной, и они оказались погребенными на дне. В доме Анатхапиндики всегда был наготовлен рис — самое малое на пятьсот бхиккху разом, и жилище его было для монахов будто пруд для путников, вырытый на скрещении дорог, будто отчий дом. Сам Всепробужденный захаживал к Анатхапиндике, посещали его также восемьдесят великих тхер, а про других бхиккху и говорить нечего: входившим в его дом и выходившим из него — не было числа!

Надобно еще сказать, что дом Анатхапиндики был в семь этажей и вели к нему семь разных входов. Над четвертым поселилась женщина-дух, державшаяся иной, неправедной веры. И вот, когда Всепробужденный являлся в дом к Анатхапиндике,

эта женщина уже не могла спокойно пребывать в своем невидимом волшебном дворце над входом и со всеми своими чадами спускалась в нижний мир, где и жила некоторое время. Так же точно вынуждена она была поступать, когда к Анатхапиндики приходили восемьдесят великих тхер или когда через этот вход являлись в дом или выходили из него какие-либо иные тхеры. И помыслила женщина: «Покуда Готама и все его приверженцы будут посещать сей дом, не видеть мне счастья, ибо нельзя каждый раз спускаться под землю и жить там. Надобно отвадить их». И вот однажды, когда старший приказчик Анатхапиндики собрался было отдохнуть, женщина-дух, приняв свой зримый облик, явилась перед ним. «Кто ты?» — спросил приказчик. «Я женщина-дух, обитающая над четвертым входом в дом», — отвечала та. «Зачем пришла?» — осведомился приказчик. «Твой хозяин, — отвечала женщина, — поистине не ведает, что творит: разве не видишь, что он, не думая о будущем, лишь ублажает подвижника Готаму? Не отряжает больше караванов, запустил дела. Посоветуй хозяину исполнять лишь то, что ему положено, и отвадить этого Готаму и его приверженцев». «О ты, неразумная! — ответил приказчик. — Ведь хозяин жертвует свое богатство ради спасительного учения Будды. Да если бы он ухватил меня за волосы и поволок продавать, я и тогда ни слова ему не сказал бы. Ступай прочь!» Ничего не добившись, женщина-дух подступилась было к старшему сыну Анатхапиндики, но тот ответил ей так же, как и приказчик. С самим же хозяином она не дерзнула про это заговорить.

Между тем из-за постоянных щедрых пожертвований и из-за того, что Анатхапиндика забросил дела, поступавшие в его казну доходы уменьшились, и богатство мало-помалу начало истощаться. Через некоторое время он обеднел, у него поубавилось одежды, пища оскудела, да и утехы стали не те, что прежде, но он продолжал одаривать монахов, хоть и не столь щедро, как раньше. И вот однажды, когда Анатхапиндика, поприветствовав

Учителя, занял свое место в собрании, Учитель обратился к нему с вопросом: «Скажи мне, мирянин, раздают ли твои домочадцы милостыню?» «Да, Учитель,— отвечал Анатхапиндика,— мои домочадцы всегда одаривали монахов, но сейчас, кроме вчерашней рисовой каши да простокваши, в доме ничего нет». И сказал тогда Анатхапиндике Учитель: «Не печалься, мирянин, от того, что у тебя ничего не осталось для подающих, кроме грубой пищи: если дающий и в помыслах своих щедр, то ни Всепробужденному Будде, ни Пробужденному Будде, ни ученикам Будды — никому из них пища не покажется грубой, ибо велик будет плод ее. Недаром говорят: если дающий и в помыслах своих щедр, подающие его не покажутся грубыми, ибо, как известно:

Всегда угодны приношения Будде,
Пусть это только рис сухой на блюде,
Пусть только рис сухой и песоленный,
Любую малость примет Просветленный,
Лишь был бы чист душой своей даритель.
Открыта для таких гостей обитель».

И еще сказал Учитель Анатхапиндике: «Когда ты, мирянин, подаешь просящему, пусть даже грубую пищу, тем самым ты помогаешь вступившему на благой Восьмеричный Путь. Во время Велама я исходил вдоль и поперек Джамбу, одаря жителей его семью сокровищами веры, и это великое свое даяние я совершал с такой же щедростью, с какой слил бы воедино пять рек. И что же? Я не нашел никого, кто ведал бы о трех прибежищах или кто хранил бы пять заповедей! Воистину редко встретишь того, кто достоин подаяния. Поэтому не печалься при мысли, что грубо подающие твои». И, наставив так Анатхапиндику, Учитель прочел ему Веламака-сутту.

А теперь надобно сказать, что та самая женщина-дух, которая не дерзнула заговорить с Анатхапиндикой в ту пору, когда он был на вершине могущества, подумала: «Ныне стал он беден и потому должен внять моим речам». И вот в полночь она явилась к торговцу в спальню и предстала

перед ним в своем зримом облике, воссев в пространстве. «Кто ты?» — воскликнул торговец. «Я, почтенный торговец, дух, обитающий над четвертым входом в твой дом», — ответила женщина. «С чем пожаловала?» — спросил ее тогда Анатхапиндика. «Хочу дать тебе один совет», — сказала женщина-дух. «Что ж, говори», — ответил торговец. «О великий господин, — начала женщина, — ты не заботишься о своем будущем, не печешься о чадах своих. Ради вероучения Готамы растратил ты большое богатство. Впал в бедность, ибо долгое время был слишком щедр на подаяния, дела же забросил; и все ради Готамы! Даже ныне, в столь бедственном положении, не можешь ты выйти из-под его власти. По сию пору его приверженцы посещают твой дом. Того добра, которое они у тебя перетаскали, уже не воротишь, и да пребудет оно с ними. По отныне не должен ты ни сам ходить к подвижнику Готаме, ни впускать всех этих монахов и послушников в свой дом. Даже смотреть не должен на Готаму, а должен заниматься своим делом, торговать, вернуть семье благополучие». «Это и есть совет, который ты вознамерилась мне дать?» — спросил у женщины Анатхапиндика. «Да, господин», — сказала женщина.

«Мой Десятисильный Повелитель дал мне силу устоять перед сотней таких женщин-духов, перед тысячей, перед сотней тысяч!» — воскликнул тогда Анатхапиндика. — Ибо вера моя, как Гора Синеру, столь же неколебима, сколь и тверда! Я потратил свои богатства на сокровища веры, ведущей к спасению. Ты, сулящее несчастья черноухое создание, исполненное злобы и коварства, своими недостойными речами хотело нанести вред ученью Будды. Отныне я больше не позволю жить тебе со мною в одном доме. Тотчас же убирайся вон, ищи себе другое обиталище!»

И после этих слов истинного служителя дхаммы, вступившего в Поток, женщина-дух не могла больше оставаться в его доме: она отправилась к себе, забрала чад своих и пошла прочь. И пока шла, сама с собой рассуждала: «Если не удастся найти дру-

гое жилище, как-нибудь умилоствлю торговца и вновь поселюсь у него». Так решив про себя, она явилась к духу — хранителю города и, оказав ему надлежащие почести, недвижно застыла перед ним. «Зачем пожаловала?» — спросил ее дух — хранитель города. «О господин, я разговаривала без должного почтения с Анатхапиндикой, и за это он, разгневавшись, изгнал меня из своего дома. Пойди со мной вместе к нему и умоли дать мне жилище». «Что же ты такого сказала торговцу?» — спросил дух-хранитель. «Да ничего особенного, господин, — отвечала женщина, — посоветовала ему не помогать ни Будде, ни монастырю, а подвижника Готаму не пускать в дом». «Что за недостойные речи! — воскликнул дух-хранитель. — Они наносят вред учению Будды. Так что не дерзну я пойти с тобою к торговцу». Не найдя помощи у духа-хранителя, женщина поспешила к четырем великим стражам мира. Когда же и они прогнали ее, обратилась к владыке богов Сакке и, со всей чистосердечностью поведав ему свою историю, стала молить: «Господин, лишившись крова, я скитаюсь со своими чадами по свету. Сделай милость, дай какое-нибудь место, где я могла бы поселиться». Но и Сакка не помог ей, только сказал: «Ты содеяла недостойное, причинила вред самому великому вероучению. А потому я, как и прочие, не дерзну замолвить слово за тебя перед торговцем, но дам тебе совет, как умилоствить Анатхапиндику». «Вот хорошо! — обрадовалась женщина. — Скажи мне, что должна я делать, господин». «У нашего великого Анатхапиндики должников не счесть, долговых расписок у него чуть ли не на двадцать коти. Обернись поверенным Анатхапиндики и, никому не говоря ни слова, возьми расписки, да и ступай вместе с молодыми яккхами к тем должникам. В одной руке держи расписки долговые, в другой — расписки об уплате. Обойдешь всех должников и, прибегнув к своему яккхическому могуществу, станешь каждому грозить: «Вот, мол, казенная бумага, в которой написано, что должен ты немедленно погасить свой долг. Покуда торговец был богат, он терпел, а нынче

обеднел, туго ему приходится. Так что плати свой долг». Вот ты и вытребуешь силой своего яккхического могущества чуть ли не двадцать коти золота и им пополнишь опустевшую казну торговца. Есть у Анатхапиндики и другие сокровища: на берегу реки Ачиравати он некогда зарыл клад, но клад тот унесло волной в океан. Отыщи его и тем еще пополнишь казну Анатхапиндики. К тому же есть место, где хранятся богатств чуть ли не на двадцать коти, а хозяина у них нет; возьми и эти богатства и восполни оскудевшую казну торговца. Когда в казне Анатхапиндики вновь соберется богатств без малого на пятьдесят пять коти, считай, что ты сняла с себя вину и умилиствовала великого торговца».

Женщина поблагодарила Сакку за совет и сделала все, как он ей велел: доставила собранные ею сокровища в казну Анатхапиндики, а в полночь приняла свой зримый облик и явилась в спальню торговца, воссев в пространстве. «Кто ты?» — спросил Анатхапиндика. «О великий торговец,— отвечала женщина,— я женщина-дух, которая жила над четвертым входом в твой дом. Понстине, была я слепа: в своей глупости и в своей слепоте и невежестве не знала всего величия учения Будды и потому обратилась к тебе с недостойными речами. Будь же великодушен, прости меня. Следуя совету Сакки, предводителя богов, я, дабы заслужить твою милость, добыла со дна морского без малого двадцать коти и еще почти столько же денег, хранившихся в одном месте и не имевших владельца, и, наконец, еще столько же собрала с твоих должников. Я наполнила твою казну и теперь больше не заслуживаю наказания. Все, что ты потратил на строительство монастыря в Джетаване, вернулось к тебе сторицей. Я же лишилась крова и претерпеваю муки. Прости меня за то, что сотворила по неразумению своему, не держи зла на сердце, великий торговец». Внимая ее речам, Анатхапиндика думал: «Ведь вот она женщина-дух, а признала за собой вину и готова была понести наказание. Пусть Учитель растолкует ей все величие своего вероуче-

ния. Отведу-ка я ее к Всепробужденному». И обратился тогда торговец к женщине-духу: «Слушай, что я тебе скажу. Если ты и вправду хочешь, чтобы я простил тебя, проси меня о прощении при Учителе». «Да будет так,— отвечала женщина.— Веди меня к Учителю». Едва забрезжил рассвет, торговец с женщиной-духом отправился к Учителю и поведал ему обо всем, что произошло. «Видишь, мирянин,— сказал Анатхапиндике Учитель, выслушав его,— покуда зло не созрело, злотворец видит в нем благо, лишь когда зло созреет, он видит в нем зло. Так же и творящий добро: покуда добро не созрело, он видит в нем зло; лишь когда добро созреет, он видит в нем добро». И, поясняя свою мысль, Учитель спел Анатхапиндике два стиха из «Дхаммапады»:

Даже злой видит счастье, пока зло не созрело.

Но когда зло созреет, тогда злой видит зло (119).

Даже благой видит зло, пока благо не созрело.

Но когда благо созреет, тогда благой видит благо (120)¹.

И только смолк последний стих, как женщина-дух, вкусив от плода истинной дхаммы, утвердилась в вероучении и вступила в Поток. Припав к ногам Учителя, которые и были колесом дхаммы, она воскликнула: «О Благостный! Мною, запятнанной страстями, оскверненной всеми сквернами, ослепленной слепотою, одурманенной невежеством, мною, не ведавшей добродетелей твоих, были сказаны те злые слова. Прости же меня!» И после того, как Учитель явил ей свою великую милость, она попросила прощения у торговца и была им прощена.

Между тем Анатхапиндика принялся рассказывать Учителю и о своих заслугах. «Вот, Благостный,— говорил он,— как ни старалась эта женщина уговорить меня отринуть Будду и его приверженцев, не знаться с ними, не удалось ей совратить меня; как ни пыталась склонить меня к тому, чтобы не давал я больше милостыню, я не перестал

¹ Перевод В. Топорова.

давать. Была ли в том моя заслуга, Благостный, скажи». «Мирянин,— отвечал ему на то Учитель,— ты уже вступил в Поток истинной дхаммы, и служение твое благородно, вера твоя крепка, твой взор и внутренний и наружный очищен — что же удивительного в том, что эта женщина-дух тебя не совершила, тем паче что чудодейственная сила ее не так уж велика. Но вот что удивительно: прежде, когда еще не появился Будда и истинное знание не созрело, мудрые и стойкие не совершились. Ибо, когда явился перед ними Мара, повелитель мира страстей, и, указуя на яму в восемьдесят локтей глубиной, наполненную до краев горящими угольями, вскричал: «Тот из вас, кто и впредь станет подавать милостыню, будет гореть в этом чистилище. Не подавайте милостыню», — то и тогда, искушаемые Марой, мудрые и стойкие не прельстились его речами и, стоя в самой сердцевине огромного лотоса, подавали милостыню. Вот что поистине удивительно!» И, побуждаемый к тому Анапхалиндикой, Учитель явил суть сказанного им, поведав о том, что случилось в прошлом.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился на земле в семействе богатого бенаресского торговца. Рос он в счастье и довольстве, будто царский сын, и ни в чем не знал отказа. Когда он возмужал, а возмужал он, по общему признанию, уже в шестнадцать лет — он в совершенстве овладел всеми видами ремесел и искусств. И после смерти отца стал вместо него вести торговлю. У всех четырех городских ворот, а также в центре Бенареса и вблизи собственного жилища он построил шесть домов, где всякий мог получить то, в чем нуждался, и, выстроив их, щедро раздавал подающие и был верен нравственным заветам, блюдя пост и обеты.

Однажды с утра, в то самое время, когда Бодхисатта вкушал свою трапезу, состоявшую из самых изысканных яств, некий Пробужденный, прозываемый Паччека будда, который пекся лишь о собственном спасении, после семидневного подвижничества вновь стал воспринимать окружающий

мир и вспомнил, что настало время идти за подаванием. «Отправлюсь-ка я сегодня просить милостыню к дверям дома бенаресского торговца»,— подумал он, поковырял в зубах палочкой, сделанной из дерева бо, прополоскал рот водой из священного озера Анотатта — а надобно сказать, что пребывал он в это время на окрашенной охрой Скале Просветления,— подпоясаясь, облачился в оранжевую монашескую накидку, своей подвижнической силой сотворил чашу для сбора подавания и в следующий миг очутился у дома Бодхисатты, который как раз вкушал трапезу, и остановился у ворот. Заметив его, Бодхисатта тотчас поднялся и сделал знак стоявшему рядом слуге. «Что угодно господину?»— спросил слуга. «Ступай возьми у почтенного монаха, который стоит у ворот, его глиняную чашу для подаваний и принеси сюда»,— распорядился Бодхисатта. В тот же миг злокозненный Мара, весь дрожа от злости, привстал со своего места в воздушном пространстве и подумал: «Прошло уже семь дней с тех пор, когда этот Паччека будда ел в последний раз. Если и нынче он не поест, наверняка погибнет! Что ж, я в этом помогу ему, а торговцу помешаю подать милостыню». Решив так, Мара немедленно явился в покои Бодхисатты и силой своих чар сотворил там яму глубиной в восемьдесят локтей, полную пылающих угольев: в ней горела, полыхая языками пламени, акация, и была та яма подобна великому чистилищу Авичи. Сам же Мара, сотворивший это чудо, невидимый, вновь уселся на свое место в воздушном пространстве.

Когда слуга, посланный Бодхисаттой за глиняной чашей для подавания, увидел пылающую яму, он в страхе примчался обратно. «Почему ты вернулся?»— спросил Бодхисатта. «Господин,— отвечал слуга,— в доме появилась яма с угольями, так и полыхает». Бежали прочь от ямы и остальные слуги. Тут Бодхисатта задумался. «Не иначе как всемогущий Мара силою своих чар хочет во что бы то ни стало помешать мне в моем давании. Еще неизвестно, устою ли я перед натиском сотни, а то и тысячи таких Мар. Что ж, нынче предста-

вился случай проверить, кто более могуч: я или Мара». Так решив, Бодхисатта взял чашу для подаяния, вышел из покоев, остановился на краю ямы с пылавшими угольями и вперил взгляд в пространство. Узрев Мару, он спросил: «Кто ты?» — и, услышав в ответ: «Я Мара», — во второй раз спросил: «Это ты сотворил яму с пылающими угольями?» «Да, я!» — отвечал Мара. «Зачем?» — в третий раз спросил Бодхисатта. «Чтобы ты не мог подать милостыни и чтобы Паччека будда лишился жизни», — сказал Мара. «Не бывать этому! — воскликнул Бодхисатта. — Ты не лишишь Паччека будду жизни, а мне не помешаешь подавать милостыню. Сейчас я посмотрю, кто могущественнее — ты или я». И Бодхисатта, продолжая стоять на самом краю ямы, обратился к Паччека будде. «Почтенный Паччека будда, — молвил он, — пусть низринусь я в эту яму, все равно не отступлюсь! Об одном тебя молю: окажи милость, прими от меня подаяние». И Бодхисатта спел такой стих:

В чистилище низвергнусь лучше я,
пусть в пропасть полечу вниз головою,
Но скверному свершиться я не дам.
Прими ж мое даяние благое!

Вслед за тем Бодхисатта, исполненный решимости, схватил чашу для подаяния и хотел было шагнуть прямо в пылающую яму, но в тот же миг со дна ее на все восемь десятков локтей поднялся ввысь прекрасный в своем совершенстве огромный лотос, а раскрывшиеся лепестки его оказались прямо под ногами Бодхисатты. Из лотоса высыпалась целая мера золотой пыли прямо на Великосущего, и все тело его засверкало, будто покрылось золотом. И, стоя в самой середине цветка, Бодхисатта наполнил изысканнейшими яствами чашу Паччека будды, и Паччека будда принял ту чашу и поблагодарил Бодхисатту, после чего закинул чашу прямо в небо и на глазах у всех сам туда взлетел, оставляя за собой облачный след причудливой формы, и направился в сторону Гималаев. Мара же, посрамленный, в дурном расположении духа, отбыл

в свою обитель. А Бодхисатта все еще стоял в самой сердцевине лотоса, наставляя собравшихся в дхамме, восхваляя благостность даяния; затем, сопровождаемый многочисленной свитой, он проследовал во внутренние покои дома. До конца отпущенного ему срока Бодхисатта подавал милостыню и творил иные добрые дела и с кончиною перешел в другое рождение в согласии с накопленными заслугами».

И Учитель повторил: «Не то удивительно, мирянин, что ты, обретший прозрение, избежал соблазна, исходившего от женщины-духа,— деяния мудрых в прежние времена — вот что поистине достойно удивления!» И, закончив свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Паччека будда в ту пору свершил свой великий и окончательный Исход, а бенаресским торговцем, который посрамил Мару и, находясь в сердцевине лотоса, сумел подать Паччека будде милостыню, был тогда я сам».

Джатака о Лосаке (41)

Со слов: «Кто друга наставлений не примет...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — повел рассказ об одном тхере по имени Лосака Тисса. Если вы спросите: «Кто же такой этот Лосака Тисса?» — то знайте, что Лосака, сын рыбака, жившего в царстве Косалы, был погубителем собственного рода, а также — монахом, которому никто не хотел давать подаяния. Ибо тотчас же по скончании его прежнего существования он возродился в лоне рыбацки, жившей в рыбацкой деревне царства Косалы. Кроме семьи рыбацки, в деревне жили и другие семьи — всего тысяча, — тоже принадлежавшие к рыбацкому роду. В тот самый день, когда рыбацка зачала Лосаку, все жители деревни, с сетями в руках, отправились на рыбную ловлю: кто на реку, кто — на пруд, кто — еще куда-нибудь, но ни один не поймал даже самой маленькой рыбки. Так с того дня и повелось, и дела у рыбаков шли все хуже и хуже.

Еще до того, как Лосака был зачат в лоне рыбачки, деревня семь раз горела, и семь раз ее постигала кара правителя, так что жители ее со временем обнищали. И стали они тогда рассуждать: «Прежде все было хорошо, ныне же становится все хуже и хуже. Не иначе как появился среди нас кто-то, приносящий несчастье. Давайте поделимся». И стали они жить порознь: пять сотен семей вели свое хозяйство, пять сотен — свое. И вот та половина, в которую вошли родители Лосаки, бедствовала, у другой же половины дела пошли на лад. И решили тогда поделить пополам каждую из половин, и поступали так много раз, покуда не выделилась из всех одна семья. Тут стало ясно, что она и есть источник несчастий; тогда всех, кто принадлежал к этой семье, побили и выгнали вон.

Мать Лосаки — изгнали именно ее семью — с трудом зарабатывала себе на пропитание; когда же приспел срок, благополучно разрешилась в укроном месте. Надобно сказать, что существо, возродившееся в последний раз, не может быть уничтожено, ибо в сердце его пылает огонь грядущего арахатства, подобно тому как пылает огонь укрытого на дне кувшина светильника, невидимого и неугасимого. Так вот, мать Лосаки заботилась о младенце, покуда он не научился ходить, а потом сунула ему в руку чашу для подаяний и, послав его собирать милостыню, сама убежала прочь. С тех пор младенец рос один, питаясь подаянием. Спал, где придется, не мылся, не холил свое тело, словом, жил подобно отпрыску грязных демонов-пишача, питающихся сырым мясом. Прошло семь лет, младенец подрос и теперь кормился рисом, который подбирал по зернышку, будто ворона, у ворот одного из домов, на том месте, где обычно мыли котлы, выбрасывая из них остатки пищи.

Однажды тхера Сарипутта, предводитель воинства дхаммы, отправился за подаянием и, встретив на пути в Саваттхи этого мальчика, подумал: «Из какой он деревни? Всем видом своим он рождает в сердце великое сострадание». Питая к ребенку неподдельную нежность, Сарипутта окликнул его:

«Эй, подойди-ка сюда». Мальчик подошел к тхере и почтительно его приветствовал. «Из какой ты деревни и где твои мать с отцом?» — спросил тхера, на что мальчик ответил: «Мои мать с отцом, почтенный, бросили меня и сбежали, сказав, что утомились от забот обо мне». «А не хотел бы ты принять монашество?» — спросил тогда тхера. «Почтенный, — ответил мальчик, — я бы очень хотел, но кто возьмет в монахи такого бродягу, как я?» «Я возьму», — ответил тхера. «Что ж, — обрадовался мальчик, — возьми!» Тхера накормил его вкусной пищей, отвел в монастырь и сам искупал. Так мальчик стал монахом.

К старости Лосака стал известен как «тхера Лосака Тисса», но он не достиг высшей мудрости, и доставалось ему немного. Ибо, как ни велико было подаяние, он ни разу не смог набить живот и лишь кое-как поддерживал свое существование. Потому что стоило положить ложку рисовой каши в его чашу для подаяний, как начинало казаться, будто чаша полна до краев, и люди, думая: «У этого чаша полна», — уносили рис и раздавали его другим просящим подаяние. Еще говорят, что, когда в чашу Лосаки клали рис, рис тотчас же исчезал. Точно так же было у Лосаки и с другой пищей. Даже когда со временем он развил в себе внутреннее зрение и способность к сосредоточению и обрел высший плод арахатства, ему все равно доставалось немного.

И вот, когда наконец запас соделателей, поддерживавших в Лосаке жизненные силы, иссяк и настал день его полного и окончательного Исхода, Сарипутта, предводитель воинства дхаммы, зная об этом, стал думать: «Ныне — день великой ниббаны тхеры Лосаки Тиссы, и мне надлежит позаботиться о том, чтобы ему сполна досталась пища, в которой он нуждается». Решив так, Сарипутта вместе с Лосакой отправился в Саваттхи, где было много жителей, но сколько ни протягивал руку за подаянием, из-за Лосаки никто ничем его не оделял, разве что почтительными приветствиями. Тогда тхера сказал: «Ступай, почтенный, посиди в зале собра-

ний»,— и отправил Лосаку обратно в монастырь, а сам, быстро наполнив свою чашу подаяниями, повелел доставить ее и передать Лосаке; посыльные же, взяв у Сарипутты чашу, не донесли ее до Лосаки, а по дороге сами все съели. Когда Сарипутта возвратился в монастырь, тхера Лосака Тисса вышел его приветствовать, и Сарипутта спросил: «Ну что, почтенный, досталась тебе еда?», на что Лосака ответил: «Еще достанется, высокочтимый». Сарипутта с беспокойством осведомился, который час, и, узнав, что время для трапезы уже миновало, отвел тхеру Лосаку в залу собраний и, наказав: «Побудь-ка здесь, почтенный», сам отправился во дворец правителя Косалы. Правитель приказал взять у тхеры чашу для подаяний, но, зная, что не время сейчас монахам есть горячую пищу, распорядился наполнить ее до краев сластями четырех видов. Сарипутта принес чашу в монастырь и сказал Лосаке: «Вот, почтенный Тисса, отведай-ка этого меда, и сладкого масла, перетопленного с обычным, и патоки!» Но Лосака постыдился есть при великом Сарипутте, тогда Сарипутта сказал ему: «Что же ты, почтенный Тисса, садись и ешь, а я буду стоять рядом и держать чашу. Ибо стоит мне выпустить сию чашу из рук, как в ней ничего не останется!» И почтенный тхера Лосака Тисса принялся есть, в то время как Сарипутта, предводитель воинства дхаммы, стоял рядом и держал чашу с пищей! И благодаря духовной силе и благородству великого тхеры пища не пропадала, и Лосака Тисса ел, сколько хотел, и наелся досыта. В тот же день он ушел в ниббану и так свершился Исход, после которого уже не наступает возвращение в сансару! Сам Всепробужденный был при том, когда тело ушедшего в ниббану Лосаки предавали огню. Пепел и кости собрали и изготовили священную усыпальницу.

Вскоре после этого монахи, сидя как-то в собрании, рассуждали: «Этот тхера Лосака, почтенные, не отличался святостью, и ему доставалась самая малость! Как же, не накопив святой заслуги и вечно нуждаясь, он сумел обрести благородную дхамму

арахатства?» В это время в залу собраний вошел Учитель и спросил бхиккху: «О чем это вы, братия, здесь толкуете?» — и те рассказали ему, о чем вели речь. «Братия, — молвил тогда Учитель, — этот ушедший в ниббану бхиккху сам был повинен в том, что ему доставалась лишь малость, и сам достиг арахатства! Ибо от того, что прежде мешал другим получать, он и сам получал самую малость, а благодаря тому, что, впрягшись в йогу, он сосредоточенно размышлял над непостоянством, страданием и бесконечностью, которые являются сутью вещей, обрел он затем благородный плод арахатства». И, поясняя сказанное, Учитель поведал монахам о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена Всесветлого Будды Кассáпы жил в одном селении некий бхиккху. Ему, безупречному в своей монашеской жизни, исполненному нравственных совершенств и способному к глубокому внутреннему сосредоточению и размышлению при посредстве йогы, покровительствовал некий землевладелец. И вот однажды в деревню, где жил этот землевладелец, явился ни разу там не бывавший тхера. Он порвал узы мирской скверны и достиг арахатства, но со своими товарищами держался как с ровней. Землевладелец поглядел, как тхера ходит, стоит, сидит и лежит, очистился духом и, пребывая в блаженстве, взял у него чашу для подаяний, повел в дом и со всем почтением пригласил сесть за трапезу. Потолковав немного с хозяином о дхамме, тхера поднялся, собираясь уйти, тогда хозяин, сложив почтительно руки, стал его упрашивать: «Почтенный, остановись в монастыре, который неподалеку от моего дома; я хотел бы вечером повидаться с тобой». Тхера отправился в указанный монастырь, приветствовал настоятеля и, испросив его дозволения, смиренно сел в сторонке. Настоятель встретил его весьма дружелюбно и спросил: «Получил ли ты, почтенный, какое-нибудь подаяние, сыт ли?» «Да, сыт», — ответил тхера. «Где же тебе подали?» — вновь спросил настоятель. «Да неподалеку от вас — в доме одного землевладельца», — молвил тхера и попросил отвести его в келью. Когда

же его отвели туда, он оставил в сторону чашу для сбора подаяний, откинул монашескую накидку и, приняв позу лотоса, погрузился в блаженство сосредоточенного размышления о плодах, даруемых благородным Восьмеричным Путем.

Землевладелец же, как только наступил вечер, захватил с собой цветочные гирлянды и светильники, заправленные маслом, и отправился в монастырь. Там он почтительно приветствовал настоятеля и спросил: «Скажи, уважаемый, не поселился ли в вашем монастыре один тхера?» «Да, поселился», — ответил настоятель. «Где же он?» — вновь спросил землевладелец. «Да вон в той келье», — ответил настоятель. Тогда землевладелец вошел в келью к тхере, почтительно его приветствовал и, смиренно усевшись в сторонке, стал внимать речам тхеры, пустившегося в рассуждения о дхамме. Когда же настала ночная прохлада, землевладелец возложил подношение перед ступою и священным деревом бо и возжег светильники, после же, с согласия тхеры и настоятеля, пригласил их обоих его навестить и удалился.

А надобно сказать, что настоятель был тем самым монахом, которому покровительствовал землевладелец. И вот, когда землевладелец ушел, настоятель стал размышлять: «Мой покровитель охладел ко мне. А если этот новый бхиккху пожелает остаться в нашем монастыре, то он совсем перестанет мною интересоваться». И, по недомыслию своему и на свое же несчастье, настоятель решил: «Придумаю какой-нибудь способ отвадить бхиккху от монастыря». И вот, когда тхера пришел оказать подобающие почести настоятелю, тот не захотел даже с ним разговаривать. Тхера, достигший арахатства, без труда определил намерения настоятеля и, помыслив: «Настоятель не ведает, что я не помяха ни в дружбе его с семейством землеладельца, ни в монастыре», вернулся к себе в келью и погрузился в блаженство сосредоточенного размышления о плодах, приносимых благородным Восьмеричным Путем.

На следующий день настоятель, едва коснувшись пальцами будильного гонга и легонько постучав ногтем в дверь кельи, где находился тхера, отправился в дом своего покровителя. Принимая из рук настоятеля чашу для подаяний и предлагая ему занять почетное место, хозяин осведомился: «А где же тот тхера, что прибыл недавно, почтенный?» «Не знаю,— ответил настоятель,— куда подевался твой друг: я бил в будильный гонг, громко стучал в дверь его кельи, но не смог добудиться. Должно быть, вчера он объелся у тебя в доме и всю ночь маялся животом. Ты, верно, сейчас умиляешься тому, что тхера до сих пор изволит почивать,— что ж, умиляйся этому и впредь». Тем временем тхера, достигший арахатства, как только пришло время отправляться за подаянием, искупался, накинул монашескую накидку, взял чашу для подаяний и, взмыв в небеса, перенесся куда-то в другое место. Землевладелец же накормил настоятеля рисовой кашей, обильно сдобренной топленым маслом, медом и патокой, потом взял у него чашу для подаяний и, посыпав рис толчеными ароматными специями и хорошенько перемешав его, наполнил до краев чашу и, подавая ее настоятелю, молвил: «Почтенный, тот тхера, должно быть, еще не отдохнул после долгого пути, так ты, уж будь добр, снеси ему это». Не выказав недовольства, настоятель взял чашу и пошел в монастырь, размышляя по дороге: «Если бхиккху отведаст такой отменной рисовой каши, то потом никакими силами не выгонишь его вон. Если отдать кому-нибудь эту кашу, поступок мой скоро обнаружится; если выплеснуть ее в воду — на поверхности появятся жирные пятна; бросить на землю — увидят вороны и налетят стайей. Куда же все-таки деть ее?» Размышляя так, настоятель набрел на место, где выжигали древесный уголь; раскидал землю, выплеснул кашу, а сверху набросал углей и пошел в монастырь. Не найдя там тхеры, настоятель подумал: «Конечно же, этот достигший арахатства бхиккху узнал мои мысли и ушел прочь. О, горе мне: в угоду чреву своему я свершил недостойное».

И впал настоятель с той самой поры в великое уныние, стал будто дух, обернувшийся человеком. Вскорости истек срок его тогдашнего существования, и он обрел новое рождение в чистилище, где и очищался в кипящей воде много сотен тысяч лет. Продолжая очищаться, в течение пятисот следующих существований он рождался яккхой, который только раз за все это время мог наесться досыта, набив свое брюхо отбросами. В следующие же пятьсот рождений он был псом, и ему тоже всего раз было дозволено набить свое брюхо помоями, все же остальное время он никогда не наедался досыта. Очередное свое рождение настоятель обрел в царстве Косалы, в бедной деревенской семье, которая после появления его на свет впала в еще большую нищету. Ни разу не удалось ему наполнить живот свой чуть выше пупка хотя бы жидкой рисовой кашцей. Нарекли его Миттавиндака, что значит «Ищущий дружбы».

Не в силах более терпеть мучения, преследовавшие их после рождения сына, мать и отец Миттавиндаки стали колотить его, а после и вовсе выгнали из дому, сказав: «Ступай прочь, источник зла!» Лишившись крова, стал Миттавиндака скитаться, куда не попал в Бенарес. А там в это время как раз жил Бодхисатта, известный всему миру наставник, у которого было до пяти сотен юных брахманов-учеников. Так уж повелось у бенаресцев, что они помогали отпрыскам бедных семей, и тем дозволено было бесплатно учиться. Миттавиндаку определили в ученики к Бодхисатте, чтобы он учился добру, но мальчик был груб, непослушен, вечно затевал драки с другими учениками. Когда же Бодхисатта ему выговаривал, не внимал его наставлениям, и из-за него даже уменьшились доходы Бодхисатты от наставничества. И вот, рассорясь с остальными учениками и не желая внимать наставленьям, Миттавиндака сбежал от Бодхисатты и вновь стал бродяжничать, пока не занесло его в одну отдаленную деревушку, где он нанялся на работу, тем и жил. Вскоре он женился, взял в жены нищенку, и она родила ему двух детей. Жители деревни,

полагая, что Миттавиндака способен растолковать им, какое учение истинно, а какое ложно, платили ему как наставнику и дали хижины на краю деревни, где он и поселился. Но после этого жителей этой глухой деревушки семь раз постигала кара правителя, семь раз горели дома, и семь раз высыхали пруды, откуда они брали воду. И поняли люди: прежде, покуда не было Миттавиндаки, не случилось несчастий; теперь же день ото дня становится все хуже и хуже. Миттавиндаку побили и со всем семейством выгнали из деревни. Забрав чад своих и домочадцев, Миттавиндака отправился куда глаза глядят и в конце концов поселился в лесу, где хозяйничали демоны. Демоны убили детей и жену Миттавиндаки, сожрали их, а сам он убежал и снова стал скитаться, покуда не забрел в одну прибрежную деревню, называемую Гамбхйра. И забрел он туда в тот самый день, когда из деревни должно было отплыть за море торговое судно, напав на то судно и отплыл вместе с ним. Семь дней плыло судно, а на седьмой день вдруг остановилось посреди моря, будто на скалу натолкнулось. Принялись тогда все, кто был на судне, тянуть жребий, чтобы узнать, кто приносит несчастье, и семь раз падал жребий на Миттавиндаку. Сунули тогда в руки Миттавиндаке связку бамбуковых прутьев, раскачали его и бросили в море. И только бросили его в море, как судно тот же час сдвинулось с места.

Миттавиндака же, ухватясь за связку бамбуковых прутьев, отдался на волю волн. Из-за того, что во времена Всепробужденного Будды Кассапы Миттавиндака был монахом, следовал правственным заветам и потому обладал, хотя и незрелым, плодом святой заслуги, он, странствуя по морю, наткнулся на волшебный дворец, весь прозрачный, где обитали четыре дочери неба, и прожил в этом дворце Миттавиндака семь дней, вкушая блаженство. Отправляясь терпеть семидневное страдание, дочери неба наказали Миттавиндаке: «Оставайся здесь, покуда мы не вернемся», — но только они отбыли, как Миттавиндака вновь уцепился за свою связку

бамбуковых прутьев и отправился дальше. Странствуя по морю, он наткнулся на волшебный дворец, весь из серебра, где обитали восемь дочерей неба, пожил там и поплыл дальше. Приплыл во дворец из самоцветов, где обитали шестнадцать дочерей неба, пожил там, затем пожил еще в золотом дворце, где обитали тридцать две дочери неба. Не слушая их советов, отправился дальше и плыл, покуда не увидел раскинувшийся на одном из островов город яккхов и бродившую там по берегу яккхини в обличье козы. Не ведая, что перед ним яккхини, Миттавиндака подумал: «Полакомлюсь-ка я козым мясом», и ухватил яккхини за ногу. Тогда яккхини схватила Миттавиндаку, подняла в воздух и изо всей своей яккхической силы швырнула в пространство. И была эта сила столь велика, что Миттавиндака перелетел через море и вновь оказался в Бенаресе; упал он в заросли терновника, который рос по краям рва, окружавшего городские стены Бенареса, и покатился вниз по склону. Катился до тех пор, покуда не растянулся на земле. А надобно сказать, что в ту пору во рве прятались похитители царских коз, и пастухи, решив во что бы то ни стало изловить мошенников, подкарауливали их, укрывшись неподалеку.

Миттавиндака же, поднявшись с земли, увидел пасущихся коз и подумал: «Коза, которую я ухватил на острове за ногу, бросила меня сюда; ухвачу-ка я и сейчас какую-нибудь козу за ногу. Может быть, она забросит меня снова в море, в волшебный дворец к дочерям неба?» И, не ведая, что творит, Миттавиндака ухватил одну из коз за ногу, отчего та принялась громко блеять. Со всех сторон сбегались пастухи, воия: «Так вот он, тот вор, который так долго кормился царскими козами!»; и они схватили Миттавиндаку, избили его и, связав, потащили к царю. А в это самое время Бодхисатта в сопровождении всех пятисот своих юных учеников как раз выходил из города, направляясь к реке для омовения. Увидев Миттавиндаку и узнав его, он спросил у пастухов: «Любезные, да ведь он живет у нас, куда же вы его тащите?» «Почтенный,— отве-

чали пастухи,— он ворует коз, он вот и сейчас собирался уворовать одну, ухватив ее за ноги. За это мы и изловили его». «Лучше отдайте его нам в прислужники,— сказал тогда Бодхисатта,— пусть живет под нашим присмотром». «Ладно, почтенный»,— согласились пастухи и, отпустив Миттавиндаку, пошли своей дорогой. Тут Бодхисатта обратился к Миттавиндаке: «Где это ты пропадал столько времени?» И Миттавиндака поведал Бодхисатте о том, что с ним произошло. «Вот,— сказал тогда Бодхисатта,— кто не внимает наставленьям друзей, неизменно терпит великие муки». И, поясняя сказанное, он спел такой стих:

Кто друга наставлений не приемлет,
Словам заботы дружеской не внемлет,
Тому, как Миттавиндаке, страданья
Терпеть — кто будет слушать оправданья?

С истечением же отпущенного им срока и наставник и Миттавиндака перешли в иные рождения в согласии с накопленными заслугами.

Учитель повторил: «Этот Лосака, монахи, сам был повинен в том, что ему доставалось лишь малое, и сам достиг арахатства!» И, закончив наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Миттавиндакой был тогда тхера Лосака Тисса, известным же всему миру наставником — я сам».

Джатака о голубе (42)

Со слов: «Кто друга наставлений не приемлет...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал повествование о жадном и завистливом монахе. О том, как выказывал этот монах свой нрав, мы узнаем из джатаки о вороне, которая содержится в Девятой книге, а пока скажем лишь, что Учитель однажды обратился к этому жадному, завистливому бхиккху: «Брат мой, правду ли говорят, что ты жаден и завистлив?» «Правду, почтенный»,— ответил монах.

«О бхиккху,— молвил Учитель,— ведь и прежде ты был жаден и завистлив, тем и погубил себя, мудрые же по твоей вине лишились крова!» И Учитель поведал о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал царь Брахмадатта, Бодхисатта родился в облике голубя. В ту пору бенаресцы, в стремлении творить добро, развешивали повсюду сплетенные из соломы птичьи домики, дабы птицы могли спокойно вить свои гнезда. Повесил такой домик у себя на кухне и повар одного бенаресского торговца. Там и поселился Бодхисатта. На заре вылетал искать корм, с наступлением вечера возвращался. Так и жил.

Однажды некий ворон, пролетая над кухней, учуял запах рыбы и мяса, которые готовились там с острыми приправами. Позарился на них ворон и подумал: «Как бы отведать мне рыбы и мяса?» И, размышляя так, сел на землю неподалеку и присидел до вечера, пока не вернулся Бодхисатта, летавший на поиски корма. И когда он влетел в кухню, подумал ворон: «Вот этот голубь и поможет мне отведать мясо и рыбу».

Едва настало утро, ворон снова прилетел на то же место. Увидел Бодхисатту, который, как обычно, отправлялся на поиски корма, и последовал за ним, летя так близко, что Бодхисатта у него спросил: «Зачем ты, друг, преследуешь меня?» «Господин,— ответил ворон,— меня влечет сияние твоей славы, я везде и всегда хочу следовать за тобой». «Но, друг,— ответил Бодхисатта,— ты ешь одно, я ем другое, и следовать тебе за мной не надо». Но ворон стал просить: «О господин, ты будешь есть свое, а я — свое. Позволь мне только рядом быть с тобой». «Что ж,— согласился Бодхисатта,— лети, но помни, ворон: ты должен довольствоваться малым». Дав такое наставление ворону, Бодхисатта опустил на землю и принялся искать зернышки. Пока Бодхисатта насыщался, ворон шел за ним и выклевывал из-под коровьих лепешек жуков и козявок. Набив живыми тварями брюхо, ворон приблизился к Бодхисатте и сказал ему: «Уж сколько

времени ты насыщаешься, о господин! Есть лишнее — негоже!» К вечеру Бодхисатта насытился и вернулся в кухню, где жил; вместе с ним прилетел и ворон. Повар увидел его и сказал: «Наш голубь привел с собой какую-то птицу». Сказав так, повар повесил еще один соломенный домик — для ворона. С той поры обе птицы стали жить вместе на кухне.

Однажды торговец, у которого служил повар, закупил много рыбы. Повар взял рыбу и развесил ее на кухне. Ворон смотрел на рыбу жадными глазами и думал: «Завтра непременно останусь дома и уж тогда наемся вволю». Всю ночь ворон не спал, мучаясь от жадности. Утром Бодхисатта снова собрался лететь на поиски корма и сказал ворону: «Полетели, дружище!» Но ворон ответил: «Лети, господин, без меня, а я не могу: животом маюсь». «Вот уж, друг,— отвечал Бодхисатта,— никогда не слышал, чтобы ворон животом маялся. Что слабость одолевает ворона в одну из ночных страж — про это слышал! Но стоит ему фитиль проглотить — и слабость как рукой снимет. Может, тебе охота полакомиться рыбой, что тут развешана? Так ведь рыба для людей лакомство, а не для тебя. Полетим-ка лучше вместе искать корм». «Не могу, господин»,— отвечал ворон. «Что ж,— сказал Бодхисатта,— посмотрим потом, правду ты говоришь или нет. Об одном лишь прошу: не поддавайся соблазну, довольствуйся малым». Сказал так Бодхисатта и улетел.

Повар тем временем нарезал рыбу. Потом открыл крышки горшков, чтобы еда, которая варилась, не выкипала, на один из горшков положил сито, вышел на улицу и стал вытирать пот. Ворон, сидевший в домике, тотчас же высунул голову, оглядел кухню и, убедившись, что повара нет, подумал: «Наконец-то исполнится мое заветное желание, и я полакомлюсь! Не знаю только, за что лучше приняться: за целую рыбу или за ту, что нарезана?» Ворон подумал-подумал и решил: «Нарезанной рыбой будешь долго набивать брюхо, утащу-ка я лучше целую рыбку к себе в домик и там, не торопясь, съем». Решил так ворон, вылетел из

своего домика и сел прямо на сито. Раздался грохот. На шум прибежал повар и спросил: «Что еще там стряслось?» — и тут увидел ворона. «А, — воскликнул повар, — этот злодей хочет сожрать рыбу, которую я приготовил для хозяина! А кто, спрашивается, меня кормит: хозяин или этот глупец? Да что проку от этого ворона?» С этими словами повар запер кухню, поймал ворона, повыдергивал у него все перья, растолок в миске имбирь, добавил тмина и других пряностей, насыпал соли и, перемешав все это со скисшим пахтаньем, густо намазал этим месивом ощипанного ворона, а потом забросил его в соломенный домик. Там ворон и валялся, мучаясь от нестерпимой боли.

Вечером прилетел домой Бодхисатта, увидел ворона в столь бедственном положении и воскликнул: «О алчный! Не послушался ты меня и терпишь ныне из-за своей жадности великие муки!» И он спел такой стих:

Кто друга наставлений не приемлет,
Словам заботы дружеской не внемлет,
Поплатится, как ворон, что советам
Не внял — и горько пожалел об этом.

И, добавив к этому: «Отныне и я не могу оставаться здесь!» — Бодхисатта улетел прочь, а ворона на кухне постигла смерть. Повар выкинул его вместе с соломенным домиком в помойную яму».

И Учитель повторил: «Не только ныне, бхиккху, жаден ты и завистлив, прежде ты был таким же, и еще тогда из-за твоей жадности и завистливости мудрые принуждены были покинуть свое жилище!»

И, наставив слушателей в дхамме, Учитель разъяснил им суть четырех благородных истин, после чего бхиккху сделался «невозвращающимся». Учитель же, связывая прошлую жизнь с нынешней, так истолковал джатаку: «Вороном в ту пору был жадный и завистливый бхиккху, голубем — я сам».

Джатака о змее (43)

Словами: «Кто друга наставлений не примет...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказывать об упрямом монахе. Спросил однажды Всеблагий этого монаха: «Правду ли говорят, брат мой, что ты упрям?» «Сушью правду, почтенный!» — ответил он. «О бхиккху, — заметил Учитель, — тебе ведь не только теперь свойственно упрямство: и прежде уже ты был упрям. Только потому, что из-за своего упрямого права не послушал советов мудрых людей, ты и погиб, укушенный змеей!» И, поясняя сказанное, Учитель поведал о том, что было в прежней жизни.

«Во времена прошедшие, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился на земле в богатой семье, в царстве Каси. По достижении зрелости он уразумел, что источник страданий — страсти, а счастье — в самообуздании, — избавился от страстей и стал отшельником. Поселясь в Гималаях, достиг он высших ступеней йог и овладел всеми пятью ступенями истинного знания и восемью совершенствами. Постоянно предаваясь блаженному погружению в глубины сосредоточенного размышления, Бодхисатта со временем стал наставником всей общины. Жил он в окружении множества святых людей, числом до пятисот.

Случилось так, что какая-то ядовитая змея, переползая, как и все ее сородичи, с места на место, появилась близ хижины одного из отшельников. Отшельник поймал змею, посадил ее в полый кусок бамбука и держал при себе, выказывая почти отцовскую любовь. И, так как змея жила в бамбуке, ее прозвали «Вéлука», то есть «Обитающая в бамбуке», а оттого, что монах питал к змее почти отцовские чувства, отшельники дали ему прозвище «Велука-пита», «Отец Обитающей в бамбуке».

Прослышав о том, Бодхисатта стал спрашивать монахов, правда ли, что один из отшельников держит в доме змею. Узнав, что это правда, он принялся увещевать бхиккху: «Нельзя доверять змеям, брат

мой, не держи ее у себя!» Но отшельник отвечал ему: «Эта змея для меня будто любимый ученик для наставника. Я просто не смогу жить без нее!» «Что ж, поступай как хочешь,— сказал Бодхисатта,— знай только, что именно из-за нее ты и простишься с жизнью». Отшельник, однако, не послушал Бодхисатту и не захотел расстаться со змеей.

Через некоторое время отшельники отправились заготавливать плоды — спелые и неспелые. Два-три дня они прожили в лесу, в месте, где плодов было видимо-невидимо и их было легко собирать. Монах, прозванный «Отцом Обитающей в бамбуке», тоже был там. Змею же он оставил дома в полом куске бамбука. Когда наконец отшельники воротились к себе в обитель, бхиккху, спеша накормить свою любимицу, вынул из бамбука затычку и вытянул руку, приговаривая: «Иди сюда, деточка! Иди, голодная моя!» Змея же, разозленная тем, что ей пришлось поголодать несколько дней, вонзила зубы прямо в протянутую руку отшельника. Отшельник упал бездыханный, а змея уползла в лес. Видевшие все это рассказали о происшедшем Бодхисатте, и тот распорядился сжечь тело покойного. Желая наставить в дхамме отшельников, которые пришли и рас-селись вокруг, Бодхисатта спел им такой стих:

Кто друга наставлений не приемлет,
Словам заботы дружеской не внимлет,
Тот неизбежно смерть находит в муке.
Подобен он «Отцу Змеи в бамбуке».

И, наставив так подвижников, Бодхисатта затем сам приобщился к четырем величайшим добродетелям. С истечением же отпущенного ему срока он возродился в мире Брахмы».

И Учитель повторил: «Не только ведь теперь, бхиккху, свойственно тебе упрямство: и прежде уже из-за своего упрямого нрава ты погиб, укушенный змеей». Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору «Отцом Обитающей в бамбуке» был упрямый бхиккху, отшельниками — ученики Пробужденного, наставником же — я сам».

Джатака о моските (44)

«Уж лучше подруг, что умн...» — сказал по поводу неких деревенских глупцов Учитель, совершавший святое паломничество в Магадху.

Рассказывают, что как-то Татхагата отправился из Саваттхи в царство Магадха. Он ходил, собирая подаяние, от селения к селению и однажды забрел в деревушку, населенную почти сплошь одними глупцами. «Братья! Когда мы ходим в лес на работу, москиты накидываются на нас тучей, и мы не можем работать, — сказали эти глупцы. — Возьмем же луки, стрелы и прочее оружие и пойдем на москитов войной. Уничтожим их, истребим всех до последнего!» Приняв такое решение, они отправились в лес и с криком: «Смерть мосkitам!» — налетели друг на друга и стали бить что было сил. В деревню они вернулись избитые, терпя великие мучения, — и сразу упали, кто где был: кто — посреди деревни, кто — в проулке, а кто — на окраине.

В это время Учитель в сопровождении многих бхиккху и пришел в деревню. Узнав о прибытии Учителя, немногие умные люди из тамошних жителей возвели на краю деревни навес от солнца и поднесли обильные подношения Пробужденному и монашеской общине. Затем они с почтением поклонились Учителю и сели в сторонке. Учитель же, видя повсюду валяющихся раненых, сказал немногим праведникам, которые не принимали участия в драке: «Как много у вас больных! Что с ними такое?» «Почтенный, — отвечали праведники, — эти люди пошли войной на москитов, но только попусту исколотили друг друга и сами навлекли на себя беду». Учитель заметил: «Не только ведь ныне глупцы эти, пойдя войной на москитов, нанесли увечья друг другу. И прежде случалось им убивать своих же приятелей вместо москитов». И, уступая просьбам собравшихся, Учитель в пояснение сказанного поведал о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена минувшие, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил в том же городе, занимаясь торговлей. А в одной глу-

хой деревушке царства Каси жило множество плотников. Как-то раз некий седовласый плотник обрабатывал кусок дерева. Вдруг ему на лысину, сверкавшую, словно полированное бронзовое блюдо, уселся москит и вонзил свое жало, будто отточенный клинок, в темя плотника. Плотник закричал своему сыну, что сидел рядом: «Сыночек, москит вонзил свое жало, словно кинжал, мне в самое темя, сгони-ка его!» «Потерпи, отец,— ответил сын,— сейчас я прикончу его одним ударом!» Тут надо сказать, что Бодхисатта, странствуя со своим товаром, оказался в этой деревне и в тот самый миг сидел в мастерской плотника, наблюдая за происходящим.

Когда плотник крикнул сыну: «Сынок, сгони же этого москита!»— молодой человек отозвался: «Сейчас сгоню, отец!» Схватив остро отточенный топор, что лежал за спиной у отца, он вскричал: «Смерть тебе, москит!»— и одним ударом раскроил бедному плотнику череп. Тот сию же минуту испустил дух. «Лучше уж на его месте был бы умный враг,— подумал видевший все это Бодхисатта,— по крайней мере, страшась наказания, он не совершил бы чело-векоубийства». И, думая так, Бодхисатта спел такой стих:

Уж лучше недруг, что умеет — и слишком,
Чем друг, что вовсе обделен умишком.
Хотел прибить москита сын-глупец
Но пал безвинной жертвою отец.

Сказав, что он думал, Бодхисатта поднялся и ушел по своим делам. С концом тогдашнего своего существования он перешел в иную жизнь в согласии с накопленными заслугами. Что до плотника, то родственники тотчас же предали его тело огню».

И Учитель повторил: «Так-то вот, братия! И в старые времена встречались глупцы, которые убивали людей вместо москитов». Закончив наставление в дхамме, он истолковал джатаку, так связав перерождения: «Мудрым торговцем, который спел стих и удалился, был тогда я сам».

Джатака о «ведаббхе» (48)

Со слов: «Кто средств в слепой алчбе не выбирает...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ об одном глухом к советам добрых людей бхиккху. «Не только ведь ныне, брат мой, ты никого не слушаешь, — молвил Учитель этому монаху, — ты и прежде оставался так же глух к советам умных людей и за свое непослушание был разрублен надвое острым мечом и брошен на дороге. Мало того: только из-за твоего непослушания погибла добрая тысяча человек!» И он рассказал о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена былые, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, жил в одной деревне брахман, которому ведомо было заклинание «ведаббха». И было, говорят, заклинание это дороже всех сокровищ, потому что стоило только вперить взор в небеса и произнести его при благоприятном положении созвездий, как тотчас же проливался дождь из семи сокровищ мира: золота, серебра, жемчуга, кораллов, топазов, рубинов и алмазов.

Бодхисатта же в ту пору был учеником у этого брахмана. Однажды брахман по каким-то своим делам покинул деревню и направился в царство Чэти, взяв с собой и Бодхисатту. Дорога в то царство пролегла через леса, где жила шайка из пятисот разбойников, грабивших прохожих. Эти-то разбойники и схватили Бодхисатту и брахмана, знавшего «ведаббху».

Со всех, кто попадался им в руки, грабители брали выкуп: схватив двоих людей, одного всегда посылали за деньгами. Если, к примеру, они задерживали отца с сыном, то говорили отцу: «Ступай принеси нам денег, тогда отпустим твоего сына!»

Когда хватали мать с дочерью, посылали за выкупом мать; когда братьев разного возраста, вымогали у старшего выкуп за младшего, а когда в руки им попадались наставник со своим учеником, отправляли за выкупом ученика.

Задержав брахмана, знавшего «ведаббху», разбойники отправили Бодхисатту за выкупом. Про-

щаясь, Бодхисатта почтительно молвил наставнику: «Через день-другой я ворочусь, не падайте духом, послушайте только, что я вам скажу: нынче ночью расположение созвездий благоприятствует драгоценному дождю, но вы ни в коем случае не падайте духом, не произносите заклинание и не вызывайте дождь сокровищ. Иначе вы не только погибнете сами, но и погубите всех этих грабителей числом в пять сотен». И, дав такой совет наставнику, Бодхисатта отправился за выкупом.

С заходом солнца разбойники крепко связали брахмана и уложили его рядом с собой. Вскоре на востоке вошла полная круглая луна. Обозрев расположение созвездий, брахман помыслил: «Созвездия благоприятствуют тому, чтобы вызвать дождь сокровищ. Зачем же мне терпеть такие мучения? Прочту-ка я заклинание, вызову драгоценный дождь, уплачу грабителям выкуп и пойду себе спокойно своей дорогой». И, приняв такое решение, он воззвал к грабителям: «Зачем вы меня здесь держите, добрые люди?» «Ради денежного выкупа, почтенный!» — ответили разбойники. «Если, — сказал им тогда брахман, — и впрямь вам нужны только деньги, развяжите меня, поскорей вымойте мне голову, наденьте на меня новое платье, умастите меня благовониями, украсьте цветочными гирляндами и оставьте в покое». Грабители послушались и сделали все, как он просил. Брахман выждал момент, когда созвездия оказались в благоприятном положении, вперил взор в небеса и прочитал заклинание. С небес лилшем посыпались драгоценности. Разбойники собрали все сокровища в накидки, связали накидки в узлы и выступили в путь. Брахман поплелся вслед за ними, держась поодаль.

Этих разбойников схватили другие разбойники, которых тоже было пятьсот человек. Когда первые спросили, зачем их взяли в плен, те ответили: «Ради денег!» И сказали им тогда первые разбойники: «Если вы ищете денег, схватите вон того брахмана: одним взглядом он может вызвать с неба дождь сокровищ — он нам и дал всю добычу». Грабители отпустили первых разбойников с миром и подступи-

лись к брахману: «Дай и нам тоже сокровищ!» По брахман ответил: «Я могу дать вам сокровища, но не ранее чем через год: только тогда положение созвездий будет благоприятствовать драгоценному дождю. Подождите же, и я сумею побудить небеса пролиться для вас дождем сокровищ!» Грабители, услышав это, пришли в ярость. «Проклятие! — вскричали они. — Злосчастный брахман! Другим ты тотчас же дал богатства, а мы должны ждать целый год!» Острым мечом они разрубили брахмана пополам и швырнули обрубки на дорогу. Потом убийцы пустились вдогонку за ушедшими вперед разбойниками, напали на них и перебили всех до единого. Затем разделили захваченное богатство на две части, но оба их отряда принялись биться между собой, покуда не полегла половина. Так и продолжалось сражение, пока в живых не остались всего лишь двое, а прочие — без малого тысяча человек — погибли!

Двое уцелевших грабителей сумели унести всю добычу и спрятать ее в густом лесу возле одной деревушки. Один из них — с мечом в руке — уселся сторожить сокровища, другой пошел в деревню, чтобы раздобыть риса и приготовить еду. Воистину, однако, «зависть ведет к гибели». Тот, что остался сторожить богатство, подумал: «Как только мой приятель вернется, придется делить богатство на двоих. Что, если, едва он приблизится, я ударю его мечом и покончу с ним?» Он обнажил меч и сел, ожидая возвращения своего приятеля. Тот между тем думал: «Придется нам делить это богатство на двоих! Что, если подсыпать отравы в рис тому, кто остался? Покончу с ним, и все богатство достанется мне одному». Так решив, он сварил рис, наелся досыта, затем насыпал в горшок отравы и понес его приятелю. Не успел он поставить горшок с рисом и выпрямиться, как приятель рассек его мечом надвое. Потом спрятал останки в кустах, поел отравленного риса и тотчас же испустил дух. Вот так все они и нашли свою гибель из-за богатства!

Через день-другой Бодхисатта пришел с выкупом на условленное место. Не найдя там наставника, но

зато увидев разбросанные вокруг сокровища, он понял: «Вероятно, наставник не послушал моего совета и вызвал драгоценный ливень. Из-за этого они все и погибли». С этой мыслью Бодхисатта вышел на большую дорогу и вскоре увидел рассеченное на двое тело наставника. Подумав: «Он умер, оттого что не послушался меня», Бодхисатта принялся собирать ветки для костра. Сложив погребальный костер, он сжег на нем останки наставника, принес в жертву богам лесные цветы и направился дальше. Пройдя еще некоторое расстояние, он увидел пятьсот мертвецов, потом — еще двести пятьдесят, и еще, и еще.

Идя дальше, он все время натывался на валявшиеся тут и там трупы. Всего оказалось их без двух тысяча. «Погибла, не считая двоих, целая тысяча, да и те двое, должно быть, тоже грабители, и потому им никак не удержаться от ссоры, — подумал Бодхисатта. — Посмотрю, куда же они делись». Продолжая свой путь, он вскоре заметил уходящую в густой лес тропу, по которой двое грабителей тащили доставшееся им богатство. На этой тропе Бодхисатта натолкнулся на груды узлов, в которые были завязаны сокровища. Тут же лежал один мертвец, а возле него — перевернутая чаша с рисом. «Здесь они, видимо, и расправились друг с другом», — подумал Бодхисатта. Размышляя, куда же мог деться другой грабитель, он принялся шарить вокруг и вскоре обнаружил в укромном месте и второго мертвеца.

Задумался тогда Бодхисатта. «Не вняв моему совету, наставник своим непослушанием не только навлек гибель на самого себя, но и погубил добрую тысячу людей. Поистине, тех, кто, преследуя собственную выгоду, пользуется неверными и недостойными средствами, ждет та же горестная участь, что и моего наставника». И, придя к такому заключению, он спел вот этот стих:

Кто средств в слепой алчбе не выбирает,
погибнет скоро на земном пути:
Пускай злоден брахмана убили,
им смерти от себя не отвести.

И еще сказал вслух Бодхисатта: «Вызвав дождь сокровищ, мой наставник проявил неуместное усердие и таким неудачным средством погубил себя самого и других. Точно так же и всякий иной человек, который в стремлении к собственной выгоде прибегнет к недозволенным средствам, наверняка сначала погубит себя, а потом и других!» При этих словах Бодхисатты весь лес наполнился громкими криками — это лесные божества выражали ему свое одобрение. В стихе же своем Бодхисатта раскрыл суть дхаммы.

Бодхисатта сумел доставить сокровища к себе домой. Всю свою остальную жизнь он провел, раздавая милостыню и совершая иные добрые поступки, а когда отпущенный ему срок закончился, он, в согласии с накопленными заслугами, пополнил сонм небожителей».

И Учитель повторил: «Не только ведь ныне ты, бхиккху, не слушаешь советов, но и прежде ты был глух к добрым советам, это-то и погубило тебя». Заканчивая наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Брахманом, который знал заклинание «ведаббха», был в ту пору бхиккху, не внимающий ничьим советам, учеником же брахмана — я сам».

Джатака о созвездиях (49)

Со слов: «Глупец, который ищет в звездах смысла...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о подвижнике из секты адживаков.

Говорят, что некий почтенный человек, проживавший со своими чадами и домочадцами неподалеку от Саваттхи, высватал у столь же почтенного горожанина его дочь для своего сына. Условясь в такой-то день приехать за невестой, сельчанин решил, однако, посоветоваться в самый последний момент с адживаком, которому его семья покровительствовала. «Почтенный, сегодня свадьба моего сына, — сказал он подвижнику, — благоприятно ли положение

звезд?» Адживак же, озлясь, подумал: «Не посоветовался со мной, уже назначил день свадьбы, а теперь обращается ко мне! Ну ладно же — проучу я его!» «Нет, сегодня расположение созвездий не благоприятно, — ответил он. — Нынче ты не должен устраивать свадьбу, а если все же надумаешь — тебя ждет большая беда». С почтением приняв совет подвижника, родственники жениха в тот день не поехали за невестой. Ее же родня, жившая в городе, приготовила все необходимое для обряда. Видя, что за невестой никто не едет, они рассудили так: «Сами ведь назначили день и не приехали. А мы понесли уже большие расходы. Что нам до тех, кто не приехал? Отдадим-ка нашу дочь за другого». Так и решив, они пустили в дело все приготовленное для обряда и для свадьбы и выдали свою дочь за другого человека.

На следующий день явились люди из деревни и потребовали: «Отдайте нам нашу невесту!» «Нет ведь у вас, деревенских, ни стыда, ни совести. Назначили день, а сами не явились! С чем пришли — с тем и ступайте обратно: наша дочь уже замужем за другим», — сказали саваттхийцы. Деревенские побрались с ними, но — делать нечего: с чем пришли, с тем и отправились восвояси.

Прознали монахи о том, что адживак расстроил свадьбу. Как-то раз сидели они в зале дхаммы и говорили об адживаке, расстроившем счастье деревенской семьи. Тут вошел Учитель и спросил: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» — «Да вот, такое дело...» — ответили ему бхиккху и рассказали обо всем. Выслушав их, Учитель заметил: «О братия! Не только ныне ведь адживак помешал свадьбе — и прежде в слепом гневе ему случилось сделать то же самое». И, поясняя сказанное, Учитель поведал им о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена давние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, одна городская семья просватала в деревне девушку на выданье. Уладив дело и договорясь о дне свадьбы, сельчане решили посоветоваться с адживаком, которому их род покровительствовал. «Почтенный, мы хотели бы сегодня

устроить свадьбу; благоприятствуют ли созвездия?» — спросили они его. Адживак же, прогневавшись па то, что они сперва назначили день, а потом только испросили его совета, ответил им: «Нет, сегодня расположение созвездий неудачное. Коли устроите свадьбу — ждет вас большая беда!» При этом он подумал: «Расстрою я эту свадьбу». С готовностью последовав совету подвижника, горожане не поехали за невестой, а сельчане, видя, что никто не едет, рассудили: «Сами же назначили на сегодня свадьбу и не приехали! Что нам до них?» — и отдали девушку за другого.

На следующий день явились к ним горожане и стали требовать невесту, но сельчане ответили им: «У вас, у городских, стыда, верно, совсем нет! Назначить день и не приехать за невестой! Мы отдали ее за другого». Те стали спорить: «Мы спрашивали у адживака, и он сказал, что, мол, созвездия не благоприятствуют, поэтому мы и не поехали. Давайте нашу невесту!» Но сельчане стояли на своем: «Вы не приехали, и мы отдали девушку за другого, как же теперь отдать вам уже замужнюю?» Покуда они препирались, появился там один умный горожанин, случайно, по каким-то своим делам, оказавшийся в той деревне. Услыхав, как горожане кричат: «Мы оттого не приехали, что, по словам адживака, положение звезд не благоприятствовало браку!» — горожанин воскликнул: «Какой прок в созвездиях? Вам что: девушка нужна была или звезды?» — и спел такой стих:

Глупец, который ищет в звездах смысла,
теряет смысл деянья своего:

Кто к цели следует, тому сам смысл созвездье;
что могут звезды значить для него?

Горожане поссорились, покричали, но, не получив девушки, убрались восвояси.

И Учитель повторил: «Не только ведь ныне этот адживак, монахи, расстроил свадьбу в семье — он уже и прежде помешал браку». И, заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Адживаком тогда был

этот же самый адживак; ссорились в ту пору те же семьи; умным же человеком, пропевшим стих, был я сам».

Джатака о скудоумных (50)

Словами: «Скудоумных тысячу убить...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о тех, кто радеет о «благе мира». Суть этого «радения» будет открыта нам в Двенадцатой книге, в джатаке об огромном черном псе.

«Во времена минувшие, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта был зачат в лоне старшей жены бенаресского владыки. После появления на свет, в день наречения, ему дали имя «царевич Брахмадатта». К шестнадцати годам царевич, кончив срок ученичества в Таккасиле, знал наизусть все три веды и был искушен в восемнадцати науках и ремеслах.. Отец назначил его наследником престола.

Надобно сказать, что в те времена жители Бенареса поклонялись богам — славословили их и приносили им обильные жертвы, причем не довольствуясь малым: цветами и благовониями, резали во множестве овец, коз, птицу, свиней и иную живность и так творили жертвы свои мясом и кровью. И помыслил Бодхисатта: «Ныне поклоняющиеся богам люди во множестве истребляют живых тварей; из-за этого большая часть сущих утвердилась в полном безверии! Унаследовав с кончиною родителя царство, я постараюсь, не принося никому никакого вреда, отвратить моих подданных от истребления живых существ». В таких размышлениях Бодхисатта взошел однажды на колесницу и поехал за город. В одном месте он увидел большую толпу людей. Собравшись под огромным баньяном, они молили божество, которое обитало в том дереве, о даровании им сыновей или дочерей, славы или богатства — кто чего хотел, тот того и выпрашивал. Сойдя с колесницы, Бодхисатта приблизился к дереву и, как и все, по-

клоняющиеся богам, принес в жертву цветы и благовония, окропил дерево водой, обошел его кругом и, почтительно славословя божество, вновь поднялся на колесницу и поехал назад в город. И с тех самых пор царевич частенько навещался к тому дереву и творил жертву, подобно всем, кто поклоняется богам.

Прошли годы. С кончиною родителя Бодхисатта занял его место на престоле. Избегая четырех путей скверны и укрепляясь в десяти царственных добродетелях, он правил государством в полном соответствии с дхаммой. И стал он думать: «Почти все, что я хотел, исполнилось; царство я получил; осталось свершить то единственное, что уже давно замыслил!» Так решив, он призвал к себе своих советников, брахманов, видных горожан и прочих люд и обратился к ним с вопросом: «Ведомо ли вам, почтенные, каким образом я воссел на царство?» «Нет, государь»,— ответили собравшиеся. «А видели ли вы когда-нибудь раньше,— продолжал Бодхисатта,— как я поклонялся божеству, обитающему в баньяне, приносил ему в жертву цветы и благовония и складывал перед ним ладони в почтительном приветствии?» «Да, видели, государь»,— последовал ответ. «Так вот,— молвил тогда Бодхисатта,— я тогда дал обет: если божество дерева посадит меня на царство, я принесу ему жертву. Его милостью я обрел престол и теперь хочу сотворить в его честь жертвоприношение. Так что вы не мешкая готовьте все необходимое для жертвы». «Хорошо,— сказали подданные.— А что ты вешишь взять для жертвоприношения божеству?» «Почтенные,— отвечал им царь,— я пообещал тогда божеству: «Всех тех, кто живет в приверженности пяти сквернам — таким, как лишние живых тварей жизни, и прочим — и кто идет по пути десяти зол,— всех их я повелю убить и принесу тебе в жертву их внутренности, кожу и кровь! Так что распорядитесь под барабанный бой оповестить народ о том, что, дескать, «наш царь, в ту пору, когда он был еще наследником престола, обещал, в случае если он обретет престол, исполнить обет: убить и принести в жертву всех тех, кто живет в его

царстве в приверженности скверне». Сообщите также о том, что я велю для начала предать смерти тысячу человек, из тех, кто привержен пяти сквернам и следует путем десяти зол, а их сердца, плоть и прочее принести в жертву божеству дерева. Да будет до всех горожан доведено это мое намерение! И, кроме того, объявите всем, что из тех, кто станет упорствовать и по-прежнему жить в приверженности скверне, я прикажу убить еще тысячу человек и принести их в жертву в исполнение своего обета». И, поясняя сказанное, царь спел такой стих:

Скудоумных тысячу убить дал обет я некогда. Теперь я
Эту жертву принесу: дабы навсегда рассеять мрак
безверья.

Выслушав Бодхисатту, советники поспешили выполнить приказание и велели бить в барабаны по всему городу Бенаресу, протянувшемуся на двенадцать йоджан. И когда царскую волю под барабанный бой довели до всех жителей, не нашлось ни одного человека, который продолжал бы упорно следовать скверне! И за все время, покуда длилось царствование Бодхисатты, не обнаружилось никого, кто подпал бы под власть пяти скверн или десяти зол или же совершил бы хоть какой-нибудь дурной поступок. Вот так Бодхисатта, не причинив ни малейшего вреда ни одному из своих подданных, побудил всех жителей страны блюсти заветы добра. Сам же он всю оставшуюся жизнь прожил, подавая милостыню и творя всяческие добрые дела, а по истечении отпущенного ему срока возродился, как и его сподвижники, в обители богов».

И, заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель заметил: «Не только ныне ведь, монахи, радеет Татхагата о благе мира, так было уже и прежде». Затем он истолковал джатаку, так связав перерождения: «Советники царя в ту пору теперь составляют окружение Будды, властителем же Бенареса был я сам».

Джатака *о муже добродетельном (51)*

Со слов: «Крепись душою, славный муж...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о монахе, который стал являть недостаточное усердие.

«Правда ли, брат мой, что ты ослаб в усердии своем?» — спросил у этого бхиккху Учитель и, получив ответ: «Правда, почтенный», молвил: «Как могло случиться, брат мой, что ты утратил рвение, хотя идешь путем единственного вероучения, ведущего к спасению? В прежние времена люди истинно мудрые, даже лишась царства, оставались непоколебимыми в своем усердии и вновь обретали утерянную славу». И, разъясняя суть сказанного, Учитель поведал о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта воплотился в облике сына царя от старшей жены. В день наречения ему дали имя «царевич Силава», что означает «Добродетельный». К шестнадцати годам царевич превзошел все науки, ремесла и искусства. Впоследствии, с кончиной отца, он взшел на престол под именем царя Махасилавы, то есть «Высокодобродетельного», ибо он был всецело предан дхамме и царствовал в полном с ней согласии. Близ всех четырех городских ворот, а также в центре города и рядом со входом во дворец он распорядился воздвигнуть странноприимные дома. Он сам, своими руками, раздавал милостыню, хранил верность нравственным установлениям, соблюдал посты, был исполнен любви, терпимости и милосердия — словом, управляя царством, был столь же ласков со всеми своими подданными, как отец, ласкающий сына.

Один из советников царя дурно вел себя во внутренних покоях; со временем слух об этом распространился повсюду, и другие советники донесли на него царю. Царь самолично занялся делом советника, установил его вину и, повелев советнику явиться, изгнал его из своего царства, сказав: «О неразумный слепец! Ты дурно вел себя и не должен более

оставаться в моем государстве. Забирай все, что у тебя есть, забирай чад и домочадцев своих и ступай прочь!» Покинув царство Каси, изгнанный советник поступил на службу к царю Косалы и со временем сделался правой рукой тамошнего властителя.

Как-то раз сказал он царю Косалы: «Государь, царство бенаресское — будто соты с медом, еще не облепленные мухами: царь их чрезмерно мягок, и его царство можно завоевать небольшими силами». Задумался при этих словах царь Косалы. «Ведь царство бенаресское огромно, — размышлял он, — а мой советник говорит, что его можно завоевать незначительными силами. Уж не подослан ли он?» «А ты не лазутчик ли вражеский?» — спросил он. «Нет, государь, — ответил советник, — никакой я не лазутчик. Я говорю сущую правду, а коли мне не веришь, пошли людей разорить ближайшую к нам деревню в царстве Каси: увидишь, что людей твоих схватят и приведут к царю бенаресскому, а он их наградит и велит отпустить». Царь подумал: «Видно, что он говорит это с полной уверенностью и решимостью. Испытаю-ка я его». И он велел послать воинов в деревню.

Воинов, конечно, схватили и отвели к царю бенаресскому. Царь спросил их: «Любезные, почему вы разорили деревню?» «Жить нам было не на что, государь», — ответили они. «Отчего же вы не пришли ко мне? — воскликнул царь. — Смотрите, отныне так не поступайте!» Он велел дать задержанным денег и отпустил их с миром. Воины вернулись к царю Косалы и рассказали ему обо всем. Царь не успокоился и вновь послал воинов — теперь уже в самый центр соседней страны, но и этих грабителей царь бенаресский повелел оделить деньгами и отпустить. Правитель Косалы и тут не успокоился и отправил еще отряд — грабить прямо на улицах Бенареса, но и в этот раз царь бенаресский дал грабителям денег и отпустил их с миром. И уверился наконец царь Косалы: «Сверх меры предан дхамме правитель бенаресский. Завоеюем же царство бенаресское!» Приняв такое решение, он выступил со всем своим войском в поход.

В ту пору у царя Бенареса была в распоряжении почти тысяча непоколебимо стойких, мужественных, искусных в ратном деле воинов — таких, что не дрогнули бы даже и перед обезумевшим в течке диким лесным слоном. Таких, что им нипочем была бы и громовая стрела самого Сакки, пади она внезапно им на головы, таких, что — будь на то воля их повелителя, царя Махасилavy, — могли бы завоевать для него даже всю Джамбудипу! Узнав, что царь Косалы выступил в поход, воины сказали царю бенаресскому: «Повелитель Косалы, желая захватить царство бенаресское, идет на нас войной. Мы выступим против него и возьмем его в плен, не дав и шагу ступить по нашей земле». «Нет, дорогие мои, — ответил им царь, — да не будет никому причинено ни малейшего вреда по моей вине! Не выступайте против него: пусть, если хочет, захватывает царство». Царь Косалы вторгся в их страну и дошел до ее центра. Советники подступились к царю с той же просьбою, и царь снова отказал им. Царь Косалы подошел со своим войском уже к самым стенам города и направил царю Махасилаве послание с требованием либо выйти на бой, либо отдать ему царство, бенаресский же царь ответил ему: «Не стану я сражаться, забирай царство». И еще раз советники принялись просить царя: «Государь, дозвожь только нам выступить, мы не допустим, чтобы царь Косалы вошел в город: там же, за городскими стенами, возьмем его в плен и приведем к тебе». Но и на этот раз царь бенаресский отказал им и, повелев распахнуть городские ворота, сел, скрестив ноги, на свой огромный трон, вся же тысяча его советников встала вокруг.

Царь Косалы со всей своей огромной армией вступил в Бенарес. Не встретив на пути никого, кто оказал бы ему сопротивление, он вошел через открытые двери в царский дворец и увидел царя бенаресского Махасилаву. Царь в пышном одеянии и в украшениях безмятежно восседал на огромном троне, а рядом — толпились его советники числом в тысячу. Повелев схватить их всех, царь Косалы приказал: «Идите, крепко свяжите царю и его советникам

руки за спиной и бросьте их туда, где валяются мертвые тела. Выройте там в земле ямы и поместите в них пленников — так, чтобы только головы торчали над поверхностью и чтобы они даже рукой не могли пошевелить, — а потом засыпьте ямы землей: ночью явятся шакалы и накажут преступников по заслугам». Выполняя приказание царя-злодея, его прислужники крепко связали руки за спиной бенаресскому владыке и его советникам и повели их прочь. Но даже и в этот миг царь Махасилава не испытывал ни капли ненависти к царю-злодею. И ни один из советников, когда их, связанных, выводили из дворца, не осмелился нарушить царскую волю — вот ведь сколь хорошо умели вести себя царские подданные!

И вот прислужники притащили царя Каси вместе со всеми его советниками на то место, куда сваливают мертвецов, вырыли для них ямы — для царя посередине, а для его верных слуг — по обеим сторонам от него, — затем, закопав их всех, так что только головы торчали над землей, разровняли землю, крепко утоптали ее и утрамбовали заступами и после этого ушли. Но и тогда Махасилава, не держа никакого зла против царя-мучителя, продолжал ободрять советников и призывал их исполниться чувства любви.

В полночь явились туда шакалы, влекомые запахом человеческого мяса, но царь и его советники, завидев их, принялись громко кричать все разом, и шакалы в страхе бросились прочь. Пробежав некоторое расстояние, шакалья стая остановилась, огляделась и, убедясь, что за нею никто не гонится, воротилась. И вновь пленники закричали, и вновь стая пустилась наутек. Так повторялось трижды, пока, наконец, оглядевшись в последний раз, шакалы не сообразили: «Должно быть, это кричат люди, приговоренные к смерти». Сразу взбодрившись, они повернули обратно и больше уже не пугались криков. Вожак стаи выбрал себе в жертву царя бенаресского, остальные шакалы нацелились на царских советников. Хитроумный же царь, лишь только завидел перед собой вожака шакалов, поднял голову, как

бы подставляя его клыкам свою шею, но в тот же миг сам вонзил зубы в горло шакала, изо всей силы сдавив его, будто клещами. Не в силах вырваться от царя, челюсти которого все сильнее сжимали ему горло, как будто сдавливаемое хоботом слона, шакал в страхе за свою жизнь завыл смертным во-ем. Остальные шакалы, слыша этот жуткий вой, решили, что их вожак попал в руки людей, и, не смея приблизиться к советникам, страшась за свои жизни, кинулись прочь. Стремясь вырваться из челюстей царя, плененный шакал бешено кидался из стороны в сторону, и земля от его бросков сделалась рыхлой. В смертельном ужасе он рыл землю всеми четырьмя лапами и освободил от земли верхнюю половину туловища царя. Почувствовав, что земля стала совсем рыхлой, царь отпустил шакала и, мощный, как слон, начал раскачиваться из стороны в сторону. Наконец, выпростав руки и опершись ими о края ямы, он, словно ветер, разгоняющий тучи, сбросил с себя землю и поднялся во весь рост. Потом, ободрив своих советников, откопал их и вытащил из ям. И все пленники оказались на свободе.

А надобно сказать, что тут же, неподалеку, на границе между владениями двоих яккхов, валялся мертвец, которого привезли туда и бросили. Яккхи никак не могли поделить между собой это мертвое тело. «Сами мы не сумеем договориться, а этот царь Силава предан дхамме, пусть он и произведет дележ,— решили они.— Пошли к нему!» Волоча за собой мертвое тело за ногу, яккхи приблизились к царю и стали его упрашивать: «Сделай милость, государь, раздели мертвеца и дай каждому его долю». «Почтенные яккхи,— отвечал им на то царь,— я бы с удовольствием сделал это для вас, но я нечист, мне прежде надо бы помыться». С помощью волшебства яккхи в одно мгновение доставили царю для омовения розовую воду, приготовленную во дворце для царя-злодея. Когда бенаресский царь вымылся, яккхи поднесли ему одежды, принадлежавшие его недругу, а потом — ларец с благовониями четырех видов, а когда царь умастил свое тело, они подали ему золотую шкатулку, в которой вместе

с веерами, украшенными драгоценными камнями, лежали душистые гирлянды из разных цветов. После того как царь украсил себя цветами, яккхи осведомились, что ему еще угодно, и царь дал им понять, что голоден. Яккхи тотчас же отправились во дворец царя-злодея и мигом воротились с приготовленными для царя Косалы разнообразными кушаньями и всевозможными приправами. И царь бенаресский, теперь чистый и умастивший свое тело благовониями, надевший царские одежды и украсившийся цветами, отведал этих изысканных блюд. Яккхи подали ему затем принесенную от царя-злодея ароматичную воду в золотом кубке, черпать ее нужно было золотой чашечкой,— и то и другое тоже доставили из дворца,— царь напился и прополоскал рот. Пока он смывал с пальцев остатки пищи, яккхи принесли ему из дворцовых покоев ароматнейший бетель, и когда царь сунул его в рот, спросили: «Что нам еще сделать, государь?» «Доставьте мне,— сказал им царь,— меч, приносящий удачу, он лежит у изголовья царя-злодея». Яккхи тотчас же подали ему меч. Царь взял его в руки, приказал распрямить мертвеца и, ударом по черену, расчленил тело на две равные части, затем дал каждому из яккхов причитающуюся ему половину и, омыв лезвие, вытер меч насухо. Наевшись мертвечины, довольные яккхи обратились к царю: «О великий! Что бы нам еще для тебя сделать?» «Доставьте-ка меня,— попросил их царь,— силою вашего волшебства прямо в спальню царя-злодея, а всех моих советников разнесите по домам». «Слушаемся, государь»,— ответили яккхи и выполнили царский приказ.

А в это время царь-злодей покоем на роскошном ложе в богато украшенной спальне, погруженный в сладостный сон. Когда бенаресский царь шлепнул его, погруженного в сновидения, плоской стороной меча по брюху,— вздрогнув от испуга, царь Косалы пробудился и, увидав при свете лампы, что перед ним Махасилава, вскочил с ложа и, собравшись с духом, воскликнул: «О великий! Сейчас глубокая ночь, двери заперты, и стража, расставленная по всему дворцу, караулит входы и выходы.

Как же ты, в богатых одеждах и с мечом в руке, сумел пробраться сюда, в эту спальню?» Царь Каси в подробности поведал ему обо всех своих приключениях, и когда злодей узнал обо всем, сердце его дрогнуло, и, обращаясь к царю, он вскричал: «О великий! Как случилось, что я, человек, не сумел оценить твои добродетели, а эти жестокие грубые яккхи, питающиеся кровью и мясом, распознали в тебе добро? О величайший из людей! Отныне я никогда не пойду против тебя, наделенного столь великой нравственной силой!» И, взяв свой меч, царь Косалы поклялся на нем в верности. Затем, вымолив у царя бенаресского прощение, он упросил его лечь на огромное царское ложе, а сам пристроился рядом на узкой постели.

Когда же настало утро и взошло солнце, царь Косалы повелел бить в барабаны и сзывать народ, и собравшимся по его приказу советникам, брахманам, мирянам и иному люду, а также и всем своим воинам он сам, сияя, как луна на небе, поведал о добродетелях царя Силавы и, вновь, в присутствии всех подданных, испросив прощения, вручил ему знаки царской власти, сказав: «Отныне да будет — с твоего разрешения — моей обязанностью карать злодеев: ты управляй царством, а я буду твоим верным стражем». И царь Косалы, повелев примерно наказать коварного советника, выступил со всем своим войском из Бенареса и направился в Косалу.

Между тем царь Махасилава в богато украшенных одеждах, восседая в позе оленя на золотом троне под сенью белого зонта и объемля мыслью все, с ним происшедшее, думал так: «Не будь я столь мужественно непреклонен, не видать бы мне всего этого великолепия и не быть бы тысяче моих советников живыми и невредимыми. Ведь только благодаря моей стойкости я и смог вернуть себе утраченную было славу и сохранить жизнь. Воистину, никогда нельзя терять надежду, надо неизменно быть мужественным и стойким, ибо вот ведь какой плод обретает тот, кто был стоек». И, полный этой мыслью, царь Махасилава тут же сложил и единым духом пропел такой стих:

Крепись душою, славный муж,
в деяньях мудрости высок.
Ведь я постиг себя вполне,
достичь желаемого смог.

И, выдохнув из себя в едином порыве эти слова, Бодхисатта помыслил: «Да, поистине, люди добродетельные пожинают плоды мужества и стойкости!» С этим убеждением он прожил остаток жизни, творя добро, а когда его срок истек, перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Завершая наставление в дхамме, Учитель объяснил слушавшему его бхиккху суть четырех благородных истин. И, уразумев их, этот монах утвердился в арахатстве. Учитель же тогда истолковал джатаку, так связав перерождения: «Коварным советником был Девадатта, тысяча царских советников — это ученики и последователи Пробужденного, добродетельным же царем Махасилавой был я сам».

Джатака о полных чашах (53)

С восклицания: «Полны все чаши...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о ядовитом зелье.

Как-то раз в Саваттхи пьяницы, сойдясь вместе, жаловались друг другу: «Нечем нам заплатить за выпивку, как же раздобыть ее?» И один из них, известный своим бессердечием, подбодрил их: «Не тревожьтесь, друзья. Есть хорошее средство». «Какое средство?» — спросили его. Он ответил: «Когда торговец Анатхапиндика ходит на прием к правителю, он надевает богатые одежды и унижает пальцы дорогими кольцами и перстнями. Давайте подмешаем в чашу с вином дурмана, приготовим все необходимое для пирушки, усядемся и станем поджидать Анатхапиндику. Как только он появится, мы все закричим: «Выпей с нами, великий торговец!» — заманим его к себе и напоим этим зельем до бесчувствия. Потом мы снимем с пьяного одежды,

перстни и кольца и ими будем расплачиваться за выпивку». Слушатели, выразив свое одобрение, сделали все, как им советовали.

Как только показался торговец, пьяницы загродили ему дорогу и стали уговаривать: «Пойдем с нами, хозяин. У нас есть чудесное вино, выпьешь капельку и пойдешь своей дорогой». «Подобает ли человеку, который, следуя благороднейшему вероучению, вступил в Поток, пить хмельное? — подумал Анатхапиндика. — Однако, хоть это и не к моей пользе, пойду с ними и проучу пьяниц». Приняв такое решение, он пошел с ними к месту пирушки и, едва глянув на вино, понял, что мошенники подмешали в него дурманного зелья. «Ну ладно,— решил Анатхапиндика,— сейчас я навсегда прогоню их из этих мест». «Ах вы, презренные пьяницы! — закричал он.— Подмешав в чашу с вином дурманного зелья, вы собираетесь спаивать прохожих, а потом, когда они упьются до бесчувствия, обирать их? Вот зачем вы уселись тут в кружок, вроде бы для пирушки. Вот почему вы так нахваливаете свое вино. Ни один из вас, однако, не осмеливается налить его себе: не будь оно с дурманом, вы бы его и сами пили». При этих словах торговца пьяницы в страхе разбежались. Анатхапиндика же, выбравив их, направился было домой, но передумал. «Надо рассказать Татхагате о выдумке этих пьяниц»,— решил он и пошел в Джетавану, где и поведал обо всем Учителю. Выслушав Анатхапиндику, Учитель заметил: «Ныне эти пьяницы хотели надуть тебя, мирянин, а прежде они точно так же пытались обмануть мудрых». И, поясняя сказанное, Учитель поведал торговцу о том, что было прежде.

«Во времена былые, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был торговцем в Бенаресе. И произошло то же самое: пьяницы, сговорясь, подмешали в вино дурмана и, дождавшись бенаресского торговца, стали упрашивать его выпить с ними. Торговец считал, что это ни к чему, но, желая разоблачить мошенников, пошел с ними. Едва взглянув на стол, накрытый для пирушки, торговец тотчас разгадал замысел пьяниц, но не подал

вида, подумав: «Теперь-то я разгоню их». Приняв такое решение, он сказал: «Почтенные, идти на прием к правителю во хмелю — дело неподобающее. Подождите меня здесь. Я схожу к правителю, а на обратном пути скажу вам, смогу ли я выпить с вами вместе». Когда торговец возвращался от властителя, пьяницы стали звать его: «Иди сюда, господин!» Торговец подошел к ним и, увидев полные дурмана чаши, сказал: «Что-то не нравится мне ваша пирушка: чаши с вином, как были, так и стоят нетронутые. Вы нахваливаете это вино, а сами его не пьете. Если оно и впрямь такое чудесное, вы бы и сами пили. Должно быть, в него подмешан дурман». И, окончательно сокрушив надежды пьяниц, Бодхисатта спел им такой стих:

Полны все чаши, но вино стоит нетронуто. Престранно!
Иль, не сулящее добра, вино, видать, не без дурмана?

До конца дней своих бенаресский торговец продолжал раздавать милостыню и творить другие добрые дела, а с окончанием отпущенного ему срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

И, завершая наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Пьяницами были тогда эти самые пропойцы, бенаресским же торговцем — я сам».

Джатака о плодах (54)

Словами: «На это дерево залезть нетрудно...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал повествование о некоем мирянине, весьма искушенном в распознавании всяких плодов.

Как-то раз один саваттхийский землевладелец пригласил к себе всю общину во главе с Пробужденным, усадил за стол в своем саду и, досыта накормив гостей сладкой рисовой кашей и другими яствами, наказал своему садовнику: «Пройдись с монахами по саду. Пусть они отберут для себя манго

и любые иные плоды, какие только пожелают». Выполняя распоряжение хозяина, садовник пошел с монахами в сад; едва взглянув на какое-нибудь дерево, он говорил монахам, что такой-то плод на нем зелен, такой-то — созрел наполовину, а такой-то — вполне зрелый, и каждый раз его слова оказывались чистой правдой. Монахи, воротясь к Татхагате, принялись наперебой рассказывать: «Почтенный, этот садовник столь искушен в распознавании плодов, что может, едва глянув с земли на дерево, сказать, какой плод зелен, какой поспел наполовину, а какой совсем уже спелый, и все, что он говорит, оказывается верным». Выслушав их, Учитель молвил: «В распознавании плодов, монахи, искусен не один лишь этот садовник — и прежде были умные люди, хорошо разбиравшиеся в этом деле». И он поведал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта появился на свет в семье торговца. Став взрослым, он посвятил себя торговле и странствовал с пятьюстами повозками. Как-то раз он оказался на большаке, что вел в глубь леса. Бодхисатта приказал остановиться на опушке, собрал всех своих спутников и строго предупредил их: «В этом лесу могут расти ядовитые деревья. Смотрите, не пробуйте без моего разрешения незнакомых вам листьев, цветов или же плодов!» «Хорошо», — ответили спутники Бодхисатты, и караван углубился в лес. На самом его краю, возле какой-то деревушки, росло дерево — все в плодах. Ни стволом, ни ветвями, ни листьями, ни цветами — ничем не отличалось от манго это дерево. И плоды его и цветом, и формой, и запахом, и вкусом были — ну точь-в-точь манго. Да только всякий, кто их пробовал, тотчас погибал от смертельного яда.

Несколько жадных торговцев, что ехали впереди, приняли ядовитое дерево за манго и набросились на плоды. Остальные же решили: «Спросим сначала у нашего старшего» — и, держа в руках плоды, стали дожидаться Бодхисатты. Когда показался Бодхисат-

та, они обступили его и стали спрашивать: «Почтенный, можно ли нам есть эти плоды?» Бодхисатта же, увидев, что это вовсе не манго, объяснил им: «То, что вы называете манго, на самом деле плоды ядовитого дерева, не ешьте их». Затем он стал помогать тем, кто уже наелся плодов: вызвал у них рвоту, накормил смесью из четырех видов сладостей и тем исцелил.

Тут надо сказать, что до того дня все торговцы, которые останавливались на привал у этого дерева, наевшись отравленных плодов, погибали мучительной смертью. Наутро деревенские жители выходили из своих домов, хватали мертвецов за ноги и уволаскивали в укромное место, а потом забирали себе повозки со всеми товарами и всем, что было у мертвых торговцев. Так и в тот день: едва показалось солнце, жители деревни поспешили к дереву, договариваясь по дороге: «Мне достанутся быки». — «А мне — повозки». — «А мне — товары». Увидав, однако, живых и невредимых торговцев, они изумились: «Как вы догадались, что это дерево не манго?» «Это не мы догадались, — ответили крестьянам торговцы, — это узнал наш старший». Крестьяне обратились тогда к Бодхисатте: «Расскажи, мудрейший, как ты сумел догадаться, что это дерево не манго?» «По двум признакам», — сказал Бодхисатта и спел такой стих:

На это дерево залезть нетрудно,
и от села оно — рукой подать.
Плоды его не могут быть съедобны —
едва взглянув, сумел я угадать.

Наставив таким образом все множество собравшихся в дхамме, Бодхисатта в полном здравии продолжил свое путешествие».

И, завершая урок дхаммы, Учитель повторил: «О бхиккху, были ведь и в прошлом мудрецы, которые знали толк в плодах». Слив воедино стих и прозу и связав прошлые и нынешние существования, он так истолковал джатаку: «В ту пору торговцами были последователи Пробужденного, старшим же — я сам».

Джатака
о царевице Пáнчавúдхе (55)

Со слов: «Кто отрешился от всего мирского...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ об одном не слишком усердном бхиккху. «Правду ли говорят, брат мой, что ты не слишком усерден?» — спросил однажды Учитель этого бхиккху. «Правду, Учитель», — ответил ему бхиккху. «В прежние времена, брат мой, мудрые добивались царства, проявляя, когда это было нужно, поразительное упорство», — сказал Учитель, и он поведал монаху о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился сыном царя от старшей жены. В день наречения отец с матерью созвали восемьсот брахманов и, исполнив предварительно все их прихоти и желания, спросили о судьбе сына. Искушенные в знании людских судеб брахманы, видя счастливые приметы на теле дитяти, предсказали: «Твой сын, великий царь, наделен святостью, заслуженной в прежних рождениях, и после твоей кончины он обретет власть над царством и, прославясь умением вести бой пятью различными способами, станет самым могущественным человеком во всей Джамбудипе». В соответствии с пророчанием брахманов царевица тогда же нарекли «Пáнчавúдха», то есть «Искушенный в пяти способах ведения боя».

Когда царевиц вырос и ему исполнилось шестнадцать лет, царь призвал его и сказал: «Ступай учиться, сынок!» «К кому же мне пойти в учение, государь?» — спросил царевиц. Царь ответил: «Отправляйся, сынок, в царство Гандхара, в город Таккаси́лу, и поступи в ученики к тамошнему всемирно прославленному наставнику. Вот тебе деньги: заплатишь наставнику за учебу». С этими словами царь вручил юноше тысячу монет и простился с ним. Царевиц направился в Таккаси́лу и выучился там всем наукам. Напоследок наставник научил его пяти способам ведения боя, после чего царевиц почтительно простился с учителем и, прихватив с собой

пять средств ведения боя, пошел назад в Бенарес.

Путь его пролегал через лес, где властвовал яккха по имени Силесало́ма, что значит «Опутывающий волосами». Видя, что царевич собирается войти в лес, люди, стоявшие на опушке, стали его отговаривать: «Добрый человек, не заходи ты в лес: ведь это обитель яккхи Силесаломы. Он губит всех, кого только видит в лесу». Но, веря в свои силы, храбрый, словно лев, Бодхисатта бестрепетно пошел через лес, покуда в самой его гуще не увидел перед собой яккху. Силесалома был ростом с пальму, голова его была — будто башня, венчающая дом, глаза — как два больших кубка для вина, из пасти, наподобие огромных красных корневищ, торчали два окровавленных клыка. Вместо носа у него был большой ястребиный клюв, брюхо играло всеми цветами радуги, а ладони и подошвы ног отливали синевой. При виде Бодхисатты яккха заревел: «Куда идешь? Стой! Я тебя сожру!» Однако Бодхисатта, стараясь запугать яккху, крикнул: «Яккха, я верю в себя, потому и пришел. Смотри, не приближайся ко мне, иначе я пушу в тебя отравленную стрелу. Тут ты и найдешь свой конец». Говоря так, Бодхисатта вынул из колчана пропитанную сильным ядом стрелу и, натянув лук, выстрелил — стрела, однако, застряла в волосах яккхи. Во второй раз выстрелил Бодхисатта, но и со второй стрелой случилось то же самое. Вновь и вновь сгибал он лук, пока все полсотни его стрел не застряли в волосах на теле яккхи. Яккха одним движением стряхнул с себя стрелы, так что все они упали к его ногам, и двинулся на Бодхисатту. Царевич, безуспешно повторив свои угрозы, обнажил затем меч и что было мочи ударил яккху, но и меч его тоже застрял в волосах, а был меч в тридцать три вершка длиною. Метнул тогда царевич свой дротик, но и он запутался в волосах яккхи. Бодхисатта тогда ударил чудовище палицей, но и она тоже застряла в волосах яккхи. И вскричал тогда Бодхисатта: «О яккха, ты никогда, видно, прежде не слышал обо мне — царевиче Панчавудхе, а я, да будет тебе известно, и вступая в твой лес, и уже проникнув в него, — не полагался ни на лук,

ни на иное оружие, а только на себя самого. Поэтому и пришел сюда. Сейчас я нанесу тебе такой удар, что от тебя останется лишь мелкая пыль!» Издав боевой клич, Бодхисатта устремился на яккху и ударил его правой рукой. Рука его застряла в волосах. Бодхисатта ударил яккху левой рукой — и она застряла; ударил правой ногой, потом левой — и они запутались в волосах. Изловчившись, Бодхисатта боднул яккху головой, крича: «Сейчас от тебя только пыль полетит!» — но и голова его завязла в волосах. И так воин, испробовавший все пять способов ведения боя, оказался связанным в пяти местах. Но и, повиснув на яккхе, Бодхисатта оставался столь же бесстрашным и не собирался сдаваться.

Тут яккха задумался. «Этот человек наделен львиной отвагой, — размышлял он. — Хотя он и человеческой породы, но не похож на других людей: даже схваченный мной — ни капельки не боится. За то время, что я убиваю путников на дороге, ни разу еще мне не попадался такой человек. Почему же все-таки он не испытывает страха?» И, не решаясь сожрать царевича, яккха спросил его: «Эй, юноша! Почему тебе чужд страх смерти?» «А почему я должен бояться, яккха? — спросил в ответ Бодхисатта. — Прежде всего, каждый живущий умирает лишь однажды; кроме того, в моей утробе сокрыто особое оружие — «ваджира». Если ты сожрешь меня, с «ваджирой» тебе не совладать: она перекрошит все твои внутренности, и оба мы погибнем. Вот почему я чужд страха». Конечно же, под «оружием» Бодхисатта подразумевал сокрытое в нем знание, но его слова заставили яккху задуматься еще сильнее. «Этот юноша, без сомнения, говорит правду, — решил он. — Плоть такого человека-льва, даже если бы я отгрыз кусочек величиной с бобовое зерно, мне не переварить. Отпущу-ка я его». И, обуйанный страхом смерти, яккха освободил царевича, сказав: «Ты, юноша, — человек-лев, не стану тебя есть. Слово месяц, ускользающий изо рта демона Раху, ступай себе подобра-поздорову и живи на радость своим родным, друзьям и всему свету».

И сказал тогда яккхе Бодхисатта: «Я-то пойду своей дорогой, но знай, что именно в наказание за дурные поступки в прошлых существованиях ты и осужден быть свирепым, кровожадным яккхой, питающимся плотью умерщвленных тобой людей. Если бы в этой жизни ты в слепоте невежества своего по-прежнему творил зло, то и в новых рождениях пребывал бы таким же слепцом. Но отныне, после встречи со мной, ты уже не сможешь более творить зло: ведь отнимающий у живого существа жизнь возрождается либо в чистилище, либо в образе зверя, либо бездомным духом, либо демоном, а если даже он возрождается человеком, срок его существования недолог». Рассуждая далее в том же духе, Бодхисатта растолковал яккхе, каким злом для живого существа оборачиваются пять видов неправедных деяний и какие блага сулят пять видов праведных поступков. Устрашая яккху всевозможными способами и одновременно наставляя его в дхамме, Бодхисатта сумел обратить чудовище в свою веру, убедил его в необходимости быть кротким и научил пяти заповедям. Он возвел яккху в сан лесного божества, которому приносят жертвы, призвал его напоследок быть стойким в усердии и удалился. Выйдя из лесу, он рассказал собравшимся на опушке людям обо всем происшедшем. Затем царевич, вооруженный всеми пятью средствами ведения боя, отправился в Бенарес и наконец свиделся со своими родителями.

Когда же, со временем, Бодхисатта воссел на престол, он правил царством в соответствии с дхаммой: подавал милостыню и творил иные добрые дела,— а с концом отпущенного ему срока перешел в следующее рождение в полном согласии с накопленными заслугами».

И, заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель — теперь уже он был Всепробужденным — спел такой стих:

Кто отрешился от всего мирского,
творит добро, идя тропою дхаммы,
Сумеет, разорвав сансары путы,
достичь благоспокойствия ниббаны.

Продолжая разъяснять суть дхаммы, Учитель добрался и до горней сути арахатства и во всей полноте открыл слушателю высочайшее из высочайших: растолковал ему величие четырех благородных истин. Выслушав наставление, внимавший ему бхикку вкусил от высшего плода арахатства, Учитель же, слив воедино стих и прозу и связав прошлые и нынешние существования, так истолковал джатаку: «Яккхой в ту пору был Ангулиманна, царевичем же Панчавудхой — я сам».

Джатака о трех достоинствах (58)

Со слов: «Тот, кто находчив, ловок и силен...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — повел рассказ о том, как замышлялось убийство.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Девадатта появился на свет в облике обезьяны. Со временем он сделался вожаком стаи, состоявшей из его собственного потомства, и жил в окрестностях Гималаев. Опасаясь, как бы кто-либо из его сыновей, когда вырастет, не вздумал занять его место вожака, он откусывал им то, без чего невозможно продолжение рода. И вот Бодхисатта обрел свое земное существование в лоне одной обезьяны, зачавшей от вожака стаи. И та обезьяна, почувствовав, что близится срок разрешения и желая сохранить невредимым свое потомство, убежала в лес у подножия горы и там со временем благополучно произвела на свет Бодхисатту. Когда детеныш подрос и вошел в разум, оказалось, что он наделен необыкновенной силой.

Как-то раз сын обратился к матери с такими словами: «Матушка, а где мой отец?» «Твой отец, — ответила мать, — вожак обезьяньей стаи у подножия такой-то горы». «Матушка, — начал тогда просить Бодхисатта, — отведи меня к нему!» «Нельзя, сынок, — стала уговаривать его мать, — идти нам с тобой к нему, ибо твой отец, страшась, как бы его

потомки, когда вырастут, не заняли его место вожака стада, лишает их мужской силы». «Все равно, матушка,— стоял на своем Бодхисатта,— отведи меня к отцу, а уж там я погляжу, как мне быть». Взяла тогда мать свое чадо и пошла с ним к вожаку стаи, а тот, едва увидав сына, понял: «Этот, как только вырастет, станет вместо меня вожаком стаи, так что надо его немедленно прикончить. Заключу-ка я его в объятия да сожму изо всех сил, чтобы дух из него вон». И, порешив так, вожак стаи ласково сказал: «Подойди ко мне, сыночек, где это ты столько времени пропадал?» Затем, делая вид, что обнимает Бодхисатту, он изо всех сил сдавил ему ребра,— Бодхисатта тоже сжал вожака стаи, будто слон хоботом, так что у того затрещали кости. И подумал тут отец Бодхисатты: «Вот подрастет он еще немного — и непременно прикончит меня». И тогда замыслил он недоброе: «Есть тут неподалеку озеро, которым владеет ракшас-демон, pošлю-ка я сына к нему — демон его и сожрет». И сказал отец Бодхисатте: «Стар я, сыночек, стал и нынче же хочу сделать тебя вожаком стаи. Есть тут неподалеку озеро, и растут на нем два вида белых лотосов, три вида голубых и пять видов обычных лотосов — так ты пойди, принеси их мне». «Хорошо, отец, принесу»,— ответил Бодхисатта и пошел к озеру.

Бодхисатта не сразу спустился к воде, а прежде изучил все следы на берегу и, видя, что они ведут к воде, а из воды ни один не ведет, подумал: «Должно быть, этим озером владеет ракшас и мой отец, который не смог сам со мной справиться, послал меня к ракшасу на съедение. Что ж, в воду входить не стану, а лотосов все равно нарву». И, решив так, Бодхисатта выбрал на берегу место посуше, разбежался и прыгнул, и пока летел по воздуху до другого берега, изловчился и сорвал на лету два лотоса, росших в озере, и на противоположном берегу опустился на землю. Потом точно таким же способом прыгнул обратно, изловчился и сорвал на лету еще два лотоса. Так он прыгал с берега на берег, срывая лотосы, складывая их то на одном берегу, то на другом, где они уже громоздились большими

охапками, и ни разу не спустился в воды озера, которым владел ракшас.

И вот, решив наконец, что рвать больше нельзя, иначе не перепрыгнуть со всеми этими лотосами на другой берег, Бодхисатта принялся собирать лотосы один к одному. Ракшас же, немало удивившись, подумал: «Сколько лет прожил на свете, ни разу не встречал твари столь смекалистой: эта обезьяна набрала лотосов столько, сколько ей было надобно, и так и не спустилась вниз, туда, где обитаю я». Подумал так ракшас, раздвинул воды озера, ступил на берег и подошел к Бодхисатте. «О ты, властитель обезьян,— сказал ему ракшас,— всякая тварь, наделенная тремя достоинствами, призвана повелевать даже врагом своим, а ты, по-моему, как раз и наделен всеми тремя достоинствами». И, дабы воздать хвалу Бодхисатте, он спел такой стих:

Тот, кто находчив, ловок и силен,
как ты, о мудрый обезьян властитель,
Все три достоинства объединив,
врагов повергнет в прах, добра ревнитель.

И, так восславив Бодхисатту, ракшас, повелевавший водами, спросил, для чего понадобилось Бодхисатте собирать лотосы. «Отец пожелал сделать меня вожаком стаи и по этому случаю послал собирать лотосы»,— ответил Бодхисатта. «Нельзя,— вскричал тогда ракшас,— нельзя, чтобы тварь, наделенная таким величием, как ты, сама несла цветы, давай я их понесу»,— и ракшас подобрал все цветы и понес их, идя позади Бодхисатты. Отец же Бодхисатты еще издали увидел их и подумал: «Я послал сына к озеру, чтобы его сожрал ракшас, а он остался цел и невредим, да еще ракшас несет вместо него цветы. Пришла моя погибель!» Подумал так вожак обезьян, и сердце его разорвалось на семь частей, и он испустил дух. А обезьяны единодушно избрали Бодхисатту своим вожаком.

И Учитель, заканчивая наставление в дхамме, истолковал джатаку, так связав прошлую жизнь с нынешней: «Вожак обезьянней стаи был в ту пору Девадатта, сыном же вожака был я сам».

Джатака о бое барабанном (59)

Словами: «Бей в барабан, но все ж не слишком лихо...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал еще одну историю об упрямом бхиккху. На вопрос Учителя: «Правду ли говорят, что ты упрям?» — бхиккху ответил: «Правду, Всеблагодетель». Учитель заметил на это: «Не только ныне, брат мой, ты отличаешься упрямством, но и прежде тоже был упрямым». И он поведал бхиккху о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил на земле в облике деревенского барабанщика. Прознав о том, что в Бенаресе готовятся к празднику новолуния, он решил, что там можно будет подзаработать, играя в толпе празднующих на барабане, и вместе с сыном отправился в Бенарес. Игрой на барабане они вдвоем заработали немало денег. По пути домой им нужно было пройти со всеми этими деньгами через лес, в котором жили разбойники. Обращаясь к сыну, непрестанно колотившему в барабан, отец сказал: «Милый, не бей без перерыва! Ударяй лишь время от времени, так, чтобы все думали, что едет правитель в сопровождении бьющих в барабан слуг». Однако, несмотря на предупреждение родителя, сын продолжал без передышки колотить в барабан, надеясь, что шум разгонит всех разбойников. Они же, заслышав грохот барабана, вначале подумали, что едет какой-нибудь правитель, и бросились наутек, но, слыша, что барабан грохочет неумолчно, решили: «Не может быть, чтобы это был правитель». Воротясь, они увидели, что по дороге идут лишь два человека, напали на них и ограбили. «Все, что мы с тобой заработали тяжким трудом, пропало из-за того, что ты просто прилип к барабану и колотил беспрерывно», — воскликнул тогда Бодхисатта. И он спел такой стих:

Бей в барабан, но все ж не слишком лихо, —
уменья громогласьем не порочь,
Ведь все, что ты обрел, играя тихо,
утратишь, барабана во всю мочь!»

Заканчивая наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, так связав перерождения: «Сыном барабанщика был в ту пору упрямый бхиккху, его же отцом — я сам».

Джатака *о «заклинании от тоски» (61)*

С восклицания: «О, эти женщины!..» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал повествование о бхиккху, охваченном любовным томлением, — подробнее о нем рассказывается в «Джатаке об Ёммаданти». Учитель так наставлял монаха: «Брат мой, ведь женщины — сластолюбивы, бездумны, привержены пороку, в роду людском они — низшие. Как ты можешь испытывать любовную тоску по женщине, этому сосуду скверны?» И он рассказал бхиккху о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта возродился в городе Таккасиле, что в царстве Гандхара, в семье брахмана. Ко времени совершеннолетия Бодхисатта достиг уже такого совершенства в знании трех вед, всех наук, искусств и ремесел, что слава его как наставника распространилась по всему миру.

В ту пору в Бенаресе проживала другая брахманская семья. Когда и там родился мальчик, родители велели развести огонь и поддерживать его с того дня неугасимым. Когда мальчик вырос и ему исполнилось шестнадцать лет, мать с отцом сказали: «Сынок, этот огонь мы развели и поддерживали со дня твоего рождения. Если по окончании отпущенного тебе срока ты хочешь возродиться в мире Брахмы, возьми этот огонь, удались в лес и там, непрерывно принося жертву богу Агги, готовься к переходу в мир Брахмы. Если же ты намерен вести мирскую жизнь, отправляйся в Таккасилу, изучи там у всемирно прославленного наставника науки и возвращайся, чтобы заняться хозяйством». Юноша ответил им: «Не сумею я жить в лесу,

воздавая жертву огню, я хочу быть мирянином». Простясь с отцом и матерью, юноша взял с собой тысячу монет, чтобы заплатить наставнику за обучение, и направился в Таккасилу.

Выучившись всем наукам, молодой брахман воротился к родителям. Они же, все еще мечтая о том, чтобы их сын удалился в лес и там творил жертвы богу огня, сочли, что мирская жизнь его недостойна. В стремлении показать сыну скверну, проистекающую от женщин, и тем подвигнуть его на уход в лес, мать юного брахмана решила: «Наставник моего сына — мудр и многознающ, он сумеет объяснить юноше, сколь порочны женщины». И она спросила сына: «Сынок, а ты всем наукам выучился?» «Всем, мама», — ответил юноша. «А «заклинание от тоски» ты знаешь?» — вновь спросила она. «Нет, не знаю», — сказал юноша. «Сыночек, — воскликнула мать, — если ты не выучился даже «заклинанию от тоски», то каким же наукам ты вообще выучился? Ступай и приходи назад, только когда выучишь заклинание». «Хорошо!» — согласился юноша и снова пошел в Таккасилу.

Тут самое место сказать, что у наставника юноши была жива мать, старуха ста двадцати лет от роду, — и наставник за нею ходил: собственноручно ее купал, кормил и поил. А так как другие люди презирали его за это, он и надумал: «Уйдем-ка мы в лес. Там мы сможем спокойно жить с матерью, и я буду ходить за ней». И вот в глухой чаще, в красивом месте, где протекал ручей, он выстроил хижину, запасся топленным маслом, рисом и прочими съестными припасами, перенес в хижину свою мать и зажил там, по-прежнему ухаживая за матерью. Когда молодой брахман явился в Таккасилу, то, не найдя там наставника, стал расспрашивать о нем. Узнав обо всем, он пришел к своему учителю, почтительно его приветствовал и стал чуть поодаль.

«Что привело тебя вновь ко мне так скоро, сынок?» — спросил наставник. «Оказывается, я еще не выучился от тебя «заклинанию от тоски», — ответил юноша. «А кто тебе сказал, что ты должен научиться такому заклинанию?» — удивился наставник. «Моя

мать, учитель», — молвил в ответ юноша. Бодхисатта знал, что нет никакого «заклинания от тоски». «Просто, видимо, его мать хочет, чтобы я объяснил ему, сколь порочны женщины», — подумал он и сказал юноше: «Хорошо, я научу тебя этому заклинанию. Отныне ты должен будешь вместо меня ходить за моей матерью: собственноручно купай ее, корми и пои. Когда ты будешь растирать ей руки, ноги, голову, или спину, или иное место, не забывай повторять: «Почтенная, тело твое так прекрасно и теперь, когда ты стара! Каким же оно было во времена твоей юности?» Поглаживая ей руки или ноги, тверди, что они прелестны. И обо всем, что скажет тебе моя мать, оставив стыд, сообщай мне без утайки. Послушаешься меня — открою тебе «заклинание от тоски», нет — ничего не узнаешь». «Да будет так, учитель», — согласился юноша.

И с того самого дня стал юноша делать все, как они условились. Оттого что он непрестанно восхвалял красоту старой женщины, та стала думать: «Не иначе как он ищет наслаждения со мною!» И хотя была она совсем дряхлой и слепой от старости, огонь страсти запылал в ее сердце. И вот однажды старуха сказала юноше, восхвалявшему красоту ее тела: «Не хочешь ли ты вкусить со мной наслаждение?» «Очень хочу, почтенная», — ответил ей юноша, — да только наставник мой слишком строг». «Ну, коли ты и впрямь желаешь меня», — молвила старуха, — убей сына моего». «Нет», — сказал юноша, — я слишком многим обязан своему учителю! Как осмелюсь я поднять руку на своего наставника только потому, что мной овладела страсть?» «Тогда вот что, — прошептала старуха, — ежели ты не покинешь меня, я сама его убью!» Вот ведь сколь сластолюбивы, дурны и порочны женщины! Даже такая древняя старуха, стремясь к любовным утехам, позволила страстям всецело завладеть ею и решилась убить сына, служившего ей столь преданно!

Пересказал юноша весь этот разговор Бодхисатте. «Хорошо ты сделал, сынок, что поведал мне обо всем», — заметил Бодхисатта. Обозрев внутренним оком запас жизненных сил старухи, он узнал,

что мать его должна в тот же день отойти, и сказал ученику: «Ступай за мной. Я хочу испытать ее». Бодхисатта срубил в лесу смоковницу, вытесал из нее деревянного человека — тех же размеров и формы, что и сам, — обмотал его с ног до головы тканью, положил боком на свое ложе и, привязав к нему веревку, обратился к юноше: «Сынок, возьми топор, поди к моей матери и сунь ей в руки конец веревки». Юноша послушно пошел и сказал старухе: «Почтенная, учитель сейчас в хижине — прилег на свою постель отдохнуть. К постели его я привязал веревку, которая укажет тебе путь. Вот топор, ступай и, если только в силах, убей его». «А ты меня не бросишь?» — только и спросила старуха. «С чего мне бросать тебя?» — ответил юноша. Старуха взяла в руки топор, с трудом поднялась на ноги, доковыляла до постели сына, ощупала его тело и, уверясь, что это и в самом деле ее сын, сдвинула в сторону ткань, прикрывавшую голову деревянного болвана. Затем она размахнулась топором и, воскликнув: «Прикончу его одним ударом!» — рубанула прямо по горлу. Послышался сухой треск, и старуха поняла, что ее удар пришелся по дереву. «Что ты делаешь, матушка?» — спросил вошедший Бодхисатта. «Ты обманул меня!» — вскричала вместо ответа старуха и в тот же миг пала бездыханная, ибо ей было суждено умереть, лишь только она вступит в хижину.

Убедясь, что мать его мертва, Бодхисатта разложил костер и предал тело матери огню, а потом, когда все было кончено, погасил пламя и принес в жертву дикие лесные цветы. Сидя на пороге своей хижины вместе с молодым брахманом, Бодхисатта сказал ему: «Знай, сынок, что нет никакого особого «заклинания от тоски». Речь шла о любовной тоске и о женщинах, ее вызывающих. Когда твоя мать послала тебя ко мне, наказав: «Ступай выучись «заклинанию от тоски», она хотела только, чтобы ты понял, сколь порочны женщины. Теперь, когда ты воочию узрел пучину скверны, в которую ты мог попасть из-за моей матери, тебе должен быть вполне ясен смысл изречения: «Воистину, женщины — само

сладострастие и порочность». И, наставив так юношу, Бодхисатта отослал его.

Почтительно простясь с учителем, юноша направился в Бенарес, к отцу с матерью. И, когда он явился в дом, мать спросила: «Ну как, выучился ли ты «заклинанию от тоски»?» «Выучился, матушка», — ответил ей юноша. «Ну так что же, — продолжала мать, — хочешь ли ты стать подвижником, творящим жертвы богу огня, или предпочтешь обзавестись семьей и зажить мирской жизнью?» «Матушка, — сказал юноша, — я своими глазами видел скверну, происходящую от женщин, и мирская жизнь не для меня. Я хочу стать отшельником». И, убеждая всех в непоколебимости своего решения, он спел такой стих:

О, эти женщины! Желаньями подобны
всепожирающему пламени они.
От мира стрещаь, свой подвиг совершая,
себя от скверны любострастья сохрани.

Обличив так весь род женский, юноша простился с отцом и матерью и ушел в лес. Став, как и хотел, подвижником, юноша, размышляя в уединении, познал самого себя и подготовился к последнему возрождению в мире Брахмы».

И, восклицая: «Видишь, брат мой, сколь сладо-страстны, порочны, похотливы женщины!» — Учитель вновь указал монаху на зло, которое несет в себе весь женский род и разъяснил суть четырех благородных истин. Выслушав его наставление, бхиккху вкусил от плода арахатства. Учитель же растолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору матерью юноши была Ка́пилáни, его отцом — Ма-ха́кассáпа, молодым брахманом — Ананда, наставником же был я сам».

Джатака об одураченном (62)

Со слов: «Пока ты, брахман, завязав глаза...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — принялся рассказывать об еще одном монахе, объятom любовным томлением.

На вопрос Учителя: «Правду ли говорят, брат мой, что ты томишься любовной горячкой?» — бхиккху этот отвечал: «Правду». «О бхиккху,— заметил Учитель.— Знай, что женщин невозможно удержать от соблазна: иные мудрецы уже пытались прежде сделать это: они держали женщину при себе с самого ее появления на свет, но обуздать ее порывы не сумели». И он поведал о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта воплотился в облике сына старшей жены царя. Когда он вырос и выучился всем наукам, а его отец перешел в иное существование, Бодхисатта занял его место на престоле и стал править царством в соответствии с дхаммой. Молодой царь очень любил играть в кости с домашним жрецом и всякий раз, бросая золотые кости на серебряный столик, напевал, чтобы накликать удачу:

Все реки — извилисты; кривы в лесу все деревья
Исполнены скверны все жены — и старые, и молодые.

И удача всегда благоволила царю, он выигрывал, а жрец — проигрывал. Видя, что, если так пойдет дело, со временем он лишится и дома и богатства, жрец подумал: «Если так будет продолжаться, все пойдет прахом. Надобно мне сыскать и привести в дом какую-нибудь девушку, не знавшую мужчины». «Женщину, которая видела хоть одного чужого мужчину, не уберечь от соблазна,— продолжал размышлять жрец,— поэтому нужно найти новорожденную, взять в дом и держать девочку до совершеннолетия под строгим присмотром: если нанять хороших сторожей, чтобы следили за ней, то вырастет она женщиной, преданной лишь одному мужчине,— мне самому. Тогда-то уж я сумею завладеть богатствами царского дворца».

Тут пора сказать, что жрец знал толк в телесных знаках и умел по ним определять судьбу. Как-то раз он встретил беспутную женщину на сносках и, тотчас определив, что у нее родится дочь, зазвал

ее к себе и взял на содержание. После того, как в его доме она разрешилась от бремени, он дал ей денег и уговорил ее уйти и оставить у него дочь. Чтобы девочка никогда не виделась ни с одним мужчиной, кроме него самого, жрец поручил ее воспитание женщинам. Так и росла девочка, покуда к совершеннолетию не оказалась в полном у жреца подчинении.

Все время, пока девочка была еще маленькой, жрец не играл с царем в кости. Но вот она выросла, и жрец овладел ею. Вскоре после того он сказал царю: «Не сыграем ли в кости, государь?» «Охотно», — обрадовался тот и, начиная играть, принялся, как всегда, напевать свою приносящую удачу песенку. И едва только он, дойдя до слов: «Исполнены скверны все жены...» — бросил кости, как жрец перебил его: «Все, кроме моей». Тут удача впервые изменила царю: он проиграл, а жрец выиграл. «Должно быть, жрец держит в доме своем женщину, которая не знает иных, кроме него, мужчин, — подумал Бодхисатта. — Постараюсь-ка разрушить ее стойкую добродетель». Разузнав через верных людей, что его догадка верна, царь велел привести к нему одного плута, который кормился за счет женщин, и спросил его: «Сумеешь ли сокрушить добродетель женщины, живущей у моего жреца в доме?» «Сумею, государь», — ответил плут. «Тогда скорей берись за дело», — приказал царь и, дав ему денег, отослал прочь.

На эти деньги плут накупил множество благово- ний, духов, порошков, мазей, камфары и всего та- кого прочего и неподалеку от дома жреца открыл лавчонку для торговли этими товарами. А дом у жреца был семиэтажный, с семью входами, и у каждого входа стояла стража — из одних только женщин, которые не впускали в дом ни одного муж- чину, кроме самого хозяина; и даже корзинки для мусора и всякого хлама позволяли вносить только после тщательного осмотра. Видеть же молодую хо- зяйку мог только один жрец да еще служанка. Эта служанка, получая от госпожи деньги, ходила поку- пать благовоения и цветы, и всякий раз путь ее

лежал мимо лавочки, открытой плутом. Плут разузнал, что это — служанка женщины, живущей в доме жреца. Как-то раз, завидев ее, он выскочил из своей лавки с криком: «Матушка, где же ты пропала столько времени?» — рухнул ей в ноги и, крепко обняв их, залился слезами. Тотчас же кругом собралась целая толпа нанятых им таких же мошенников, и все они принялись дружно восклицать: «Как они похожи! И руки, и ноги, и лица, и осанка, и весь облик — все одинаково. Сразу видно, что это мать и сын». Слыша со всех сторон такие возгласы, бедная женщина совсем погтеряла голову и, подумав: «Должно быть, он и впрямь мой сын», сама зарыдала в голос. Оба они, обливаясь слезами и стеная, бросились друг к другу в объятия.

«Где же ты живешь, матушка?» — спросил чуть погодя плут. «Живу я, сынок, — ответила ему женщина, — в доме у царского жреца. Есть у него молодая жена — писаная красавица, прелестью своей подобная небожительнице, я у нее в услужении». «А куда ты сейчас направляешься?» — вновь полюбопытствовал плут. «Да вот иду купить для нее благовоний, духов и цветов», — сказала служанка. «Помилуй, матушка! Зачем тебе ходить куда-то? — вскричал тут плут. — Бери отныне все, что нужно, у меня». С этими словами он надавал служанке листьев арековой пальмы, благовоний и всевозможных цветов — всего полным-полно, — а денег с нее не взял. Увидела молодая хозяйка такое обилие цветов и благовоний и сказала служанке: «Брахман, видно, сегодня особенно нами доволен». «С чего это ты взяла?» — сказала служанка. «Да вот гляжу: так много всяких подарков», — ответила женщина. «Ты говоришь про эти подарки? — спросила служанка. — Это вовсе не твой брахман расщедрился: я принесла все от своего сына». С тех пор так и повелось: деньги, что давал хозяин, служанка оставляла себе, а сама набирала, сколько хотела, цветов и благовоний в лавке у плута.

Когда минуло какое-то время, плут сказался больным и лег в постель. Пришла служанка в лавку за цветами и духами и, не видя плута, спросила:

«Где же мой сын?» «Захворал твой сын»,— ответили ей. Прошла служанка к постели плута, села рядом, стала гладить его по спине и спрашивает: «Что у тебя за хворь, сынок?» Тот молчит. Служанка вновь: «Что же ты не говоришь ничего, сынок?» «Умирать буду, матушка, а сказать тебе не смогу»,— ответил плут. Служанка — ну его уговаривать: «Если уж мне не можешь сказать, так кому и сказать-то, сынок?» «Ох, матушка,— молвил тогда плут,— услышал я, как ты расписываешь молодую хозяйку, и потянулся к ней всем сердцем. Нет у меня никакого другого недуга, кроме любовного. Будет она моею — останусь в живых, не будет — умру на этом месте!» «Сыночек,— сказала ему служанка,— не терзайся понапрасну: я все устрою». Успокоив юношу, служанка набрала множество цветов и благовоний, вернулась к своей хозяйке и сказала: «Госпожа, лишь только мой сын услышал от меня о твоей красоте, прилип он к тебе всем сердцем. Что же теперь делать?» «Если только,— ответила хозяйка,— ты сумеешь ввести его сюда, я уж не упусти такого случая».

Выслушав хозяйку, служанка принялась за дело: изо всех углов дома вымела и собрала в кучу множество всякого мусора, насыпала его в корзину для цветов и пошла выносить, а когда женщина, что стояла на страже у входа, хотела было заглянуть в корзину, она возьми да и вывали на нее мусор. Оскверненная стражница побежала мыться. Точно так же служанка поступала и со всеми другими женщинами-стражницами: кто ей что ни скажет — тотчас на нее кучу мусора. После того, что бы она ни выносила из дому, что бы ни вносила в дом — никто уже не отваживался глядеть, что там у нее.

Тогда служанка посадила в корзину для цветов плута и доставила к госпоже. Плут без труда лишил добродетели молодую хозяйку и прожил у нее в доме несколько дней: только жрец за порог — любовники давай развлекаться, воротится хозяин — плут тотчас прячется. По прошествии нескольких дней молодая женщина сказала любовнику: «Господин, сегодня ты должен удалиться». «Ладно, уйду,— согласился

плут,— только прежде я хочу поколотить брахмана». Хозяйка согласилась, спрятала любовника у себя и, когда брахман явился к ней, сказала мужу: «Я бы хотела потанцевать для вас, сыграйте-ка мне на вине». «Хорошо, милая,— обрадовался брахман,— потанцуй». Он взял вино и ударил по струнам. «Ах,— притворно засмушалась молодая женщина,— когда вы глядите на меня, мне стыдно. Позвольте мне закрыть вам лицо куском ткани, а тогда уж я начну танцевать». «Ну ладно,— согласился жрец,— коли стесняешься, так и сделай». Женщина взяла кусок плотной ткани и обмотала ее вокруг головы брахмана, так что глаза его оказались плотно закрытыми. Сидя с завязанными глазами, жрец стал играть на вине. Молодая женщина поплясала немного и вдруг спросила мужа: «Можно ли мне разок шлепнуть вас по голове, уж очень хочется?» Брахман, распаленный желанием, не заподозрил ничего плохого и ответил: «Можно». Тут женщина подала знак любовнику, тот подкрался, встал у брахмана за спиной и что было силы двинул его локтем по голове. У бедняги чуть глаза не выскочили из глазниц, а на голове вздулась огромная шишка. Совсем одурев от боли, брахман сказал: «Дай-ка мне твою руку». Молодая женщина положила ему на ладонь свою руку. Ощупав ее, брахман воскликнул: «Рука твоя так нежна, а удар столь силен!» Плут стукнул брахмана еще раз и спрятался, хозяйка же сняла повязку с лица брахмана и смазала ему ушиб на голове маслом. Как только хозяин вышел, служанка посадила плута в корзину и вынесла из дому. Плут поспешил к царю и рассказал ему обо всем происшедшем.

И вот, когда жрец пришел по своим делам во дворец, царь предложил ему: «Не сыграть ли нам в кости, брахман?» «С удовольствием, государь»,— ответил тот. Царь велел принести столик для игры и, перед тем как бросить кости, принялся петь свою песенку. Едва дойдя до слов: «Исполнены скверны все жены», он бросил кости. Не подозревая, что жена его разорвала узы верности, брахман воскликнул, как и в прошлый раз: «Все, кроме моей»,—

и, лишь только он это сказал, выпал ему проигрыш. Царь же, знавший всю правду, сказал тогда своему жрецу: «Почему ты, брахман, говоришь: «Кроме моей»? Знай, что жена неверна тебе. Растя девочку с самого ее рождения, выставив стражу у семи входов в свой дом, ты надеялся, видно, уберечь ее от соблазна. Да хоть засунь женщину к себе в брюхо и ходи так с нею, все равно не оградишь от скверны, ибо не существует женщины, хранящей верность лишь одному мужчине. Вот и твоя жена: сказала тебе, что хочет танцевать, и в то время как ты с повязкой на лице наигрывал на вине, подвела к тебе любовника, тот треснул тебя локтем по голове, а потом твоя жена благополучно выпроводила его из дома. Неужели ты и теперь все еще считаешь ее непохожей на прочих?» И, не дожидаясь ответа, царь спел такой стих:

Пока ты, брахман, завязав глаза,
супругу услаждал игрой на вине,
Она тебе наставила рога.
Не верь же этим женщинам отныне!

Бодхисатта растолковал брахману суть дхаммы. Вняв его наставлению, жрец отправился домой и заявил жене: «Ты, говорят, совершила такие-то и такие-то непотребства?» «Да кто это мог тебе сказать, господин? — воскликнула она. — Ничего я дурного не делала: это я тебя шлепнула по голове, и никто другой. Если ты мне не веришь, могу поклясться, что рука никакого иного мужчины, кроме тебя, меня не касалась. Чтобы доказать тебе свою правоту, я готова взойти на костер». «Быть по сему», — сказал жрец. Он распорядился приготовить большую кучу дров, разжечь костер и привести жену. «Если ты сама веришь тому, что говорила, — молвил он, обращаясь к жене, — войди в огонь». А молодая женщина успела научить перед этим свою служанку: «Ступай, матушка, приведи твоего сына. Как только подойду к огню, пусть он оттащит меня за руку». Служанка отправилась к юноше и передала ему все, слово в слово.

Плут тотчас явился к дому жреца и стал в толпе зевак. И тогда жена брахмана, желая обмануть своего мужа, воскликнула в присутствии многих людей: «О брахман! Клянусь, что не знала я прикосновения рук иного мужчины, кроме тебя, и, если это правда, пусть огонь не причинит мне вреда». Только было шагнула она в костер, как плут выскочил вперед и, вопя: «Посмотрите, добрые люди, что вытворяет этот брахман — царский жрец: такую женщину хочет сжечь на костре!» — схватил жену брахмана за руку и стал оттаскивать. Вырвавшись, женщина обратилась к мужу: «Господин, клятва моя нарушена, я не могу войти в огонь». «Как так?» — спросил жрец. «Да ведь я только что поклялась, — отвечала жена, — что не знала прикосновения рук иного мужчины, за исключением моего повелителя. А этот человек только что держал меня за руку». Жрец, однако, догадался, что женщина обманула его, и, побив ее, прогнал с глаз долой.

Поистине, правы те, кто говорят, что женщины исполнены скверны: ведь, сколь безгранично дурным ни было бы злое дело, они обязательно его свершат, а потом, стремясь обмануть мужей, станут заверять их, будто ни в чем не повинны, и при свете белого дня дадут ложную клятву, ибо сердца их вероломны. Недаром ведь говорится:

От этих женщин скрытно-хитроумных
добиться правды нином нехоту, —
Вразвалку ходят, непостижны сутью:
так рыбы выются, в толще вод скользя!
И ложь для них — как истина, а правда —
для них, коварных, все равно, что ложь!
Им, как коровам, корм потребен свежий,
так подавай дружков им новых сплошь!
К тому ж они свирепы, будто змеи,
коварнее зыбучего песка,
И все, о чем мужья толкуют тайно,
известно женам их наверняка».

Заканчивая наставление в дхамме, Учитель повторил: «Женщин нельзя удержать от соблазна». И он разъяснил изнывавшему от любовного томления бхиккху суть четырех благородных истин, и монах

укрепился на благом Восьмеричном Пути. Учитель же истолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору царем Бенареса был я сам».

Джатака о Тákке (63)

Словами: «Сварливы жены и неблагодарны...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о еще одном терзаемом похотью бхиккху.

На вопрос Учителя: «Правду ли говорят, брат мой, что ты страдаешь от вожделения?» — монах ответил, что это сущая правда. Учитель тогда заметил: «Женщины не знают чувства благодарности и способны на любую низость. Как же можно испытывать к ним влечение?» И он поведал монаху о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта, явившийся на землю подвижником, вел жизнь отшельника: удалясь от мира, он выстроил себе обитель на берегу Ганги и, овладев высшими ступенями совершенства и вершинами мудрости, вкушал блаженство погружения в глубины сосредоточенного размышления. В Бенаресе же в ту пору жил некий богатый торговец. Была у этого торговца дочь по имени Дуттхакумари, «Порченная», жестокая и безжалостная девица, которая постоянно бранила своих слуг и прислужниц и била их чем попало. Как-то раз Дуттхакумари отправилась со своими прислужницами к Ганге: купаться и плескаться в речных водах. Пока они забавлялись в реке, солнце закатилось, и над ними нависла огромная грозовая туча. Едва увидев эту тучу, люди стали разбегаться по домам. Прислужницы дочери торговца решили: «Настал для нас час рассчитаться с ней за все обиды». Они швырнули свою хозяйку в реку и убежали. Начался ливень, солнце исчезло, и небо совсем потемнело. Когда прислужницы одни явились домой, их спросили: «Где же Дуттхакумари?» «Из реки-то она вышла на берег, но вот куда потом делась, не знаем!» — ответили

прислужницы. Послали людей на поиски, но никого не нашли.

Между тем вздувшиеся воды реки несли Дуттху-кумари, громко вопившую от страха, все дальше и дальше, пока уже к полуночи не вынесли к тому месту на берегу, где стояла отшельническая хижина Бодхисатты. Услышав доносившиеся с реки зовы о помощи, Бодхисатта подумал: «Это кричит женщина, надо бы ей помочь». Освещая горящим пучком травы себе дорогу, Бодхисатта бросился к реке. Заметив в воде женщину, он ободрил ее, крича: «Не бойся, не бойся!» Могучий, как слон, он кинулся в воду, схватил женщину, вытащил ее на берег и отнес к себе в хижину. Затем Бодхисатта разжег огонь и, после того как спасенная согрелась, подал ей поднос со сладкими фруктами и плодами, чтобы она подкрепила свои силы. Накормив нежданную гостью, Бодхисатта спросил ее, откуда она родом и как попала в Гангу,— та рассказала ему обо всем, что с ней произошло. «Что ж, побудь пока у меня»,— молвил Бодхисатта и, уложив Дуттху-кумари в хижине, последующие две или три ночи спал во дворе. По прошествии этого времени он велел женщине идти прочь, но та не захотела уйти. «Добьюсь, чтобы он нарушил данный им обет, отказался от своих нравственных правил,— подумала она,— тогда и уйду». Прошло еще некоторое время. Спасенная, пустив в ход все свои женские чары, сумела-таки совратить отшельника с пути истинного и лишила его способности к сосредоточенному размышлению. Сперва Бодхисатта продолжал жить вместе с Дуттхой-кумари в хижине, крытой пальмовыми листьями, но она упорно твердила: «Господин, к чему нам прозябать в лесу? Вернемся в мир и проживем, как все люди». В конце концов, сдавшись на ее уговоры, Бодхисатта перебрался с ней в глухую деревушку, где зарабатывал на жизнь, торгуя пахтой и давая крестьянам всяческие советы. Крестьяне так и звали его: «Такка-пандит»—«Хитроумный пандит», или «Пандит-молочник». Обычно они являлись к нему с подношениями и просили сказать, какое время года сулит им удачу в делах, а какое—беду, и, чтобы Бод-

хисатта мог жить спокойно, сами выстроили для него хижину на краю деревни.

Однажды с гор спустились разбойники и напали — как они это часто делали — на ту деревню. Обобрав до нитки всех жителей, разбойники ушли назад в горы, прихватив с собой дочь бенаресского торговца, остальных же крестьян они отпустили с миром. Главарь шайки, пленясь красотой Дуттхи-кумари, взял ее себе в жены. Когда Бодхисатта стал спрашивать, куда делась его жена, ему объяснили, что вожак разбойников сделал ее своей женой. В уверенности, что жена недолго сможет пробыть без него, вскоре сбежит от разбойников и вернется обратно, Бодхисатта остался жить в деревне, дожидаясь возвращения жены. Дуттха-кумари между тем надумала вот что: «Живу я здесь в полном довольствии. Только бы не явился Такка-пандит и не забрал меня домой — тогда конец моему счастью. Заманю-ка я его сюда, притворившись влюбленной, а здесь прикажу разбойникам убить». Она позвала одного разбойника и велела ему пойти к Такке-пандиту и передать, что она, мол, очень по нем тоскует, пусть он придет и уведет ее отсюда. Выслушав посланца, Такка-пандит поверил словам жены и пошел к разбойникам. Он послал к Дуттхе-кумари верного человека с посланием, а сам остался ждать недалеко от разбойничьего становища. Вышла к нему жена и, завидев Бодхисатту, сказала: «Если мы, господин, сейчас уйдем, то вожак разбойников поймает нас и велит убить обоих, дождемся ночи, тогда и уйдем». Уговорив Такку-пандита, жена повела его с собой, напоила-накормила и спрятала в своей хижине. Когда явился домой главарь разбойников и напился вина, Дуттха-кумари приблизилась к нему, пьяному, и сказала: «Повелитель мой, если бы ты сейчас увидел моего прежнего мужа, что бы ты с ним сделал?» Вожак ответил, что расправился бы с ним без всякой пощады. Тут она и воскликни: «Зачем же далеко ходить? Он здесь: сидит у меня в хижине».

Предводитель разбойников, запалив пучок травы, кинулся в хижину, вытащил Такку-пандита из угла, где он прятался, швырнул на пол посреди хижины и

принялся его бить, и ногами, и чем попало — к немалому своему собственному удовольствию и к удовольствию Дуттхи-кумари. Сколько вожак ни бил его, Такка-пандит все только повторял: «Сварливы жены и неблагодарны». Отколотив пандита как следует, вожак связал его и бросил на пол, затем, докончив свой ужин, завалился спать. Наутро, пробудясь, он опохмелился и принялся вновь избивать Такку-пандита. Пандит и на этот раз твердил все те же слова, и вожак призадумался: «Бью я его что есть мочи, а он почему-то повторяет одни и те же слова и ничего другого не говорит. Спрошу-ка я у него самого». Приняв такое решение, разбойник дождался вечера и перед отходом ко сну спросил Такку-пандита: «Послушай, приятель, почему это я луплю тебя что есть силы, а ты только твердишь одно и то же?» «А вот почему, — сказал в ответ Такка-пандит, — слушай». И он поведал вожаку разбойников всю свою историю с самого начала.

«Прежде я был отшельником и жил в лесу, где и обрел способность к сосредоточенному размышлению, а женщину эту я собственноручно вытащил из Ганги и приютил у себя. Она же соблазнила меня, лишила способности погружаться в глубины сосредоточенного размышления. Для того, чтобы обеспечить ей сносную жизнь, я оставил лес и поселился в глухой деревушке. Когда твои люди утащили мою жену и доставили сюда, она отправила ко мне посыльного с известием, что, мол, сохнет от тоски по мне и просит, чтобы я как-нибудь вызволил ее. Так она заманила меня сюда и предала в твои руки. Вот почему я повторял те слова». Выслушав Такку-пандита, вожак разбойников подумал: «Эта женщина причинила много зла столь добродетельному человеку, служившему ей верой и правдой. Каких же тогда несчастий не навлечет она на голову такого, как я. Она заслуживает смерти!» Успокоив Такку-пандита, разбойник разбудил затем Дуттху-кумари. «Пойдем за околицу — там я прикончу его», — сказал он ей и вышел из хижины с мечом в руках. Женщина последовала за ними. Когда они, все трое, отошли подалее, разбойник сказал Дуттхе-кумари: «Подержи-

ка ему руки». Та ухватила мужа за руки, а разбойник замахнулся мечом, будто собираясь обрушить удар на Такку-пандита, и разрубил ее надвое.

Потом вожак велел выкупать Такку-пандита и устроить в его честь пир. Несколько дней он потчевал пандита изысканными яствами, а затем спросил его: «Куда же ты теперь отправишься?» Такка-пандит ответил вожаку: «Мирская жизнь — не по мне. Я вновь стану подвижником и буду жить жизнью отшельника в том же лесу, на том же месте». «И я с тобой!» — воскликнул разбойник. Оба они удалились от мира и зажили отшельнической жизнью в лесной обители; там они поднялись на все пять высших ступеней мудрости и овладели восемью высочайшими совершенствами. Когда же срок их земного существования истек, они возродились для новой жизни в мире Брахмы».

Поведав о прошлом и установив связь между тем, что случилось тогда, и тем состоянием, в котором пребывал страдающий от похоти бхиккху, Учитель — он стал уже Всепробужденным — спел такой стих:

Сварливы жены и неблагодарны,—
коварны и к тому же — клеветницы!
Забыв о них, путем священным следуя,
отшельник, чтоб блаженству причаститься!

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель разъяснил монаху суть четырех благородных истин. Усвоив их, бхиккху укрепился на благом Восьмеричном Пути. Учитель же так истолковал джатаку: «Вожак шайки разбойников был тогда Ананда, Таккой-пандитом — я сам».

Джатака о Мудулаккхане (66)

Со слов: «Царицей Мудулаккханой владеть я...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свое повествование о скверне сластолюбия.

Был, говорят, в одной почтенной саваттхийской семье юноша, который, услышав, как Учитель

проповедует дхамму, всем сердцем потянулся к новому вероучению-сокровищу и, приняв монашество, вступил на благой Восьмеричный Путь. С помощью йогии он погружался в глубины сосредоточенного размышления, и ничто не могло вывести его из состояния созерцательного покоя. Но вот однажды, когда он бродил по Саваттхи, собирая подаяние, его взгляд пал на некую разукрашенную и разряженную красотку. Сила ее очарования нарушила равновесие его чувств. Лишь только он взглянул на нее, похоть тотчас пустила корни в его сердце, и чистота его помыслов рухнула, будто смоковница под топором. И стал монах с тех пор терзаться вожделением, не мог он уже больше хранить чистоту ни в действиях своих, ни в помыслах, и, уподобясь зверю, который бродит, не ведая пути своего, утратил монах радость, которую черпал в вероучении, отрастил космы, перестал стричь ногти, брить волосы под мышками и стирать свою монашескую накидку.

Заметив, что монах перестал держать свои чувства в узде, другие монахи, жившие с ним, стали его расспрашивать: «Любезный, уж не потерял ли ты власть над своими чувствами?» — на что он отвечал: «Да, любезные, я утратил спокойствие душевное». Монахи повели его к Учителю. «Зачем вы, братия, притащили ко мне этого бхиккху против его воли?» — спросил монахов Учитель. Монахи ответили: «Почтенный, он утратил спокойствие душевное». Тогда Учитель спросил самого бхиккху, правду ли они говорят, и тот ответил, что все — сущая правда. «Кто же возбудил в тебе похоть?» — вновь спросил Учитель. Монах рассказал: «Почтенный, я ходил собирать подаяние и, пренебрегая уравновешенностью чувств, взглянул на женщину. Тотчас во мне укоренилась похоть, вот почему я терзаюсь вожделением». Учитель заметил на это: «О бхиккху! Нет ничего удивительного в том, что столь необычная приманка вывела твои чувства из повиновения. Едва впервые взор свой в эту женщину, ты прельстился ее красотой, и твое тело пронзила дрожь сладострастия. Ведь и в прежние времена такое случалось даже с Бодхисаттами, поднявшимися на пять высших ступеней

прозрения и овладевшими восемью высочайшими совершенствами. Даже Бодхисатты, достигшие глубочайших глубин сосредоточенного размышления, изгнавшие все страсти из сердец своих, чистые помыслами и телами и способные, благодаря этому, к передвижению в заоблачных высях,— даже они, влекомые необычной приманкой, теряли власть над чувствами и, едва взглянув на недозволенное, лишались способности к сосредоточенному размышлению и, охваченные дрожью великого вожделения, погружались в пучину страдания. Воистину, что в сравнении с силой плотского желания ветер, сокрушающий Мировую Гору Синеру,— будто и не Мировая Гора перед ним, а гладкая скала, размером со слона. И что перед этой силой ветер, вырывающий с корнем Мировое Дерево Джамбу, сдувающий саму землю, на которой оно коренится! И что рядом с этой силой ветер, иссушающий безбрежный Мировой Океан, как будто этот Океан — всего лишь крохотный пруд! А если даже достигшие столь высоких ступеней просветленности и столь чистые в помыслах своих Бодхисатты утрачивали разум и впадали в скверну сластолюбия, то отступят ли соблазны страсти перед тобой?» И, повторяя: «Ведь и всечистые и всесовершенные могут оказаться во власти похоти и с высочайших вершин славы и почета рухнуть в бездну бесчестия», Учитель поведал монаху о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта появился на свет в богатой брахманской семье, в царстве Каси. Став взрослым, он выучился всем наукам, укротил в себе суетные желания и, вступив на стезю подвижничества, сделался отшельником. Овладев йогой, он одолел все ступени прозрения, достиг высших совершенств и жил в окрестностях Гималаев, вкушая блаженство погружения в глубочайшие глубины сосредоточенного размышления. Однажды, желая раздобыть немного соли и соды для своих нужд, он спустился с гор и направился в Бенарес. Ночь он провел в дворцовом саду, а наутро, вымывшись и умастив тело, скинул с себя свое рубище из красной

древесной коры, перебросил через плечо шкуру черной антилопы, собрал волосы в круглый пучок и, закинув за спину связанные веревкой корзинки для сбора подаяния, отправился бродить по улицам Бенареса, прося милостыню. Так он дошел до ворот царского дворца и остановился перед ними. Увидев столь благочестивого подвижника, царь очистился духом, велел привести его к себе, усадить на изукрашенное дорогими камнями сиденье, попотчевать вдоволь изысканными яствами, а когда отшельник выразил царю полное свое довольство, тот стал упрашивать святого пожить у него еще немного в его царском саду. Отшельник согласился и прожил в дворцовом саду, проповедуя дхамму царю и его чредам и домочадцам, целых шестнадцать лет. Кормили отшельника кушаньями с царской кухни.

Но вот однажды царь вынужден был отправиться на дальнюю границу своей державы — усмирять взбунтовавшихся подданных. Перед отъездом он наказал своей старшей жене, которую звали Мудулаккхана, «Нежноокая», без колебаний исполнять все просьбы подвижника и с тем отбыл. После отъезда царя отшельник, когда хотел, навещал царский дворец. Как-то вечером царица Мудулаккхана велела приготовить для Бодхисатты ужин. Видя, что он почему-то запаздывает, она искупалась в розовой воде, надела на себя лучшие украшения и наряды, приказала застелить для себя в большой зале малое ложе и прилегла на него в ожидании святого.

Между тем Бодхисатта, видя, что час поздний, прервал свое глубокое сосредоточенное размышление и мгновенно перенесся по воздуху к царскому дворцу. Заслышав скрип его берестяных одеяний, Мудулаккхана подумала: «Подвижник пришел!» — и быстро вскочила со своего ложа. Оттого что она так торопилась, легкое, сшитое из тончайшего шелка сари соскользнуло у нее с плеч. Влетая в эту самую минуту в окно, подвижник поразился столь дивной, столь совершенной, столь приманчивой красоте женского тела, все чувства его пришли в смятение. Поддавшись чарам, он глянул на царицу, похоть тотчас пустила корни в его сердце, и чистота его помыслов

рухнула, будто смоковница под топором. Утратив тотчас же способность к сосредоточенному размышлению, он стал подобен вороне с обрезанными крыльями. Даже не присев, он взял приготовленную для него пищу, но не стал ее есть, а, дрожа от охватившего его желания, поспешил в дворцовый сад, зашел в свою крытую пальмовыми листьями хижину, поставил корзины с едой под свое деревянное, ничем не покрытое ложе, лег на него и так лежал семь дней без еды и питья, иссушаемый огнем страсти, которую внушила ему необыкновенная красота царицы.

На седьмой день вернулся царь, усмиривший мятежников на границе. Совершив почетный объезд города, он прибыл во дворец и, решив повидаться с подвижником, прошел прямо в сад. Войдя к подвижнику в хижину, царь увидел, что тот недвижимо поконлся на ложе, и подумал: «Должно быть, святой заболел». Велев слугам навести в хижине порядок, царь присел на ложе и, растирая подвижнику ноги, осведомился: «Что за недуг на тебя напал, почтенный?» «О великий государь, — ответил ему подвижник, — нет у меня иного недуга, кроме мук вожделения, и все мысли мои устремлены на утоление своего желания». «К кому же влекутся мысли твои?» — вновь спросил его царь. И подвижник ответил: «К царице Мудулаккхане, государь». «Хорошо, почтенный, — сказал царь, — я отдам тебе Мудулаккхану». Он отправился вместе с подвижником во дворец, вывел к нему разукрашенную, в пышных одеждах царицу и поручил свою жену его заботам. Однако, перед тем как отдать Мудулаккхану подвижнику, царь успел ей шепнуть: «Во что бы то ни стало постарайся спасти его от искушения», и царица обещала ему: «Хорошо, государь, положись на меня».

Подвижник и царица вышли из дворца, но, едва только они миновали главные ворота, как Мудулаккхана принялась упрашивать подвижника: «Почтенный, нам ведь требуется какое-нибудь жилище, ступай попроси государя: пусть пожалует тебе дом». Подвижник попросил у царя дом, и царь пожаловал ему ветхую хибару, в которой прохожие справляли

обычно и малую и великую нужду. Подвижник повел было туда царицу, но она отказалась даже и зайти внутрь. «Отчего ты не заходишь?» — спросил подвижник. «Нечисто здесь», — ответила царица. «Что же делать?» — посоветовался с ней подвижник. «Прибери», — сказала царица и вновь послала святого к царю — на этот раз просить лопату и корзину для мусора. Принеся все необходимое, подвижник выгреб нечистоты и всяческий мусор, потом по просьбе царицы раздобыл глины, смешанной с коровьим навозом, и обмазал стены и пол в хибаре. А царица все продолжала посылать его то за одним, то за другим: «Ступай принеси кровать», «Ступай раздобудь скамью», «Принеси ковер», «Принеси сосуд для воды», «Принеси чашку». Просьбы эти следовали одна за другой, и всякий раз царица наказывала подвижнику принести какую-нибудь одну вещь. Когда, казалось, уже все принесено, она попросила подвижника раздобыть воды, потом еще чего-то. Он ходил с кувшином по воду, наполнял водой большие горшки в доме, готовил воду для купания, стелил постель и делал многое-многое другое! Когда же он, наконец, сел с Мудулаккханой рядом на постель, она ухватила его за бороду и, притянув к себе, так что лицо подвижника оказалось вровень с ее головою, лежавшей на подушке, спросила: «А ты не забыл, что ты — подвижник и брахман по рождению?» И в тот же миг наступил конец его безрассудствам, подвижник опомнился и вновь обрел власть над собой.

Тут уместно вспомнить первую заповедь Учителя: «Именно безрассудство, монахи, — источник страстей, влекущих живые существа по пути желаний и отвращающие их от спасения, ибо тьма незнания и есть порождение безрассудства».

Итак, обуздав свои чувства и вновь обретя себя, подвижник понял: «Если позволить этой страсти расти, то она не даст мне и головы поднять, и с истечением отведенного срока мне придется испытать все четыре вида мук: побывать в чистилище; возродиться в облике зверя; блуждать бесприютным и бесплотным духом и жить в обличье демона. Нет! Се-

годня же отведу Мудулаккхану к царю, а сам ворочусь к себе в Гималаи». Приняв такое решение, подвижник отправился с царицей во дворец и сказал царю: «Великий государь! Мне не нужна твоя супруга, она одна сумела возбудить во мне множество желаний, но я подавил их». И он спел такой стих:

Царицей Мудулаккханой владеть я
мечтал — изведать сладость обретенья.
И большеглазая моею стала,
по вожделенье множит вожделенья.

Так, вернув себе способность к сосредоточенному размышлению, подвижник поднялся в воздух, уселся, скрестив ноги, в пространстве и принялся проповедовать дхамму всем собравшимся. Наставив царя, его чад и домочадцев в дхамме, подвижник перенесся к подножию Гималайских гор. Никогда более уже не вступал он на путь искушения, которым следуют одни лишь невежественные люди. Святая жизнь укрепила в нем способность к сосредоточенному размышлению и с окончанием земного существования он возродился в мире Брахмы».

Завершая свой урок дхаммы, Учитель разъяснил монаху суть четырех благородных истин, усвоив которые бхиккху смог со временем вкусить от плода арахатства. Учитель истолковал джатаку, так связав между собой перерождения: царем в ту пору был Ананда, царицей Мудулаккханой — Уппалавэнна, подвижником же — я сам».

•

Джатака о змеином яде (69)

Словами: «Позор мне, если мной рожденный яд...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о Сарипутте, предводителе воинства дхаммы.

В те давние времена, рассказывают, тхера Сарипутта позволял себе лакомиться пирожками из муки тонкого помола. Однажды миряне принесли в подарок монастырской общине целую корзину таких пирожков. Все члены общины ели вволю, и все-таки

пирожков оставалось еще порядочно, и миряне стали уговаривать монахов: «Почтенные, возьмите и оставшиеся — для тех, кто ушел в деревню собирать подаяние». Надобно сказать, что в одной келье с Сарипуттой проживал некий молодой бхиккху. Он-то как раз и отправился в деревню за милостыней. Монахи решили сберечь пирожки для него, но бхиккху все не возвращался, время подходило к полудню, когда не дозволяется принимать пищу, и с общего согласия пирожки отдали Сарипутте. Едва только тхера закончил с пирожками, появился молодой монах. Сарипутта извинился перед ним, сказав: «Я, братец, нечаянно съел отложенные для тебя пирожки». Монах выразил недовольство. «Конечно, почтенные, — произнес он ехидно, — кто из нас не любит сладкого?» Сарипутта рассердился. «Отныне, — заявил он, — я вообще не прикоснусь к пирожкам». И, как рассказывают, с тех самых пор тхера Сарипутта и впрямь не ел пирожков из муки тонкого помола. О добровольно принятом им обете не есть пирожков из муки тонкого помола скоро стало известно всей монастырской общине. Как-то монахи, сидя в зале собраний, говорили об этом, и вошел Учитель. «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» — спросил он, и монахи поведали ему обо всем. «О бхиккху, — сказал тогда Учитель, — если уж Сарипутта от чего-то отказался, то даже ценой собственной жизни не согласится взять это», — и он рассказал бхиккху о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена минувшие, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил на земле в облике лекаря, исцелявшего от змеиных укусов, — этим он и зарабатывал себе на жизнь. Покойный его родитель тоже был лекарем. Случилось так, что одного крестьянина укусила змея, и его родственники, не теряя времени, призвали лекаря. Бодхисатта спросил у родственников укушенного: «Что для вас предпочтительнее: дать больному лекарство и так извлечь из его тела яд или же изловить укусившую его змею и, приложив ее головой к месту укуса, заставить высосать собственный яд?» Родственники ответили: «Поймать змею и заставить ее высосать яд».

Когда принесли змею, Бодхисатта спросил ее: «Ты ли укусила его?» «Да, я», — ответила змея. «Тогда, — сказал змее Бодхисатта, — собственной пастью высоси яд из места укуса». Змея возмутилась: «Если я извергаю яд, то уж ни за что не беру его обратно. Так было во все времена, и ныне тоже я и не подумаю высосать мною же извергнутый яд».

Бодхисатта велел принести дров и разжечь костер и снова обратился к змее: «Если ты не высосешь собственный яд, отправишься прямо в огонь». Но змея ответила: «Лучше уж войти в огонь, чем отсасывать яд, извергнутый мною однажды». И она спела такой стих:

Позор мне, если мной рожденный яд,
под страхом гибели, вберу назад,—
Презрев ужасной гибели тщету,
кончину прозябанью предпочту!

С этими словами змея поползла было в огонь, но Бодхисатта преградил ей путь. Потом он снадобьями и заклинаниями удалил яд из тела укушенного крестьянина, полностью его исцелив. Змее же он научил жить по законам добра и отпустил со словами: «Отныне никому не причиняй вреда».

Повторив: «Да, монахи, если уж Сарипутта от чего-то отказался, то и ценой собственной жизни не согласится принять это обратно», Учитель окончил свое наставление в дхамме, а потом истолковал джатаку, так связав между собой перерождения: «Змеей в ту пору был Сарипутта, знахарем же — я сам».

Джатака о лопате (70)

Со слов: «Не та победа — истинное благо...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — повел рассказ об одном тхере по имени Чйттахаттха-Сарипутта.

Ибо, как говорят, некогда этот тхера был отпрыском одной крестьянской семьи в Саваттхи и как-то раз, вспахав свое поле, на пути домой завернул в

монастырь. Отведав там предложенной ему сладкой рисовой каши на молоке, обильно сдобренной топленым маслом, юноша подумал: «С утра до вечера я тружусь, вот этими самыми руками делаю всякую тяжелую работу, но ни разу не довелось мне так сладко и вкусно поесть. Стану-ка я тоже монахом», — и тотчас принял монашество. Целый месяц и еще полмесяца со всем усердием вел он созерцательную жизнь, стремясь к совершенству. Затем, поддавшись соблазну, опять вернулся в мир страстей, но спустя некоторое время, устав от чревоугодничества, снова пришел в монастырь и принялся изучать «Абхидхамму». Так повторялось шесть раз: он уходил из монастыря в мир и возвращался; сделавшись же монахом в седьмой раз, многое постиг: изучил все семь священных книг «Абхидхаммы» и, воздавая повсюду хвалу монашеской участи, обрел прозрение и вкусил от плода арахатства. Жившие с ним по соседству бхиккху глумились над ним, приставая с вопросами: «Скажи-ка, почтенный, неужто сердце и разум твой не подвержены более страстям?» — на что монах тот смиренно им отвечал: «Да, почтенные, отныне и впредь не поддамся больше соблазнам мирским».

И вот как-то раз монахи, сидя в зале собраний, толковали между собой о том, как достиг арахатства тот бхиккху: «Даже почтенный Читтахаттха-Сарипутта, хоть на роду ему было написано стать арахатом, шесть раз отрекался от монашеского сана. Сколь же велико должно быть бремя скверны, которое несут обыкновенные люди!» В это самое время в залу вошел Учитель и спросил: «О чем это вы, братья, здесь толкуете?» И монахи рассказали ему, о чем толкуют. «О бхиккху, — молвил тогда Учитель, — помыслы обыкновенного человека легковесны, и трудно их направить в одно русло; влекомый мирскими соблазнами, обыкновенный человек только к утехам и стремится. Стоит человеку хоть раз поддаться мирским соблазнам, уже нельзя ожидать его скорого спасения. Зато уж поистине благостен тот, кто сумел укротить свои помыслы и направить их в нужное русло, ибо усмиренные рассудок и сердце

несут великую пользу и счастье. Ведь сказано в «Дхаммападе».

Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало,— благо.

Обузданная мысль приводит к счастью (35) ¹.

«Так вот, — продолжал Учитель, — именно потому, что помыслы столь трудно обуздать, мудрецы прежних времен, обуреваемые жадностью, никак не могли расстаться, к примеру, с лопатой и шестикратно поддавались соблазну, покуда наконец, отринув его в седьмой раз, не обрели способность к сосредоточенному размышлению и не сумели обуздать свою жадность». И Учитель поведал монахам о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился в семье огородника. Когда же вырос, сам сделался огородником, и нарекли его Куддāлака-пандит, «Пандит с лопатой». Взрыхлив лопатой свой участок земли, он выращивал там всяческую зелень, кабачки, тыквы, огурцы и прочие овощи и, продавая их, кое-как сводил концы с концами, ибо, кроме той самой лопаты, не было у него никакого иного богатства. И вот однажды он решил: «Брошу все и стану подвижником. Что проку в этой мирской жизни?» И он зарыл свою лопату в укромном месте и стал отшельником. Но мысль о лопате его преследовала, и, не в силах совладать со своим стремлением к мирской жизни, он из-за этой затупившейся лопаты вновь воротился в мир. Так повторялось и дважды, и трижды. Шесть раз пытался он, припрятав лопату, сделаться отшельником, но вновь и вновь поддавался соблазну и возвращался в мир.

А на седьмой раз подумал: «Из-за этой лопаты я все время схожу с пути подвижничества. Заброшу-ка я ее в большую реку и уйду в отшельники». Пришел он на берег и, рассудив, что, если увидит, куда упала лопата, то непременно придет искать ее сюда, ухватился за рукоять, поднял лопату над головой и, крутанув ее с силой три раза, — а был он сильным,

¹ Перевод В. Топорова.

как слон, — зажмурился и швырнул лопату на самую середину большой реки. И громким, будто львиный рык, голосом троекратно возвестил: «Я победил! Я победил! Я победил!»

А в это самое время ехал вдоль реки, в которой только что искупался, царь бенаресский, вернувшийся с дальней границы, где он усмирять взбунтовавшихся подданных. Разодетый и разукрашенный, он восседал на царском слоне и услышал ликующий крик Бодхисатты. «Этот человек, — подумал царь, — оповещает мир о своей победе. Надобно призвать его и спросить, кого же он победил». Когда слуги по царскому приказу привели к царю огородника, царь ему сказал: «Добрый человек! Я ведь — тоже победил и теперь возвращаюсь с победой к себе во дворец. А ты кого победил?» «О великий государь! — отвечал Бодхисатта. — Тысяча побед в сраженьях, даже сотня тысяч — ничто, если остается непобежденным сонмище страстей. Я же в самом себе обуздал жадность и одержал победу над страстями!» Сказав так, Бодхисатта вперил свой взор в глубокие воды великой реки и, уразумев, что сущее так же быстротечно, как речные воды, испытал блаженство мгновенного просветления. Вернувшись затем из погруженности в сосредоточенное размышление, он взлетел и, приняв позу лотоса, уселся в пространстве и, желая наставить царя Бенареса в дхамме, спел ему такой стих:

Не та победа — истинное благо,
которая ведет к победе новой,
А та, что не нуждается в победах, —
вот мудрости незыблемое слово!

И стоило царю выслушать это наставление в дхамме, как в тот же миг родившаяся в нем потребность отринуть все мирское высвободила его из-под гнета страстей, его стремление укреплять свое царское могущество разом покинуло его, и помыслы его устремились к необходимости стать подвижником. И спросил царь Бодхисатту: «Куда ныне ты держишь путь свой?» «Я, великий государь, — отвечал Бодхисатта, — направляюсь сейчас в Гималаи и там

стану отшельником». «Тогда и я пойду в отшельники», — сказал царь и вслед за Бодхисаттой отправился в Гималаи. И все царское войско, и все собравшиеся там брахманы и землевладельцы, и все воины, и все, какие были там, простые люди отправились вслед за царем. Прознав о том, жители Бенареса принялись говорить друг другу: «Рассказывают, будто, вняв слову дхаммы, которую проповедовал тот самый «пандит с лопатой», царь решил стать подвижником и вместе со всем своим войском ушел прочь из города. А нам что здесь делать?» И вот все жители Бенареса, протянувшегося на целых двенадцать йоджан, двинулись вслед за царем, и шествие их тоже вытянулось на все двенадцать йоджан. Во главе его стал Бодхисатта и всех повел в Гималаи.

Между тем от столь великой святости трон под Саккой, повелителем богов, сделался горячим, и, почувствовав это, Сакка глянул вниз и увидел «пандита с лопатой», совершающего свой великий Исход. «Должно быть, явится много народу, — подумал Сакка, — надо позаботиться о том, как их всех разместить». И, призвав к себе Вйссака́мму, зодчего богов, он распорядился: «Тут Куддала-пандит свершает свой великий Исход, и надобно разместить всех вновь прибывших, так что отправляйся-ка ты в Гималаи, найди место поровнее и с помощью дарованной тебе волшебной силы сооруди отшельнический скит в тридцать йоджан длиной и в пятнадцать шириной». «Я исполню твою волю, государь», — ответил Виссакамма и, перенесясь в Гималаи, сделал все, как ему было велено. Вдобавок он выстроил посреди скита крытую пальмовыми листьями хижину, очистил окрестности от животных и птиц, дабы не нарушали тишину, а также от демонов, яккхов и прочей нечисти; затем он проложил дороги, неширокие и пригодные для движения одного человека, которые вели во все наиглавнейшие стороны света, и, исполнив все это, удалился к себе.

И вот, сопровождаемый многочисленной толпой, Куддала-пандит прибыл в Гималаи. Направившись со своими сподвижниками в скит, дарованный Саккой, Куддала-пандит велел своим людям вступить

во владение всем, что чудесным образом сотворит для них Виссакамма, сам же, приняв отшельнический сан и побудив сделаться отшельниками своих сподвижников, определил всех их на жительство в тот скит. И люди отринули царства, величием своим соперничавшие с царством Сакки, и заполнили все тридцать йоджан отшельнического скита. И Куддала-пандит, постигнув все тайны йоги, способствующие погружению в глубины сосредоточенного размышления, овладел четырьмя высшими состояниями духа и научил всему этому своих сподвижников. Все они, взойдя на высшие ступени восьми совершенств, подготовили себя к последующему возрождению в мире Брахмы, те же, кто оказывал им надлежащие почести, со временем возродились в мире богов».

И Учитель, повторяя: «Вот, монахи, когда обуреваемые страстями помыслы устремляются к соблазнам суетного мира, достичь спасения трудно, а если, к примеру, помыслами овладеет жадность, обуздать ее стоит великих трудов. Так что даже премудрые пандиты ввергаются в безрассудство», завершил свое наставление в дхамме и разъяснил слушателям суть четырех благородных истин. И, вняв словам Учителя, иные из слушавших его укрепились в следовании благим Восьмеричным Путем, иные сделались «возвращающимися лишь однажды», иные — «вовсе не возвращающимися», а иные вкусили от плода арахатства. Учитель же истолковал джатаку, так связав прошлое с настоящим: «В ту пору царем был Ананда, его приверженцами были приверженцы Будды, Куддалакой-пандитом же был я сам».

Джатака о вязанке хвороста (71)

Словами: «Кто, уходя от дел необходимых...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — повел рассказ об одном тхере по имени Тисса, происходившем из семьи землевладельца.

Говорят, будто однажды тридцать юношей, ставших друзьями, отпрысков почтенных саваттхийских семейств, решили отправиться в паломничество в Джетавану, послушать, как Учитель проповедует дхамму. И вот, прихватив с собой благовония, цветы, одеяния и прочее, что надобно для подношений, они прошли всю страну от края до края и прибыли в Джетавану. Побродив там по роще, где росли железные деревья, затем по роще, где произрастали сальные деревья, и еще по другим рощам, паломники дождались вечера, когда Учитель вышел из своей благоухавшей всевозможными ароматами и травами кельи и направился в залу собраний. Тогда и они вместе с сопровождавшими их слугами вошли туда, поднесли общине цветы и благовония и, с почтением припав к белым, будто едва раскрывшийся цветок лотоса, ногам Учителя, с четко различимым знаком колеса на стопах, сели в сторонке и стали внимать наставлениям Учителя в дхамме. И, выслушав его наставления, решили, что каждый из них, насколько был в силах, уразумел дхамму, проповедуемую Благословенным, и что надобно им вступить на путь монашества. И вот, когда Татхагата выходил из залы собраний, они, с почтением приблизясь к нему, попросили дозволения сделаться монахами, и Учитель дал им на то свое дозволение. Приняв монашество, они позже, к радости своих учителей и наставников, достигли совершенства и в течение последующих пяти лет, наставляемые своими учителями, выучили наизусть два раздела из «Абхидхаммы», постигли, что надобно и чего не надобно делать, усвоили три способа выражения благодарности за поданную милость и, наконец, научились шить и окрашивать свои монашеские одеяния. Свершив все это, они решили сделаться саманами и, испросив у своих учителей и наставников дозволения и получив его, пошли к Учителю и, поклонившись ему и сев поодаль, изложили свою просьбу. «Почтенный, — сказали они, — мы все еще вождем новых рождений и все еще терзаемся страхом перед низким происхождением, смертью, старостью и болезнями. Поведай же нам о тех подвигах йоги, свершая которые мы

смогли бы высвободиться из пут сансары». Выбрав из тридцати восьми возможных йогических деяний одно, подходящее для них, Учитель научил ему подвижников, и они, вняв его слову, почтительно простились, обойдя вокруг возвышения, где сидел Учитель; зашли в кельи, повидались напоследок со своими наставниками и, облачившись в плащи и взяв чаши для подаяний, вышли за ворота монастыря с твердым намерением сделаться саманами.

Надобно сказать, что был среди монахов и сын одного землевладельца по имени тхера Тисса, и отличался этот Тисса ленью, слабоволием и был обуреваем страстями. И помыслил Тисса: «Нет, не смогу я жить в лесном скиту, укрепляя дух свой постоянными упражнениями и довольствуясь подаянием добрых людей. Какая же польза мне идти с ними? Вернусь-ка я лучше в монастырь». И стремление сделаться саманом у него пропало, и, пройдя еще некоторую часть пути, он повернул обратно. Прочие же бхиккху в своем благочестивом странствии прошли через всю Косалу и, расположившись в лесу неподалеку от одной пограничной деревушки, прожили там пору дождей, укрепляя все эти три месяца дух свой и совершая нравственные подвиги, так что в конце концов обрели прозрение и вкусили от плода арахатства, побудив саму землю вокруг наполниться ликованием. Отпраздновав же наступление сухой поры и свершив в ее честь обряд Павáрана, они решили, что настало время известить Учителя о снизошедшей на них благодати, и, выйдя из своего лесного убежища, снова направились в Джетавану. Воротясь в монастырь, они сняли с себя отшельнические одеяния, отложили в сторону чаши для подаяний, повидались с учителями и наставниками и, стремясь поскорее побеседовать с Татхагатой, пошли к нему и, почтительно приветствовав, сели у ног его. Учитель встретил их весьма ласково, и, осыпанные его милостями, они поведали ему о той благодати, что снизошла на них, и Учитель воздал монахам хвалу.

Между тем тхера Тисса, услышав о благодати, снизошедшей на его друзей, и о хвале, возданной им Учителем, опять возжелал сделаться саманом и при-

соединился к остальным, просившим Учителя снова отпустить их на жительство в лесной скит. Учитель дал им на то свое благословение, и монахи, почтительно с ним простясь, разошлись по своим кельям. И вот тхера Тисса, выказывая в ночной час чрезмерное усердие в своем стремлении поскорее стать саманом, решил провести ночь, стоя на краю своего ложа, но вскоре после полуночи задремал и грохнулся на пол, сломав себе бедро. Громко крича от боли, он перебудил остальных монахов, и они, ухаживая за ним, так и не смогли паутро двинуться в путь. Увидев их, Учитель с удивлением спросил: «Не вы ли, братия, только вчера испросили у меня дозволения вернуться в скит?» «Все так, почтенный, — отвечали бхиккху, — но один из нас — тхера Тисса, сын землевладельца, — проявляя в неурочный час излишнее рвение в своем стремлении поскорее сделаться саманом, упал во сне с ложа и сломал бедро! Из-за него-то мы и задержались!» Выслушав их, Учитель молвил: «О бхиккху! Не только ныне ведь этот нестойкий в усердии своем монах чрезмерным и неуместным рвением помешал вам двинуться в путь, — уже и прежде он точно так же помешал вам». И, выполняя просьбу собравшихся, Учитель поведал им о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена стародавние Бодхисатта был всемирно прославленным наставником и жил в царстве Гандхара, в городе Таккасиле, обучая всевозможным наукам сразу пять сотен юных брахманов. Как-то раз ученики отправились в лес и принялись собирать там хворост и щепки. И был среди них один ленивый юноша. Он наткнулся на огромное дерево варана, а варана, как известно, плохо горит, и решил: «Это — сухостой. Подремлю-ка я малость в его тени, а после залезу на дерево, наломаю сухих веток, сделаю вязанку и отнесу наставнику!» И, решив так, он расстелил под деревом плащ, улегся и захрапел.

Между тем другие ученики, возвращавшиеся с вязанками дров, набрели на спавшего и, разбудив его пинками и тычками, пошли своим путем. Лентяй

же, все еще пребывая в полусне, вскочил на ноги и, протирая глаза, полез было на дерево, но, когда, уцепясь за одну ветку, стал тянуться к другой, первая ветка сломалась и хлестнула его по глазу. Прикрывая свободной рукой глаз, он наломал первых попавшихся, совсем еще зеленых веток, спустился на землю, кое-как сделал вязанку, взвалил ее на спину и поспешил к дому наставника, где швырнул свою вязанку из зеленых веток поверх кучи дров, собранных прочими учениками.

А надобно сказать, что в тот самый день из одной крестьянской семьи, жившей неподалеку, к наставнику пришли люди пригласить его учеников на праздник, устраиваемый всей деревней в их честь. Учитель собрал учеников и сказал им: «Завтра отправитесь на праздник в деревню, по перед этим вам надобно подкрепиться. Поэтому велите с утра приготовить для вас жидкой рисовой каши, — поедите и пойдете в деревню. Все, чем вас будут там угощать, а также чашу, которую для меня наполнят едой, принесете сюда».

Наутро ученики разбудили служанку и велели ей побыстрее приготовить для них рисовую кашницу. Служанка побежала к куче дров, схватила лежавшие сверху зеленые ветки вараны и принялась разводить огонь, но, сколько ни дула, как ни старалась, ветки так и не загорелись. Тут взошло солнце, и ученики, видя, что уже поздно, а еда не готова, не поев же, идти им в деревню нельзя — отправились к наставнику. Тот, немало удивясь, спросил: «Отчего же не пошли вы на праздник?» «Не смогли мы пойти, господин», — ответили ученики. «Что же вам помешало?» — снова спросил их наставник. «Да вот, — ответили юноши, — пошел вчера с нами дрова собирать наш лентяй, задремал под деревом варана, а после в спешке поранил глаз сучком и, наломав совсем еще зеленых ветвей, принес их и вывалил поверх кучи дров. Наутро служанка, уверенная, что дрова мы собрали сухие, затолкала эти зеленые ветки в печь и принялась раздувать огонь, да не сумела развести его до восхода солнца. Вот поэтому мы и не попали на праздник». Наставник выслушал учени-

ков и, сказав: «Деяния глупцов, слепых в своем невежестве, добром не кончаются», спел такой стих:

Кто, уходя от дел необходимых,
их без конца откладывать готов,
Потом об этом горько пожалеет,
как юноша, сырых набравший дров.

Так Бодхисатта растолковал ученикам суть происшедшего. После этого он еще долго жил, раздавая милостыню и верша другие добрые дела, а по окончании срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами.

И Учитель повторил: «Так что не только ныне, монахи, этот бхиккху помешал вам, но и в прежние времена был он для вас помехой». И, заканчивая свое наставление в дхамме, он истолковал слушателям джатаку, так связав прошлую жизнь с настоящей: «В ту пору юношей, который повредил себе глаз, был наш бхиккху, сломавший себе при падении бедро; все прочие юноши — были учениками Пробужденного; наставником же — я сам».

Джатака о добром слоне (72)

С восклицания: «Неблагодарному чего ни дай...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — повел рассказ о Девадатте.

Как-то раз, сидя в зале собраний, монахи говорили между собой: «Этот неблагодарный Девадатта, братия, и знать не хочет добродетелей, что есть в Татхагате». В этот миг вошел Учитель и спросил их: «О чем это вы, бхиккху, здесь толкуете?» Услышав их ответ, он заметил: «Не только ведь ныне неблагодарен Девадатта: он, братия, и в прежние времена был столь же неблагодарным и никак не хотел признавать моих достоинств». И, уступая просьбам собравшихся, Учитель поведал монахам о том, что случилось в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта зародился

в лоне слонихи. Явился он из материнского лона на божий свет с телом белым и сверкающим, будто глыба серебра; глаза его, подобно бриллиантам, переливались пятью разными цветами; рот напоминал кусок яркого шелка; хобот был похож на серебряную цепь с бляшками из червонного золота, а ноги казались лакированными. Наделенный десятью совершенствами, он воплощал в себе высшую красоту. Когда слоненок вырос, все дикие слоны в окрестностях Гималаев единодушно признали его своим вожаком и стали повсюду за ним следовать. Так Бодхисатта оказался во главе стада в восемьдесят тысяч слонов. Бродя по Гималайским горам и долам, Бодхисатта вскоре понял, что ему угрожает скверна, неминуемая при проживании общим стадом. Он отделился от остальных слонов и зажил один в лесной чаще. И все дела и помыслы его были устремлены на добро, поэтому слоны прозвали его Силаванáгáрджей, что значит «Царь слонов, преданный добру».

Однажды в Гималаи явился один бенаресец, который зарабатывал себе на жизнь, собирая в лесу плоды и орехи, охотясь и добывая бивни диких лесных слонов. В поисках какой-нибудь добычи он заблудился и, не умея определить стороны света, брел наугад, ломая в отчаянии руки и заливаясь горькими слезами в страхе перед неизбежной смертью. Услыхав его громкие стоны, Бодхисатта помыслил: «Надобно избавить этого человека от мук», — и, движимый чувством сострадания, вышел к заблудившемуся путнику. При неожиданном появлении слона бенаресец пустился наутек. Бодхисатта же, видя, что человек убегает, остался на месте. Заметив, что слон недвижим, человек тоже остановился. Бодхисатта медленно двинулся к нему, но бенаресец опять обратился в бегство. Увидев, что слон вновь замер, человек задумался. «Этот дикий лесной слон стоит смирно, когда я от него удираю, и приближается, только когда я сам останавливаюсь, — размышлял он. — Не может быть, чтобы он стремился причинить мне вред, — скорее всего, он хочет избавить меня от мук». Поняв это, бенаресец успо-

коился и застыл неподвижно. Приблизясь к нему, Бодхисатта спросил: «Почему, человек, ты бродишь по лесу, громко вопя?» «Господин, — ответил пришелец, — я не пойму, где юг, где север, я сбился с дороги и бреду наугад, кричу же я от страха перед неизбежной гибелью». Слон повел человека к своему жилищу, приютил его и несколько дней, восстанавливая силы гостя, кормил его всевозможными плодами. Потом слон сказал: «Не бойся, добрый человек. Я отведу тебя к твоим сородичам». И, посадив пришельца к себе на спину, Бодхисатта понес его к проложенной людьми в лесу дороге. А бенаресец, замышляя дурное против своего друга, думал: «На всякий случай, если кто-нибудь поинтересуется, надо будет запомнить дорогу». И, сидя на спине Бодхисатты, бенаресец старался запомнить приметы деревьев и гор, мимо которых проходил их путь. Наконец, Бодхисатта вышел из леса и, опустив бенаресца на большую дорогу, что вела прямо к Бенаресу, сказал на прощание: «Ступай, добрый человек, по этой дороге и смотри никому не говори, где я живу, будут ли тебя об этом спрашивать или нет». И, дав такой наказ, Бодхисатта простился с гостем и направился к своему жилищу.

Тот же человек, лишь только очутился в Бенаресе, поспешил на рынок, где торговали слоновой костью и изделиями из нее. Завидев костореза, вырезавшего поделки из слоновой бивня, он осведомился: «А что, любезный, купил бы ты бивни, взятые у живого слона?» «О чем речь, приятель? — воскликнул косторез. — Бивни живого слона ценятся куда дороже, чем бивни мертвого». «Ну тогда, — сказал бенаресец, — я принесу тебе бивни живого слона». Пообещав это косторезу, бенаресец собрал все нужное для дальней дороги, прихватил с собой пилу и отправился в лес, где жил Бодхисатта.

Увидев бенаресца, Бодхисатта спросил, зачем тот пришел. Бенаресец стал плакаться: «Господин, я так обеднел, так несчастлив, мне нечего есть. Я пришел попросить у тебя хоть кусочек бивня: если ты позволишь мне взять его с собой и продать, то на

вырученные деньги я еще смогу кое-как перебить-ся». «Хорошо, — согласился Бодхисатта, — я дам тебе свои бивни, если только у тебя найдется пила, чтобы их отпилить». «Найдется, господин, — обрадовался бенаресец. — Я захватил с собой пилу». «Ну что ж, — молвил Бодхисатта, — спили бивни, забери их и ступай». С этими словами он подогнул ноги и прилег на землю, словно деревенский бык. Когда бенаресец отпилил у слона оба клыка, Бодхисатта подхватил куски хоботом и, подавая бенаресцу, сказал: «Вот возьми, добрый человек. Не думай только, что для меня эти бивни — ничто, я дорого ценю их. Но для меня в тысячу раз — нет, в сто тысяч раз! — дороже бивни всезнания, которые я получу взамен, ибо тогда я постигну пути всего сущего на свете». Бодхисатта воистину обменял два бивня на знание всех концов и начал.

Взяв у Бодхисатты бивни, бенаресец поспешил в город и там их продал, а когда вырученные деньги подошли к концу, вновь явился к Бодхисатте и принял его молить: «Господин, денег, что я получил за твои бивни, едва хватило, чтобы рассчитаться с долгами, благоволи же дать мне и твои остальные зубы». Бодхисатта опять согласился и позволил человеку тем же способом, что и в первый раз, спилить все прочие зубы, а потом почтительно подал их прошившему. Бенаресец вновь продал кость и пришел к Бодхисатте. «Господин, — молил он, — я не могу свести концы с концами, соблаговоли осчастливить меня и пеньками твоих клыков». «Хорошо», — согласился Бодхисатта и, подогнув ноги, прилег в той же позе, что и раньше, а погрязший в скверне бенаресец, уцепясь за хобот Великосущного, походивший на серебряную цепь с золотой отделкой и украшениями, взобрался на огромную, словно священная вершина Кайла́са, слоновью голову и принялся что было сил колотить по деснам Бодхисатты, сбивая мясо вокруг пеньков отпиленных клыков. Потом он, сидя на голове слона, вытащил пилу и спилил освобожденные от плоти остатки клыков под самый корень. Сделав свое дело, он пустился в обратный путь.

Но едва только этот негодяй, исполненный скверны, скрылся с глаз Бодхисатты, как земля под его ногами — та самая земля, что простерлась на двести тысяч и еще девяносто четыре тысячи йоджан, та самая плотная, твердая земля, что несет на себе страшную тяжесть Горы Синеру и всего пояса окружающих ее Мировых Гор, та самая земля, что выдерживает груз покрывающих ее зловонных нечистот, — раскололась и разверзлась под ногами злодея, как бы не в силах более нести бремя его скверны! И взметнулись вверх языки пламени, исходившие из недр всех великих и малых чистилищ! словно саваном, предвещавшим вечную гибель добра в нем, окутало пламя изверга, который предал друга, и вмиг поглотило его! И, когда этот нечестивый предатель погружался во чрево земли, видевшая все богиня дерева, которая жила в лесу, воскликнула громко: «Неблагодарный человек, замысливший предать друга, ничем не способен удовлетвориться, хоть дай ему владычество над всем миром!» И, возвещая всем слово дхаммы, она пропела такой стих:

Неблагодарному чего ни дай,
он только шире разевает рот.
Хоть целый мир ему пожертвуй — он
покоя ни на миг не обретет.

На слово дхаммы, которую проповедовала богиня дерева, лес откликнулся восторженным шумом. Что до Бодхисатты, то он всю остальную жизнь оставался таким же праведником, а когда истек отведенный ему срок, перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами.

И, завершая свое наставление в дхамме, Учитель повторил: «Не только ведь ныне неблагодарен Девадатта, монахи: он уже и раньше проявлял такую же неблагодарность». И Учитель так истолковал джатаку: «В ту пору неблагодарным человеком, который предал друга, был Девадатта, богиней дерева — Сарипутта, а слоном Силаванагараджей — я сам».

Джатака об истине (73)

Словами: «Мир этот полон скверны и греховен...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал рассказ о том, как замышлялось убийство.

Однажды, сидя в зале собраний, монахи говорили друг другу: «Братия, этот Девадатта не желает признавать добродетелей Учителя, он даже замышляет его убить». В это время вошел Учитель и спросил: «О чем вы, братия, беседуете?» Монахи ответили, что речь идет о злодее Девадатте. «О бхиккху, не только ведь ныне Девадатта замышляет меня убить, он и прежде вынашивал тот же замысел», — сказал тогда Учитель и поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена былые, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, был у царя сын по имени Дуттха-кумара, «Порченный». Злобностью и коварством молодой царевич не уступал змее, которой наступили на хвост, и, с кем бы он ни разговаривал, тотчас же прибегал к оскорблениям и побоям. Для дворцовых слуг и для всех людей за стенами дворца царевич Дуттха был точно пылинка в глазу, и один его отвратительный вид наводил такой ужас, словно появление демона-пишача, пришедшего пожрать всех.

Как-то раз царевич с огромной свитой отправился на берег реки, чтобы поплескаться в ее водах. Вдруг налетела громадная грозовая туча, и все стороны света окутались тьмой. «Эй, вы там! Доставьте меня на середину реки, искупайте, а потом вынесите на берег!» — закричал царевич своим слугам. Слуги отнесли царевича на самую середину, а потом, рассудив: «Что нам сделает царь? Давайте здесь же и прикончим негодяя, погрязшего в скверне», — швырнули царевича в воду, приговаривая: «Чтобы ты пропал, всеобщее несчастье!» Потом они как ни в чем не бывало вылезли на берег и, когда советники стали их спрашивать, куда делся царевич, ответили: «Мы его не видели: должно быть, заметив, что надвигается гроза, он вылез из воды прежде нас и

отправился домой». Едва советники прибыли во дворец, царь спросил их: «А где мой сын?» «Не знаем, государь, — ответили советники, — туча застлала небо, и мы поспешили во дворец, полагая, что царевич опередил нас всех». Царь велел тогда отворить ворота, всем идти на берег реки и искать царевича, но, сколько его ни искали, царевича и след простыл.

Между тем, после того как небо застлала грозовая туча и полил дождь, царевича подхватило и понесло течением. Увидав в воде какое-то бревно, царевич вскарабкался на него и поплыл, жалобно вопя в страхе перед неизбежной гибелью.

Тут самое время рассказать, что незадолго перед тем один богатый бенаресский торговец зарыл в укромном месте на берегу реки сорок коти золотых монет. Оттого что торговец был очень жаден до денег, после смерти он возродился змеей и стал жить как раз возле спрятанного клада. По соседству же зарыл клад на тридцать коти золотом другой торговец. Он тоже умер и, так как тоже был жаден, возродился в облике крысы, стерегущей подступы к кладу. Когда вода затопила норы змеи и крысы, они выбрались наружу и поплыли, борясь с течением. Догнав бревно, за которое цеплялся царевич, змея и крыса вскарабкались на него, — одна с одного конца, другая — с другого, — и так все поплыли дальше. На берегу той же реки росла шелковица, и на ней жил молодой попугай. Паводок подмыл корни дерева, и оно рухнуло в бурные волны. Молодой попугай попытался было взлететь, но лило как из ведра, перья его намокли, и, будучи не в силах держаться в воздухе, он опустился на то же бревно. Так их стало четверо на обломке дерева, который быстро неся по бурной реке.

Что до Бодхисатты, то он задолго до этого времени появился на свет в царстве Каси, в семье брахманов, уроженцев северо-запада, и, достигнув зрелости, сделался подвижником. В то время, о котором идет речь, Бодхисатта жил у излучины реки в крытой пальмовыми листьями хижине, которую сам для себя выстроил. В полночь, расхаживая взад и вперед по своей хижине, Бодхисатта услышал вдруг

доносившиеся с реки громкие вопли царевича. «Может ли исполненный любви и жалости ко всему существу подвижник спокойно смотреть на гибель человека? — подумал Бодхисатта. — Нет, я вытащу его из воды, спасу ему жизнь». И, подбодря царевича криками: «Не бойся, не бойся», отшельник бросился в воду и поплыл наперерез потоку. Достигнув бревна, могучий, как слон, Бодхисатта ухватился за него, одним толчком подогнал бревно к берегу и перенес царевича на берег. Заметив на бревне спутников царевича, Бодхисатта вытащил и их, перенес всех спасенных в свою хижину и развел огонь. Прежде всего он обогрел животных, считая, что они слабее человека, а потом уже помог царевичу. Приведя всех спасенных в чувство, отшельник принес еды и сперва накормил змею, крысу и попугая, а затем уже попотчевал разнообразными плодами самого царевича. «Я царский сын, а этот паршивый отшельник оказывает предпочтение животным», — вознегодовал царевич и затаил злобу против Бодхисатты.

Через несколько дней, когда все спасенные немного оправились и вода в реке спала, змея, сердечно поблагодарив отшельника, сказала ему на прощание: «Почтенный, ты оказал мне огромную услугу. Не думай, что я бедная: у меня в одном месте припрятано сорок коти золотых монет. Если тебе когда-нибудь понадобятся деньги, я могу отдать весь клад. Только подойди к моему жилищу и позови: «Эй, длинная!» С этими словами змея уползла прочь. И крыса обещала отдать отшельнику богатства, которые она охраняла. «Если будет нужда, — сказала она, — приди и крикни: «Эй, крыса!» И она убежала домой. Пришел прощаться и попугай. Почтительно склонясь перед отшельником, он молвил: «У меня, почтенный, денег нет, но, если тебе когда-нибудь понадобятся белые рисовые зерна, подойди к дереву, где я живу, и крикни только: «Эй, попугай!» — я тотчас призову своих родичей, и мы сможем набрать для тебя хоть целые телеги риса». И с этими словами попугай улетел. Наконец, пришел прощаться и царевич, замысливший дурное против Бодхисатты. Своих черных замыслов он, разумеется, отшельнику

не раскрыл и, думая: «Пусть только явится ко мне, тотчас велю его прикончить», — сказал своему спасителю: «Приходи ко мне, почтенный, как только я воссяду на престол. Я велю предоставить тебе все, в чем нуждается подвижник: и кров, и еду, и одежду, и лекарственные снадобья». И, простясь с подвижником, царевич отправился к себе во дворец. Вскоро после того он воссел на престол.

По прошествии некоторого времени Бодхисатта решил: «Проверю-ка я их искренность». Сначала он навел змею: пришел на условленное место и, став неподалеку, крикнул: «Эй, длинная!» Змея не заставила его звать себя вторично: тотчас же выползла и с почтительным приветствием прошипела: «Почтенный, вот здесь зарыты сорок коти золотых монет, выкопай их и заведи себе». «Пусть пока пожелают тут, — сказал ей Бодхисатта, — если возникнет нужда в деньгах, я дам тебе знать». Простясь со змеей, он направился к крысе, вызвал ее, как было условлено, и крыса тоже предложила Бодхисатте свой клад. От крысы Бодхисатта пошел к попугаю и позвал: «Эй, попугай!» Попугай тоже не заставил звать себя дважды: слетел с вершины дерева и, почтительно приветствуя Бодхисатту, проверещал: «Не прикажешь ли, почтенный, чтобы я созвал своих родичей? Мы соберем для тебя весь дикий рис, растущий в окрестностях Гималаев». «Если будет нужно, я дам тебе знать», — сказал ему Бодхисатта, простился и зашагал дальше. «Пойду испытаю царя», — решил он, переночевал в дворцовом саду, а наутро, одевшись в подобающие одежды, отправился в город просить подаяния. Как раз в это время неблагодарный царь, восседающий на спине лучшего из своих слонов, богато украшенного по этому случаю, в сопровождении огромной свиты совершал торжественный объезд города. Присмотрев Бодхисатту еще издали, он подумал: «Этот гнусный отшельник явился сюда, чтобы жить за мой счет. Пока он не успел порассказать моим приближенным о том, сколько добра он мне сделал, прикажу-ка отрубить ему голову». По знаку царя к нему приблизились слуги и спросили: «Чего изволишь, государь?» Царь распорядился: «Я думаю,

вон тот гнусный отшельник пришел домогаться моих царских милостей. Не допустите того, чтобы этот отшельник, приносящий несчастья, увидел меня, — сразу же схватите его и, связав ему за спиной руки, проведите по городу, и пусть на каждом перекрестке его бьют палками. Затем выведите его за городскую стену и там, на лобном месте, отрубите ему голову, обезглавленное же тело пусть насадят на кол».

Выслушав царя, слуги ответили: «Будет исполнено». Без промедления они кинулись к Великосущему, связали ему руки и, колотя его палками на каждом перекрестке, потащили через весь город на лобное место. Бодхисатта, однако, сколько его ни били, не вопил чего-нибудь вроде: «Ох, матушка! Ох, батюшка!» — а невозмутимо пел стих:

Мир этот полон скверны и греховен.
И люди в нем порою хуже бревен.

Этот стих он пел на каждом перекрестке, где его колотили. И тогда прохожие, из тех, что поумнее, стали спрашивать Бодхисатту: «Послушай, подвижник, а за что гневается на тебя царь? Уж не сделал ли ты ему какого-нибудь доброго дела?» Бодхисатта поведал им обо всем происшедшем и, заканчивая свой рассказ, молвил: «Я спас царевича, вытащил его из бурного потока, это и навлекло на меня беду. Как только вспомню, что не последовал совету, что дали еще в старину мудрые люди, так повторяю этот стих». Выслушав Бодхисатту, все собравшиеся там кшатрии, брахманы и прочие горожане из иных словословий возмутились: «Благочестивый отшельник спас царя от смерти, но этот неблагодарный отвечает злом на добро. Как же нам стать добродетельными при таком царе? Схватим его!» Исполненные гнева, горожане преградили дорогу слону, на спине которого восседал царь. Они набросились со всех сторон на неблагодарного царя, осыпая его стрелами, метая дротики, швыряя камни, круша дубинами — словом, пуская в ход любое оружие, какое только оказывалось под руками, и так забили царя до смерти. Потом они ухватили мертвое тело за ноги и спихнули

в сточную канаву. Затем помазали Бодхисатту на царство и препоручили себя его царским заботам.

Время шло. Бодхисатта правил царством в согласии с дхаммой. Однажды надумал он испытать верность спасенных им животных. В сопровождении огромной свиты царь отправился к змеиной норе и позвал: «Эй, длинная!» Змея выползла, почтительно приветствовала Бодхисатту и сказала: «Вот, господин, твое золото, забирай его». Царь вручил сорок коти золотых монет своим советникам, направился оттуда прямо к жилищу крысы и позвал: «Эй, крыса!» Крыса тотчас же выскочила и, почтительно приветствовав царя, передала ему тридцать коти монет. Поручив и эти деньги заботам советников, царь пошел дальше — к жилищу попугая — и позвал: «Эй, попугай!» Попугай сейчас же слетел к нему и, почтительно приветствуя, спросил: «Ну что, господин, прикажешь собрать для тебя рис?» «Нет, — ответил царь, — когда мне понадобится рис, тогда и принесешь». «Поедете со мной», — обратился он к змее, крысе и попугаю и, забрав семьдесят коти золотых монет, вместе со своими друзьями направился назад в город. Войдя в свой прекраснейший дворец, царь сел на престол и велел поместить золото в казну — под строгую охрану. Потом он приказал отлить из золота трубу и устроить в ней жилище для змеи. Для крысы он распорядился сделать домик из прозрачного горного хрусталя, а для попугая повелел изготовить золотую клетку. И еще царь наказал слугам каждый день хорошенько кормить животных и подавать им еду на золотых блюдах: змее и попугаю — поджаренные зерна риса, подслащенные медом, а крысе — рисовую кашу с пахучими приправами.

Бодхисатта еще долго царствовал, щедро одаривая всех, подавая милостыню и творя иные добрые дела. И все четверо — царь, змея, крыса и попугай — жили в полном согласии и довольстве до конца своих дней, а когда вышел назначенный им срок, перешли в другое существование в соответствии с накопленными заслугами».

И, заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель повторил: «Так что, монахи, не только ныне

Девадатта покушается убить меня, но и в прежние времена уже он вынашивал тот же замысел». Затем он истолковал джатаку, так связав перерождения: «Царем Дуттхой в ту пору был Девадатта, змеей — Сарипутта, крысой — Моггалана, попугаем — Ананда, а царем, обретшим царство и правившим в согласии с дхаммой, — я сам».

Джатака о деревьях (74)

Со слов: «Навеки да сплотится всякий род...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о том, как его родичи поссорились из-за воды и как эта ссора навлекла на них великие бедствия.

Проведав об этой ссоре, Учитель тотчас перенесся на берег реки Рóхини, уселся, скрестив ноги, в пространстве над водной гладью и наслал на соплеменников тьму, чтобы напугать их как следует. Потом сошел к ним, сел на берегу и принялся разбирать их ссору — здесь мы только упомянем о ней, подробности же содержатся в «Джатаке о Кунáле». И Учитель так наставлял соплеменников: «Вы родственники, а родственники должны жить во взаимном согласии и довольстве, ибо, когда родственники стоят друг за друга, врагам не нарушить их единства. Люди непременно должны быть сплоченными, ибо даже не сознающие себя деревья и те стремятся к единству. Однажды в Гималаях буря налетела было на саловую рощу, но в этой роще все деревья, большие и малые, все кусты и лианы столь крепко держались друг за друга, что устояли перед натиском бури. Но тогда же буря выворотила с корнями и повалила огромное, раскидистое дерево, которое одиноко росло во дворе, лишенное связей с другими деревьями. Вот почему вы должны жить в единстве и взаимном согласии». Слушатели попросили Учителя разъяснить смысл сказанного, и он поведал им о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, случилось так, что ве-

ликий Вессавана, владыка богатств, правивший до-толе, перешел в иное рождение, и Сакка подыскал ему преемника. Новый Вессавана, воссев на престол бога богатств вместо старого, обратился ко всем деревьям, большим и малым, ко всем кустарникам и лианам с посланием, предлагая каждому выбрать для себя любое, какое он только пожелает, место жительства. Бодхисатта же возродился в ту пору в облике божества дерева и жил в саловой роще в предгорьях Гималаев. Узнав о наказе нового Вессаваны, Бодхисатта обратился к своим родичам — духам деревьев, кустарников и лиан — с таким советом: «Выбирая себе место, избегайте одиноких деревьев, растущих во дворах, лучше селитесь вокруг меня — вот в этой саловой роще». Те духи древесные, что были поумней, последовали совету Бодхисатты и избрали себе для поселения саловую рощу, все они расселились вокруг Бодхисатты. Те же, что умны не были, сказали: «Зачем нам жить в лесу? Поселимся лучше рядом с людьми: за околицами деревень, у городских ворот или близ въездов в столичные города, ибо древесным духам, которые селятся в таких местах, в обилии достаются и почести и подношения». И они отправились к людям и стали жить в огромных деревьях, которые росли во дворцах.

Однажды обрушился на землю страшный ураган. Под его напором пали вывернутые с корнями, со сломанными ветвями и искромсанными стволами даже старейшие деревья, что веками стояли неколебимо, крепко вцепясь корнями в землю. Но, когда ураган перекинулся на саловую рощу, где деревья прочно держались друг за друга и стояли недвижимо, то сколько он ни пытался нарушить их единство, ничего из этого не получилось — не удалось урагану свалить ни одного дерева! Духи, которые жили в поваленных деревьях, остались без приюта. С детьми на руках они поднялись в Гималаи и рассказали духам саловой рощи обо всем, что с ними приключилось, а те передали это Бодхисатте. «Они не послушались советов мудрых, поселились в непригодных для обитания местах, вот их и постигло несчастье», —

сказал Бодхисатта и, желая наставить всех в дхамме, спел такой стих:

Навеки да сплотится всякий род,
не то его постигнет жребий горький!
Погубит буря и могучий сал,
стоящий одиноко на пригорке.

Так учил древесных духов Бодхисатта. Он прожил еще долго и с концом отпущенного ему срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

И Учитель заключил: «Помните, почтенные, сколь необходимо для родственников единство, и живите поэтому в любви и сердечном согласии». И, завершая наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Духами древесными в ту пору были ученики Пробужденного, а мудрым божеством дерева — я сам».

Джатака о рыбе (75)

С восклицания: «Грозой налети, о Паджджунна...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о том, как ему удалось вызвать дождь.

Случилось так, что в царстве Косалы бог не хотел давать дождя, и все посевы полегли, и везде пересохли пруды, водоемы и озера. Даже пруд, что был неподалеку от главных ворот Джетаваны, обмелел, и все рыбы и черепахи зарылись глубоко во влажный ил. И прилетели тогда на пруд вороны, ястребы, стервятники, и своими острыми, как накопечники копий, клювами принялись разбивать затвердевший ил, вытаскивая и пожирая извивающихся рыбин. При виде этой страшной беды, постигшей рыб и черепах, Учитель исполнился великого сострадания. «Сегодня я должен вынудить небеса разразиться дождем», — вскричал он.

Прошла ночь, наступил день, Учитель совершил омовение, дождался часа, благоприятного для сбора подаяний, и, лучась величием пробужденности, со-

проводимый огромной свитой монахов, направился в Саваттхи за милостыней. А когда в послеполуденное время он и его спутники с чашами, полными подаяния, возвращались из Саваттхи в монастырь, Учитель остановился у спускающихся к воде каменных ступеней джетаванского пруда и попросил тхеру Ананду: «Принеси мне полотенце: я хочу совершить омовение в пруду Джетаваны». «Но, почтенный,— возразил Ананда,— ведь пруд совсем высох, остались только грязь да ил». «О Ананда,— ответил Учитель,— воистину безгранична сила Пробужденного, ступай же и принеси полотенце». Тхера ушел и, вернувшись с полотенцем, подал его Учителю. Тот повязал полотенце вокруг чресел, закинул свободный конец за плечо и, стоя на ступени, воскликнул: «Сейчас я совершу омовение в пруду Джетаваны».

В тот же миг сделанный из желтого мрамора великолепный трон под Саккой, повелителем богов, стал горячим. Сакка быстро догадался, в чем дело, призвал к себе бога дождя, повелевающего облаками и грозowymi тучами, и сказал: «Любезный, на сходах к джетаванскому пруду стоит Учитель, возжелавший совершить омовение. Изволь поторопиться: вели тучам пролить дождь и насытить влагой все царство Косалы». «Будет исполнено!»— ответил Сакке бог дождя и, завернувшись в одну грозовую тучу, а сверху набросив другую, полетел в сторону восхода. И вот он явился на земле в восточной стороне света, вначале — облаком размером с гумно, а вскоре заполнил все небо сотней и даже тысячей огромных облаков и грозowych туч. Загрохотал гром, засверкали молнии, и бог дождя, поворотясь лицом к земле, начал лить воду из поданного ему огромного кувшина, поливая дождем всю Косалу, низвергая водопады влаги. И, не позволяя дождю прекратиться ни на миг, бог в мгновение ока наполнил весь пруд в Джетаване. Только когда вода дошла до ступеней схода, она перестала прибывать. Учитель совершил в пруду омовение, надел свое одеяние шафранного цвета, подпоясался и, закинув край накидки за одно плечо, а другое оставив непокрытым,

направился в сопровождении монахов в благоухающую цветами и пахучими травами залу. Там он воссел на свой престол, отмеченный знаками высшей мудрости Пробужденного. После того как монахи совершили подобающие обряды, Учитель поднялся и, стоя у подножья трона на ступеньках, изукрашенных самоцветами, наставил всех членов общины в дхамме. Позволив затем монахам удалиться, Учитель пошел в свою келью, напоенную сладким запахом благовоний, и прилег на правый бок, подобный дремлющему льву.

Вечером, сойдясь в зале собраний, монахи толковали между собой о величии Учителя. «Только подумайте, почтенные,— говорили они,— когда от жестокой суши погибли все злаки, и пересохли все водоемы, и живущие в них рыбы и черепахи оказались обреченными на великие муки, наделенный всеми десятью совершенствами наш Учитель, питающий столько любви, дружеского участия и сочувствия ко всем сущим, исполнился сострадания и решил избавить несметное множество страждущих от мучений. Подпоясавшись купальным полотенцем, он встал на ступени сходов, ведущих в пруд Джетаваны, и в мгновение ока побудил небеса разразиться дождем, таким обильным, что чуть ли не всю Косалу залило водой. Избавив так множество живых существ от телесных и душевных страданий, Учитель спокойно воротился в монастырь». В это самое время Учитель вышел из своей благоухающей кельи, направляясь в залу собраний. Завидев беседующих бхиккху, он спросил их: «О чем это вы, братия, здесь толкуете?» Выслушав правдивый ответ монахов, Учитель заметил: «О бхиккху! Не только ведь ныне Татхагата побудил небеса разразиться дождем при виде страданий столь многих живых существ — он и в ином своем существовании, когда еще был не человеком, а царем рыб, точно так же вызывал дождь». И он поведал собравшимся о прошлом.

«Во времена прошедшие в том же Саваттхи, в том же царстве Косалы, на месте джетаванского пруда была залитая водой ложбина, со всех сторон

окруженная густыми зарослями. Бодхисатта в этом своем существовании был рыбой и жил в ложбине в окружении многих других рыб. И, в точности как и сейчас, в ту пору небеса не проливались дождями над этой землей. Все злаки, что посеяли люди, полегли, в прудах и других водоемах не осталось воды, а рыбы и черепахи зарылись глубоко в ил. И, как это было и теперь, стоило только рыбам и черепахам спрятаться в ил, как налетели вороны и хищные птицы и, разбивая клювами твердеющую корку ила, принялись выковыривать и поедать живых существ. Видя, что всем его родичам грозит гибель, Бодхисатта решил: «Сейчас, когда на них обрушилось такое несчастье, никто, кроме меня самого, не может избавить их от страданий. Явив приверженность высшей истине, я заставлю бога дождя оросить землю и спасу от мучительной смерти своих родственников». И вот, разбив черную корку высохшего ила, Бодхисатта выпрыгнул на дно водоема, похожий на благородное сандаловое дерево, покрытое черным лаком. И эта громадная рыбина, широко раскрыв глаза, подобные чистейшей воды рубинам, вперила взор в небеса и возвала к Паджджунне, владыке богов. «О Паджджунна! — молила рыба. — Я страдаю вместе со своими сородичами. Отчего же ты, видя меня, преданного добру и мучающегося, не велишь небесам разразиться дождем? Хотя я и появился на свет в пруду, где всяк пожирает себе подобных, я за всю свою жизнь никогда не съел ни одной рыбки, даже самой маленькой, величиной с рисовое зернышко, и никогда, ни прежде, ни теперь, не отнимал жизни ни у одного существа. Признай же истинность моих слов и вели небесам пролиться дождем, избавив близких моих от страданий!» И, обращаясь к Паджджунне, как наставник обращается к ученику, возвал Бодхисатта в облике рыбы к повелителю богов и спел ему такой стих:

Грозой налети, о Паджджунна!
Наполни иссохнувший пруд!
Меня исцели от мучений,
к воронам суров будь и крут!

И, воззвав к Паджджунне и наставив его, как учитель — ученика, Бодхисатта вызвал обильные дожди над всей землей царства Косалы, избавив тем великое множество живых существ от мучительной гибели. В этом же водоеме он и остался жить, а с окончанием отпущенного ему срока перешел в иное существование в полном согласии с накопленными заслугами».

И, завершая свое наставление в дхамме, Учитель повторил: «Так что, братия, не только ведь ныне Татхагата побудил небеса разразиться дождем, но и в прежние времена, когда он существовал в облике рыбы, он точно так же сумел вызвать дождь». Затем Учитель истолковал слушателям джатаку, так связав перерождения: «Рыбами в ту пору были ученики Пробужденного, Паджджунной, владыкой богов, был Ананда, царем же рыб — я сам».

Джатака об Иллйсе (78)

Словами: «Колченоги, криворуки, косоглазы, видят худо...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о жадном торговце.

Был, говорят, неподалеку от города Раджагахи городок под названием Саккхара, «патока», и проживал в нем некий торговец по прозвищу «Жадный Сыч», богатство которого превышало восемьдесят коти. Даже капельки масла — такой крошечной, что ее можно было бы подцепить лишь кончиком травинки, — не дал он никому в жизни, да и на себя ничего не потратил. Не было потому никакого проку от его богатства ни его чадам и домочадцам, ни святым подвижникам или же брахманам, пропадало это богатство без всякой пользы, будто лотосовый пруд в руках демонов. И вот однажды, проснувшись на рассвете, с сердцем, исполненным великого сострадания ко всему существу, Учитель обозрел мысленным взором всех тех, кому уготовано, по пробуждении, рассеять тьму незнания, и увидел, что в сорока пяти йоджанах от монастыря проживает тор-

говец и его жена, созревшие для вступления в Поток истинного вероучения.

Тут следует сказать, что накануне торговец этот заходил в царский дворец, для беседы с государем. На пути домой он увидел голодного крестьянина, который уплетал жареные пирожки с начинкой из сладкого творога и риса, и ему страшно захотелось отведать таких же пирожков. Однако, воротясь домой, он подумал: «Стоит мне только обмолвиться, что я хотел бы поесть жареных пирожков с начинкой из творога и риса, как сейчас же соберется множество желающих разделить со мной трапезу. Для того чтобы их накормить, уйдет неимоверное количество риса, топленого масла, сахару и иных припасов. Нет, лучше уж никому ничего не говорить». Придя к такому решению, он снова начал заниматься своими делами, но желание поесть пирожков разбирало его все сильнее, с часу на час он становился все бледнее и бледнее. Под ложечкой у него сосало так, что не было мочи терпеть. В конце концов, не в силах подавить это страстное желание, он пошел в спальню и повалился ничком на постель, но, даже и дойдя до такого состояния, он продолжал молчать, боясь посягательств на свое богатство.

Тут вошла жена и, погладив его по спине, спросила: «Что с тобой, господин мой?» «Ничего»,— ответил торговец. «Может, царь на тебя прогневался?»— настойчиво расспрашивала жена. «Нет, царь на меня не гневается»,— отозвался торговец. «Так, может, твои сыновья или дочери, слуги или прислужницы сделали что-нибудь неприятное?»— продолжала допытываться она. «Нет, никто не сделал мне ничего плохого»,— проговорил муж. «Должно быть, тебе очень хочется чего-нибудь?»— предположила тогда жена, но и на этот раз торговец промолчал, потому что он все еще боялся, как бы кто не посягнул на его богатство. «Говори же, господин,— потребовала жена,— чего ты так страстно хочешь?» Торговец нехотя пробормотал: «Хочу одной вещи». «Какой же?»— обрадованно воскликнула жена. «Хочу жареных пирожков с начинкой из сладкого творога и риса»,— признался наконец торговец. «Что

же ты сразу не сказал? — удивилась жена. — Ты ведь не бедняк. Сейчас пойду напеку столько пирожков, что их хватит на весь наш город Саккхару!» «Это еще зачем? — испугался торговец. — Пусть горожане занимаются своими делами и едят свои собственные припасы». «Ладно, — попробовала успокоить его жена, — я напеку только на всю нашу улицу». «Ты, верно, думаешь, что у меня денег куры не клюют?» — возмутился торговец. «Тогда я напеку, лишь столько, чтобы накормить наших домашних», — сказала жена. «У меня нет никакой охоты кормить их!» — промолвил торговец. «Ну, коли так, — предложила жена, — я напеку только на нас и на наших детей». «А при чем здесь дети?» — спросил торговец. «Хорошо, — уступила жена, — я приготовлю ровно столько, чтобы могли наесться вволю мы с тобой». «А тебе-то зачем есть?» — вскричал торговец. «Так и быть, — смутилась жена, — я напеку пирожков столько, чтобы ты один мог наесться досыта». «Возле нашего дома, — сказал торговец, — вечно крутится много людей: так и вынюхивают, где что пекут... Когда будешь готовить, выбери рисовые зерна, которые уже начали крошиться, целые не трогай; приготовь, какие тебе понадобятся, жаровни и сковородки; возьми самую малость простокваши и топленого масла и немного меду и патоки и поднимайся со всеми припасами, сковородами и жаровнями на самый верхний, седьмой этаж — там и пеки. Я сяду один и спокойно поем». Жена была уже на все согласна. Собрав все необходимое, она поднялась на крышу и послала служанку сказать хозяину, чтобы шел наверх. Поднимаясь, тот тщательно закрывал за собой все двери, начиная с первого этажа, и запирал их на всевозможные засовы, крюки и щеколды. Добравшись до верхнего, седьмого этажа, он крепко запер последнюю дверь и уселся в ожидании трапезы. Жена его раздула в жаровне огонь, поставила на нее сковороду и принялась печь пирожки.

Между тем Учитель призвал к себе великого тхеру и сказал ему: «Моггалана, недалеко от Раджагахи, в городке Саккхаре, живет жадный торго-

вед. Решив откусать жареных пирожков и опасаясь, как бы кто-нибудь ненароком не увидел его за едой, он распорядился, чтобы ему пекли пирожки на седьмом этаже дома, на крыше. Отправляйся прямо туда, обрати этого торговца на путь истинный, исцели его от себялюбия и внуши ему щедрость и готовность к самопожертвованию. Затем своей чудотворной силой доставь торговца и его жену в Джетавану, и пусть они прихватят с собой пирожки, простоквашу, топленое масло, мед, патоку и прочие припасы: нынче и я, и все пять сотен монахов не пойдем собирать подаяние, а останемся в монастыре; эти пирожки с начинкой из жареного риса и сладкого творога и составят нашу трапезу». Выслушав Учителя, тхера молвил: «Будет исполнено!»— и, пользуясь своей чудодейственной силой, мгновенно перенесся в Саккхару. В роскошных одеждах и великолепной накидке он появился у окна верхних покоев в доме торговца, подобный изваянию из драгоценных камней, и встал в пространстве.

Когда торговец увидел тхеру, сердце его забилося от волнения. «Спасаясь от таких, как он,— возмутился мысленно торговец,— я и забрался сюда, и вот — на тебе: один уже стоит у окна». Не понимая того, что следовало бы ему понять, неразумный торговец запыхал гневом, который вспыхнул в нем так же мгновенно, как вспыхивает горсть пряностей или сахара, брошенная в огонь. «Эй, подвижник! — закричал он, заикаясь от злости. — Неужели ты надеешься получить хоть что-нибудь за то, что стоишь в пространстве? Даже если ты примешься перебирать ногами, как бы прогуливаясь там, где никто не прогуливается, то и тогда ничего не получишь». Тхера тотчас же стал перебирать ногами, как бы гуляя в пространстве. Тогда торговец сказал: «Неужели ты надеешься что-нибудь получить, прохаживаясь возле моего окна? Даже если ты усядешься, скрестив ноги, в пространстве, и тогда ничего не получишь». Тхера подобрал под себя ноги и уселся в пространстве. Торговец опять ему: «Неужели ты надеешься что-нибудь получить, восседая возле моего окна? Даже если ты будешь стоять на подоконнике,

и тогда ничего не получишь». Тхера стал на подоконник. Недовольный торговец проворчал: «Неужели ты надеешься что-нибудь получить, стоя на подоконнике? Если даже выпустишь дым, и тогда ничего не получишь». Тхера принялся извергать дым, так что вскоре весь дом был в дыму. В глазах у торговца зашипало с такой силой, будто их кололи иглами. Опасаясь, как бы подвижник не сжег дом, он не посмел выговорить: «Даже если ты превратишься в столб пламени, то и тогда ничего не получишь!» Только подумал: «Уж очень настойчив этот подвижник, просто так ни за что не уйдет! Велю-ка я дать ему один пирожок». И, приняв такое решение, он сказал жене: «Испеки-ка, милая, крохотный пирожок, подай его подвижнику, и пусть уходит во-своеси».

Жена торговца слепила из теста маленький пирожок и бросила его на сковородку. Пирожок прямо на глазах у них превратился в огромный пирог во всю сковороду. Видя это, торговец воскликнул: «Должно быть, ты взяла чересчур много теста». Он подцепил кончиком ложки комочек теста и, свалив пирожок, бросил его на сковородку, но этот пирожок разбух еще больше первого. Сколько ни бился, все пирожки выходили у него столь же большими! Потеряв терпение, он сказал жене: «Дай ему, дорогая, один пирожок из тех, что уже готовы». Жена торговца запустила руку в корзину, куда были сложены пирожки, попробовала было вынуть один, но все они, слипшись в единую массу, потянулись вслед за первым пирожком. «Господин! — сказала она мужу. — Все пирожки слиплись, я не могу их расцепить». «Сейчас я их разъединю», — сказал торговец, но и у него ничего не получилось. Оба они ухватились руками за края пирожковой массы и принялись тащить что было сил, но все напрасно.

Покуда торговец возился с пирожками, он весь вспотел и желание поесть пирожков у него полностью пропало. «Мне уже не надо пирожков, — сказал он жене, — отдай их, милая, вместе с корзинкой этому бхиккху». Жена торговца с корзинкой в руках подошла к подвижнику. Тхера же тогда открыл обо-

им супругам суть дхаммы и наставил их в благом знании трех драгоценностей. Затем, приговаривая: «Даяние — вот истинная жертва», — разъяснил он им, сколь великий плод, сияющий, как луна на небесах, приносят доброхотные даяния и прочие благие дела. Вняв словам тхеры, торговец обрел ясность духа. «Проходи, почтенный, — молвил он, — садись вот сюда на возвышение и поешь пирожков». Но тхера ответил: «О великий торговец! Пробужденный сидит сейчас вместе с пятью сотнями бхиккху в монастыре. Все они хотят отведать пирожков на завтрак. Если будет на то твое согласие, то я заберу и тебя, и твою жену, и эти пирожки, и простоквашу, и прочее, и мы все предстанем перед Учителем». «А где же, почтенный, сейчас пребывает Учитель?» — спросил торговец. «В монастыре Джетаваны, всего лишь в сорока пяти йоджанах ходу отсюда», — ответил тхера. «Но, почтенный, — удивился торговец, — для того, чтобы одолеть такое расстояние, потребуется очень много времени». «О великий торговец, если только ты позволишь, я своей чудодейственной силой перенесу вас туда без промедления, — успокоил его тхера. — Верхняя площадка лестницы, что проходит внутри вашего дома, останется на месте, а низ лестницы переместится ко входным воротам Джетаваны, весь путь займет у вас столько же времени, сколько обычно требуется, чтобы спуститься с верхнего этажа на нижний». «Да будет так!» — согласился торговец.

Тхера повелел, чтобы верх лестницы остался в доме торговца, а нижние ступени оказались бы прямо у входных врат Джетаваны. Его повеление тотчас же исполнилось: тхера, торговец и его жена, сойдя по лестнице с верхнего этажа на нижний, мгновенно оказались в монастыре Джетаваны. Едва успели торговец и его жена приблизиться к Учителю, как пробило время трапезы. Учитель в окружении всех бхиккху проследовал в трапезную и уселся на Трон мудрости. Торговец с почтением обошел всех бхиккху, начав с Пробужденного, и полил им па руки воды из кувшина, а жена торговца положила в чашу Татхагаты принесенные ею пирожки, и, после того

как Учитель взял себе ровно столько, сколько нужно для поддержания жизненных сил, все остальные бхиккху, числом в пять сотен, взяли каждый, сколько ему требовалось. Затем торговец оделил всех теплым молоком с топленным маслом, медом и патокой. Когда Учитель и все пять сотен монахов насытились, они встали от трапезы. После них сам торговец и его жена вволю поели пирожков, но пирожки всё никак не кончались. И, даже когда все монахи монастыря набрали себе пирожков про запас и щедро оделили ими побирающихся нищих, то пирожков все было так же много, как прежде. Тогда пошли к Учителю и сказали: «Почтенный, пирожки никак не кончаются». «Выбросите остатки у ворот Джетаваны!» — распорядился Учитель, и по его приказу монахи сбросили оставшиеся пирожки вниз с горы, неподалеку от входных врат Джетаваны, и по сей день это место у подножия известно под именем «Капáллапúва», то есть «Пирожок».

Насытаясь, богатый торговец и его жена почтили Всеблагого и встали перед ним чуть поодаль. Всеблагий поблагодарил их, и, выслушав эти слова благодарности, оба они вступили в Поток, приобщась к Восьмеричному Пути! Сердечно простясь с Учителем, по той же самой лестнице, что начиналась прямо от врат Джетаваны, супруги поднялись наверх и оказались в собственном доме. Вскорости после этого случая богатый торговец пожертвовал восемьдесят коти монастырю во славу великого учения Будды.

Наутро Пробужденный, как обычно, отправился в Саваттхи собирать подаяние. Воротясь в Джетавану, он наставил монахов в дхамме благого Пути и удалился на отдых в свою благоухающую цветами и травами келью. Вечером монахи, сойдясь в зале собраний, говорили о добродетелях тхеры Моггаланы. «Подумайте только, почтенные, — рассуждали они, — сколь огромно могущество великого тхеры Моггаланы: в мгновение ока сумел он обратить жадного торговца на путь истинный и заставил того отринути себялюбие, внушил ему щедрость и готовность к самопожертвованию; потом он доставил его

вместе с пирожками в Джетавану, привел к Учителю и побудил ко вступлению в Поток. О, сколь велико могущество тхеры!» В эту самую минуту в залу вошел Учитель и спросил: «О ком это вы, братия, беседуете?» «Да все о тхере Моггалане», — отвечали бхиккху. «О бхиккху, — сказал тогда Учитель, — когда какой-нибудь монах обращает на путь истинный мирян, он должен, разъясняя благую суть Пробужденного, действовать осторожно, никого не раздражая и никому не причиняя вреда, подобно пчеле, собирающей нектар с цветка». И в пояснение сказанного, к вящей славе Моггаланы, Учитель спел собравшимся такой стих из «Дхаммапады»:

Как пчела, набрав сока, улетает, не повредив цветка,
его окраски и запаха, так же пусть мудрец
поступает в деревне (49) ¹.

Желая еще больше восславить добродетели тхеры, Учитель заметил: «Не только ведь ныне, монахи, обратил Моггалана скупого торговца на путь истинный: и прежде уже он обращал его и показывал связь между деянием и плодом». И он рассказал слушавшим его о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, жил торговец по имени Иллиса. Богатство его превышало восемьдесят коти, но он полон был всяческой скверны. Мало того что он был хром, горбат и косоглаз, его душу отравляло полное неверие, и был он нечистым скупцом, который и другим никогда ничего не дает, и сам ничему не умеет радоваться. Дом его походил на лотосовый пруд, подпавший под власть демонов. И, хотя его мать с отцом и все семь предшествующих поколений предков были людьми щедрыми, не жалевшими подаяний, сам он, как только сделался торговцем, презрел добрые законы рода своего: приказал сжечь богоугодное заведение, где подавали милостыню просящим, и велел пинками и тычками прогонять всех собирающих подаяние от ворот своего дома. Все его

¹ Перевод В. Топорова.

старания направлены были на то, чтобы сберегать и приумножать богатство.

Однажды этот торговец, по дороге домой из царского дворца, где он был на приеме у государя, увидел крестьянина. Утомленный дальним переходом, этот крестьянин присел на скамью, наполнил чашу кислым пальмовым вином из кувшина и принялся не спеша пить это вино, закусывая вонючей рыбой. Глядя на это, торговец и сам захотел выпить, однако испугался, что, если он станет пить там вино, вокруг него тотчас же соберется множество жаждущих напиться, и ему придется потратить уйму денег. Подавив в себе страстную жажду, он пошел дальше и занялся делами, но, по мере того как шло время, он чувствовал, что жажда становится неодолимой. От непереносимых мук он весь пожелтел, будто лежащий хлопок, и жилы набухли на его измученном теле. Зайдя в свою спальню, он упал ничком на постель, к нему подошла жена и, погладив его ласково по спине, спросила: «Что с тобой, господин?» И вся их последующая беседа была в точности такой же, как и та, о которой уже рассказывалось.

После долгих препирательств жена торговца сказала наконец: «Ну хорошо, я пойду сделаю столько вина, чтобы ты мог напиться вволю». Но муж возразил: «Нет, если ты будешь готовить вино дома, это увидят слишком много людей. Не послать ли кого-нибудь за вином в лавку? Потом я смогу распить его дома». Решившись в конце концов, он позвал слугу, дал ему мелкую монету, велел купить и принести ему кувшин пальмового вина. Когда слуга доставил все заказанное, торговец приказал ему следовать за ним с вином. Вместе они вышли из города и дойдя до берега реки, спрятались в кустах неподалеку от проезжей дороги; торговец велел слуге поставить кувшин с вином на землю, а самому отойти в сторону. Отойдя достаточно далеко, слуга уселся на землю и стал ждать. Убедясь, что слуга ему не помешает, торговец наполнил чашу вином из кувшина и принялся пить.

Здесь самое место сказать, что родитель торговца при жизни щедро раздавал милостыню и совершал

иные добрые дела, поэтому он возродился в мире богов в облике Сакки, их владыки. Случилось так, что в тот самый день Сакка решил проверить, цело ли еще состояние, переданное сыну, или же пошло прахом. И узнал Сакка, что богатство пропадает втуне и что сын его, поправ закон их рода, велел сжечь дом, где подавали милостыню, и приказал гнать от ворот всех, собирающих подаяние. И еще узнал Сакка, что сын его обуян скупостью. Владыка богов увидел воочию, как сын его, боясь, чтобы не пришлось делиться с людьми, спрятался в кустах и пьет пальмовое вино в полном одиночестве. И подумал тогда владыка богов: «Ладно! Я задам ему хорошенько, обращу на путь истинный и растолкую, какая связь между деяниями и плодами. Я научу его быть щедрым в даяниях и подготовлю к возрождению в мире богов». Приняв такое решение, Сакка спустился в мир людей в обличье торговца Иллисы: такой же хромой и горбатый, с косыми глазами, неотличимо похожий на своего сына. В обличье Иллисы он вошел в город Раджагаху, приблизился ко входу в царский дворец и попросил придворных доложить о его приходе царю. «Пусть войдет», — распорядился царь. Получив разрешение, Сакка направился к царю, почтительно его приветствовал и скромно стал перед троном. «Что привело тебя ко мне в неурочный час, великий торговец?» — спросил царь. «Государь, — ответил тот, — дома у меня хранится богатств на восемьдесят коти, я пришел потому, что хочу передать все тебе: пусть мои богатства пополнят твою казну...» «Довольно, — остановил Сакку царь, — да будет тебе, великий торговец, известно, что в нашем доме богатств много больше, чем в твоём». «Если, государь, — сказал тогда Сакка, — тебе не нужны мои богатства, то я сам раздам их, кому захочу». «Раздавай, торговец» — одобрил его намерение царь. «Да будет так, государь!» — молвил мнимый Иллиса, простился с царем и отбыл в дом торговца.

Все слуги и прислужники в доме торговца окружили Сакку, но никто из них не заподозрил, что это не хозяин. Войдя в дом, Сакка задержался на пороге

двери, которая вела во внутренние покои, и сказал привратнику: «Если явится какой-нибудь другой человек, похожий на меня, и станет уверять, будто это его дом, поколоти самозванца палкой и вели вышвырнуть вон». С этими словами Сакка пошел наверх в гостиную, сел на роскошное ложе и велел послать за женой. Когда она явилась, он сказал ей с улыбкой: «Дорогая, давай раздадим наши богатства!» Лишь только жена торговца, его дети, слуги и прислужницы услышали о намерении Иллисы, им всем пришла в голову одна и та же мысль: «За всю жизнь он ни разу не высказывал желания пожертвовать своими богатствами. Сегодня он выпил пальмового вина. Сердце его, видимо, размягчилось, и он захотел стать щедрым». Они принялись шептаться между собой. Жена же торговца сказала просто: «Раздавай, кому хочешь, господин». «Тогда, — молвил Сакка, — вели позвать глашатая, пусть он ходит по всем улицам города, бьет в барабан и возглашает: «Все, кому нужно золота, серебра, самоцветов, жемчугов и иных камней, пусть отправляются к дому торговца Иллисы». Жена торговца исполнила приказание Сакки. Немного погодя у ворот дома торговца собралась огромная толпа людей с корзинами и мешками. Сакка приказал открыть двери во все семь сокровищниц, которые были в доме, и крикнул толпе: «Отдаю все вам, берите, кому сколько нужно, и ступайте прочь!» Толпа накинулась на богатства. Из огромной кучи наваленных на полу сокровищ каждый клал себе на золотое блюдо, сколько хотел, и шел прочь.

Был в толпе один крестьянин, который впрям стоявших во дворе быков торговца Иллисы в его же повозку, насыпал в нее драгоценности семи видов и поехал из города. Выбравшись на большую дорогу, он погнал быков по ней и, как раз когда повозка проезжала близ придорожных кустов, принялся в полный голос воздавать хвалу добродетелям торговца: «Живи сто лет, господин торговец Иллиса! Благодаря тебе я до конца дней своих смогу, не работая, жить в свое удовольствие. И повозка — твоя, и быки — твои, и все эти драгоценности семи видов

я тоже взял в твоём доме: не от матери и не от отца, я получил их от тебя, господин мой!» — кричал крестьянин. Услышав эти речи, торговец, затаившийся в кустах, подумал со страхом: «Этот парень то и дело поминает мое имя. Неужто царь приказал раздать мои богатства?» Он выскочил из кустов и, узнав своих быков и повозку, с криком: «Стой, вор, это мои быки и повозка моя!» — кинулся к быкам, ухватился за кольца в их носсах и остановил повозку. Крестьянин спрыгнул на землю и закричал: «Нет, это ты вор-злодей! Великий торговец Иллиса раздает свои богатства всему городу. Чего тебе нужно?» Он ринулся на торговца, будто громовая стрела, сбил его с ног, ударил изо всех сил в спину и поехал дальше. Иллиса, весь дрожа, поднялся на ноги, счистил с себя грязь, помчался что было мочи вслед за повозкой и, вцепясь в быков, вновь остановил ее. Крестьянин снова слез, ухватил торговца за волосы, согнул его в три погибели и принялся изо всех сил молотить кулаком по голове, затем сдавил ему горло, швырнул на землю, толкнув в ту сторону, откуда торговец прибежал, и уехал. От такого грубого обращения мужество окончательно покинуло Иллису, и он, трясаясь от страха, поспешил к собственному подворью — только затем, чтобы увидеть, как народ растаскивает его богатства.

«Послушайте! Да что же это такое? Да как же царь позволяет разорять меня?» — кричал торговец. Он бросался ко всем, кто уносил сокровища с его двора, и хватал их за руки, но они били его и отшвыривали прочь. Обезумев от боли, Иллиса попытался было войти в свой дом, но стражи у дверей остановили его, крича: «А, вот он, самозванец! Куда лезешь?» Они избili его бамбуковыми палками и вытолкали вон. «Нет у меня теперь никакой защиты, кроме самого государя», — подумал торговец. Он отправился во дворец и, добившись приема у царя, воскликнул: «О властелин! Ты разоряешь мой дом!» «Да нет, торговец, — ответил ему царь, — я и не собирался тебя разорять. Ты ведь сам приходил ко мне и говорил: «Если ты не возьмешь у меня моих богатств, я раздам их», — а потом приказал

бить в барабан и возглашать по всему городу, что ты раздаешь свои сокровища». «Государь, не был я у тебя! Тебе ли не знать моей скупости, тебе ли не ведать, что я никому не дам даже капельки масла — такой крохотной, что ее можно подцепить лишь кончиком травинки, — взмолился торговец. — Вели, государь, привести того, кто раздает мои богатства, и допроси его хорошенько!»

Царь тогда распорядился призвать Сакку. Но ни сам он, ни его советники не могли обнаружить никаких различий в обликах обоих торговцев. «Какой же он торговец, государь, — возмущался жадный Иллиса. — Это я — торговец!» «Я не в силах разобраться, — отвечал ему царь. — Нет ли кого-нибудь, кто мог бы опознать истинного Иллису?» «Моя жена, государь!» — воскликнул Иллиса. Царь велел позвать его жену, но, когда у нее спросили: «Который из двоих твой муж?» — она ответила: «Вот этот!» — и встала рядом с Саккой. Призывали и чад, и домоладцев, и слуг, и служанок, но все они указывали на Сакку. «У меня на голове, под волосами, есть бородавка, — вспомнил торговец. — Знает о ней лишь брадобрей, попрошу-ка я позвать его». И он сказал царю: «Государь, меня может опознать мой брадобрей, вели привести его». Брадобреем его, надо заметить, был Бодхисатта. Когда привели брадобрея, царь спросил его: «Можешь ли ты узнать торговца Иллису?» «Если я осмотрю их головы, то узнаю, государь», — ответил брадобрей. «Что ж, — повелел царь, — осмотри у них головы!» В то же мгновение Сакка с помощью чудодейственной силы сделал так, что и у него на голове появилась такая же бородавка, как у Иллисы. Бодхисатта осмотрел у обоих головы и, обнаружив одинаковые бородавки, сказал царю: «Великий! У них на головах совершенно одинаковые бородавки, я никак не могу распознать, кто же из них двоих истинный господин Иллиса», — и он спел по этому случаю такой стих:

Колченоги, криворуки, косоглазы, видят худо,
Бородавки у обоих, — кто ж Иллиса — знать откуда?

Торговец весь дрожал от волнения. Утрата богатства усугубляла его отчаяние. Услышав слова

Бодхисатты, он в беспамятстве рухнул на пол. В то же мгновение исполненный божественного величия Сакка поднялся над землей и, стоя в пространстве, молвил царю: «Великий государь, я — не Иллиса, я — Сакка». Слуги побрызгали на Иллису водой и вытерли ему лицо. Он поднялся на ноги и почтительно приветствовал владыку богов. И сказал тогда Сакка торговцу: «О Иллиса, это богатство принадлежит мне, а не тебе, ибо я твой отец, а ты мой сын. Я прожил жизнь, раздавая милостыню, жертвуя бедным и святым и совершая иные добрые поступки, благодаря своим заслугам я и возродился Саккой. Ты же порвал с обычаями нашего рода, пренебрег дхаммой щедрости и стал скупцом, ты велел сжечь богоугодное заведение, где подавали просящим, и гнать от ворот своего дома всех собирающих подаяния и только копил богатства, не пользуясь ими сам и не позволяя пользоваться другим. И богатства твои лежали втуне, будто пруд, попавший во власть ракшасов! Знай же, что, если ты отстроишь заново основанное мною богоугодное заведение, где подавали бедным, ты сохранишь счастье и богатства. Не сделаешь этого, не станешь щедрым в даяниях своих — заберу все твое богатство и снесу тебе голову вот этой самой громовой стрелой и так лишу тебя жизни!» Трепеща от страха за свою жизнь, торговец Иллиса тотчас дал клятву стать щедрым в даяниях своих. Сакка взял с него клятву, что он сдержит обещание, уселся в позе лотоса в пространстве, наставил сына своего в дхамме и заповедал ему блюсти нравственные заветы. Затем он отбыл в свою обитель на небесах. Иллиса же с тех пор стал щедролюбцем, принялся раздавать милостыню и творить иные добрые дела и тем обеспечил себе посмертное возрождение в райской обители Сакки».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель повторил: «Вот, монахи,— не только ведь ныне Моггалана сумел обратить на путь истинный жадного торговца, но и прежде уже он обращал его». И Учитель истолковал слушателям джатаку, так связав

перерождения: «Иллисой в ту пору был наш жадный торговец, Саккой, повелителем богов, был Моггалана, царем — Ананда, брадобреем же я сам».

Джатака о Бхймасэне (80)

С восклицания: «Как только завязался первый бой...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказывать о бхиккху, что бахвалился перед другими монахами.

Был там, говорят, бхиккху, который в присутствии всех тхер, новообращенцев и монахов среднего возраста и положения, любил похвастаться своим высоким происхождением, отзываясь презрительно о происхождении других и выдавая желаемое за действительное. «Почтенные!» — говаривал он обычно. — Никто не отмечен столь высоким происхождением, как мое. И никто не принадлежит к роду, более благородному, чем я. Мы ведем свой род от столь знатной семьи кшатриев, что нет никого, равного нам ни по знатности, ни по богатству! Нет цены всему тому золоту, серебру и вещам, которыми мы владеем! У нас даже слуги и работники едят, сколько хотят, риса с мясом и пахучими приправами, и ходят они в лучших одеждах, шитых в Бенаресе, и умащают тела свои лучшими бенаресскими благовониями. Я же, с тех пор как стал монахом, питаюсь только грубой пищей и хожу в грубых одеждах».

Один бхиккху выяснил истинное происхождение бахвала и изобличил его во лжи перед всеми монахами. Сойдясь в зале собраний, бхиккху осудили неподобающее поведение хвастливого монаха. «Подумайте, почтенные! — возмущались они. — Этот бхиккху вступил на путь спасительного вероучения, однако продолжает лгать и кичиться своим высокородством, относясь к другим с полным презрением». Тут вошел Учитель и спросил собравшихся: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» «Да вот о том-то!» — ответили монахи и рассказали всю правду.

«Не только ведь ныне, монахи, хвастается этот бхиккху,— заметил Учитель. — Он и в прежние времена точно так же лгал и похвалялся!»— и он поведал им о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта появился на свет в маленьком городке, где, однако, был рынок. Отцом его был брахман с северо-запада. Когда Бодхисатта вырос, родители послали его в Таккасилу, к всемирно прославленному наставнику, который передал ему знание трех вед и восемнадцати наук, искусств и ремесел. С концом ученичества его стали звать пандитом Чўлладхāнуггāха — «Маленьким лучником». Стремясь найти применение всем своим познаниям и способностям, он покинул Таккасилу и направился в царство Махīmсака.

Надобно сказать, что в этом своем рождении Бодхисатта был человеком малого роста, скрюченным и уродливым. Поэтому он подумал: «Если я попробую поступить в услужение к какому-нибудь правителю, он наверняка скажет: «На что мне такой коротышка?» Уж лучше подберу я для своих целей какого-нибудь красивого, статного, рослого молодца и буду жить за его широкой спиной, как под прикрытием». В поисках подходящего человека Бодхисатта зашел в поселок ткачей и, увидев там дюжего ткача Бхимасену, подошел к нему, сердечно приветствовал и спросил: «Как тебя зовут, приятель?» Тот сказал, что его зовут Бхимасеной. «Почему же ты, человек столь красивый и жизнелюбивый, занимаешься недостойной тебя работой?»— вновь спросил Бодхисатта. «Иначе я не умею зарабатывать себе на жизнь»,— ответил ткач. «Послушай меня, друг,— сказал тогда Бодхисатта,— брось ты эту работу. Знай, что во всей Джамбудипе нет равного мне лучника, но если бы я осмелился предложить свои услуги какому-нибудь правителю, он в гневе воскликнул бы: «На что ты мне нужен, коротышка?..» Пойди к царю и скажи ему: «Я лучник!» Царь велит взять тебя на постоянную службу с хорошим жалованьем, а я буду

выполнять за тебя всю работу и, укрываясь за твоей спиной, сумею обеспечить себе сносное существование. Так оба мы будем счастливы и довольны, только слушайся меня!» «Ладно»,— согласился ткач.

Бодхисатта повел ткача в Бенарес и, когда они достигли ворот царского дворца, пропустил его вперед, а сам стал позади, сказав, что его зовут Чулладханапаттхака — «Маленький оруженосец». С соизволения царя они оба вошли в его покои, сердечно приветствовали владыку и почтительно встали поодаль. «Зачем вы пришли ко мне?»— спросил царь. «Государь,— ответил ему Бхимасена. — Я лучник, равного которому нет во всей Джамбудипе». «Сколько же ты хочешь получать за службу у меня?»— снова спросил царь. «Если положишь тысячу в полмесяца, стану тебе служить»,— сказал Бхимасена. «Что это за человек с тобой? — поинтересовался царь. «А это, государь, Чулладханапаттхака, мой маленький оруженосец»,— ответил ткач. «Что ж, ладно,— молвил царь,— беру вас обоих на службу».

С тех пор Бхимасена числился на царской службе, но всю работу за него исполнял Бодхисатта. Как раз в это время в лесу в царстве Каси появился тигр. Он нападал на людей, которые проходили по большой дороге, и многих утащил и сожрал. Об этом доложили царю. Царь распорядился позвать Бхимасену. «Сможешь ли ты, любезный, поймать тигра?»— спросил он. «Государь,— возмутился Бхимасена,— какой же я лучник, если не сумею выполнить твое повеление?» Царь дал Бхимасене денег и велел изловить тигра. Бхимасена отправился домой и рассказал обо всем Бодхисатте. «Ну что ж, приятель, иди охотиться на тигра»,— сказал Бодхисатта. «А ты разве не пойдешь со мной?»— спросил Бхимасена. «Нет, не пойду, но научу тебя, как поступить»,— сказал Бодхисатта. «Научи, друг»,— обрадовался Бхимасена. «Негоже тебе одному отправляться к логову тигра,— стал поучать ткача Бодхисатта. — Сзови крестьян и вели им взять с собой тысячу, нет, две тысячи луков. Потом пой-

ди вместе с ними в лес и, когда они поднимут тигра, отбеги и спрячься в кустах. Припав животом к земле, лежи тихо, пока крестьяне не загонят тигра; когда же они его прикончат, отгрызи зубами кусок лианы, зажми ее в кулаке и ступай к убитому тигру. Подойдя, начини кричать на крестьян: «Как вы посмели убить тигра? Я ведь хотел обмотать ему горло лианой и, как быка на веревке, отвести прямо к царю, для этого я и пошел в кусты за лианой. Сейчас же признавайтесь, кто прикончил этого тигра, не дождавшись, пока я подойду с лианой?» Крестьяне затрясутся от страха и станут тебя умолять: «Господин, не говори ничего государю». Они станут совать тебе деньги и позволят, вероятно, взять с собой тигра. Царь, когда ты явишься к нему, щедро тебя наградит».

«Да будет так!» — молвил ткач и ушел. Он сделал все, как советовал Бодхисатта: захватил с собой убитого тигра и, успокоив весь лесной край, в сопровождении огромной толпы явился в Бенарес. «Вот, государь, — сказал он, представ перед царем, — я убил тигра и очистил лес от хищника». Обрадованный царь пожаловал ему много денег.

В другой раз доложили царю, что дикий буйвол совершает нападения на людей, идущих по дороге, и вновь царь послал туда Бхимасену. Наученный Бодхисаттой, Бхимасена расправился с буйволом тем же способом, что и с тигром, снова явился к царю и получил щедрое вознаграждение. Так Бхимасена добился большой власти, и власть эта вскружила ему голову, и стал он проявлять непочтение к Бодхисатте, и перестал слушаться его советов. «Я ведь не приживальщик у тебя! Да и кто ты такой?» — говорил он и всяческими грубыми речами оскорблял Бодхисатту.

Через некоторое время в страну вторгся со своим войском иноземный царь и, осадив Бенарес, направил тамошнему владыке такое послание: «Либо передай мне власть над царством, либо выходи на бой!» Царь призвал к себе Бхимасену и велел ему вступить в сражение с врагом. Бхимасена облачился в воинское платье и доспехи, вооружился

и взобрался на спину боевого слона, прикрытого прочными щитами. Боясь за жизнь Бхимасены, Бодхисатта тоже оделся, вооружился как следует и уселся на слона позади Бхимасены. Сопровождаемый огромной толпой народа, слон вышел через главные ворота из города и отправился на поле боя. Лишь только до ушей Бхимасены донесся грохот боевых барабанов, он весь затрясся от страха. Бодхисатта сказал ему: «Если ты свалишься со спины слона, тебя наверняка убьют». И, чтобы Бхимасена не свалился со слона, обвязал его поводьями и крепко зажал их концы в руке. Однако зрелище битвы вызвало в Бхимасене столь сильный страх за свою жизнь, что он наложил в штаны, умудрился даже загадить спину слону. «Бхимасена,— сказал тогда Бодхисатта,— что-то не вижу я связи между тем, что было, и тем, что сейчас. Прежде ты был готов броситься в битву, а оказалось, что только и способен нагадить на слона». И он спел такой стих:

Как только завязался первый бой,
ты опозорился, бахвал презренный!
Как совместить воинственную речь
с такой повадкой жалкой, Бхимасена!

Выбравив в таких словах Бхимасену, Бодхисатта сказал ему: «Ладно, приятель, не бойся! Я здесь. С какой же стати нам дрожать перед неприятелем?» Он помог Бхимасене слезть со слона, велел ему вымыться и идти домой. Потом, крича: «Сегодня я действую сам за себя!»— устремился в бой. Ворвавшись с громким кличем в ряды врагов, Бодхисатта разметал их укрепления, полонил иноземного царя и доставил его в Бенарес к Брахмадатте. Обрадованный царь оказал Бодхисатте великие почести, и с тех пор слава о пандите Чулладханугахе разнеслась по всей Джамбудипе. Бодхисатта дал Бхимасене денег и отослал его в поселок ткачей, а сам всю остальную жизнь щедро подавал милостыню и творил иные добрые дела, так что, когда настал срок, он перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель повторил: «Так знайте, монахи, не только ныне этот бхиккху бахвалится попусту, он и прежде уже врал и хвастался». Затем он истолковал джатаку, так связав перерождения: «В ту пору Бхимасеной был бахвал бхиккху, а пандитом Чулладхануггахой был я сам».

Джатака о пьянстве (81)

Словами: «Напелись, наплясались мы...» — Учитель — он жил тогда в роще Гхóситарáме, близ Косáмби,— начал свой рассказ о тхере Сáгате. Прожив все время дождей в Саваттхи, Всеблагой отправился бродить по стране, собирая подаяние. Паломничество привело его в городок Бхáддава́тику, где все тамошние пастухи — и те, что пасли коров, и те, что пасли коз,— крестьяне и просто путники, едва завидев Учителя, почтительно его приветствовали, а затем принимались дружно уговаривать Всеблагого никогда не приближаться к тому месту на берегу реки, где росли манговые деревья. «Почтенный,— говорили они,— в той манговой роще на берегу реки, где основали свою обитель длинноволосые подвижники, проживает смертельно ядовитый и опасный змей-наг по прозвищу «Амбатáттхика» — «Обитающий в манговой купели». Этот змей способен причинить тебе, Всеблагой, любое зло! Не ходи туда!» И, хотя Всеблагого остерегали так трижды, он сделал вид, будто ничего не слышал, спокойно направился к той роще на берегу реки, неподалеку от Бхаддаватики, и там расположился. Покуда он безмятежно отдыхал, близкий к Пробужденному тхера по имени Сагата, наделенный чудотворными, хотя и вполне доступными даже простым мирянам способностями, направился в ту самую обитель длинноволосых подвижников, принес охапку травы, бросил ее на землю около жилища царя нагов и уселся на нее, подобрав под себя ноги. Не в силах сдержать ярость,

змея-наг стал выпускать клубы дыма. То же сделал и тхера. Наг начал жечь его огнем. И тхера, в свой черед, принялся палить его! Но змей своим жаром ничего не мог поделать с тхерой, а тхера своим жаром одолел нага. И, в мгновение ока обратив повелителя нагов на путь истинный, указав ему на Будду, дхамму и сангу как на единственные прибежища и наставив царя змей в заповедях, тхера воротился к Учителю.

Пожив в Бхаддаватике столько, сколько ему требовалось, Учитель со всем своим окружением отбыл в Косамби. К тому времени известие о том, что тхера Сагата обратил нага на путь истинный, облетело всю округу. Выйдя навстречу Учителю, жители города Косамби почтительно его приветствовали, затем подошли к тхере Сагате, который следовал за Учителем, окружили его и оказали ему особые почести. «Скажи нам, почтенный, есть ли что-нибудь такое, что тебе трудно достать? — спрашивали они его. — Обязательно добудем это для тебя». Тхера промолчал, но шестеро раскольников-бхиккху ответили за него: «Достойные! Вступившие на стезю монашества принуждены обходиться без красного, как ноги попугая, вина, — а оно для них — величайшее лакомство. Не смогли бы вы достать для тхеры хорошего красного вина?» «Охотно», — обрадовались горожане. Они пригласили Учителя с учениками отобедать у них на другой день, а затем обошли весь город, взывая к жителям: «Пусть каждый из вас угостит тхеру!» Везде было заготовлено крепкое красное вино. Все принимали у себя тхеру и поили и угощали его. Тхера упился до потери рассудка и, выходя из города, споткнулся и упал у самых ворот. Так он и лежал там, болтая всякий вздор.

Возвращаясь вместе с другими бхиккху из города после обеда, устроенного в его честь, Учитель увидал тхеру, валявшегося в столь непотребном виде, и сказал монахам: «Заберите Сагату, братья». Монахи подхватили тхеру и отнесли его в сад. Туда же пришел и Учитель. Бхиккху положили тхеру головой к ногам Татхагаты, но он повернул-

ся и лег ногами к Учителю. «Как вы полагаете, бхиккху,— спросил тогда Учитель,— выказывает ли Сагата мне такое же почтение, как раньше?» «Нет, не выказывает, почтенный»,— ответили бхиккху. «Скажите, бхиккху,— вновь спросил Учитель,— кто сумел обратить на путь истинный царя нагов, что жил возле манговой рощи?» «Сагата, почтенный»,— отозвались бхиккху. «А как вы думаете,— продолжал Учитель,— удалось бы Сагате в таком состоянии обратить хотя бы безвредную водяную змею?» «Нет, конечно»,— отвечали монахи. «Так скажите же мне,— вновь спросил Учитель,— следует ли пить зелье, лишаящее людей рассудка?» «Не следует»,— дружно откликнулись монахи. Заклеймив в этих словах тхеру, Учитель заключил, обращаясь к монахам: «Тот, кто пьет вино и другие хмельные напитки,— совершает дурной поступок, который можно искупить только покаянием». Наставив так бхиккху в важнейшей из заповедей, Учитель поднялся и проследовал в свою благоухающую душистыми травами и цветами келью.

Сойдясь в зале собраний, монахи долго потом говорили друг с другом о скверне, протекающей от хмельных напитков. «Поистине велика скверна, исходящая от вина,— рассуждали они между собой.— Даже мудрый Сагата, наделенный чудодейственными способностями, во хмелю не признал добродетелей, коими обладает наш Учитель». Тут в залу вошел Учитель и спросил собравшихся: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» Монахи поведали ему, о чем шла речь. «Не только ведь ныне, бхиккху,— заметил тогда Учитель,— монахи лишаются рассудка от вина,— и прежде уже случалось то же самое». И он рассказал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта появился на свет в царстве Каси. Отцом его был брахман с северо-запада. Когда Бодхисатта вырос, он сделался подвижником. Достигнув прозрения и овладев всеми совершенствами, он жил со своими пятью-

стами учениками в предгорьях Гималаев, наслаждаясь погружением в глубины сосредоточенного размышления. Как-то раз, в пору дождей, ученики обратились к Бодхисатте с такой просьбой: «Наставник, позволь нам спуститься в долину и попросить у людей соли, пряностей и соды?» «Достойные,— сказал им в ответ наставник,— я останусь здесь, а вы ступайте. Подвергнув испытаниям плоть вашу, с окончанием поры дождей возвращайтесь обратно». «Хорошо»,— сказали ученики и, почтительно простясь с Бодхисаттой, отправились в Бенарес.

Ученики провели ночь в царском саду. Наутро они отправились собирать подаяние в деревню близ города, где их хорошо накормили. На следующий день они пошли в город. Люди охотно подавали им милостыню, и в скором времени придворные доложили царю: «Государь, с Гималайских гор пришли к нам пятьсот великих подвижников, поборовших соблазны плоти, людей, истинно праведных. Они расположились в твоём саду». Наслушавшись хвалебных речей о добродетелях подвижников, царь сам направился в сад, почтительно приветствовал гостей и в знак своего к ним внимания пригласил их пожить у него все четыре месяца, пока идут дожди. Ушел он только после того, как заручился их обещанием погостить у него еще некоторое время. С того дня подвижники жили в саду, а питались в самом царском дворце.

Но вот однажды в городе был праздник, во время которого разрешается пить вино. «Подвижникам ведь очень редко приходилось пить хмельное»,— подумал царь и велел послать им множество кувшинов отменного вина. Напившись, подвижники вернулись к себе в сад. Хмель совершенно лишил их разума: одни пускались в пляс, другие начинали петь, третьи, наплясавшись и напевшись, сбрасывали и пинали ногами корзины и чаши для сбора подаяния. Потом они все погрузились в сон. Когда подвижники, протрезвев, очнулись, то пришли в ужас, увидев, что они натворили, и услышав рассказы о своих непотребствах. «Мы сделали

то, что недостойно подвижников,— горестно восклицали они и стонали: — Мы впали в такую скверну, потому что ушли от нашего наставника!» И подвижники тотчас покинули царский сад и направились обратно в Гималаи. Они почтительно склонились перед наставником и уселись немного от него поодаль, поставив рядом жертвенные чаши. «Ну как, любезные,— стал их расспрашивать наставник,— не устали ли вы от сбора подаяния? Счастливы ли прожили в миру? Не ссорились ли?» «О Учитель,— сказали подвижники,— жилось нам хорошо, однако мы выпили запретного и, утратив разум и память, принялись петь и плясать». Чтобы объяснить наставнику, что с ними произошло, они сложили и спели такой стих:

Напелись, наплясались мы сполна —
и улеглись, устав от кутерьмы.
Одно лишь утешительно: вина
испив, мартышками не стали мы.

«Так всегда и бывает,— сказал им Бодхисатта.— с теми, кто не живет со старшими, под их присмотром». Он выбрал учеников и сказал им: «Смотрите же, впредь не делайте этого!» И, наставив так подвижников, Бодхисатта погрузился в глубины сосредоточенного размышления, которое больше уже ничем не прерывалось, и так подготовился к возрождению в мире Брахмы».

В завершение своего урока дхаммы, Учитель так истолковал джатаку (отныне мы уже не станем употреблять слов «связав перерождения»): «В ту пору подвижниками были ученики Пробужденного, а их наставником я сам».

Джатака об испытании добродетелей (86)

Со слов: «Нет блага выше, чем добро...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о брахмане, который захотел испытать силу своей добродетели. Брахман этот жил при дворе царя

Косалы, хорошо усвоил, что Будда, дхамма и санга суть три истинных прибежища, твердо исполнял все пять заповедей и знал наизусть три веды. Восхищаясь его достоинствами, царь оказывал ему особые почести. И подумал тогда брахман: «Царь Косалы предпочитает меня всем другим брахманам и выказывает мне как своему наставнику чрезмерное уважение. Непонятно, однако, почитает ли он меня столь сильно из уважения к высокому происхождению, роду, семейству, богатству, знанию наук или же и впрямь благодаря моей добродетельности? Надобно его испытать», — решил он наконец. И вот как-то раз, побывав у государя, прежде чем уйти домой, он похитил с полки у хранителя царских сокровищ одну монету и унес ее с собой. Из уважения к брахману хранитель никому не сказал об этом ни слова. На следующий день брахман унес уже две монеты. Хранитель стерпел и это. Когда же на третий день брахман набрал целую горсть монет, хранитель набросился на него: «Шыньче уже третий день, как ты грабишь царскую семью». И он трижды прокричал во весь голос: «Эй! Я поймал вора, который грабит царскую казну!» На крики его со всех сторон сбежались люди. Восклидая: «Долго же ты морочил нас, прикидываясь добродетельным человеком», они накинулись на брахмана, стукнули его несколько раз и, связав ему за спиной руки, потащили на суд к царю.

Царь, весьма опечаленный, спросил его: «Почему ты, брахман, занимаешься столь скверным делом?» И распорядился: «Накажите его по-царски!» Брахман сказал ему тогда: «Не вор я, великий государь!» «Зачем же ты брал деньги из сокровищницы царской семьи?» — воскликнул царь. «Я решил испытать тебя», — ответил брахман. — Ты оказывал мне всяческие почести, и я задумался: отличаешь ты меня от всех остальных только из-за моего происхождения или иных, тому подобных, причин либо же потому, что чтю мои добродетели. И вот теперь я доподлинно узнал, что выделял ты меня потому, что чтю добродетели мои, а не мое происхождение. В противном случае ты не распо-

рядился бы наказать меня по-царски! И все, мной содеянное, еще раз убедило меня в справедливости высказывания: «В этом мире добро есть высшая и первейшая из добродетелей». Но, и следуя нравственным заветам, я не могу всецело устремиться к добру, покуда живу жизнью мирянина и, пребывая во власти страстей, жажду удовольствий, поэтому я сегодня же направлюсь в Джетавану, к Учителю, отрину мир и стану монахом. Позволь же мне принять монашество, государь!» Уведомив царя о своем намерении, брахман стал собираться в Джетавану. Все его родные, друзья и знакомые пытались разубедить его, но, видя, что это тщетно, отступились.

И вот явился он к Учителю и с его дозволения вступил в общину и стал бхиккху. Позже, оставаясь стойким в усердии своем, развивал он внутреннее видение и обрел арахатство. Придя к Учителю, он поведал ему об этом в таких словах: «Почтенный, я поднялся на высочайшую высоту, на какую только можно подняться в монашестве!» Вскоре о его преображении знала уже вся монашеская община. Как-то раз, сойдясь в зале собраний, бхиккху восхваляли его добродетели. «Вот, достойные,— толковали они между собой,— этот человек был ранее брахманом, приближенным к царю. Он подверг испытанию свои добродетели и достиг со временем арахатства». В это время в залу вошел Учитель и спросил монахов: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» Те рассказали ему. «Не только ведь ныне, бхиккху,— заметил тогда Учитель,— и не только этот брахман, пожелав узнать, сколь велико добро в нем, принял монашество и затем утвердился в арахатстве, но и в прежние времена были уже мудрые, которые точно так же подвергали испытанию свои добродетели, вступали на путь монашества и готовили себя к спасению». И, поясняя сказанное, Учитель поведал собравшимся о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был домашним жрецом царя. Его щедрость и готовность вершить добро не имели пределов, его нравствен-

ные устои были непоколебимы, и он никогда не нарушал ни одной из пяти заповедей. Царь поэтому оказывал ему особые почести, выделяя среди других брахманов. Далее все произошло точно так, как уже рассказывали. Желая испытать силу своей добродетели, Бодхисатта унес монеты, его поймали и потащили на суд к царю.

Когда Бодхисатту со связанными за спиной руками вели к царю, в одном из закоулков он и его стражи натолкнулись на заклинателей, показывавших свое искусство в обращении со змеей: они хватали змею за хвост, за горло, обматывали змею вокруг шеи и всячески с нею забавлялись. Видя это, Бодхисатта не удержался, чтобы не сказать заклинателям: «Не хватайте, любезные, змею ни за хвост, ни за горло и не позволяйте ей обвиваться вокруг шеи, не то она укусит вас, и вы тотчас расстанетесь с жизнью». «Послушай, брахман,— ответили заклинатели,— змея наша следует законам добра и знает, как себя вести; она не предана злу, как ты. Ведь сам ты погряз в скверне и не знаешь, как себя вести, именно поэтому тебя и схватили люди, вопя: «Вот вор, пытавшийся обокрасть сокровищницу царского дома!» Потому-то тебе и связали руки и тащат на суд». И подумал тогда Бодхисатта: «Даже змей считают добродетельными всего лишь за то, что они не жалят и не проявляют своего злобного нрава. Какими же достоинствами должны обладать тогда те, кто рожден людьми? Воистину, законы добра — высочайшие в этом мире, и нет ничего превыше добра!»

Бодхисатту доставили к царю. «Что случилось, любезные?» — спросил царь. «Вот, государь, вор, покушавшийся на сокровища царского дома», — ответили придворные. «Накажите его по-царски!» — повелел царь. «Не вор я, великий царь», — сказал Бодхисатта. «Зачем же ты крал деньги?» — спросил царь. Бодхисатта рассказал ему обо всем, в тех же словах, что и прежде. Закончил он, сказав: «Потому-то я еще раз уверился в справедливости суждения: «В этом мире добро есть высшая и первейшая из добродетелей». И, добавив к этому: «Если

признать, что ядовитая змея считается добродетельной лишь потому, что не жалит, не проявляет своего злобного нрава, лишь потому, что никому не причиняет вреда,— то и этого довольно, чтобы заключить: «Добро есть высочайшая и первейшая из добродетелей», и Бодхисатта спел такой стих во славу добра:

Нет блага выше, чем добро,— гласят старинные скрижали. Скажите, что змея добра,— и вы укуса избежали.

Спев этот стих, Бодхисатта наставил царя в дхамме. Затем он, полностью избавясь от страстей, сделался подвижником и ушел жить в Гималаи. Там он достиг прозрения и овладел всеми пятью ступенями знания и восемью совершенствами и тем подготовил себя к возрождению в мире Брахмы.

Заканчивая свой урок дхаммы, Учитель так истолковал джатаку: «Царскими слугами в ту пору были ученики Пробужденного, домашним же жрецом царя — я сам».

Джатака о приметах (87)

Словами: «Кто веру в сны, приметы, знаки...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал рассказ о брахмане, который предсказывал судьбу по одежде и кускам ткани.

Был, говорят, в Раджагахе некий брахман, исполненный суеверий и предрассудков. Брахман этот стоял на ложном пути и не разумел сути трех драгоценностей. Жил он в большом богатстве, достатке и благополучии. Но вот однажды к нему в сундук с одеждой залезла мышь и попортила носильную пару. Брахман незадолго перед тем совершил омовение и потребовал, чтобы ему принесли чистое платье. Тут-то ему и доложили, что мышь прогрызла дыры в его платье. Задумался брахман. «Если оставить эту одежду, испорченную мышью, у себя в доме,— размышлял он,— случится большое не-

счастье, ибо это столь же дурная примета, как увидеть черноухого. Невозможно отдать ее кому-нибудь из детей либо подарить слугам или работникам: ведь каждый, кто станет ее носить, навлечет страшное несчастье на всех окружающих. Велю-ка я отнести ее на то место, куда сваливают мертвецов. Но как поручить это дело слугам или работникам? Ведь они могут позариться на одежду и взять ее себе, тогда уж беда неминуема. Поручу-ка я все это сыну».

Призвал он к себе сына, рассказал ему обо всем и дал такой наказ: «Смотри, дорогой, не прикасайся к одежде руками: возьми ее на палку и так отнеси на то место, куда сваливают мертвецов. Потом вымойся с ног до головы. Ну, ступай!» И он отослал сына.

В тот самый день Учитель встал ото сна рано поутру. Он обозрел внутренним взором мир, ища готовых вступить на благой Восьмеричный Путь, увидел, что те двое брахманов — отец и сын — вполне созрели для погружения в Поток, и, будто охотник, преследующий оленей по оленьей тропе, поспешил к тому месту, куда сваливали мертвецов, и уселся там, излучая присущее лишь Пробужденному шестичцветное сияние. В это время к воротам подошел молодой человек; как ему наказал его отец, он нес на кончике палки ту самую носильную пару — с таким видом, будто тащил змею, пойманную в доме. И спросил его Учитель: «Что это ты делаешь, юноша?» «Да вот, дружище Готама, — непочтительно ответил тот, — в одежде мышь прогрызла дырки, и носить ее теперь не к добру — все равно что видеть черноухого. Эта одежда теперь опаснее сильнейшего яда. Мой отец побоялся послать кого-нибудь другого: а вдруг этот человек позарится на одежду и возьмет ее себе? Вот он и отправил меня. Поэтому-то я и пришел сюда, дружище Готама. Сейчас я выброшу эту одежду и пойду вымоюсь с ног до головы». «Что ж, бросай!» — сказал Учитель. Юноша кинул одежду. Учитель тотчас же, у него на глазах, подобрал ее, приговаривая: «Она нам сгодится». Юноша умолял его: «Дружище Го-

тама, это дурная примета, не бери, не бери ее», — но Учитель, не слушаясь его, подхватил злополучную одежду и направился в сторону Бамбуковой роши.

Юноша что было духу помчался домой и сказал отцу: «Я выбросил одежду на свалку, но там ее со словами: «Пригодится нам», — подобрал подвижник Готама. Сколько я его ни отговаривал, он унес одежду с собой в Бамбуковую рошу». Слыша такое, брахман решил: «Эта одежда предвещает ужасное несчастье, нет хуже приметы! Даже подвижника Готаму ждет неминуемая гибель, если только он ее наденет. Случись такая беда, все меня осудят. Лучше дать подвижнику Готаме множество других платьев, лишь бы он позволил выбросить эту пару». Прихватив с собой множество платьев, он поспешил вместе с сыном в Бамбуковую рошу. Завидев Учителя, он остановился перед ним, чуть поодаль, и спросил его: «Правду ли говорят, дружище Готама, что ты подобрал на свалке, куда свозят мертвецов, носильную пару?» «Правду, брахман», — ответил Учитель. «Дружище Готама, — продолжал брахман, — эта носильная пара проклята; если ты будешь ею пользоваться, погибнешь сам и всю общину погубишь. Если уж тебе нужно верхнее или нижнее платье, сделай милость, возьми себе все эти одежды, а ту, что подобрал, вели выбросить». И молвил ему тогда Учитель: «О брахман, — мы ведь монахи, отрешившиеся от всего мирского, и должны довольствоваться отрепьями, которые либо попадают на свалке, куда свозят мертвецов, либо валяются посреди улицы, в мусорных ямах, в местах омовений, на больших дорогах или еще где. Что до тебя, то ты ведь не только ныне, но и прежде еще был таким же суеверным». И, уступая просьбам брахмана, Учитель, разъясняя сказанное, поведал ему о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние в городе Раджагахе, что в стране Магадха, жил царь, который правил царством Магадха в соответствии с дхаммой. Бодхисатта же в ту пору появился на свет в семье

брахмана с северо-запада. Когда вырос, он сделался отшельником и, овладев всеми ступенями прозрения и всеми совершенствами, поселился в Гималаях. Однажды отшельник спустился с Гималаев, переночевал в царском саду в городе Раджагахе, а на следующий день отправился бродить по улицам, прося подаяния. Царь, увидав отшельника, велел привести к себе во дворец, усадил, накормил на славу и взял с него слово, что он останется жить в его царском саду. С тех пор Бодхисатта жил в саду у царя, кормился же он прямо во дворце.

Здесь надобно сказать, что в ту же самую пору проживал в городе Раджагахе некий брахман по прозвищу Дусса-лаккхана, «Гадающий по тканям». И у него в сундуке хранилась носильная пара — ну, а дальше все было точно так, как в прежнем рассказе: одежду попортила мышь и брахман послал своего сына на то место, куда свозят мертвецов, велел ему выбросить одежду. Молодой человек пошел на свалку. Бодхисатта упредил его, уселся у входа и, когда юноша бросил на землю носильную пару, подобрал ее и ушел к себе в дворцовый сад. Юноша поспешил назад к отцу и рассказал обо всем. Отец испугался, что по его вине погибнет святой, которому покровительствует царская семья, пошел к Бодхисатте и принялся молить его: «Святой отец, выброси ты эту одежду, не губи себя!» Бодхисатта же тогда открыл брахману дхамму, сказав: «Для нас годится и та рвань, которую выбрасывают на свалку. У нас нет суеверий и предрассудков, мы не верим в приметы, потому что ни Будда, ни Паччека будда, ни Бодхисатты никогда не одобряли предрассудков и веры в приметы. Мудрые люди не должны верить предсказаниям, приметам и тому подобной чепухе». Постигнув дхамму, которой учил его отшельник, брахман отрекся от ложной веры и обратился к Бодхисатте, как к прибежищу. Что до Бодхисатты, то он не выходил уже более до конца дней своих из глубин сосредоточенного размышления и тем подготовил себя к возрождению в мире Брахмы».

Завершая свой рассказ о прошлом, Учитель, будучи уже теперь Пробужденным, решил явить брахману истинную суть дхаммы и спел такой стих:

Кто веру в сны, приметы, знаки
отвергнет,— вздора нет целепей! —
Тот, двойственность страстей отринув,
порвет перерождений цепи.

Этим своим стихом Учитель наставил брахмана в дхамме и разъяснил ему четыре благородные истины. Вняв этому разъяснению, брахман и его сын вступили на благой Восьмеричный Путь. Учитель же так истолковал джатаку: «Нынешний отец с сыном в ту пору тоже были отцом и сыном, отшельником же был я сам».

Джатака о мошеннике (89)

Словами: «И притворялся другом, и был сладкоречив...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о мошеннике (подробнее о его плутнях мы узнаем из джатаки об Уддале).

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, неподалеку от одной деревушки жил отъявленный мошенник, укрывшийся под личиной длинноволосого отшельника. Один из жителей деревни выстроил для мнимого отшельника в лесу хижину, крытую пальмовыми листьями, где и нашел себе приют этот мошенник. Сельчанин часто приглашал его к себе в дом и кормил изысканными блюдами. Он не сомневался, что этот лохматый плут — истинный подвижник, и, боясь воров, как-то принес к нему в хижину сотню золотых украшений. Там он зарыл их под полом и обратился к мнимому отшельнику со слезной мольбой: «Ты уж присмотри за сокровищем, почтенный». Тот прикинулся возмущенным. «Достойный, — молвил он, — ты никогда не должен говорить подобных слов отрекшимся от мира, ибо мы, подвижники, не алчем чужого добра». «Вот и прекрасно,

почтенный», — обрадовался хозяин и, приняв его уверения за чистую монету, отправился к себе домой.

Между тем лжеотшельник решил: «С таким-то богатством можно неплохо пожить». Выждав некоторое время, он похитил золото, спрятал его в тайнике возле дороги и как ни в чем не бывало вернулся к себе в хижину. На следующий день, наевшись до отвала в доме своего благодетеля, отшельник сказал ему: «Достойный, я уже достаточно долго здесь живу, а те, кто слишком долго живет в одном и том же месте, непременно сближаются с мирянами; для нас же, подвижников, такая близость — источник скверны. Позволь мне уйти!» И, сколько хозяин ни отговаривал его, отшельник не пожелал изменить свое решение. «Что ж, коли такова твоя воля, ступай, почтенный», — сказал тогда отшельнику хозяин. Он вышел проводить гостя до ворот. Отшельник прошел несколько шагов и уже простился с хозяином, когда вдруг подумал: «Надо бы мне как-то усыпить в этом человеке подозрения». Он незаметно сунул в свои длинные волосы травинку и повернул к дому. «Отчего ты воротился, почтенный?» — спросил мирянин. «Достойный, — отвечал отшельник, — с твоей крыши мне в волосы упала травинка, а нам, подвижникам, негоже уносить с собой то, чего нам никто не давал. Вот я и принес тебе назад эту травинку». «Выброси ее и ступай себе, почтенный», — молвил хозяин, а сам подумал с умилением: «Не хочет унести даже чужой травинки. Сколь честен этот святой!» И, совершенно уверясь в беспорочности отшельника, мирянин с почтением склонился перед уходящим.

Здесь самое время упомянуть, что Бодхисатта, который направлялся по торговым делам в дальние пределы, как раз в ту ночь остановился в доме мирянина. Он слышал все, что говорил хозяину отшельник, и, подумав: «Наверняка этот мнимый отшельник что-нибудь утащил у мирянина», — обратился к хозяину с вопросом: «А не отдавал ли ты, любезный, чего-нибудь на сохранение этому от-

шельнику?» «Как же, любезный,— отвечал мирянин,— я спрятал у него сотню золотых украшений». «Так пойдй проверь, на месте ли они еще»,— посоветовал Бодхисатта. Мирянин поспешил к крытой пальмовыми листьями хижине в лесу и, не найдя своего сокровища, вернулся к Бодхисатте. «Все мои сокровища пропали, любезный»,— сокрушался он. «Знай же,— молвил Бодхисатта,— что золото унес не кто иной, как мошенник, прикинувшийся отшельником. Бежим же, настигнем его и схватим». Они быстро нагнали лжеотшельника и принялись его бить кулаками и ногами до тех пор, покуда он не показал места, где было спрятано золото. Они вытащили украшения из тайника, и, глянув на золото, Бодхисатта сказал: «Сотню золотых украшений ты утащил не раздумывая, а вот травинку, выходит, унести не решился?» И в осуждение лжеотшельника Бодхисатта спел такой стих:

И притворялся другом, и был сладкоречив,
Но золото — похитил, травинку возвратив.

Выбравив вора, Бодхисатта дал ему на прощание такой совет: «Смотри же, лохматый обманщик, не делай впредь таких вещей!» До конца дней своих Бодхисатта творил добро, а затем перешел в следующее рождение в соответствии с накопленными заслугами».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель сказал слушавшим: «Не только ведь ныне, братия, мошенничает этот бхиккху, но и в прежние времена он был таким же мошенником». А потом он истолковал джатаку, сказав: «В ту пору лжеотшельником был монах-мошенник, премудрым же торговцем — я сам».

Джатака о драгоценности (92)

Словами: «В бою взыскуют мужества...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о достойнейшем тхере Ананде.

Однажды жены царя Косалы рассудили так: «Будды в этом мире появляются редко, столь же редко в одно время с буддами рождаются и живые существа, наделенные людским обликом и развитыми чувствами. И, хотя мы именно таковы и живем в подходящую пору, мы, однако, не можем, когда пожелаем, ходить в монастырь, внимать дхамме, проповедуемой Учителем, приносить дары и раздавать милостыню!» Мы живем здесь, будто запертые в шкатулке. Давайте попросим царя, чтобы он позволил нам внимать слову дхаммы и послал за каким-нибудь достойным бхиккху: пусть тот приходит во дворец и толкует нам дхамму, а мы уж попробуем извлечь из нее, какой сможем, урок. И станем мы подавать милостыню, творить иные добрые дела и воспользуемся этим благоприятным временем для обретения достойного плода». Все они сообща отправились к царю и рассказали ему о том, что надумали. «Превосходно!» — воскликнул царь, одоблив их намерения.

Однажды, желая развлечься в саду, царь велел позвать садовника и сказал ему: «Пойди наведи порядок». Садовник стал наводить порядок в саду, увидал, что у подножия дерева сидит Учитель, и поспешил сообщить царю: «Государь! Сад приготовлен к прогулке. Под одним из деревьев там сидит сам Благословенный». «Отлично, любезный, — молвил царь, — поеду послушаю слово дхаммы из уст самого Учителя». Он взошел на свою богато изукрашенную колесницу, направился в сад и прибыл на то место, где находился Учитель. У ног же Учителя сидел мирянин по имени Чхаттапани, вступивший уже на путь «невозвращающегося». Чхаттапани внимал дхамме, проповедуемой ему наставником. Увидев этого мирянина, царь остановился на мгновение в нерешительности, но затем, подумав: «Если бы он был дурным человеком, то не сидел бы рядом с Учителем и тот не разъяснял бы ему дхамму. Нет, без сомнения, он человек достойный», — приблизился к Учителю, почтительно его приветствовал и скромно сел перед ним, чуть поодаль. Из благоговения перед Пробужденным миря-

нин не встал перед царем, не оказал ему особых почестей, и царь обиделся. Заметив его недовольство, Учитель стал восхвалять достоинства мирянина. «О великий царь,— сказал он,— этот человек знает наизусть множество сутт, он начитан в канонических текстах и уже сумел высвободиться из тенет влечений и страстей». Услышав это, царь подумал: «Уж если сам Учитель восхваляет его достоинства, ясно, что это человек незаурядный». И он ласково сказал мирянину: «Если только тебе что-нибудь понадобится, вели сообщить мне». «Хорошо, государь»,— отозвался тот. Царь стал внимать слову дхаммы, которую проповедовал Учитель, а потом почтительно обошел Учителя слева направо и уехал к себе во дворец.

В другой раз, увидав, что мирянин с зонтом в руках направляется после утренней трапезы в Джетавану, царь велел позвать его и обратился к нему с такой просьбой: «Мне сказали, что ты знаешь наизусть множество сутт. Мои жены жаждут внимать слову дхаммы, жаждут постигнуть дхамму; было бы очень хорошо, если бы ты согласился научить их дхамме». «Государь,— отвечал мирянин,— но ведь тем, кто живет в миру, не подобает проповедовать дхамму или наставлять в ней женщин, обитающих во внутренних покоях дворца. Лучше попроси кого-нибудь из старших монахов». «Он говорит истинную правду»,— подумал царь, простился с мирянином и, призвав к себе своих жен, объявил им: «Дорогие мои, я решил просить Учителя прислать к вам какого-нибудь бхиккху, чтобы он проповедовал и толковал вам дхамму. Кого бы из восьмидесяти великих приближенных Учителя вы предпочли?» Жены посоветовались и единодушно выбрали Ананду, Хранителя дхаммы. Царь немедленно отправился к Учителю, почтительно его приветствовал и, сев перед ним чуть поодаль, сказал: «Почтенный, мои жены хотели бы, чтобы тхера Ананда приходил к ним во дворец, проповедовал им дхамму и учил их дхамме. Было бы очень хорошо, если бы ты позволил тхере Ананде раскрыть моим домашним суть дхаммы и на-

учить их ей». «Быть по сему!» — согласился Учитель и послал за тхерой Анандой. С тех пор царские жены внимали слову дхаммы из уст тхеры и учились у него дхамме.

Но вот однажды пропал драгоценный камень из царской короны. Услыхав об этой пропаже, царь созвал своих советников и наказал им: «Ступайте задержите всех, кто имеет доступ во внутренние покои дворца, любой ценой отыщите драгоценность». Советники задержали служанок и всех, кто вхож во дворец, и стали расспрашивать их о камне из царской короны, но не найдя его, подвергли множество народу допросу с пристрастием. В тот день в царский дворец явился, как обычно, тхера Ананда и увидел, что все жены сидят поникшие и унылые, тогда как прежде они оживленно и радостно внимали слову дхаммы и учились у него дхамме. Спросил их тогда тхера: «Да что это с вами сегодня?» И ответили ему царские жены: «Начали отыскивать камень, пропавший из короны царя, привязываются к женщинам и ко всем тем, кто вхож во внутренние покои, допрашивая их с пристрастием. Мы просто не знаем, почтенный, что с нами может случиться, и потому столь опечалены». Тхера ободрил их, сказав: «Не тревожьтесь!» — и направился к царю. Усевшись на предложенное ему место, он спросил царя: «Говорят, у тебя пропал самоцвет?» «Да, почтенный», — ответил царь. «И что, его до сих пор не сыскали?» — снова спросил Ананда. «Нет, почтенный, всех, кто вхож во внутренние покои, я велел схватить и подвергнуть допросу с пристрастием, но так и не смог сыскать камень», — вздохнул царь. «Великий царь, — сказал тогда тхера, — есть одно средство вернуть камень, не допрашивая так много народа». «Какое же средство, почтенный?» — обрадовался царь. «Даяние, государь», — коротко ответил Ананда. «Что ты называешь даянием, почтенный, — спросил царь, — раздачу даров, имущества, милостыни или еще что?» «Великий царь, — сказал тхера. — Собери всех, кого подозреваешь, затем, призывая их к себе по одному, раздавай каждому по охатке соломы или по

комку глины и приказывай: «На рассвете возврати то, что тебе дали, и положи сюда». Тот, кто украл самоцвет, должно быть, спрячет его в солому или глину и так отнесет в условленное место. Ежели уже в первый день камень обнаружится в глине или соломе — прекрасно, а если же нет, придется проделать все это во второй и в третий день — так ты вернешь себе драгоценность, не мучая множество народу понапрасну». И, дав царю такой совет, тхера удалился.

Все три дня царь поступал по совету тхеры, но так и не нашел самоцвета. Через три дня опять явился во дворец тхера и спросил: «Ну что, великий царь, вернули тебе камень?» «Нет, почтенный,— ответил царь,— не вернули». «Тогда вот что, государь,— сказал тхера,— вели в укромном месте в большой приемной поставить высокий кувшин, наполненный водой, а перед ним ширму. Потом созови всех, кто имел доступ во внутренние покои: и мужчин, и женщин,— и распорядись так: «Пусть каждый из вас по очереди зайдет, скинув верхнее платье, за ширму, вымоет там руки и уйдет». И, научив так царя, тхера ушел.

Тот, кто украл камень, подумал тогда: «Взявшись за это дело, Хранитель дхаммы ни за что не отступится, пока не сыщет камень. Видно, придется его возвратить». Приняв такое решение, вор взял с собой припрятанный камень, зайдя за ширму, бросил его в кувшин с водой и вышел. Когда ушли все, подвергавшиеся испытанию, воду из кувшина вылили и на дне нашли драгоценный камень. Возликовал царь: «Благодаря тхере я получил самоцвет обратно, не подвергая чрезмерным мучениям множество людей». И все прислужники из внутренних покоев дворца тоже радовались сверх меры, говоря: «Ведь это тхера избавил нас от великих мук!»

Вскоре весть о том, что благодаря тхере царь сумел возвратить украденный из его короны драгоценный камень, разнеслась по всему городу. О величии тхеры узнали и в монашеской общине. Как-то раз, сойдясь в зале собраний, монахи говорили друг с другом о достоинствах тхеры. «Благо-

даря своим познаниям, мудрости и находчивости,— восхваляли они его,— благородный тхера Ананда придумал средство вернуть царю украденную драгоценность, не подвергая чрезмерным мучениям великое множество народу». Тут в залу вошел Учитель и спросил монахов: «О ком это вы, братия, здесь беседуете?» «О тхере Ананде, почтенный»,— ответили монахи и рассказали ему обо всем. «О бхиккху,— заметил тогда Учитель,— знайте, что не только ведь ныне и не один лишь Ананда смог вернуть то, что попало в чужие руки: и в прежние времена были мудрые, которым ведомо было средство, как, не подвергая мучительным допросам множество людей, вернуть то, что утащили животные». И он поведал монахам о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта, превзошедший все науки, искусства и ремесла, был советником царя. Однажды в сопровождении огромной свиты царь отправился в свои сады. Погуляв там под сенью деревьев, он вздумал искупаться и развлечься с женами и, сойдя к своей купальне, послал за дворцовыми женщинами. Вскоре пришли его жены и наложницы. Снимая с себя вместе с одеждами украшенные самоцветами гребни, золотые ожерелья и прочие драгоценности, они складывали все это в ларцы, которые держали в руках служанки, и спускались к воде. В ветвях одного из садовых деревьев пряталась обезьяна. Увидев, что царица сняла с себя украшения и платье и сложила все это в ларцы, обезьяна страстно захотела заполучить жемчужное ожерелье. Она стала дожидаться того мгновения, когда служанка утратит бдительность. Служанка же огляделась, уселась, продолжая внимательно наблюдать за ларцами, но вскорости задремала. Поняв, что настал благоприятный миг, обезьяна с быстротой ветра спрыгнула с дерева, нацепила себе на шею дорогое жемчужное ожерелье, так же поспешно вскарабкалась обратно и примостилась среди ветвей. Опасаясь, как бы другие обезьяны не увидели украшения, она

спрятала ожерелье в расщелину в стволе и как ни в чем не бывало смиренно уселась рядом и стала сторожить свое сокровище.

Служанка между тем пробудилась, заметила пропажу и в страхе не придумала ничего лучшего, как завопить во всю мочь: «Какой-то человек схватил жемчужное ожерелье царицы и скрылся!» Со всех сторон набежала стража и, узнав, в чем дело, доложила царю. «Схватить вора!» — повелел царь. С криком: «Схватить вора!» — царские слуги выбежали из сада и принялись рыскать в поисках похитителя. Испуганный этим шумом, какой-то деревенский малый, который как раз в это время приносил жертву своим богам, бросился наутек. Увидав его, слуги решили, что это и есть тот самый вор, кинулись за ним, поймали и начали его избивать, вопя: «Ах ты, паршивый вор! Узнаешь, как красть такие дорогие украшения!» Крестьянин подумал: «Если я сейчас стану отпираться, в живых мне не быть: меня забьют до смерти; лучше сознаться в краже». И он закричал: «Да, да, почтенные! Это я украл!»

Крестьянина связали и потащили на суд к царю. Когда царь спросил его: «Ты ли унес дорогое украшение?» — тот подтвердил: «Да, я, государь!» «Где же оно теперь?» — продолжал допрос царь. «Помилуй, государь, — взмолился крестьянин, — у меня никогда не было ничего дорогого, даже кровати или стула. Это торговец подучил меня украсть для него драгоценное украшение, ему я и отдал ожерелье — он знает, где оно». Царь велел привести к нему торговца. «Правда ли, что этот человек передал тебе драгоценное украшение?» — строго спросил торговца царь. «Да, государь», — ответил тот. «Где же оно?» — снова спросил царь. «Я отдал его жрецу», — молвил торговец. Царь велел привести жреца и стал допрашивать его о том же самом. Жрец тоже признался в краже и сказал, что отдал ожерелье музыканту. Привели музыканта. Царь спросил его: «Правда ли, что жрец вручил тебе драгоценное украшение?» «Правда, государь», — ответил музыкант. «Где же оно?» — воскликнул

царь. «В порыве страсти я подарил его красотке, торгующей собой»,— признался музыкант. Царь велел привести потаскуху и учинил ей допрос, но та твердила одно: «Ничего мне не давали!»

Покуда царь допрашивал этих пятерых, солнце село. Царь подумал: «Сейчас уже слишком поздно, завтра все узнаю»,— передал всех схваченных советникам и поехал назад в город. Бодхисатта же принялся размышлять: «Украшение пропало в самом дворце, а крестьянина здесь не было. У дворцовых ворот стояла грозная стража, поэтому никто из тех, кто был во дворце, не смог бы убежать с похищенным украшением. Стало быть, ни среди тех, кто во время кражи был вне дворца, ни среди находившихся в царском саду не найти истинного вора. Когда этот несчастный крестьянин признался, что он передал украшение торговцу, он, видимо, хотел просто выпутаться из этого дела. Когда торговец говорил, что отдал украденное жрецу, он полагал, что вместе им легче будет доказать правду. Утверждая, что передал драгоценность музыканту, жрец, должно быть, рассчитывал, что с музыкантом ему будет веселее сидеть в заточении. Музыкант же, признаваясь, что подарил ожерелье распутнице, вероятно, надеялся, что они станут предаваться в тюрьме любовным ласкам. Таким образом, все пятеро не имеют никакого отношения к краже. Между тем в царских садах полно обезьян; вполне возможно, что ожерелье украдено одной из них».

Придя к такому заключению, Бодхисатта отправился к царю и попросил его: «Государь, отдай всех воров мне — я сам займусь расследованием этого дела». «Хорошо, мудрейший, займись»,— обрадовался царь и велел всех задержанных передать Бодхисатте. Бодхисатта призвал к себе своих верных слуг и наказал им: «Отведите этих пятерых в такое место, где они будут вместе. Тщательно охраняйте их и постарайтесь подслушать, о чем они станут говорить друг с другом, а потом доложите мне обо всем». Слуги выполнили все, как он велел. Когда задержанные уселись, торговец сказал крестьянину: «Ах ты, паршивец! Ведь мы с то-

бой за всю жизнь не обменялись ни словом. Как же ты мог передать мне украшение?» «Господин мой, великий торговец,— ответил крестьянин,— у меня отроду не было ничего ценного, даже кровати или деревянного стула и тех не было. И вот в надежде, что благодаря тебе я сумею спастись, я и сказал так. Не гневайся же на меня, господин!» Жрец, в свою очередь, сказал: «Послушай, великий торговец, как же ты мог передать мне то, чего этот парень не давал тебе?» «Я сказал так,— признался торговец,— ибо думал, что если два столь могущественных человека объединят свои усилия, то оправдаться будет нетрудно!» Тогда и музыкант обратился к жрецу: «Послушай, брахман, когда это ты мне передал украшение?» «Я солгал в надежде славно провести с тобой время в заточении»,— ответил жрец. Наконец, и распутница стала спрашивать музыканта: «Эй, ты, дрянной музыкантик! Скажи-ка, когда это я к тебе приходила, или же когда ты приходил ко мне, и когда это ты мог передать мне украшение?» «Ну, что ты сердишься, милая? — ответил музыкант. — Я только подумал, что мы все пятеро заживем как у себя дома, и уж конечно, если жить в тюрьме, то лучше жить в довольстве и веселье, наслаждаясь любовью. Поэтому то я и сказал так».

Когда верные слуги пересказали Бодхисатте все, что говорили между собой заключенные, он окончательно уверился в их невиновности. «Несомненно, украшение утащила обезьяна,— думал он,— надо изыскать средство заставить ее вернуть украденное». Он приказал изготовить из стеклянных шариков множество украшений, потом наловить в царском саду обезьян, надеть эти украшения им на руки, на ноги и на шеи и отпустить. Все это время обезьяна-воровка так и сидела в саду, охраняя сокровище. Бодхисатта наказал дворцовым слугам: «Ступайте и внимательно смотрите за всеми обезьянами, которые бегают по саду. Если увидите на какой-нибудь жемчужное ожерелье, напугайте ее и заставьте бросить это украшение».

Выпущенные в сад обезьяны, крича: «И у нас

теперь есть украшения!», радостные и довольные, принялись бегать по саду. Завидев свою товарку, похитившую жемчужное ожерелье, они похвастались: «Глянь-ка, какие у нас украшения!» Не в силах более сдерживаться, воровка воскликнула: «Подумаешь, украшения — из стеклянных шариков!» — надела на себя ожерелье и спустилась вниз. Дворцовые слуги тотчас заметили ее, заставили бросить украшение и, подобрав его, отнесли Бодхисатте. Тот пошел к царю и, показав ему ожерелье, молвил: «Вот, государь, твое украшение. Те пятеро — вовсе не воры, украшение утащила живущая в саду обезьяна». «Как это тебе, мудрейший, удалось узнать, что ожерелье унесла обезьяна, и как ты получил его обратно?» — любопытствовал царь. Советник рассказал ему обо всем, и восхищенный владыка воскликнул: «Воистину, героев нужно искать на поле брани!» И, желая воздать хвалу Бодхисатте, он спел тогда такой стих:

В бою взыскуют мужества, как небо беспредельного.
В пиру — себе застольника, в беде — совета дельного.

Воздав должное достоинствам Бодхисатты и воспев ему славу, царь щедро осыпал его драгоценностями семи видов — будто грозовая туча пролилась на землю обильным ливнем. Всю остальную жизнь царь прожил, следуя советам Бодхисатты, раздавал милостыню и творил иные добрые дела, а с концом отпущенного ему срока перешел в иное рождение в соответствии с накопленными заслугами».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель снова восславил добродетели тхеры, а затем истолковал джатаку. «В ту пору, — молвил он, — царем был Ананда, мудрым же царским советником — я сам».

Джатака о доверии к еде (93)

С восклицания: «Не доверяй тому, кому не веришь...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал разговор о том, что не следует есть что попало, без разбору.

В те времена большинство бхиккху рассуждало так: «Нам подают матери, отцы, братья, сестры, дяди и тети по матери и по отцу: они же кормили и поили нас, когда мы жили в миру. Пусть подают и теперь!» И ко всему, что им приносили родственники, будь то еда, одежда, лекарства или что-нибудь иное, относились они с полным доверием и пользовались всем без малейшей осторожности. Узнав об этом, Учитель счел нужным преподать этим монахам урок дхаммы. Созвал их и обратился к ним с такою речью: «Братия, с кем бы вы ни имели дело — с родственниками или не родственниками, при удовлетворении четырех главных монашеских потребностей: в еде, одежде, ночлеге и лекарствах — вы должны проявлять осторожность и проверять все, что вам дают, прежде чем пользоваться. Бхиккху, который будет пользоваться чем-нибудь, не рассмотрев тщательно поданного ему, с истечением отведенного ему срока неминуемо возродится в облике яккхи или бездомного духа. Поэтому есть что попало — все равно что поглощать яд, а ведь яд убивает, кто бы его ни дал: человек, заслуживающий доверия, или же такой, какому вовсе нельзя доверять. И в старое время случалось уже так, что доверившиеся дающему отравлялись и умирали в мучениях». И, в пояснение сказанного, Учитель поведал монахам о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил на земле в облике торговца и обладал несметными богатствами. И был у него в услужении пастух. Когда хлеба начинали поспевать, пастух этот отгонял коров в лес и там, соорудив для них загон, жил, пас и охранял свое стадо. Время от времени он доставлял торговцу из лесу молоко, масло, сливки и прочее. Неподалеку от загона было логово льва, соседство со львом постоянно наводило на коров страх, они тощали и давали малые удои.

Однажды, когда пастух явился к торговцу с топленным маслом, тот спросил его: «Послушай-ка, почтенный пастух, а что это масла так мало?» Пастух рассказал ему, в чем дело. «Вот что,

почтенный,— сказал торговец,— а нет ли у этого льва особой привязанности к кому-нибудь?» «Конечно, есть, господин,— воскликнул пастух. — Этот лев питает особую привязанность к своей львице!» «А не можешь ли ты изловить эту львицу?»— вновь спросил торговец. «Могу, господин»,— ответил пастух. «Тогда сделай так,— посоветовал торговец,— поймай самку и вотри ей в шкуру по всему телу, от морды и до кончика хвоста, яд; втирай яд несколько раз, с небольшими перерывами, чтобы шкура обсыхала. Подержи после этого у себя львицу дня два-три, а потом выпусти. В избытке нежных чувств лев облизнет шкуру самки и погибнет. Сдери со льва шкуру, вырви у него клыки, обрежь когти, набери львиного жира и приходи со всем этим ко мне». С этим советом торговец дал пастуху сильного яда и простился с ним.

Пастух расставил сети, поймал львицу и проделал все, что ему советовал торговец. Когда лев снова увиделся со львицей, он в порыве нежности принялся облизывать ее с головы до ног и умер в мучениях. Пастух же забрал шкуру и все остальное и явился к торговцу. Узнав о гибели льва, тот молвил: «Вот вам урок. Не следует питать нежных чувств к другим: даже такой могучий зверь, как лев, царь животных, погиб в страшных мучениях, потому что, обуянный страстью, стремился к близости со львицей и, облизывая ее тело, отравился». И, желая наставить собравшихся в дхамме, Бодхисатта спел по этому случаю такой стих:

Не доверяй тому, кому не веришь,
и даже если веришь, верь едва!
Доверчивость весьма опасна: помни,
любовь к подруге погубила льва.

Так, наставляя в дхамме всех, кто его окружал, щедро подавая милостыню и творя иные добрые дела, Бодхисатта жил до самой смерти, а с истечением отпущенного ему срока перешел в другое рождение в согласии с накопленными заслугами».

И, завершая свой урок дхаммы, Учитель истолковал джатаку. «В ту пору торговцем,— молвил он,— был я сам».

Джатака *о великом Судассане (95)*

Словами: «Все, что на части делимо, бренно...» — лежавший на смертном одре Учитель ответил на мольбу тхеры Ананды: «О Всеблагой, только не в этом ничтожном городишке!»

«Когда я еще жил в Джетаване и был известен как Татхагата, — размышлял Учитель, — великий тхера Сарипутта, родившийся в деревне Нала, ушел в ниббану. Случилось это в Вараке в день полнолуния месяца каттика. В том же месяце каттика, в день, когда луна была на ущербе, скончался великий Моггалана! Обоих моих лучших учеников уже нет в живых, и я тоже удалюсь в ниббану в Кусинаре!» В подобных размышлениях он отправился вскоре в очередное благочестивое странствие. Придя за подаянием в Кусинару, Учитель лег на топчан, что стоял изголовьем к северу, под двумя сросшимися саловыми деревьями, и уже более не вставал. И сказал Учителю почтенный тхера Ананда: «Только не здесь, достойнейший: не уходи, Пробужденный, в ниббану в этом ничтожном крохотном городишке, всеми позабытом и позаброшенном. Пусть, Всеблагой, твой уход в ниббану произойдет где-нибудь еще, в большом городе — таком, как Раджагаха, или ином». В ответ на мольбы тхеры Ананды Учитель молвил: «О Ананда! Не называй этот город «ничтожным, всеми позабытым и позаброшенным, крохотным городишком», ибо в прежние времена, когда на престоле восседал повелитель всей земли царь Судассана, я жил в этом городе, и был он в ту пору огромным. Окружавшая его стена из самоцветов достигала двенадцати йоджан протяженностью». И, уступая просьбам тхеры, Учитель поведал ему о том, что было в прошлой жизни, и изложил сутту о великом царе Судассане.

«Во времена стародавние случилось так, что великий царь Судассана вышел из своего дворца дхаммы, подошел к находившемуся вблизи пруду, поросшему тростником, и прилег на поставленное для него на берегу ложе из золота и серебра,

изукрашенное драгоценными камнями. Он лег на правый бок, и более уже не суждено ему было подняться с этого ложа. И, видя его там, царица Субхадда молвила: «Под твоей властью, государь, восемьдесят четыре тысячи городов, начиная с главного — столицы твоей Кусавáти,— наслаждайся же владычеством над ними». Но сказал в ответ царь Судассана: «Не говори так, государыня. Лучше утешь меня таким советом: «Откажись от мирских притязаний и отринь суетность». И спросила царица Субхадда: «Почему так говоришь, государь?» И ответил ей Судассана: «Потому, что сегодня я покончу счеты с жизнью».

Поминутно вытирая полные слез глаза, царица Субхадда кое-как пролепетала слова утешения, о которых просил ее царь, а после зарыдала в голос и запричитала, а вместе с ней зарыдали и заголосили все остальные восемьдесят четыре тысячи царских жен. Заплакали советники и все придворные — никто не мог удержаться от слез, слышались только всеобщие рыдания. Но Бодхисатта, который был тогда царем Судассаной, попросил: «Полно! Перестаньте шуметь!» — и, когда все утихло, сказал, обращаясь к царице: «Не плачь же, государыня, не рыдай. Ибо все, что состоит из частей,— вплоть до самого крохотного кунжутного семечка,— бrenно в этом мире, удел же всего преходящего — разрушение». И, желая наставить царицу в дхамме, он спел ей такой стих:

Все, что на части делимо, бrenно,
не миновать ему распада, тлена.
Явившись, исчезает непременно!
Успокоенье — ты одно бесценно!

В преддверии великого спокойствия, сопутствующего окончательному и вечному Исходу, царь Судассана наставил все огромное скопление народа, сказав: «Будьте щедры в даяниях, свято храните нравственные заветы и неукоснительно блюдите посты!» И, дав такой совет своим подданным, великий царь Судассана подготовил себя к возрождению в мире богов».

Заканчивая урок дхаммы, Учитель так истолковал джатаку: «Царицей Субхаддой в ту пору была мать Рахулы, старшим сыном царя — сам Рахула, придворными — ученики Пробужденного, великим же царем Судассаной был я сам».

Джатака о чаше, полной масла (96)

Словами: «Как чашу, маслом полную, проносят...» — Учитель — он жил тогда в роще недалеко от деревни Десаки, что в царстве Сумбха, — начал свой рассказ, связанный с суттой о деревенской красавице.

Сказал Всеблагий монахам: «Вообразите себе, братия, огромную толпу народу, вопящую: «Смотрите: деревенская красавица идет! Деревенская красавица!» Подбегают все новые и новые люди и, вторя толпе, поют сладчайшие хвалы этой деревенской красавице. «Ах, как замечательно она танцует и поет!» — громко кричат они, и на их крики собирается еще большая толпа. Представьте себе, братия, что приходит некий мужчина, любящий жизнь и ненавидящий смерть, стремящийся к наслаждениям и отвергающий страдание, и ему говорят: «Вот тебе, приятель, чаша, до самых краев полная маслом. Ты должен пройти с ней через все это великое скопление народа, мимо деревенской красавицы. За тобой по пятам будет идти человек с обнаженным мечом в руке, и, если хоть капелька выплеснется из чаши, он тотчас же снесет тебе голову с плеч». Как вы, братия, думаете: будет ли этот мужчина неосмотрителем, или же он осторожно понесет эту полную масла чашу?» — спросил Учитель. «Разумеется, он будет соблюдать осторожность, почтенный», — ответили ему монахи. «Так вот, братия, — молвил Учитель, — я вам привел наглядный пример, чтобы вы как следует уразумели то, что я вам хочу сказать. Суть, братия, вот в чем: чаша, до краев наполнен-

ная маслом, олицетворяет сосредоточенность сознания на том, что тело — только собрание частей, и, как все, состоящее из частей, оно — бrenно. А из этого следует, братия, что у живущего в этом мире все мысли должны сосредоточиться на таком представлении о теле. К этому нужно стремиться неукоснительно. Об этом должно вам помнить, братия». Учитель научил монахов сутте о деревенской красавице, истолковал и букву, и дух ее, а покончив с суттой и пояснениями к ней, добавил: «Бхиккху, который стремится к такой сосредоточенности, должен быть столь же осторожен, как человек, несущий в руках чашу с маслом. Чашу следует нести бережно, не выплескивая ни капли,— так и бхиккху пусть должным образом сосредоточит мысли свои, не расплескивая их в суетности».

Выслушав преподанную сутту и ее истолкование, монахи сказали Учителю: «А все-таки, почтенный, трудно исполнимое дело совершил бы мужчина, который с чашей в руках прошел бы мимо обольстительной деревенской красавицы, не взглянув на нее хоть краешком глаза». «Нет, братия,— возразил им Учитель. — Это вовсе не трудно исполнимое дело, скорее легкое, потому что мужчина, несущий чашу, шел бы, гонимый страхом перед человеком с обнаженным мечом в руке. Вот в прежние времена мудрые и впрямь совершили трудно исполнимое дело. С тщанием поддерживая сосредоточенность духа, они всецело обуздали чувства, обычно властвующие над духом, и, сумев избежать чар дивной красавицы, обрели в награду царство». Поясняя свою мысль, Учитель поведал о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта явился на свет младшим из ста царских сыновей и по прошествии положенного числа лет достиг зрелости. В ту пору при царском дворце кормились несколько Паччека будд, и Бодхисатта всегда был рад услужить им. Как-то раз Бодхисатта подумал: «У меня много братьев. Займу ли я когда-нибудь трон, принадлежащий нашему роду, в этом самом городе или

нет?» И решил: «Спрошу-ка я Паччека будды все у них узнаю». На следующий день во дворец явились Паччека будды. Бодхисатта, надлежаще приветствовав их, нацедил воды в кувшин, вымыл и насухо вытер ноги Паччека буддам и сел вместе с ними за трапезу. Когда все насытились, Бодхисатта, оставаясь чуть поодаль от Паччека будд, почтительно поклонился им и заговорил о своем деле. И вот что ответили ему Паччека будды: «В этом городе, царевич, тебе не царствовать. За двадцать сотен йоджан отсюда, в стране Гандхара, есть город Таккасила, там ты и воссядешь на трон, если сможешь добраться туда за семь дней. Дорога туда проходит через большой лес, опасный для путников. Если обходить его кругом — выйдет целая сотня йоджан, а идти напрямик через лес — всего пятьдесят йоджан. Лес этот называется Лесом Демонов. Живут там яккхини. Своей чародейской силой они создают у дороги волшебные деревни с постоянными дворами. Под навесами из пестрой ткани, затканной золотыми звездами, яккхини ставят изукрашенные драгоценными камнями лежа с откинутыми пологам дивных расцветок. И, надев на себя украшения, достойные небожительниц, из таких постоянных дворов они сладкими речами заывают прохожих. «Ты очень устал, — говорят они путнику, — зайди же сюда, присядь ненадолго, испей воды, а потом пойдешь дальше». Всех, кто поддался на их уговоры, они усаживают на ложе рядом с собой и неотразимой своей красотой и чарами разжигают в них желание. Лишь только эти несчастные, терзаемые страстью, соединяются с яккхини, те умерщвляют их и, пока еще хлещет теплая кровь, пожирают. Истинное чувство красоты у человека они стараются заглушить своей прельстительностью, своими чарами, целиком заполняют слух его своими сладкозвучными песнями и речами; прельщают обоняние дивным благоуханием, вкус услаждают божественно вкусными кушаньями, а осязание подавляют необыкновенной мягкости ложами и пуховыми подушками кроваво-красного цвета. Если же, обуздав чувства и укрепясь духом, ты сумеешь миновать соблазни-

тельниц, даже не посмотришь в их сторону, то на седьмой день воссядешь на престол в городе Таккасиле». «Полно, почтенные! — воскликнул Бодхисатта. — Неужто я буду глядеть на яккхини после ваших предостережений?» Он попросил Паччека будды благословить его и дать ему какой-нибудь оберег от опасности. Паччека будды произнесли заклятие и дали ему нить и горсть песку. Сердечно простясь с ними, а также с отцом и матерью, Бодхисатта направился в свои покои, чтобы предупредить близких. «Я, — сказал он им, — иду в Таккасилу, чтобы стать там царем; вы же оставайтесь тут». Пятеро из его близких, однако, сказали: «И мы тоже пойдем с тобой». «Нет, — ответил им Бодхисатта, — вам нельзя идти со мной: говорят, что в лесу на полпути в Таккасилу водятся яккхини. Они обольщают своей красотой всех проходящих; заполнив их чувства, распаляют в них вожделение, а затем губят. Опасность велика, но я все-таки пойду, потому что полагаюсь на себя». «Неужто, если пойдем с тобой, мы позволим обольстить себя красотой, господин? — настаивали они. — Да мы на них и не глянем. Возьми же нас с собой в Таккасилу». «Ну ладно, — согласился Бодхисатта. — Только будьте осторожны!» И, взяв с собою всех пятерых, он выступил в путь.

И вот они уже достигли леса, где в волшебных деревьях под навесами сидели яккхини, завлекая прохожих. Один из спутников Бодхисатты — тот, чей взор неизменно прельщался прекрасным, — все-таки глянул в сторону одной яккхини. Ее красота возбудила в нем неодолимое влечение, и он стал понемногу отставать. «Что это ты, приятель, отстаешь?» — спросил Бодхисатта. «Ноги у меня болят, царевич, — пожаловался тот. — Я зайду ненадолго под навес, посижу там и догоню вас». «Друг мой, — сказал ему Бодхисатта, — эти красотки — яккхини, не позволяй же себе увлечься ими». «Пусть будет, что будет, царевич, — ответил его спутник, — только мочи моей нет». «Скоро ты поймешь свое заблуждение», — заметил Бодхисатта, и они пошли дальше, уже вчетвером. А его спутник, падкий на

красоту, поспешил к яккхини, и лишь только одна из них позволила ему совокупиться с нею, как тотчас же лишила его жизни.

Сразу после этого все яккхини, опередив путников, силою колдовства возвели у дороги новый навес и уселись там, распевая песни и играя на музыкальных инструментах. На этот раз от Бодхисатты отстал тот из спутников, чей слух всегда прельщался звуками музыки. Яккхини съели и его, вновь забежали вперед путников, оборотились торговками и уселись у дороги, поставив перед собой плетеные корзины с всевозможными ароматными снадобьями и благовониями. И тот, чье обоняние не могло устоять перед дивными ароматами, отстал и тоже был съеден. Яккхини снова бросились вперед и возвели на обочине лавку со съестными припасами, эту лавку они наполнили сосудами с дивными яствами, способными удовлетворить любой вкус. Сами же уселись около этой лавки. В этот раз отстал тот, кто привык услаждать свой вкус чревоугодничеством. Яккхини съели и его. Покончив с ним, они снова кинулись вперед и улеглись на ложах необыкновенной мягкости. Последний из спутников, который очень любил доставлять приятное ощущение своей коже, отстал и также был съеден. Бодхисатта остался в одиночестве.

«Этот человек на диво стоек,— подумала одна из яккхини. — Все же я не отступлюсь, пока его не съем». Приняв такое решение, она пошла следом за Бодхисаттой. В дальней части леса им повстречались лесорубы и другие люди, работавшие в лесу. Увидав яккхини, они спросили у нее: «Кто этот мужчина, который идет впереди тебя?» «Мой муж»,— ответила яккхини. «Послушай, приятель,— сказали лесорубы Бодхисатте,— жена у тебя — красавица. У нее такой нежный золотистый цвет кожи, и она похожа на цветок. Ради тебя она покинула отчий дом и доверчиво последовала за тобой. Бедная притомилась в пути. Почему же ты не возьмешь ее за руку и не пойдешь с ней вместе?» «Никакая она мне не жена»,— ответил им Бодхисатта,— она — яккхини и вместе с другими только что съе-

ла пятерых моих спутников». «Вот, добрые люди,— вскричала яккхини,— чуть ссора — и разгневанные мужья уже называют своих жен «яккхини» и «злыми духами»!»

Пошли они дальше. Яккхини приняла вначале облик беременной женщины. Затем разрешилась от бремени и следовала за Бодхисаттой уже с ребенком на руках. И все встречные задавали тот же вопрос, что и лесорубы, и Бодхисатта твердо отвечал им одно и то же. Он уже достиг Таккасилы, а яккхини все шла за ним, только уже одна, без младенца, который исчез так же таинственно, как и появился. Бодхисатта, миновав городские ворота, остановился на постоялом дворе для паломников. Не в силах преодолеть святость Бодхисатты и не смея войти внутрь, яккхини осталась стоять у входа на постоялый двор, приняв обличье дивно прекрасной женщины.

Как раз в это самое время мимо, направляясь в свои сады, проезжал царь Таккасилы. Увидев яккхини, он тотчас же пленился ее красотой и, подождав слугу, велел ему: «Ступай, узнай, замужем ли она или безмужняя». Слуга пошел к яккхини и спросил ее, замужем ли она. «Да, господин,— ответила яккхини,— мой муж здесь, на постоялом дворе». Услыхав это, Бодхисатта вышел и сказал: «Никакая она мне не жена, она — яккхини и вместе с другими съела пятерых моих спутников». «Ох уж эти мужчины,— закричала яккхини,— чего только они не наговорят в гнев!» Слуга пошел обратно к царю и передал ему все, что сказали эти двое. «Все, что не имеет хозяина, принадлежит государю», — сказал царь, велел привести яккхини и распорядился усадить ее позади себя на спину слона. Торжественно объехав город кругом, царь воротился во дворец и приказал поместить яккхини в покоях, предназначенных для старшей жены царя.

Вечером царь искупался, умастил свое тело и, совершив трапезу, возлег на пышное ложе. Яккхини тоже отведала изысканных блюд, приделалась и приукрасилась и, явившись к царю, легла с ним ря-

дом. Когда царь утолил свою страсть и в полном блаженстве погрузился было в дремоту, яккхини отодвинулась от него и, повернувшись на бок, принялась горько плакать. «Чего ты рыдаешь, милая?» — спросил царь. «Государь, — ответила яккхини, — ты увидел меня на проезжей дороге и взял во дворец. В доме твоём множество женщин, все они мои соперницы и все пристают ко мне, несчастной, с расспросами: «Кому ведомо, кто твои мать и отец и какого ты роду-племени? Тебя подобрали на обочине дороги», — говорят они. Я чувствую себя глубоко униженной. Вот если бы ты, государь, благоволил дать мне власть над всем царством и право казнить и миловать подданных, тогда бы уже никто не посмел мучить и терзать меня такими разговорами». «Но, милая, — ответил царь, — я не властен над всеми, кто живет в моем царстве: я повелеваю не ими, а лишь теми, кто восстает против моей царской власти или же делает что-нибудь недозволенное. Остальным я никакой не повелитель, а потому и не могу предоставить тебе власть надо всем царством и право казнить и миловать подданных». «Ну хорошо, государь, — продолжала упрасивать его яккхини, — коли не желаешь дать мне власть надо всем царством или над городом, передай мне бразды правления хотя бы во дворце, чтобы я могла распоряжаться всеми, кто вхож во внутренние покои». Ощущая прикосновение божественно прекрасного тела, царь не смог ей перечить и согласился, сказав: «Ладно, милая, я даю тебе право распоряжаться всеми, кто вхож во внутренние покои, ты можешь их всех подчинить теперь себе».

«Превосходно!» — воскликнула яккхини. Дождавшись, когда царь уснет, она отправилась в город яккхов. Воротясь оттуда с целым полчищем, она лишила жизни самого царя, пожрав кожу, мышцы и мясо, выпив кровь и оставив одни лишь кости. А все остальные яккхи, проникнув во дворец через главные ворота, сожрали все, что было живого — вплоть до кур и собак, также оставив одни только кости. Когда наутро люди увидели, что дворцовые ворота все еще закрыты, они принялись громко кри-

чать и колотить в двери. Видя, что двери не открываются, они взломали их, вошли внутрь и увидели, что весь дворец полон костей. «А ведь тот человек, который утверждал, что это не жена его, а яккхини, говорил сущую правду,— подумали горожане. — Царь не поверил ему, ввел эту яккхини в свой дом и сделал ее женой, а она, видимо, призвала остальных яккхов, они сожрали все, что было живого, и убежали прочь».

В ту самую пору Бодхисатта был на постоянном дворе. Посыпав свою голову песком, который ему дали Паччека будды, и перевязав волосы заговоренной нитью, он, с мечом в руках, дожидался рассвета. Горожане вымыли и вычистили весь дворец, украсили его зелеными листьями лотоса, обрызгали все покои духами, воскурили везде благовония, разбросали цветы, поставили букеты и развесили по стенам венки и гирлянды. Сделав все это, они посоветовались между собой и единодушно решили: «Этот человек так хорошо управляет своими чувствами, что даже ни разу не взглянул на яккхини, которая шла за ним следом в обличье божественно прекрасной женщины, этот человек, несомненно, являет верх благородства, он наделен высшей стойкостью и мудростью. Если назначить его правителем, то во всем царстве водворится всеобщее благополучие и счастье. Давайте же поставим его царем над собой!» И вот все придворные и простые горожане в едином порыве явились к Бодхисатте и стали его просить: «Будь же, господин, царем над нами». Они повели его в город, нарядили в усыпанные драгоценными камнями одежды, помазали и возвели на престол Таккасилы. И он правил царством в согласии с дхаммой, избегая четырех ложных путей и придерживаясь десяти царских заповедей справедливости, щедро раздавая подавание и творя иные добрые дела, а когда истек его срок, перешел в иное рождение в полном соответствии с накопленными заслугами».

В заключение своего повествования о прошлом, Учитель,— он стал теперь уже Пробужденным,— спел слушателям такой стих:

Как чашу, маслом полную, проносят,
ни капли не пролив, в часы даяний,
Так, укрепляя верой мысль и сердце,
душой пусть устремляются к ниббанае!

Разъяснив монахам, что именно ниббана является высочайшей вершиной на пути дхаммы, Учитель истолковал джатаку, сказав: «В ту пору приближенными царя были приближенные Пробужденного; царевичем же, который стал царем,— я сам».

Джатака о вере в имена (97)

Словами: «Живого увидав умершим...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о бхиккху, который верил в то, что имя определяет судьбу.

Рассказывают, что некий юноша из хорошей семьи, которого звали «Папака» — «Полный скверны», обратился сердцем к истинному вероучению и принял монашество. Слыша, что монахи то и дело окликают его: «Подойди-ка, почтенный Папака», или же: «Постой-ка, почтенный Папака», — стал он думать: «Ведь в миру «папака» означает «полный скверны», так называют тех, кто впал в скверну еще в прежних существованиях, тех, кто приносит несчастье и сам несчастлив. Попрошу-ка я, чтобы меня нарекли другим, благостным именем, предвещающим счастье». Папака отправился к своим учителям и наставникам и стал их просить: «Достопочтенные, у меня дурное имя, назовите меня по-другому». Те, однако, ответили ему: «Любезный, да ведь имя — всего лишь отличительная метка. Неверно думать, будто бы оно может предвещать успех или осуществление надежд. Довольствуйся же тем именем, что у тебя есть». Однако бхиккху снова и снова обращался к ним все с той же просьбой, пока, наконец, всей общине не стало известно, что он верит, будто имя определяет судьбу.

И вот однажды, сойдясь в зале собраний, монахи сидели и рассуждали между собой о поведении это-

го бхиккху. «Почтенные,— говорили они,— такой-то бхиккху полагает, будто имена определяют судьбу, и просит, чтобы ему дозволили называться новым, благостным именем». В эту самую минуту в залу вошел Учитель и спросил их: «О ком это вы, братья, тут беседуете?» «Да вот о таком-то»,— ответили ему монахи. «О бхиккху,— сказал тогда Учитель. — Не только ведь ныне, но и в прежние времена уже этот человек веровал в значенье имен»,— и он поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние Бодхисатта был всемирно прославленным наставником в Таккасиле и учил истинной мудрости пятьсот юных учеников. Среди этих учеников был один по имени Папака, который, слыша, как все обращаются к нему: «Эй, Папака!»— или: «Ступай, Папака!»— решил, что имя у него плохое, ибо предвещает несчастье, и что надобно ему просить себе другого имени. Отправясь к наставнику, он объяснил, что считает имя дурным, и просил наставника назвать его по-другому. И ответил ему наставник: «Вот что, любезный! Ступай-ка, походи по стране, собирая подаяние. Когда наконец найдешь имя, которое тебе понравится и которое, по-твоему, сулит благо, возвращайся назад. Как только ты придешь обратно, я велю изменить твое имя, нареку тебя иначе». Ученик согласился, взял с собою все необходимое для странствия и отправился в путь.

Переходя из деревни в деревню, Папака добрался наконец до города, где только что умер человек по имени Дживака — «Живой». Видя процессию родственников, которая направлялась с телом покойного к месту сожжения, Папака спросил у них: «Как звали умершего?» «Дживака»,— ответили ему,— «Разве Дживака может умереть?» — удивился Папака. «И Дживака смертен, и Адживака — «Неживой» — тоже смертен, ибо имя ведь только отличительная мета,— ответили ему родственники с раздражением и добавили: — А ты, видно, дурак набитый». Выслушав их, юноша пошел дальше по

городу, так и не приняв никакого решения об имени.

У ворот одного из домов хозяева секли плетью распутную девку по имени Дханапáli — «Богачка», за то, что та не хотела отдать им деньги за свое содержание. Проходя по улице, Папака увидел, как бьют распутницу, и спросил у прохожих: «За что ее так?» «А за то, — отвечали ему, — что она не может уплатить за постой». «А как ее зовут?» — полюбопытствовал юноша. «Дханапали», — сказали ему. «Неужели же «Богачка» неспособна отдать хозяевам плату?» — удивился Папака. «И Дханапали — «Богачка», и Адханапáli — «Бедная» — обе могут оказаться без денег, — рассерженно ответили Папаке. — Ведь имя — всего лишь отличительная мета». И добавили: «А ты, видно, дурак набитый!»

После этого разговора Папака стал меньше стыдиться собственного имени. Покинув город, он вышел на большую дорогу и зашагал по ней. Вскоре он увидел у обочины человека, сбившегося с пути. «Что ты тут торчишь?» — окликнул он его. «Я сбился с дороги, господин», — ответил путник. «А как тебя зовут?» — полюбопытствовал Папака. «Пáнтхака — «Вожатый», — отозвался тот. «Пантхака? — удивился юноша. — И Пантхака мог заблудиться?» «Что ж, — недовольно буркнул путник, — Пантхака — Вожатый, и Апáнтхака — «Не ведающий пути» — оба могут заблудиться. Ведь имя — всего лишь отличительная мета». И он добавил: «А ты, как я погляжу, глуп, братец!»

И вот, окончательно примиренный с собственным именем, юноша воротился к Бодхисатте. «Ну как, любезный, — спросил его наставник, — избрал ли ты себе какое-нибудь имя?» «Учитель, — отвечал ему юноша, — я понял, что люди по имени Дживака умирают точно так же, как и те, которые зовутся Адживака; что нищими могут быть и Дханапали и Адханапали, что, наконец, и те, кто носит имя Пантхака, как и те, кто зовется Апантхака, вполне могут сбиться с дороги. Воистину, имя только различительная мета, и не именем определяется человеческая судьба, а поступками — и только ими. Я не

хочу никакого другого имени, пусть остается преж-
нее». И Бодхисатта, подводя итог всему, что юноша
видел и сделал, спел тогда такой стих:

Живого увидав умершим, Богачку — в нищете безмерной,
Вожатого — бродящим в дебрях,— остался Папакою
Скверный».

Завершая свой рассказ о прошлом, Учитель до-
бавил: «Так что, бхиккху, не только ныне, но и в
прежнем своем существовании этот монах верил,
что имя определяет судьбу». И он так истолковал
джатаку: «В ту пору юношей, который верил в зна-
чение имен, был наш бхиккху, который и сейчас по-
лон тех же предрассудков; учениками наставника
были ученики Пробужденного; наставником же —
я сам».

Джатака о торговце-мошеннике (98)

С восклицания: «И впрямь премудр зовущийся
«Премудрым»...» — Учитель — он жил тогда в Дже-
таване — начал рассказ о торговце-мошеннике.

Жили в Саваттхи два человека, которые занима-
лись торговлей: погрузив на повозки товары, они
отправлялись вместе торговать по деревням, а потом
с вырученными деньгами возвращались домой. И вот
что однажды надумал один из них, человек бесчест-
ный: «Много дней мой товарищ терпел тяжкие му-
чения: питался кое-как и спал где придется; сейчас
он дома и объедается изысканными блюдами с раз-
нообразными вкусными приправами. Несварение
желудка наверняка приведет его к смерти. А пока
я поделю всю нашу прибыль на три части: одну
часть отдам его наследникам, две части возьму
себе». Так думал этот нечестный торговец, однако не
спешил делить прибыль и все убеждал своего това-
рища подождать, каждый день говоря: «Завтра раз-
делим, завтра».

Другой торговец хорошо все понимал и, видя,
что попытки поторопить товарища и побудить его

к дележу тщетны, отправился в монастырь и почтительно припал к стопам Учителя, который оказал ему ласковый прием. «Что-то ты слишком долго не появлялся? — сказал Учитель. — Прошло так много времени с тех пор, как ты приходил навестить нас в последний раз». Торговец рассказал обо всем Всеблаговому. Выслушав его, Учитель молвил: «Не только ведь ныне этот мирянин мошенничает в торговле: он и в прежние времена был нечестным торговцем и, точно так же как теперь старается провести тебя, тогда тоже дерзко пытался водить за нос мудрых». И по просьбе честного торговца Учитель поведал ему о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта появился на свет в семье бенаресского торговца и в день наречения был назван Пандитом, то бишь «Мудрым». Когда он вырос, то вступил в долю с одним торговцем по имени Атипандит, то есть «Высокомудрый», и занялись они своим делом вместе: загрузили в Бенаресе пятьсот подвод товарами и отправились торговать по деревням, а распродав все и нажив много денег, вернулись в Бенарес. Когда наконец они приступили к дележу прибыли, Атипандит заявил: «Ты просто «Мудрый», а я «Высокомудрый», мудрому полагается одна часть, а высокомудрому — две части». «Но ведь мы одинаково потратились и на товары, и на быков и повозки, и на все прочее? — возразил Пандит. — Почему же ты должен получить вдвое больше, чем я?» «Просто потому, что я — «Высокомудрый», — твердил Атипандит. И так они препирались все ожесточеннее, покуда совсем не рассорились.

«Ладно, — подумал Атипандит, — есть одно хорошее средство». Он решил поступить так: попросил своего отца спрятаться в большом дунле дерева, сказав ему: «Когда мы оба явимся сюда, крикни: «Атипандит должен получить две части!» Потом Атипандит отправился к Бодхисатте. «Послушай, любезный, — сказал он ему, — о том, что мне по праву причитаются две части, наверняка знает божество, обитающее вон в том дереве. Пойдем же,

спросим у него». Он подвел Бодхисатту к дереву и воззвал к духу дерева: «Сделай милость: рассуди нас!» Отец Атипандита ответил из дупла не своим голосом: «Расскажите, в чем дело!» «Да вот, почтенный,— стали объяснять оба,— одного из нас кличут Пандитом, а другого — Атипандитом; мы торговали вдвоем; как нам теперь поделить между собой прибыль?» «Пандиту — одну часть, а Атипандиту — две части», — тотчас же отозвалось дерево. Услыхав такое решение, Бодхисатта сказал себе: «Сейчас я узнаю, божество ли это говорило или кто-либо другой». С этой мыслью он притащил пук соломы, затолкал в дупло дерева и поджег. Когда пламя добралось до отца Атипандита, тот выскочил обожженный из дупла, ухватился за ближайший сук и повис на нем, а потом свалился на землю. Во время падения он успел пропеть такой стих:

И впрямь премудр зовущийся «Премудрым»,
другой же не похож на мудреца:
Из-за сыночка, что «Мудрейшим» назван,
живьем чуть не изжарили отца.

Двое торговцев после этого поделили прибыль на две равные части, и каждый, забрав свою долю, отправился восвояси. И, повторяя: «Он и в прежние времена был таким же нечестным торговцем», — Учитель завершил рассказ о прошлом и так истолковал джатаку. «Нечестным торговцем, — молвил он, — был тогда тот же нечестный торговец, мудрым же торговцем — я сам».

Джатака о трубке для стрельбы (107)

Словами «Уменье истинное славим...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о бхиккху, который подбил лебедя.

Рассказывают, что был в почтенной саваттхийской семье некий отрок, умевший очень метко кидать камни. Услыхав однажды слово дхаммы, он вос-

принял всем сердцем истинное вероучение, вступил в монашество, однако в учении особенно не усердствовал, да и примерным поведением не отличался.

Как-то раз в сопровождении одного совсем юного монаха он отправился на реку Ачиравати, искупался и вышел на берег. В это время над рекой пролетала пара белых лебедей. Заметив их, монах сказал своему спутнику: «Сейчас я свалю заднего лебедя, попаду ему камнем прямо в глаз». Юнец усомнился: «Куда тебе? Ты не сумеешь подбить его камнем». «Стой здесь,— воскликнул монах.— Сейчас я его подобью. Камень войдет ему в тот глаз, что к нам ближе, а выйдет через другой». «Ну, теперь ты и вовсе вздор понес»,— недоверчиво сказал юнец. «Что ж,— обиделся монах,— гляди!» С этими словами он подобрал трехгранный камешек, размахнулся и швырнул его вслед лебедю, державшемуся сзади. «Рун»,— послышался звук летящего камня. Лебедь понял, что ему угрожает опасность, повернул голову и стал прислушиваться. В то же мгновение монах схватил обточенный водой голыш и, как только лебедь сел и стал озираться, запустил им в птицу. Голыш вошел ей в глаз с одной стороны головы и вышел через глаз на противоположной стороне. С пронзительным криком лебедь упал бездыханный. Сбежались другие монахи и принялись ругать негодника: «Дурное ты содеял!» Затем они потащили его к Учителю и, воскликнув: «Ты только посмотри, почтенный, что натворил этот монах!»— рассказали обо всем наставнику. Выслушав их, Учитель выбранил хорошенько монаха и, молвив: «Не только ведь ныне, братия, отличается он таким умением, но и в прежние времена тоже был весьма искусен в подобных занятиях», поведал о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был советником царя. А домашний жрец, служивший в ту пору у царя, был человеком совершенно несдержанным на язык, необыкновенно болтливым: если уж заведет какой-нибудь разговор, никому и слова не

вставить. Царь часто думал про себя: «Как бы мне сыскать кого-нибудь, кто сумел бы умерить его чрезмерную говорливость?»

Там же, в Бенаресе, жил один урод, который передвигался только ползком. Этот урод необыкновенно искусно швырял камни. Дети из предместья обычно сажали его на тележку и везли к городским воротам, близ которых рос огромный развесистый баньян. Там они, обступив калеку, давали ему несколько мелких монет и начинали упрашивать: «Выбей изображение слона!» — или: «Выбей изображение лошади!» — и тот, метко бросая камни, выбивал на потеху им разные изображения на листьях баньяна. И почти все листья на дереве были в дырках, пробитых камнями.

Однажды, по пути в свои царские сады, к городским воротам подъехал государь. Испугавшись шумной царской свиты, все дети разбежались, остался только калека. Подъехав к баньяну, царь сошел со своей колесницы и увидел на земле причудливый узор, образованный тенью от продырявленных листьев. Подняв голову, царь увидел, что листья все в дырках, покрыты изображениями, и спросил у приближенных, чьих рук это дело. «Все это сделал калека, государь!» — ответили ему. «Быть может, этот калека поможет мне заткнуть рот болтливому брахману? — подумал царь и осведомился: — А где этот калека?» Приближенные после непродолжительных поисков обнаружили калеку, который притаился у корней дерева, и указали на него царю: «Вот он, государь». Царь велел подвести его поближе и, отослав приближенных, спросил: «Есть у меня один, непомерно говорливый брахман; не сумеешь ли ты как-нибудь заткнуть ему рот?» «Если мне дадут трубочку для стрельбы, из которой можно стрелять, продувая через нее воздух, да принесут сухого козьего помета, то я выполню твою волю, государь», — ответил калека. Царь повелел отвезти его во дворец и усадить в углу комнаты за занавесью, а в занавеси этой прямо перед ртом болтуна проделать дыру; перед занавесью же он приказал поставить сиденье, а укрывшегося калеку снабдить

трубкой для стрельбы и высушенными шариками козьего помета.

И вот болтливый брахман явился во дворец на прием, уселся на предложенное ему сиденье и, подстрекаемый государем, принялся болтать, не давая никому другому вставить и слова. Через дыру в занавеси калека стал стрелять катышками сухого помета в рот жрецу: по одному, будто мухи, вылетали шарики из-за занавеси и попадали прямо в глотку брахману, который сглатывал их с такою же легкостью, с какой высасывают жидкое масло из сосуда через опущенную в него тростинку. Вскоре все, сколько их ни было, шарики оказались в желудке у брахмана — по крайности, полмеры козьего помета. Увидев, что запас шариков израсходован, царь сказал: «О наставник! В великом своем словонедержании ты даже не заметил, как проглотил чуть ли не целую меру козьего помета. Чуть больше — и ты уже не сумеешь всего этого переварить. Ступай-ка домой, выпей воды с просянными зернами и, вызвав у себя рвоту, очисти как следует желудок. Когда исцелишься, приходи обратно». С тех пор брахман держал язык за зубами и всегда хранил молчание, даже среди болтунов.

В благодарность за блаженное спокойствие, которое наконец обрели его уши, царь пожаловал уроду четыре деревни, расположенные к востоку, югу, западу и северу от столицы, с общим доходом в сто тысяч. Бодхисатта подошел тогда к царю и промолвил: «Утверждается, государь, что в этом мире совершенство — удел мудрых, однако же вот перед нами урод, который благодаря всего-навсего умению метко стрелять из трубки обрел огромное богатство». И Бодхисатта спел такой стих:

Уменье истинное славим, а не пустую похвалюбу.
Смотрите: награжден деревней урод за меткую стрельбу».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «В ту пору уродом был бхиккху, швырявший камни, царем — Ананда, мудрым же советником — я сам».

Джатака
о деревенской женщине (108)

С восклицания: «Всеми, в чем польза есть, учись...» — начал свой рассказ о царе Личчхави Учитель, который в ту пору жил в Махаване, близ Весаи, в доме с двускатной остроконечной крышей. Рассказывают, что этот царь Личчхави, будучи человеком благочестивым и добродетельным, зазвал к себе во дворец всю общину во главе с самим Пробужденным и осыпал монахов великими милостями. Его супруга оказалась женщиной очень дородной, с толстыми руками и ногами. Она прямо-таки допалась от жира. К тому же одежда ее отличалась безвкусием. Поблагодарив владыку за гостеприимство, Учитель в сопровождении бхиккху направился в монастырь; там он наставил монахов в дхамме, а затем удалился в свою благоухающую келью. Сойдясь в зале собраний, монахи стали говорить между собой: «Подумайте только, почтенные: у царя столь совершенной красоты, как Личчхави, и вдруг такая жена — жирная, с толстыми руками и ногами и к тому же еще дурно одетая! Что он в ней нашел?» Тут в залу вошел Учитель и спросил монахов: «О чем это вы беседуете, братия?» И, когда бхиккху рассказали ему, он молвил: «Не только ведь ныне, братия, но и в прежние времена этот царь питал слабость к пухлым женщинам». И, уступая просьбам собравшихся, он поведал о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был советником царя. Однажды площадь перед дворцом пересекала некая толстая, скверно одетая деревенская женщина, которая пришла в город на приработки. Внезапно она почувствовала непреодолимое желание справить нужду. Не в силах противиться позыву, она присела, прикрылась полой одежды, сделала свое дело и тотчас выпрямилась.

Как раз в это самое время бенаресский владыка любовался из окна на дворцовую площадь и все видел. И подумал тогда царь: «Облегчался на дворцо-

вой площади, эта женщина не утратила стыда и совести. Она прикрыла полой срам и, как только кончила свое дело, поспешила встать. Наверняка она отменного здоровья и опрятна, ею все будет содержаться в чистоте. И если при такой любви к чистоте у нее родится сын, то он тоже вырастет опрятным и добродетельным. Я должен сделать ее своей женой». Выяснив, что крестьянка незамужняя, царь велел привести ее во дворец и сделал старшей женой. И была она для него самой любимой и желанной, и родила ему вскорости сына, и когда их сын вырос, стал он великим государем-самодержцем.

Видя, сколь высокого счастья достигла эта простая женщина, Бодхисатта сказал как-то при удобном случае царю: «Как не поучиться тому, чему впрямь стоит учиться, государь. Облегчаясь на площади перед твоим дворцом, эта высокодобротельная женщина не утратила ни стыда, ни совести. Она прикрылась полой одежды. Своей скромностью она угодила тебе и обрела столь великое счастье!» И, желая возвысить тех, кто готов учиться всему полезному, Бодхисатта спел такой стих:

Всему, в чем польза есть, учиться.

Ничто не пропадает зря.

Опрятность деревенской бабы
пленила самого царя.

В подобных же словах Великосущный воздал хвалу тем, кто стремится изучить все, достойное изучения».

Закончив свое наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Мужем и женою в ту пору были царь и его жена, мудрым же царским советником — я сам».

Джатака о пирожке из рисовой крошки (109)

С восклицания: «И нам, богам, потребна пища...» — Учитель — он жил тогда в Саваттхи — начал рассказ о человеке, который был бедняком из бедняков. В Саваттхи был тогда заведен такой порядок.

В один день всю монашескую общину во главе с Пробужденным угощала какая-нибудь семья, в другой раз это делали три-четыре семьи сообща, а бывало, что для этой цели объединялись все родственники,— иногда вся улица, а то и весь город собирал для общины доброхотные пожертвования.

В те времена, о которых речь, кормить монахов должна была одна из городских улиц. Люди, которые там жили, решили угостить общину во главе с Пробужденным сладкой рисовой кашей на молоке и пирожками. Жил на этой улице жалкий бедняк, который кормился, работая на других. «Рисовой каши я поднести не смогу, но пирожок подам»,— решил этот неимущий. И вот наскреб он немного мягкой рисовой крошки, замешал ее на воде, завернул вылепленный пирожок в лист растения акка и поставил его печься на горячие уголья. Вынув готовый пирожок, он решил поднести его самому Пробужденному, с пирожком в руке протиснулся вперед и встал прямо перед Учителем. И как только велено было подавать пирожки, бедняк этот опередил всех и положил свой пирожок из рисовой крошки в чашу для подаяния, которую держал в руке Учитель. И Учитель отказался от всех других предлагаемых ему пирожков и закусил тем самым пирожком, из рисовой крошки.

Весть о том, что Пробужденный принял из рук бедняка пирожок из рисовой крошки и съел это угощение, не побрезговав, мгновенно разнеслась по городу. Все только об этом и говорили. Царь, его советники и прочие придворные, включая даже стражников, кинулись на эту улицу. Они толпились там, приветствуя Учителя и обращаясь к бедняку с такими просьбами: «Прими от нас, братец, это угощение и еще две, нет, пять сотен монет. Осчастливь нас своим милостивым согласием принять подношения и благослови нас!» «Надобно спросить у Учителя, как поступить»,— подумал бедняк. Он протолкался к Учителю и рассказал тому обо всем. «Возьми у них деньги,— посоветовал Учитель,— и пожелай им удачи в делах и счастья». Бедняк стал принимать денежные пожертвования. Один подал

ему вдвое больше, чем другой, третий, видя это, — вчетверо больше, а четвертый — уже в восемь раз больше, и вскоре набралось у него девять котиков золотых монет. Учитель сердечно поблагодарил всех и направился вместе с монахами в монастырь; дождавшись, когда окончится служба, он наставил бхиккху в дхамме и удалился в свою благоухающую келью. К вечеру того же дня царь призвал к себе бедняка и, когда тот явился, пожаловал его в торговцы.

Сойдясь в зале собраний, бхиккху стали обсуждать случившееся. «Подумать только, почтенные, — говорили они, — Учитель принял поданный ему этим бедняком пирожок из рисовой крошки и съел его, не только не побрезговав, но и с таким наслаждением, будто испил напиток бессмертия. А этому жалкому бедняку давали столько денег и пожаловали его в торговцы! Великое же счастье ему привалило!» В этот миг в залу вошел Учитель и спросил собравшихся: «О ком это вы тут беседуете, братья?» «Да вот о бедняке», — ответили монахи. «О бхиккху, — сказал тогда Учитель, — не только ведь ныне я, несколько не поколебавшись, съел пирожок из рисовой крошки: еще и в прежние времена, когда я был божеством дерева, мне уже приходилось есть подобный пирожок, и тогда тоже благодаря мне бедняк обрел звание торговца». И он поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был на земле духом и обитал в стволе касторового дерева, что росло на окраине деревни. Тамошние крестьяне поклонялись всем таким божествам. В какой-то праздник они решили почитать божества деревьев жертвоприношениями. Видя, что каждый из жителей деревни с подношениями в руках направляется к божеству дерева, которое он считал своим покровителем, некий бедняк захотел почитать касторовое дерево. Все остальные крестьяне несли божествам венки из цветов, всевозможные благовония, притирания, а также жертвенные пирожки; у бедняка же был только пирожок, испеченный из рисовой крошки,

да немного воды в скорлупе кокосового ореха. Придя к касторовому дереву, он остановился поодаль и задумался: «Ведь божества питаются пирожками, что пекутся на небесах. Моего пирожка из рисовой крошки божество наверняка не захочет. Что ж мне теперь — вышвырнуть его? Нет, уж лучше я сам его съем». Приняв такое решение, он повернулся, чтобы уйти.

Но тут между ветвей, в полный свой рост, появился Бодхисатта и, обращаясь к бедняку, молвил: «Послушай меня, добрый человек: если бы ты был богатым владыкой, то, верно, принес бы мне в жертву сладких пирожков. Но ты беден. Если же я откажусь от твоего пирожка, то разве мне подадут какой-нибудь другой еды? Не лишай же меня моей доли». И он спел такой стих:

И нам, богам, потребна пища.
Ко мне почтенье храня,
Подай свой пирожок из крошки
и доли не лишай меня.

При этих словах Бодхисатты бедняк повернулся и, устремив взор на божество, совершил жертвоприношение. Подкрепясь пирожком, Бодхисатта сказал: «О чем ты хотел просить меня, человек, оказав мне почести?» «Я беден, господин, — ответил горемыка, — и решил почтить тебя, надеясь, что ты избавишь меня от бедности». «Не беспокойся более ни о чем, добрый человек, — сказало тогда божество дерева. — Знай же, что ты принес жертву тому, кто умест ценить добро и благодарить за него. У подножья этого дерева, там, где корни, зарыты горшки, в которых спрятаны сокровища. Ступай, сообщи об этом царю. Перевези деньги на царский двор, высынь их там кучей, и обрадованный царь пожалует тебя в торговцы». С этими словами Бодхисатта скрылся из виду. Крестьянин сделал все в точности, как ему посоветовало божество, и царь пожаловал его в торговцы. Так, с помощью Бодхисатты, бедняк достиг великого счастья и прожил свою жизнь в довольстве; когда же истек его срок, он перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Бедным крестьянином в ту пору был все тот же бедняк; божеством же, обитавшим в ветвях касторового дерева, был я сам».

Джатака о здоровом смысле (114)

Словами: «Тяжелодум и Легкодум в рыбачьи сети угодили...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о двух тхерах почтенного возраста. Рассказывают, что оба эти тхеры, переждав время дождей в лесном скиту, вдали от городов, решили затем пойти повидаться с Учителем и приготовили все необходимое для дальнего пути. Однако каждый день они откладывали путешествие на следующий день и так протянули целый месяц. Потом снова собрали все нужное в дорогу — и снова промешкали целый месяц, а потом и еще месяц. Так, из-за своей нерешительности, лени и любви к спокойной жизни монахи потратили впустую целых три месяца. Наконец они все-таки выступили и через некоторое время достигли Джетаваны. Оставив в общей зале свои плащи и чашки для сбора подаяния, оба тхеры прошли к Учителю. Монахи, которые жили в монастыре, сказали тхерам: «Долго же вы, почтенные, не являлись повидаться с Пробужденным! Что же вас так задержало?» Тхеры принуждены были рассказать правду, и вскорости по всей общине разнеслась весть о том, сколь ленивы и нерадивы прибывшие.

Однажды, когда монахи сошлись в зале собраний, завязался разговор об этих нерадивых тхерах. Тут вошел Учитель и спросил: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» Монахи откровенно ему обо всем рассказали. Учитель велел позвать обоих тхер и обратился к ним с такою речью: «Правду ли говорят, братия, что вы ленивы и нерадивы?» «Правду, почтенный», — склонив головы, ответили тхеры. «Монахи, — молвил на то Учитель, — не только ведь

ныне отличаются ленью эти двое, но и в прежние времена они были столь же ленивы и столь же мало склонны покидать насиженное место». И, поясняя сказанное, он поведал о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, в протекавшей через Бенарес реке жили три рыбыны. И звали одну из них Тугодумом, другую — Легкодумом, а третью — просто Умным. Как-то раз, следуя вниз по течению, уплыли они от лесистых берегов и оказались в местах, где жили люди. И молвил тогда Умный двум другим рыбакам: «Тут живут люди, места эти опасны и губительны для нас: рыбаки забрасывают в воду сети, неводы и иные рыбацкие снасти и так ловят рыб. Нам надо поскорее уплыть к лесным берегам». Но в этих местах был обильный корм, и две другие рыбыны, обуреваемые жадностью и ленью, каждый день все говорили: «Поплывем завтра. Уж завтра обязательно поплывем», — и так промедлили целых три месяца.

Однажды рыбаки забросили в воду невод. А Тугодум и Легкодум в поисках пищи плыли впереди и в ослеплении своем не заметили ячеек невода и угодили прямо в него. Умный же, который плыл сзади, сумел увернуться, но, увидев, что его товарищи попались, подумал: «Надо спасти от смерти этих лентяев. Ведь они, слепые в своем невежестве, не разумеют истинной сути вещей». Он осторожно проплыл в кошель невода и, разорвав несколько ячеек в передней его части, принялся биться в воде перед неводом, чтобы рыбаки подумали, будто он вырвался из него, затем вернулся, снова заплыл в кошель, порвал ячейки в задней части и стал резвиться в воде уже позади невода, как бы показывая рыбакам, что он на свободе. Видя это, рыбаки подумали, что вся рыба разорвала невод и ушла, и начали вытаскивать невод из воды, держась лишь за один его край, другой же край они оставили свободным. Тугодум и Легкодум выскользнули из невода и оказались опять на воле. Так, благодаря Умному, они спаслись от смерти».

Завершая свой рассказ о прошлом, Учитель — теперь уже он был Пробужденным — спел такой стих:

Тяжелодум и Легкодум в рыбацьи сети угодили,
Но Умный их освободил — и вот они опять поплыли!

Преподав этот урок дхаммы, Учитель разъяснил слушателям суть четырех благородных истин, и, внимая ему, престарелые монахи решили еще неукоснительнее следовать благому Восьмеричному Пути. Учитель же истолковал джатаку, сказав: «В ту пору Тугодумом и Легкодумом были эти двое, Умным же — я сам».

Джатака о донимающей предостережениями (115)

Словами: «Пути своей алчбе не преградила...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о монахини, которая донимала всех своими предостережениями.

Монахиня эта, рассказывают, происходила из хорошей саваттхийской семьи, но и после того, как приняла монашество, она так и не усвоила дхаммы подвижницы, ибо оказалась склонной к обжорству и жадности. Она ходила собирать подаяние только в ту часть города, где не бывали ее сестры по вере, и люди подавали ей там обильную и вкусную пищу. И вот что придумала она, обуянная страстью к чревоугодничеству: «Если в эту часть города будут приходить и другие монахини за подаянием, на мою долю достанется меньше еды. Надо как-то отвадить отсюда других». И стала она предостерегать всех прочих: «Сестры, в той части города по улицам бродят свирепые слоны, лошади и псы. Место очень опасное. Не ходите туда собирать милостыню!» После таких предостережений ни одна монахиня не желала не только глядеть — даже голову поворачивать в ту сторону.

Но вот однажды, когда жадная монахиня, как обычно, собирала подаяние в той части города и как раз хотела зайти за милостыней в один из домов, на нее налетел взбесившийся баран и ударил ее с такой силой, что сломал ей бедренную кость. Тотчас же сбежались люди, соединили обломки кости, туго-натуго запеленали погу, затем положили монахиню на носилки и отнесли в монастырь. Другие монахини долго потом насмеялись над пострадавшей. «Ты отговаривала монахинь ходить в ту часть города, а сама собирала там подаяние. Вот баран и сломал тебе погу!» — говорили они.

Весть о происшедшем незамедлительно достигла мужского монастыря. Как-то вечером, сойдясь в зале собраний, монахи толковали между собой о недостойном поведении обманщицы. «Вы только подумайте, почтенные, — восклицали они, — она предупреждала других монахинь, чтобы они туда не ходили, а сама собирала там подаяние, когда взбесившийся баран сломал ей бедренную кость». В эту минуту вошел Учитель и спросил, по обыкновению: «О ком это вы, братия, здесь беседуете?» «Да вот о такой-то», — ответили монахи. «О бхиккху, — молвил Учитель, — не только ведь ныне, но и в прежние времена она уже отваживала других от того, чем сама не гнушалась. И тогда, как и теперь, она терпела мучения из-за этого». И он поведал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился лесной птицей. Когда он вырос, то стал старшим над птицами и в сопровождении многих сотен птиц отправился в Гималаи. Когда они все там обосновались, одна хищная птица повадилась летать за кормом на большую дорогу, где подбирала зерна риса, фасоли и всего, что высыпалось из подвод. И, подумав: «Надо сделать так, чтобы другим птицам неповадно было сюда летать», — эта алчная птица принялась предостерегать всю стаю. «Большая дорога, — возглашала она, — место очень опасное и страшное: по ней то и дело проходят слоны, лошади и другие крупные твари, катятся телеги, запряженные свире-

пыми быками, и всевозможные повозки. Мгновенно взмыть в воздух невозможно, поэтому лучше там и не бывать». Все птицы в стае за эти предостережения так и стали ее звать — «Анусасика» — «Остерегающая».

Однажды прожорливая птица бродила, подбирая корм, по большой дороге и вдруг услышала грохот мчащейся с бешеной скоростью колесницы. Повернув голову на шум, она посмотрела на колесницу и, подумав: «Далеко еще», — продолжала как ни в чем не бывало скакать по дороге. Колесница же неслась с быстротой ветра и мгновенно ее настигла. Птица даже не успела взлететь, попала под колеса и была раздавлена. Когда вожак повелел всем птицам собраться, он сразу же увидел отсутствие Анусасики и приказал ее найти. Птицы полетели на поиски и, увидев на большой дороге перерезанное пополам тело алчной птицы, поспешили сообщить об этом вожаку. «Что ж, — заметил вожак, — она отговаривала других, но сама разгуливала по большой дороге, поэтому и погибла». И он спел такой стих:

Пути своей алчбе не преградила,
хотя других остерегала, птица.
И вот лежит без крыльев на дороге:
несчастную настигла колесница.

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «В ту пору птицей по кличке «Анусасика», была та самая монахиня, которая донимала подруг своими предостережениями; вожаком же птичьей стаи был я сам».

Джатака об упрямце (116)

С восклицания: «Пытался непосильное осилить...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ об упрямом монахе. Подробности о нем содержатся в джатаке о стервятнике из Девятой книги; покуда же достаточно сказать, что Учитель наставлял этого бхиккху в таких словах: «Не

только ведь ныне ты, бхиккху, отличаешься упрямством, но и в прежние времена тоже был упрям. Из-за своего упрямства и оттого, что не слушал советов мудрых, ты и погиб от меча». И Учитель поведал ему о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта появился на свет в семье плясуна и потешных дел мастера. Поступив в учение к другому плясуну, Бодхисатта выучился у него умению исполнять танец, сопровождающийся прыжками через острые мечи, и принялся странствовать по деревням вместе с наставником, показывая всем желающим свое искусство.

Наставник Бодхисатты умел перепрыгивать только через четыре меча, но не через пять. Однажды, когда они с Бодхисаттой показывали свое умение в одной деревушке, наставник напился допьяна и велел своему помощнику приготовить сразу пять мечей: «Сумею перепрыгнуть и через пять!» — хвастался он. Бодхисатта стал тогда его отговаривать: «Учитель, ты ведь не сумеешь прыгнуть через пять мечей. Убери один: если ты попробуешь перепрыгнуть через все пять мечей, ты наверняка напорешься на пятый и погибнешь». «Ты, видно, не знаешь еще, на что я способен», — продолжал бахвалиться пьяный. Не послушавшись совета Бодхисатты, он стал прыгать и, благополучно перескочив через четыре меча, повис, пропоротый пятым, словно цветок медуницы, качающийся на своем стебельке, и с громким воплем рухнул наземь. «Ты не захотел слушать советов мудрых, — молвил Бодхисатта, — вот с тобой и приключилось это несчастье!» И он спел такой стих:

Пытался непосильное осилить
наставник, к увещаньям глуховатый,
Он без труда перескочил четыре
меча, но брюхо распорол о пятый.

С этими словами Бодхисатта вытащил меч из тела своего наставника и совершил над покойным все подобающие обряды».

Заканчивая рассказ о прошлом, Учитель так истолковал джатаку: «В ту пору наставником был вот этот упрямец, учеником же я сам».

Джатака о перепеле (118)

Словами: «Немыслящее существо в беду мгновенно попадет...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о сыне некоего Уттарасеттхи.

Рассказывают, что этот Уттарасеттхи — имя его означает «Великий торговец» — был и впрямь необыкновенно богат и жил в Саваттхи. Сын же Уттарасеттхи, зачатый торговцем в лоне законной жены, был на самом деле воплощением некоего высшего существа, обитавшего ранее в мире Брахмы, поэтому вырос он юношей удивительной красоты, с прекрасным белым лицом.

Однажды, в конце месяца каттика, в Саваттхи был объявлен праздник по случаю окончания поры дождей, и все горожане занялись приготовлениями к торжеству. У сына Уттарасеттхи все приятели были людьми женатыми, но сам он — из-за того, что в прежнем существовании долго пребывал в мире Брахмы, — не имел сердечных склонностей и не был подвержен страстям. И вот приятели его, сыновья других торговцев, подумали: «Надо бы нам найти для сына Уттарасеттхи какую-нибудь женщину, тогда мы все славно повеселимся на празднике». С тем они и явились к сыну Уттарасеттхи. «Послушай, дружище! В последнюю ночь месяца каттика в городе праздник; давай мы приведем и тебе какую-нибудь женщину, — предложили они. — Уж тогда-то мы все вместе славно повеселимся!» И, как ни отнекивался сын Уттарасеттхи, вновь и вновь повторяя, что женщины ему ни к чему, друзья дружно на него пасели и в конце концов вырвали у него согласие. Они сыскали где-то красивую гулящую девицу, нарядили ее, надели на нее всевозможные украшения, затем привели ее в дом к сыну Уттарасеттхи.

сеттхи и со словами: «Ступай прямо к сыну торговца!» — втокнули в спальню, сами же ушли прочь. Но и после того как девица оказалась в спальне, сын Уттарасеттхи даже не взглянул в ее сторону и, уж конечно, не стал с ней заговаривать. Девица тогда подумала: «Такой ладный, такой красивый юноша, а не хочет ни глянуть на меня, ни поболтать со мной? Ну что ж, пушу в ход все свои женские чары и заставлю его смотреть на меня». Чтобы обольстить его, она весело заулыбалась, показывая свои красивые, сверкающие белизной, передние зубы. Лишь только увидел сын торговца белую кость ее зубов, все мысли его тотчас сосредоточились на этом, и ему представилось, что перед ним — кости, и только кости. И прозрел он тогда, и понял, что тело ее — лишь груда костей, один скелет, одетый плотью. Он уплатил девице, что причиталось, и со словами: «Ступай!» — выпустил ее на улицу. А когда она оказалась за воротами, какой-то знатный человек увидел ее в переулке, предложил ей денег и повел к себе в дом.

Через семь дней праздник кончился. Мать красивой гулящей девицы, видя, что ее дочь все не возвращается, пошла к сыновьям торговцев и принялась их расспрашивать. Вместе с этой женщиной все они отправились к сыну Уттарасеттхи и стали его спрашивать, где девица. «Почти сразу же после ее прихода, — ответил им сын Уттарасеттхи, — я заплатил ей положенное вознаграждение и отослал ее». Мать девицы подняла крик: «Где моя дочь? Отдайте мне мою дочь!» — и потащила сына Уттарасеттхи на суд к царю. Разбираясь в этом деле, царь сказал юноше: «Приводили ли к тебе такие-то сыновья торговцев красивую гулящую девицу?» «Приводили, государь», — ответил юноша. «А где же она теперь?» — спросил царь. «Не знаю, — проговорил юноша, — я сразу же отпустил ее». «А можешь ли ты привести ее обратно?» — допытывался царь. «Нет, не могу, государь», — печально отвечал юноша. «Ну, если этот человек не может привести ее обратно, — изъявил свою волю царь, — подвергните его нашему царскому наказанию».

Сыну торговца связали за спиной руки и потащили его по улицам, восклицая: «Отдубасим его по-царски». Весть о том, что сын торговца не может сыскать красивую гулящую девицу, которая к нему приходила, и за это его повели на царскую расправу: будут наказывать палками,— взбудоражила весь город. Прижимая в отчаянии руки к груди, люди шли по пятам за сыном торговца и жалобно восклицали: «Что же это делается, господин? Какая несправедливость к тебе!» — и вопили и рыдали в голос. Сын же торговца думал: «Это великое страдание выпало на мою долю потому, что я живу в миру; если только я сумею как-нибудь выпутаться из этого дела, уйду в монахи, стану учеником великого Готамы, Пробужденного». Между тем эта самая красивая гулящая девица, услышав шум и крики, спросила у горожан, из-за чего весь этот переполох. Когда ей рассказали, в чем дело, она опрометью кинулась влед за толпой и, крича: «Посторонитесь! Присутствие меня, господа! Я должна видеть царских прислужников!» — растолкала всех и предстала перед царскими слугами. Увидев девицу, они препоручили ее заботам матери и, выпустив на свободу сына торговца, удалились.

Окруженный друзьями и приятелями, сын торговца отправился к реке и вымылся с ног до головы. Затем он пошел домой, поел и просил у отца с матерью дозволения отринуть мир. Получив их согласие, он взял с собой монашеское платье и в сопровождении большого числа народу направился к Учителю и почтительно его приветствовал. С благословения Учителя он принял монашество и, сделавшись вскоре полноправным членом общины, предался сосредоточенному размышлению о том, что не следует привязываться к тому, что отвергнуто другими. Достигнув озарения, он в скором времени обрел араhatство.

Однажды, сойдясь в зале собраний, монахи воздавали хвалу своему собрату, в миру сыну торговца, говоря: «Вот, почтенные, сын Уттарасеттхи в час великой опасности для себя оценил достоинства истинного вероучения и, подумав: «Отрину мир и

тем избавлюсь от страданий», спасся одной только этой благой мыслью. Этот человек, став, как и мы, монахом, вкусил затем от высочайшего плода арахатства». В эту минуту в залу вошел Учитель и спросил их: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» — и монахи рассказали ему. «О бхиккху,— заметил Учитель,— не один лишь сын Уттарасеттхи в миг тяжелой опасности для себя сосредоточил мысли свои на том, как избавиться от страданий, и благодаря этому действительно избежал смерти: и в прежние времена мудрые тоже, попав в беду, задумывались, каким способом им избавиться от мучений, и сама мысль эта вызволяла их из смертельной опасности». И, молвив так, Учитель поведал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился перепелом. И жил в ту пору некий птицелов: наловив в лесу множество перепелов, он относил их домой, сажал в клетку, откармливал и затем, договорясь о цене, продавал приходившим к нему прямо на дом покупателям и тем зарабатывал себе на жизнь.

Однажды птицелов поймал множество перепелов, среди них Бодхисатту, и отнес их домой. Бодхисатта подумал тогда: «Если я стану есть и пить то, что он мне предложит, птицелов будет показывать меня прохожим, предлагая им купить меня; если же я не стану ублажать свое чрево, начну поститься и худеть, то никто из людей не захочет взять такую тощую птицу; мне же будет лучше. Так я и сделаю». И, приняв это решение, он стал поститься и совсем отощал, одни перья да кости остались. Не только купить — никто даже смотреть на него не хотел. Птицелов же, распродав всех перепелов, кроме Бодхисатты, вытащил корзину, открыл крышку и, положив Бодхисатту к себе на ладонь, принялся внимательно его разглядывать, силясь понять, что же случилось с этим перепелом. И вот улучив мгновение, когда птицелов зазевался, Бодхисатта расправил крылья, взвился в воздух и улетел в лес.

Другие перепелы, увидев Бодхисатту, стали его спрашивать: «Что это ты так давно не появлялся?

Где ты был?» «Меня поймал птицелов»,—отвечал им Бодхисатта. «Как же тебе удалось спастись от него?» — удивились птицы. «Я спасся лишь тем,—объяснил им Бодхисатта,— что придумал такое средство: отказывался от пищи, которую он мне предлагал, и не пил никакого питья». И, поясняя сказанное, он спел такой стих:

Немыслимое существо в беду мгновенно попадет.
Но спасся из неволи я: вот размышлений зримый плод.

В подобных словах Бодхисатта поведал перепелам обо всем, что с ним произошло».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Перепелом, что в давнюю пору спасся от неминуемой гибели, был я сам».

Джатака о шуме некстати (119)

С восклицания: «Он без родителей возрос...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о бхиккху, который шумел в часы отдыха.

Рассказывают, что некий молодой человек из хорошей саваттхийской семьи уверовал в истинную дхамму и стал монахом, однако не отличался особыми успехами ни в поведении, ни в учении. Он даже не знал, что существует одно время для дел, другое — для молитвы, а третье — для учения. И в первую стражу ночи, и в полночь, и в последнюю стражу ночи, и утром, когда уже полагалось вставать, и в те часы, когда все бодрствовали, и даже по ночам он сильно шумел, и монахи не могли из-за него спать.

Как-то раз, сойдясь в зале собраний, монахи осуждали недостойное поведение этого бхиккху. «Почтенные,— восклицали они,—этот юноша, приняв монашество ради истинных сокровищ вероучения, не знает даже того, какое время для дел, а какое — не для дел, какое время — для учения, а какое — не для учения!» Как раз в этот миг в залу собраний

вошел Учитель и спросил бхиккху: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» — и монахи откровенно ему обо всем поведали. «О бхиккху,— молвил тогда Учитель,— не только ведь ныне, но и в прошлые времена он точно так же не знал, когда можно шуметь, а когда нельзя, точно так же не понимал разницы между «вовремя» и «не вовремя», вот ему и свернули шею, и он умер в муках». И, поясняя сказанное, Учитель поведал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился в облике брахмана, предки которого жили на северо-западе. До полнолетия Бодхисатта успел глубоко изучить все науки, стяжал себе всемирную славу как наставник и стал обучать в Бенаресе пятьсот юных учеников. Был у этих учеников петух, который по утрам, всегда в одно и то же время, поднимал их с постелей, побуждая приниматься за учение. Когда петух этот сдох, ученики принялись разыскивать по всей округе другого.

Как-то, собирая хворост в роще, близ места, куда свозят мертвецов, один из юношей нашел там петуха, поймал его, посадил в клетку и принес в дом к наставнику. Петух этот вырос близ свалки мертвецов, не жил с людьми и не знал, в какое время их следует будить, и кукарекал то посреди ночи, а то под утро. Заслышав крик петуха, ученики вставали среди ночи и усаживались за учение. К тому времени, как всходило солнце, они уже не в силах были продолжать занятия, клевали носами и не могли даже разглядеть того, что им задано. Если же петух кричал, когда уже давно наступил белый день, у учеников, вставших поздно, вовсе не оставалось времени для занятий. «Этот петух кричит и среди ночи, и среди бела дня,— возмущались юноши. — Из-за него мы никак не можем сосредоточиться на занятиях!» Они поймали петуха и свернули ему шею, лишив таким образом жизни. «Мы прикончили петуха, который кричал не ко времени»,— сказали они наставнику. И тот, стремясь растолковать своим ученикам истинную суть вещей,

молвил: «Петух погиб потому, что некому было воспитать его». И он спел такой стих:

Он без родителей возрос,
без воспитательных начал:
Не знал о времени петух
И не ко времени кричал!

Наставив своих учеников, Бодхисатта до самой смерти продолжал вести такую же жизнь, а с истечением отпущенного ему срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Заканчивая свой урок дхаммы, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Петухом, кукарекавшим не ко времени, был в ту пору этот самый бхиккху, учениками брахмана были ученики Пробужденного, наставником же — я сам».

Джатака о непривязывании (120)

Словами: «Тех, кто не связан, свяжут, послушавшись глупцов...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ об отроковице по имени Чинча — подробнее ее историю мы узнаем в «Джатаке о великом лотосе» из Двенадцатой книги. Пока же довольно упомянуть, что Учитель говорил монахам: «О бхиккху, не только ведь ныне отроковица Чинча возводит на меня напраслину: она и в прежние времена поступала точно так же». И, поясняя сказанное, Учитель поведал тогда о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился сыном домашнего жреца царя; со временем, когда отец умер, Бодхисатта и сам стал царским жрецом.

Как-то раз царь Брахмадатта пообещал своей старшей жене исполнить любое ее желание. «Скажи только, чего бы ты хотела, милая», — молвил он. «Мое желание не так уж трудно исполнить, — проговорила царица. — Я хочу лишь, чтобы с этой

минуты ты не возделел ни к одной другой женщине». Сперва царь отказался обещать это, но царица настаивала, и после многократных ее просьб он в конце концов уступил и с тех пор никогда не смотрел с возделением ни на одну из своих шестнадцати тысяч танцовщиц.

Однажды у дальней границы поднялась смута. Отряды, которые там стояли, после двух-трех стычек со смутьянами прислали в царский дворец донесение, в котором сообщали, что своими силами им не управиться с врагами. Царь захотел сам участвовать в подавлении смуты и собрал огромное войско. Затем он призвал к себе царицу и молвил ей: «Милая, я уезжаю в дальнюю сторону. Мне предстоит много сражений, одержу ли я в них победу или же буду побежден — неизвестно. Ясно одно: в военные походы женщин не берут, поэтому оставайся здесь». «Нет, государь, — возразила ему царица, — я не останусь здесь одна». Царь принялся ее уговаривать, и в конце концов она уступила, сказав: «Ладно, только через каждую йоджану пути посылай ко мне гонца, который справлялся бы о том, плохо ли, хорошо ли мне тут живется». Царь пообещал царице присылать к ней гонцов. Оставив за себя Бодхисатту, он выступил со своей огромной армией и через каждую йоджану пути отправлял к царице гонца, говоря ему: «Ступай к царице, поведай ей о нашем царском здоровье и узнай у нее, плохо ли, хорошо ли ей живется».

Каждого прибывшего гонца царица спрашивала: «Зачем тебя царь послал?» «Узнать, хорошо ли тебе или плохо живется», — отвечал гонец. «Ну, идем со мной, сейчас узнаешь», — говорила царица и побуждала гонца возлечь с ней на ложе. Царь с войском прошел путь длиной в тридцать две йоджаны и отправил к царице тридцать двух гонцов, и со всеми этими тридцатью двумя царица вела себя так же недостойно. Усмирив смутьянов на дальней границе и возвратив покой своим подданным, царь выступил в обратный путь. Он послал царице еще тридцать два гонца, с каждым из них, как и прежде, царица предавалась блуду. Наконец, царь со своим победо-

носным войском остановился на привал уже под самой столицей и направил Бодхисатте приказ навести порядок в городе. Бодхисатта велел убрать все городские улицы, а затем явился в покои царицы, чтобы навести порядок и во дворце. Прекрасное сложение и красота Бодхисатты тотчас же пленили царицу, и она стала зазывать его: «Иди ко мне, брахман! Возляг со мною на ложе!» «Нет,— отказался Бодхисатта,— не зови меня к себе на ложе. Я чту государя и боюсь скверны». «Шестьдесят четыре царских слуги,— воскликнула царица,— посягнули на честь своего повелителя и не убоялись скверны! И что тебе честь повелителя и почему ты так страшишься осквернения?» «Государыня,— промолвил Бодхисатта,— даже если все гонцы и впрямь не устояли, я все равно не лягу с тобой. Я-то ведь хорошо знаю, что мне грозит, и никогда не совершу такого злодеяния!» «Слишком уж ты распускаешь язык,— сказала царица,— если ты не исполнишь мое желание, я прикажу отрубить тебе голову». «Воля твоя, государыня,— молвил Бодхисатта,— пусть я лишусь головы не только в одном этом существовании, но и в сотне тысяч других — я не могу сделать то, чего ты хочешь». «Ну, смотри у меня!» — пригрозила царица.

Отпустив Бодхисатту, она направилась к себе в спальню, расцарапала ногтями все тело, смазала ляжки маслом и накинула на себя грязное порванное платье, затем, сказавшись больной, позвала прислужниц и велела им сказать царю в ответ на его расспросы, что царица, мол, нездорова. Между тем Бодхисатта успел уже встретиться с царем. Совершив обход города, государь прибыл во дворец и, не видя царицы, стал о ней спрашивать. «Государыня нездорова»,— ответили ему. Царь поспешил в спальню, и, нежно погладив царицу по спине, спросил: «Что у тебя за хворь, милая?» Царица промолчала, однако, когда царь повторил свой вопрос в третий раз, она подняла на него глаза и промолвила: «О великий царь, хотя ты еще жив, таких женщин по заслугам зовут «новомужними»! «Что ты говоришь, милая?» — удивился царь. «Ты оставил за себя жре-

ца, велел ему охранять город,— проговорила царица,— а он, сказав, будто бы ему нужно привести в порядок внутренние покои, пришел сюда и обратился ко мне с гнусными речами, а когда я отказалась склонить к ним свой слух, набросился на меня, побоями принудил меня уступить его желанию и, натешившись мною, ушел».

При этих словах царь вспыхнул, словно брошенная в огонь щепотка соли и сахара, и, скрежеща зубами от ярости, выскочил из спальни. Призвав дворцовых стражей, слуг и прислужников, он повелел им: «Ступайте за жрецом. Свяжите, почтенные, жрецу руки за спиной, проведите этого преступника через весь город и отрубите ему голову на лобном месте за городской стеной». Слуги поспешили к жрецу, связали ему руки за спиной и приказали глашатаям под барабанный бой возвестить о предстоящей казни. Бодхисатта подумал: «Эта развратная царица, несомненно, настроила государя против меня. Придется мне выпутываться из беды самому». И он сказал стражам: «Эй, почтенные, прежде чем казнить меня, отведите к государю, а потом уж и казните». «Это еще зачем?» — изумились царские слуги. «А затем,— ответил жрец,— что я состоял у царя на службе и ведаю обо всем содеянном, и затем еще, что я знаю, где укрыто несметное сокровище. Я радею лишь о благе царского дома. Если вы не дадите мне увидеться с государем, это великое сокровище пропадет. С вашего дозволения я сперва укажу государю место, где хранится принадлежащее ему богатство, а уж потом вы делайте, что положено!»

Слуги отвели жреца к государю. Увидев его, царь спросил:

«Почему ты, бессовестный брахман, посягнул на мою честь? Почему содеял столь скверное дело?» «О великий государь,— ответил ему жрец,— я происхожу из праведной семьи и в жизни своей не обидел и не убил ни одного живого существа, даже термита или муравья. Никогда не брал ничего, даже травинки, без позволения. Я никогда не подымал глаз своих на чужих жен и не вождедел к ним,

Я никогда, даже в шутку, не говорил неправды и ни разу не выпил и крохотной капли хмельного. Невиновен я и перед тобой, государь. Эта глупая женщина, объятая вожделением, сама хватала меня за руки, а когда я отказался возлечь с ней на ложе, она, усугубляя свою вину, без стеснения мне пригрозила, а после, прогнав меня, удалилась к себе в спальню. Я и впрямь невиновен, а вот шестьдесят четыре человека, которые прибыли от тебя с посланиями к царице, все — виновны. Призови их всех, государь, и допытайся у каждого, сделал ли он то, к чему склоняла его царица». Царь повелел связать и доставить к нему всех шестьдесят четырех гонцов. Привели и царицу. «Прелюбодействовала ты с ними или же нет?» — спросил он. «Прелюбодействовала, государь», — призналась царица. Царь велел тогда никому из виновных не развязывать рук и приказал: «Отрубить головы всем шестидесяти четырем!»

И воскликнул тогда Бодхисатта: «О великий государь, нет за ними никакой вины; царица сама принудила их удовлетворить ее желание; смилуйся же над ними. И за ней тоже нет никакой вины, ибо женщины, по природе своей, ненасытны в потворстве плотским желаниям; таковы уж они есть. Царица поступала именно так, как и следовало ожидать. Помилуй и ее тоже». Подобными речами Бодхисатта сумел переубедить царя и спас от неминуемой казни шестьдесят четыре царских слуги, а также неразумную царицу; кроме того, по его просьбе, государь отвел им места для поселения. После того, как все эти несчастные люди, избавленные от смерти, были отосланы прочь, Бодхисатта подошел к царю и сказал: «Вот видишь, великий царь: по наветам глупцов, ослепленных невежеством, мудрые, никак не заслуживающие пут, оказались со связанными за спиной руками, а по справедливому слову мудрецов освободили других, у которых тоже были связаны руки за спиной. Невежество вонистину вяжет узами сансары и тех, кто должен был бы разорвать силки страстей и отринуть привязанность к суетному миру; мудрость же избавляет от этих уз даже

тех, кто оказался в силках суетных желаний. И, молвив так, Бодхисатта спел царю такой стих:

Тех, кто не связан, свяжут, послушавшись глупцов,
А связанных развяжут по слову мудрецов.

Наставив так царя в дхамме, Великосущный при-
молвил: «Я, государь, подвергся всем этим мучени-
ям только потому, что жил в миру. Отныне мирская
жизнь не для меня. Поэтому благослови меня, госу-
дарь, на уход из суетного мира». Получив от царя
милостивое благословение, жрец отказался от своих
огромных богатств и, покинув свою обливающуюся
слезами родину, отринул все мирское и стал отшель-
ником. Поселясь в Гималаях, он со временем достиг
озарения, овладел всеми совершенствами и тем под-
готовил себя к возрождению в мире Брахмы».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель
истолковал джатаку, сказав: «Распутной царицей в
ту пору была отроковица Чинча, царем — Ананда,
домашним же жрецом царя — я сам».

Джатака о траве кўса (121)

Словами: «Пусть низко положение друга...» —
Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рас-
сказ о верном друге торговца Анатхапиндики.

Много раз подступали к Анатхапиндике друзья
и приятели, родственники и свойственники с такими
предостережениями: «Великий торговец, этого твое-
го приятеля ни по знатности, ни по положению, ни
по богатству нельзя признать даже равным тебе, и
уж тем более высшим. Зачем же ты поддерживаешь
с ним столь близкие отношения? Не води с ним
дружбу». Анатхапиндика, однако, отвечал им: «Дру-
жить можно не только с равными себе, но и с низ-
шими и с высшими». И не слушал их предостереже-
ний. Хуже того, когда он поехал из города собирать
подать с крестьян своей деревни, то управителем
над всем своим хозяйством он оставил именно этого
друга. Дальнейшее нам уже известно. Все случи-

лось в точности так, как рассказано в «Джатаке о приносящем несчастье». Когда Апатхапиндика пришел к Учителю с рассказом обо всем, что произошло у него в доме, Учитель, выслушав его, молвил: «О мирянин, настоящий друг никогда не может быть ниже тебя. Истинное мерило дружбы — верность. Если друг равен тебе или выше тебя хоть в чем-нибудь, его следует особо отличать. Случись с тобой какая-нибудь беда, только настоящий друг поспешит прийти к тебе на помощь. В этом существовании только благодаря преданному другу ты остался хозяином своего дома. В прежние времена только благодаря заступничеству преданного друга богиня, обитавшая в дереве, не лишилась своего жилища». Уступая просьбам Апатхапиндики, в пояснение своей мысли, Учитель поведал торговцу о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта возродился в облике богини травы куса, эта трава в обилии росла в царских садах. Там же, в дворцовых садах, близ каменной молитвенной скамьи, выросло стройное, с могучими ветвями дерево, рúча, иначе называемое мúkкхака, удостаивавшееся особых почестей от государя. В ветвях этого дерева обитала другая богиня, которая в прошлом своем существовании была могущественным небесным властителем. Она и Бодхисатта близко сдружились.

Царь жил тогда во дворце, крыша которого покоилась на единственной деревянной колонне посередине. Деревянная опора стала шататься, и слуги доложили об этом царю. Царь велел позвать плотников и сказал им: «Видите, почтенные: в моем царском дворце одна-единственная колонна, — и та зашаталась. Достаньте новую прочную подпорку и как следует укрепите ее». «Будет сделано, государь!» — ответили плотники и отправились искать подходящее дерево. Поиски привели в конце концов в дворцовый сад, где плотники увидели дерево муккхака. Когда они вернулись во дворец, царь спросил их: «Ну что, почтенные, удалось ли вам сыскать подходящее дерево?» «Найти-то мы нашли, госу-

дарь,—отозвались плотники,—однако же срубить его не посмели». «Это почему же?» — удивился царь. «После долгих поисков, государь,—рассказали плотники,—мы пришли в твой дворцовый сад, но и там не нашли ничего подходящего для колонны, кроме священного дерева руча, которое привлекло наши взоры. Священное дерево, однако, мы срубить не решились». «Немедленно отправляйтесь в сад,—воскликнул тогда царь,—срубите это дерево и хорошенько укрепите крышу дворца, а я найду себе другое священное дерево». «Будет исполнено!» — сказали плотники и, приготовив жертвоприношения, поспешили в дворцовый сад. «Завтра мы срубим тебя»,—воскликнули они, обращаясь к дереву руча. Возложили к его корням подношения и удалились.

Услышав слова плотников, обитавшая в ветвях руча богиня помыслила: «Завтра они разрушат мое жилище. И мне придется идти куда глаза глядят, с детьми на руках». Не видя подходящего места, где бы поселиться, богиня прижала к себе своих малолетних детей и зарыдала в голос. Другие лесные богини, подруги и приятельницы этой, собрались вокруг нее и стали ее спрашивать, что случилось. Узнав об угрозе плотников, все они, не в силах ничем ей помочь, обняли подругу и принялись вместе с ней плакать. В это самое время появился Бодхисатта, который решил навестить богиню, обитавшую в дереве руча. Узнав обо всем, Бодхисатта принялся утешать богиню дерева. «Успокойся! Не тревожься ни о чем! — ободрял он ее. — Я не допущу, чтобы плотники срубили дерево. Вот увидишь!»

На следующий день, еще до того, как явились плотники, Бодхисатта в обличье хамелеона подполз к дереву руча. Через скрещенья корней он проник в самую сердцевину дерева и прогрыз ход наверх, к средним ветвям дерева, одновременно проделывая множество отверстий в коре, так чтобы дерево казалось испорченным. Затем Бодхисатта устроился на развилке ветвей, лежал там и тряс головой. Когда пришли плотники, старший из них увидел хамелеона, шлепнул по коре ладонью и воскликнул: «Да

это дерево все источено и прогнило изнутри! Напрасно мы вчера приносили ему жертву». Разочарованные тем, что это огромное дерево оказалось таким непрочным, плотники с ругательствами ушли прочь. Так, благодаря Бодхисатте, богиня дерева осталась хозяйкой своего жилища.

Когда многочисленные подруги и приятельницы дерева руча явились к ней с выражением дружеских чувств, радостная оттого, что сохранила свой дом, богиня воспела Бодхисатте великую славу. «Дорогие мои,— говорила она,— при всем своем могуществе, мы проявили леность мыслей и неразумие. Никто из нас не мог придумать, как спастись от беды. Богиня же, обитающая в стеблях травы куса, наделена высшей мудростью, и благодаря ей я и осталась хозяйкой своего жилища. Поистине, друзей следует искать и среди равных себе, и среди высших, и среди низших тоже. Любой друг, кто бы он ни был, стремится избавить близких ему от свалившейся на них беды и вернуть им спокойствие и счастье». И, воздавая должное преданной дружбе, богиня дерева руча спела такой стих:

Пусть низко положение друга, ему, как дереву — трава,
В беде всемерно помогайте,— и вам помогут божества!

Наставив окруживших ее подруг, лесных богинь, в дхамме, богиня добавила: «Помните же, что те, кто нуждается в избавлении от страданий, должны принимать помощь не только от равных или старших, но и от низших, если они одарены мудростью. Богиня дерева руча и богиня травы куса прожили весь свой век, оставаясь добрыми подругами, а с истечением срока перешли в иные рождения в согласии с накопленными заслугами».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Богиней дерева руча в ту пору был Ананда, богиней же травы куса — я сам».

Джатака о глупце (122)

Словами: «Глупец не впрок владеет славой...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал свой рассказ о Девадатте.

Как-то раз монахи, сойдясь в зале собраний, дружно осуждали Девадатту. «Почтенные, — говорили они, — этот человек взирает на сверкающий, подобно полной луне, лик Татхагаты, отмеченного тридцатью двумя большими и восемьюдесятью малыми признаками величия, — Татхагаты, окруженного сиянием, распространяющимся на несколько шагов вперед, на излучающего чудотворный свет, являющего пары враждующих одна с другой стихий, — Татхагаты, купающегося в лучах истинного просветления, сосредоточенного на высшем блаженстве, — взирает на все это Девадатта, однако не может достичь прояснения в мыслях своих и продолжает завидовать Татхагате! И, когда этот ничтожный слышит, как воздают Учителю хвалу в таких словах: «Пробужденный воистину наделен знанием высоких нравственных заветов, способностью к глубокому самососредоточению, мудростью, стремлением к спасению и умением объяснить путь, ведущий к спасению», — он просто выходит из себя, ибо не питает к Учителю ничего, кроме великой зависти». Так говорили между собой монахи, когда Учитель, войдя в залу, спросил их, по обыкновению: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» Услыхав их ответ, Учитель заметил: «О бхиккху, не только ведь ныне Девадатта исходит завистью, когда слышит хвалы мне, но и в прежние времена он отличался такой же завистливостью». И, поясняя сказанное, Учитель поведал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на престоле Магадхи, в столице Раджагахе, восседал царь по имени Магадха, Бодхисатта возродился слоном безупречно белого цвета. Он обладал столь дивной красотой и сложением, что, едва увидев его, царь подумал: «Этот слон непростой», и велел сделать его своим священным царским слоном.

Однажды по случаю какого-то празднества, когда весь город был пышно разубран, будто обитель богов, царь воссел на своего священного слона, также разукрашенного, как только можно себе вообразить, усыпанного драгоценностями, и в сопровождении огромной свиты стал совершать торжественный объезд города. Толпы горожан, собравшихся на улицах, восхищаясь необыкновенной красотой священного слона, кричали: «Как этот слон красив! Какая у него плавная поступь! Поистине, он средоточие всех совершенств! Только столь прекрасный, ослепительно белый слон достоин носить на себе повелителя всей земли!» В этих и подобных выражениях они непрерывно славословили священного слона. Слыша их восторженные похвалы, царь исполнился великой зависти. «Сегодня же сделаю так, что этот слон свалится с горы в пропасть и разобьется насмерть», — решил он, подозвал к себе погонщика и спросил его: «Этот слон обучен тобою?» «Да, — ответил погонщик, — выучка у него превосходная». «А я тебе говорю, что у него плохая выучка», — сказал царь. «Нет, государь, — возразил погонщик, — выучка у него хорошая». «Ну, а если у него и впрямь хорошая выучка, — молвил царь, — сможет ли он взобраться на вершину горы Вепулла?» «Да, государь», — подтвердил погонщик. «Вот и прекрасно, — обрадовался царь, — пусть заберется на гору».

С этими словами он сошел со слона, поручил его своему погонщику, а сам направился к подножию горы. Сидя на спине слона, погонщик спокойно въехал на самую вершину горы Вепулла. Тогда и царь, сопровождаемый многочисленными советниками и придворными, поднялся на гору, велел поставить слона у самого края пропасти и сказал погонщику: «Ты говоришь, что он хорошо выучен: прикажи ему стоять на трех ногах». Погонщик взобрался на спину слона и, легонько кольнув его за ушами стрекалом, велел: «Встань, друг, на три ноги», — и слон встал. «Пусть встанет на одни передние», — потребовал царь, и слон, воплотивший в себе Великосущного, задрав заднюю половину туловища, встал на одни передние ноги. «Теперь — на

задние», — распорядился царь, и, едва он успел это произнести, как слон послушно поднял передние ноги и встал на одни задние. «Пусть встанет на одну ногу», — вскричал тогда царь, и тотчас же слон подобрал три ноги. Видя, что слон все не падает в пропасть, царь выкрикнул в ярости: «Если ты и впрямь столь искусен в своем ремесле, заставь его стоять в воздухе».

«Во всей Джамбудипе ведь не сыщешь другого, столь же хорошо выученного слона, — подумал погонщик. — Царь, верно, хочет, чтобы слон рухнул в пропасть и разбился насмерть. Нет никакого в том сомнения». И он прошептал слону на ухо: «Дорогой, царь хочет, чтобы ты упал в пропасть и разбился насмерть, он просто не достоин владеть тобой. Если ты только обладаешь способностью передвигаться в пространстве, взвейся в воздух и перенеси в Бенарес». И в тот же миг Великосущный, наделенный способностью творить чудеса благодаря святым заслугам, накопленным в прежних существованиях, поднялся и повис в пространстве. И сказал тогда погонщик царю: «Государь, благодаря своим великим заслугам этот слон может творить чудеса. Но не подобает ему принадлежать столь скудоумному, обладающему столь малыми заслугами властителю, как ты: им должен владеть только мудрый, вкушающий плоды добра, сотворенного в прежних рождениях, царь. Когда подобные тебе низкие люди обретают власть над прекрасными животными, то, не понимая их достоинств, эти люди стремятся их погубить и тем самым приводят к бесславной гибели и себя, и всех окружающих». И погонщик спел такой стих:

Глупец не впрок владеет славой.
Пустым словам его не верьте.
Он всех уводит за собою
путем насилия и смерти.

Наставив так царя в дхамме, вожатый добавил: «Ну, а ты оставайся ни с чем». С этими словами он взлетел на слоне под облака, перенесся в Бенарес и повис там над царским дворцом. И все горо-

жане кричали в великом возбуждении: «Нашему государю прямо с небес явился дивный слон. Он висит сейчас над царским дворцом». Узнав о случившемся, бенаресский царь вышел из дворца и сказал слону: «Если ты пришел сюда ради моего блага, спустись на землю». Бодхисатта покорно опустился наземь, погонщик же, сойдя со слона, почтительно нал ниц перед царем. «Откуда вы, любезный?» — спросил бенаресский властелин. «Из Раджагахи, государь», — ответил погонщик и рассказал обо всем, что случилось. «И вы превосходно сделали, любезный, что явились ко мне», — воскликнул восхищенный царь, выслушав погонщика. И, радуясь своему приобретению, он приказал украсить весь город и торжественно ввести прекрасное животное в особое стойло, предназначенное для священного царского слона. Затем он поделил все царство на три части: одну часть выделил Бодхисатте, другую передал во владение погонщику, а третью сохранил за собой. Со дня появления Бодхисатты в облике белого слона владения царя стали расти, покуда вся Джамбудипа не оказалась под его правлением. Но, и став первым повелителем во всей Джамбудипе, он продолжал щедро подавать милостыню и творить иные добрые дела, а когда пришел тому срок, перешел в иное рождение в согласии с накопленной заслугой».

И, завершая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Царем Магадхи в ту пору был Девадатта, властителем Бенареса — Сарипутта, наставником слонов — Ананда, слонем же — я сам».

Джатака о рукояти плуга (123)

С восклицания: «Когда глупец к сравненьям прибегает...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — принялся рассказывать о тхере по имени Лалу-дйин.

Этот тхера, рассказывают, произнося слова дхаммы, никогда не знал, что́ следует говорить в одном месте, а что́ в другом. Так, во время праздника, когда все ждали от него благословений, он вдруг раздражался словами, предвещающими несчастье: «Вне огороженных пространств обретаются они и на пересечениях больших дорог!» А в дни скорби он вдруг обращался к славословиям, словно воздавал хвалу обрушившимся несчастьям. «Да будут благословенны такие дни, как сегодня,— восклицал он,— и да снизойдет на вас такая же благодать, как ныне, сто и тысячу раз!»— или даже: «Благодатью наполнили мысли свои многие боги и люди!»

Как-то раз, сойдясь в зале собраний, монахи принялись дружно осуждать его, говоря: «Почтенные, этот Лалудайи просто не знает, где что говорить: везде и всюду он несет нечто несуразное». В эту самую минуту вошел Учитель и спросил: «О ком это вы, братия, здесь беседуете?» «О Лалудайи»,— ответили монахи. «О бхиккху,— сказал тогда Учитель,— не только ведь ныне Лалудайи, едва открыв рот, начинает нести вздор, не ведая, что можно говорить, а чего нельзя: он и в прежние времена, да и всегда, был таким же точно болваном». И, поясняя сказанное, Учитель поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился сыном богатого брахмана. Впоследствии выучившись в Таккасиле всем наукам, он вернулся в Бенарес и стал всемирно прославленным наставником, у которого было сразу пятьсот юных брахманов-учеников. Среди этих учеников был один непроходимо тупой и неспособный юнец. Хотя он вместе со всеми остальными внимал словам дхаммы, толкуемой Учителем, но из-за скудоумия своего ничего не мог запомнить и в конце концов, прекратив тщетные старания, просто стал помогать наставнику, исполняя всевозможные работы как простой прислужник.

Однажды после вечерней трапезы Бодхисатта удобно уселся и, желая отпустить юношу, который

уже умастил ему руки, ноги и как следует размял мускулы, молвил ему: «Поставь-ка, любезный, подпорки под мое ложе и можешь идти». Юноша нашел подставку под ложе наставника с одной стороны, но никак не мог сыскать подпорки для другой стороны и, подставив собственную ногу, просидел так целую ночь. Наутро, встав ото сна, Бодхисатта увидел юношу и удивился: «Что это ты здесь сидишь, любезный?» «Наставник,— ответил юноша,— я не мог сыскать, чем подпереть твоё ложе, и подставил собственную ногу, поэтому-то я здесь и сижу». Речь юноши тронула Бодхисатту. «Какая необыкновенная преданность! — подумал он. — Сколь услужлив самый тупой и неспособный из моих учеников! Как бы мне наставить его?» И, размышляя так, Бодхисатта в конце концов решил: «Все же есть одно средство! Я буду посылать этого юношу в лес за хворостом или листьями, а по возвращении буду его расспрашивать о том, что он видел или сделал. И, когда он мне ответит, что видел, мол, то-то и то-то или сделал то-то и то-то, спрошу его, на что похоже увиденное или услышанное им. Отвечая на мои расспросы, как выглядит та или иная вещь, он вынужден будет прибегать к сравнениям и задумается, почему или как произошло. что-то и какова связь между этой вещью и другими вещами. И так, постепенно, побуждая его подыскивать все новые и новые сравнения и устанавливать все большее число причин и следствий, я смогу развить его разум». Приняв такое решение, Бодхисатта позвал к себе юношу и сказал ему: «Послушай, милый! Теперь каждый раз, после того как ты сходишь за дровами или же за листьями, являйся ко мне и рассказывай обо всем, что видел по дороге, чем забавлялся, что ел или пил,— словом, обо всем». «Хорошо, Учитель»,— охотно согласился юноша.

Однажды он пошел за хворостом вместе с другими учениками и, увидев в лесу змею, сообщил потом Бодхисатте: «Наставник, я видел змею». «На что же, дорогой, была она похожа?»— спросил Бодхисатта. «На рукоять плуга»,— ответил

юноша. «Прекрасно, дорогой,— обрадовался Бодхисатта.— Сравнение превосходно: ведь змеи и впрямь напоминают изогнутые рукоятки плуга». «Этот отрок нашел хорошее сравнение,— подумал он,— значит, я все-таки сумею развить его ум». В другой раз юноша увидел в лесу слона и рассказал потом Бодхисатте: «Я видел слона, наставник». «А на что же, дорогой, похож слон?» — спросил его Бодхисатта. «На рукоять плуга», — повторил юноша. Бодхисатта ничего не сказал, но про себя подумал: «Слоновий хобот, конечно, похож на рукоять плуга и вместе с клыками, пожалуй, напоминает плуг. Неразумие, видимо, мешает ему отделить мысли о слоне от мыслей о слоновьем хоботе, конечно же, он имел в виду только хобот». В третий раз юношу пригласили отведать сока сахарного тростника. «Наставник,— воскликнул он, когда пришел к Бодхисатте,— сегодня я пил сок сахарного тростника!» «А на что похож тростник?» — спросил его наставник. «На рукоять плуга», — ответил, как и прежде, юноша. «Сравнение не очень удачное», — подумал Бодхисатта, но вслух ничего не сказал. На четвертый день кто-то пригласил учеников к себе в дом и попотчевал их простоквашей с сахаром. В другом месте их напоили молоком. «Наставник, сегодня мы лакомимся простоквашей и молоком», — сказал юноша, придя к Бодхисатте. «А на что же похоже молоко с простоквашей?» — спросил наставник. «На рукоять плуга», — снова повторил юноша.

Тут уже, потеряв терпение, наставник воскликнул, обращаясь к собравшимся: «Когда этот ученик говорил, что змея похожа на рукоять плуга, он был прав; когда он утверждал, что слон тоже напоминает рукоять плуга, то он, видимо, имел в виду хобот слона и был поэтому отчасти прав. Крупица смысла была и в сравнении, угодившем тростник рукоятки плуга. Что же до простокваши и молока — белых жидкостей, всегда принимающих форму сосуда, в который налиты, то это его сравнение не годится ни для того, ни для другого. Нет, этого болвана ничему не выучить». И Бодхисатта спел такой стих:

Когда глупец к сравненьям прибегает,
дивятся все пеленейшим потугам:
От простоквашн плуг не отличая,
он называет простоквашу плугом».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Глупым отроком был в ту пору наш Лалудайи, прославленным же во всем мире наставником — я сам».

Джатака о Катахаке (125)

С восклицания: «Катахака, скромнее будь...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ об одном не в меру хвастливом бхиккху. Рассказ этот напоминает тот, что уже приводился ранее. А вот что Учитель поведал о прошедшей жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил на земле и был очень богатым торговцем. Жена родила ему сына, и в тот же самый день их служанка тоже разрешилась сыном. Дети росли вместе, и когда сына торговца стали учить грамоте, его слуга, сын служанки, подносил ему доску для письма и одновременно с ним выучился читать и писать. Потом слуга выучился и другим вещам. Вырос он красивым юношей с хорошо подвешенным языком и звали его Катахакой. В доме торговца Катахака присматривал за всем хозяйством. И вот, занимаясь делами, стал он думать: «Не удержаться мне всю жизнь на этом месте: за какой-нибудь незначительный проступок меня изобьют, свяжут, заклеят позором и принудят вкушать то, что и полагается слуге. В дальней стороне живет другой торговец, приятель моего хозяина. Что, если мне отправиться к нему, прихватив с собой письмо, составленное якобы самим хозяином? Представляюсь я хозяйским сыном, войду к тому торговцу в доверие, женюсь на его дочери и заживу на славу».

Приняв такое решение, Катахака стал сочинять письмо: «Я отправляю к тебе,— написал он за хозяином,— своего сына по имени такой-то. Хорошо бы нам породниться, поженив наших детей,— это связало бы наши семьи еще более тесными узами. Отдай этому юноше, моему сыну, в жены свою дочь. Пусть молодые пока поживут у тебя, а я, как только смогу, приеду к вам». Катахака запечатал письмо печатью хозяина, захватил с собой побольше денег, так чтобы ни в чем себе не отказывать, умастил тело благовонными мазями, надел богатое платье, приукрасился и отправился в путь. Он явился к торговцу, который жил в дальней стороне, и с почтительным приветствием стал перед ним чуть поодаль. «Откуда ты, любезный?»— спросил торговец. «Из Бенареса»,— ответил Катахака. «Чей ты сын?»— вновь спросил торговец. «Бенаресского торговца»,— сказал Катахака. «Что же привело тебя ко мне?»— осведомился торговец. «Вот, возьми: прочтешь — и все узнаешь»,— молвил Катахака, подав ему письмо. После того как торговцу прочитали письмо, он воскликнул радостно: «Теперь-то у меня жизнь пойдет на лад»,— велел привести дочь, выдал ее за Катахаку и поселил молодых в своем доме. Жил Катахака в большом почете, однако какую бы пищу — жидкую ли, твердую — ему ни подавали он, всегда недовольно бурчал: «Кто же так готовит первое? Что это за второе? И что это вообще за еда?» Какие бы одежды и благовония ему ни подносили, он сердито цедил сквозь зубы: «В этой глуши и понятия не имеют о том, какие сейчас носят накладки. Здесь и слыхом не слыхивали, как пользоваться благовониями и подбирать цветы для гирлянд. Одно слово — деревенщина».

После исчезновения своего слуги Бодхисатта стал расспрашивать: «Не видели ли Катахаки? Куда он подевался?» Чтобы его разыскать, он разослал верных людей в разные места. Один из них забред и в тот дальний край, где жил теперь Катахака. Встретив и узнав бывшего слугу, он не открылся ему, вернулся в Бенарес и рассказал обо всем Бодхисатте. «Недостойное он совершил,— сказал Бод-

хисатта, выслушав посланного, — недостойное. Что ж, отправлюсь-ка я сам в те места и займусь этим делом, а потом ворочусь в Бенарес». И вот, с разрешения владыки бенаресского, Бодхисатта в сопровождении огромной свиты выехал к дальним пределам царства. Известие об этом распространилось повсюду и достигло Катахаки. Бывший слуга встревожился. «Нет у него тут никаких особых дел, — размышлял Катахака, — и едет он сюда, скорее всего, из-за меня. Если я сейчас сбегу, то мне уже никогда не вернуться. Есть, однако, одно средство умиловить хозяина: надо выйти к нему навстречу и, ублажая его как слуга, снискать его расположение». И вот однажды, в присутствии всех домочадцев, Катахака объявил: «Молодые люди обычно неразумны: они не умеют оказывать должных почестей родителям; не знают и не понимают их достоинств. Все такие молодые люди, кроме меня, едят вместе со своими родителями, только я один, во время еды, стою возле своих родителей: подаю им, меняю миски, подношу плевательницы, накладываю пищу, подливаю воду и машу опахалом — словом, всячески обхаживаю своих родителей». И он показал слугам, как им следует вести себя по отношению к хозяевам, даже объяснил им, что они с кувшином воды в руках должны сопровождать хозяина к отхожему месту, когда тот захочет облегчить себя. Наставив так всех своих домашних, Катахака, перед самым прибытием Бодхисатты, сказал своему тестю: «Батюшка, говорят, мой родитель уже совсем близко. Прикажи сварить, сколько нужно и какой нужно, пищи и приготовить все необходимое для моего отца, который хочет повидаться с тобой, — я же встречу его на дороге и почтительно поднесу ему подарки». «Хорошо, милый», — согласился тесть.

Набрав множество подарков, сопровождаемый большим числом родни и слуг, Катахака вышел встречать Бодхисатту и с любезным приветствием вручил ему подношения. Бодхисатта принял все и обласкал Катахаку. После завтрака, когда все прибывшие устроились в доме, Бодхисатта пошел

справить нужду. Катахака же, отстранив всех слуг, схватил кувшин с водой и отправился следом за Бодхисаттой. Он помог хозяину совершить омовение и рухнул на землю с мольбой о прощении. «Господин,— восклицал Катахака,— я дам тебе, сколько пожелаешь, денег, только не губи меня». «Не бойся,— молвил ему в ответ Бодхисатта, довольный, что Катахака не забыл своих обязанностей,— я не стану тебя губить». Ободрив слугу, Бодхисатта отправился осматривать этот дальний город, и жители оказали ему восторженный прием. Катахака неотлучно находился при хозяине и исполнял все, что положено слуге. Улучив подходящую минуту, тесть Катахаки уселся поудобнее и сказал Бодхисатте: «Великий торговец! Как только мне прочитали твое письмо, я тотчас же решил выдать свою дочь за твоего сына». Бодхисатта ответил другу подобающей любезной речью, чем очень порадовал торговца. Катахаку он не переставал величать своим сыном. Однако с того дня Катахака стал ему противен уже одним своим видом.

Однажды Великосущный подозвал к себе дочь торговца и попросил ее: «Поищи у меня в голове, милая». Когда она, подойдя, искала у него в голове, Бодхисатта ласково ее поблагодарил и обратился к ней с таким вопросом: «Скажи мне, милая, способен ли мой сын сохранять разум и выдержку в радости и в беде и счастливы ли вы с ним?» «Батюшка,— ответила ему дочь торговца,— у сына твоего только один недостаток: он вечно бранит все, что ему подают». «Да, милая,— вздохнул Бодхисатта,— он и прежде-то не умел вести себя, но ничего: я сейчас скажу тебе заклинание, которое сразу же прекратит его воркотню, а ты выучи это заклинание наизусть. Всякий раз за едой, как только этот «мой» сын начнет ругать то, что ему подали, встань перед ним и произнеси вслух эти слова». Сказав так, Бодхисатта заставил жену Катахаки выучить наизусть заклинание. После этого разговора Бодхисатта прогостил недолго — он поехал назад, в Бенарес. Катахака же, прихватив с собой множество яств, отправился проводить его в дорогу. Почти-

тельно простясь с Бодхисаттой, он одарил его дорогими подарками, а потом повернул домой.

Со времени отъезда Бодхисатты Катахаку одолевала необыкновенная гордыня. Однажды он обедал. Жена подавала ему различные блюда, одно другого вкуснее. Но стоило ей взяться за черпак, чтобы положить ему пищи, как Катахака принимался бранить все приготовленное. Тут дочь торговца, вспомнив заклинание, которому выучил ее Бодхисатта, спела Катахаке такой стих:

Катахака, скромнее будь. Довольно корчить привереду. Не то, чтоб обличить тебя, я снова в эту глушь приеду.

«Ну и дела! — подумал Катахака, услышав, что спела ему жена. — Наверняка торговец назвал ей мое настоящее имя и рассказал всю правду». С тех пор он больше уже никогда не отваживался бранить еду, которую ему подавали, и, умерив свою гордыню, скромно съедал все, что полагалось, после же смерти, в новом своем рождении он тоже вкусил все, что ему полагалось».

Завершая наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Катахакой в ту пору был не в меру хвастливый бхиккху, бенаресским же торговцем — я сам».

Джатака о приметах мечей (126)

Словами: «Что было одному благословеньем...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о брахмане, подданном царя Косалы. Этот брахман мог по особым приметам предсказать, сулит ли меч удачу или нет.

Рассказывают, что каждый раз, когда кузнецы выковывали новый меч и приносили его к царю, брахману стоило только понюхать клинок, и он уже мог сказать, сулит меч удачу его владельцу или же нет. Брахман этот, однако, был нечист на руку: дадут ему денег, он говорит, что меч непременно

сулит удачу, а ничего не дадут, он сердито ворчит: «Этот меч сулит неудачу!»

Однажды некий кузнец, выковав меч, насыпал в ножны мелко помолотого порошка черного перца и принес меч к царю. Царь призвал брахмана и велел ему осмотреть меч. Брахман вытащил клинок из ножен и понюхал его. Крупинцы перца попали ему в нос и стали щекотать ноздри. Не удержавшись, брахман чихнул изо всей мочи. И когда чихал, ударился об острие ножа и рассек нос надвое!

История о том, как брахман рассек собственный нос, стала известна всем монахам. Как-то раз, сойдясь в зале собраний, монахи говорили между собой: «Вы слышали, почтенные? Брахман, который похвастается умением узнавать, сулит ли удачу меч, порезал себе нос, когда обнюхивал царский меч». В это самое мгновение в залу вошел Учитель и спросил собравшихся: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» Когда монахи рассказали ему обо всем, Учитель заметил: «О бхиккху, не только ведь ныне брахман этот, нюхая меч, ухитрился порезать себе нос, но и в прежние времена с ним уже случалось подобное». И он поведал им о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, был при царе некий брахман, который умел предсказывать, принесет ли меч удачу своему владельцу или же нет. С ним произошло все то, о чем уже рассказывалось. Как и первый брахман, он, чихая, отхватил себе мечом кусок носа. Царь тотчас же призвал знахарей, и они сумели как-то прилепить к носу брахмана нашлепку и подкрасить ее в естественный цвет, так что нос опять стал таким, как и прежде, и брахман снова мог исполнять свои обязанности при царе.

Здесь самое время сказать, что у бенаресского правителя не было сына, а только малолетняя дочь да еще племянник, сын сестры. Оба ребенка жили и воспитывались вместе в царском доме. Когда же они выросли, то почувствовали друг к другу сердечное влечение. Царь, узнав о том, призвал

к себе своих советников и сказал: «Мой племянник — законный наследник трона; если я решусь выдать за него свою дочь, мне придется возвести его в сан первого наследника». В тот миг, когда царь произносил эти слова, пришла ему в голову другая мысль: «Мой племянник — и без того человек мне близкий. Женю-ка я его на дочери другого царя и провозглашу наследником престола, а дочь выдам еще за какого-нибудь властителя. Так у меня повсюду окажется полно родни, и род наш будет править сразу двумя царствами». Обсудив это со своими советниками, царь пришел вместе с ними к решению, что лучше всего разлучить обоих влюбленных, и велел поселить племянника в одном крыле дворца, а дочь — в другом.

В это время царской дочери и племяннику было лет по шестнадцати, их взаимное любовное влечение стало непреодолимым. «Как бы мне сделать так, чтобы дядина дочь вышла из другой половины дворца», — долго размышлял молодой человек и, наконец, придумал одно средство. Он велел привести к себе женщину, искусную в предсказании судьбы, и дал ей тысячу золотых монет. «Что я должна для тебя сделать?» — спросила его вещунья. «Матушка, тебе везет во всех твоих делах, — сказал юноша. — Сделай так, чтобы дочь моего дяди вышла из женской половины дворца». «Хорошо, господин, — согласилась вещунья, — я пойду к царю и скажу ему: «Государь, в твою дочь вселился злой дух. Это случилось давно, и он уже не так всесилен, как прежде. В один прекрасный день я велю посадить твою дочь в повозку, и мы с ней под охраной хорошо вооруженных стражников отправимся на то место, куда свозят мертвецов. Там я прикажу очертить волшебный круг на земле и поставить в этот круг ложе, под ложе я велю положить мертвое тело, а на ложе — твою, государь, дочь. Затем я прикажу выкупать твою дочь, для чего одной розовой воды потребуется сто и еще восемь кувшинов. И так изгоню злого духа из тела твоей дочери...» Сказав это государю, — продолжала вещунья, — я отвезу царскую дочь на то

место, где сваливают мертвецов. Ты же, как только узнаешь, что мы отправились туда, садись в колесницу и в сопровождении хорошо вооруженных воинов поезжай к тому же месту и обязательно поспей прежде нас. Да не забудь прихватить с собой толку молотого черного перца... Когда прибудешь на место, вели своим людям спрятать колесницу, а самим укрыться в тамошнем лесу. Потом ступай прямо туда, где сваливают мертвецов, войди в очерченный круг, ляг наземь и притворись мертвым. Я приду туда и велю поставить ложе прямо над тобой. Сверху положат царскую дочь; ты же в этот миг сунь себе в нос крупинку черного перца да хорошенько чихни два-три раза. Услыхав твое чихание, мы, забыв про царскую дочь, кинемся наутек; ты же вылезь из-под ложа, выкупай царскую дочь с ног до головы, потом сам вымойся и вместе с царской дочерью поезжай во дворец». «Превосходно придумано! — обрадовался юноша. — Просто замечательно!» — и принял предложение вещуньи.

Вещунья отправилась к царю и убедила его, как было уговорено, что царевна больна. Государь принял предложение вещуньи, затем вещунья поговорила с самой царевной, и та тоже изъявила согласие. И вот настал день, когда решено было ехать на свалку мертвецов. Предупредив заранее юношу, вещунья в сопровождении огромной свиты отправилась в путь. Стараясь напугать своих спутников, она сказала им: «Когда я уложу царскую дочь на ложе, мертвец, что будет внизу, примется чихать; чихнув раз-другой, он выскочит из-под ложа и схватит первого попавшегося. Будьте осторожны!» Юноша приехал раньше их и, как было уговорено, лежал, притворяясь мертвецом. Вещунья взяла за руку царскую дочь, ввела ее в очерченный круг и, шепнув: «Не бойся!» — уложила царевну на ложе. В тот же миг юноша сунул себе в нос крупинку черного перца и принялся чихать. Вещунья тотчас же выпустила руку царской дочери и с громким воплем кинулась прочь, увлекая за собой остальных. Видя, как она удирает, никто не смог устоять на месте, все бросились кто

куда, побросав захваченное из дому оружие. Юноша сделал все, что ему было наказано, и вместе с царской дочерью поехал во дворец.

Вещунья же явилась к государю и сообщила ему о том, что дочь его и племянник случайно соединили свои судьбы. «Что ж,— подумал царь,— дочь моя с самого рождения предназначалась в жены племяннику. Они столь же хорошо подходят друг другу, как жидкое топленое масло и рисовая каша». И он дал согласие на брак дочери и племянника. Со временем он передал племяннику престол, а дочь свою сделал царицей. Племянник, став царем, жил со своей женой в мире и счастливом согласии и правил царством в соответствии с дхаммой. Брахман же, который судил о мечях по приметам, начал служить новому повелителю.

Случилось однажды этому брахману прислуживать царю. Стоял он против солнца, лак на носу у него растаял, пашлепка свалилась на землю. Брахман, сгорая от стыда, стоял перед царем, низко опустив голову. Заметив его смущение, государь сказал со смехом: «О наставник, пусть это не тревожит тебя: ведь одному чих приносит несчастье, а другому — счастье. Ты чихнул — рассек себе нос, а вот я чихнул — и получил в жены дядюшкину дочь да и царство в придачу». И он спел такой стих:

Что было одному благословеньем,
другому только горе принесло.
И стало быть, не все на свете благо,
и стало быть, не все на свете зло.

Так, в стихах молодой царь разъяснил тем, кто там был, суть происшедшего. Всю остальную жизнь он прожил, подавая милостыню и творя иные добрые дела, а с истечением срока перешел в другое рождение в согласии с накопленными заслугами.

И, желая показать слушавшим всю многогранность мира, в котором благостное переплетено с дурным, Учитель так истолковал джатаку: «Брахманом, который судил о мечях по приметам, был в ту пору этот самый брахмап; царским же племянником, унаследовавшим престол, был я сам».

Джатака *о кошачьих повадках (128)*

С восклицания: «Кто стягом дхаммы прикрывает мысли...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — принялся рассказывать о монахе-притворе.

Когда Учителю рассказали, сколь велико притворство этого монаха, он заметил: «О бхиккху, не только ведь ныне, но и в прежние времена он отличался столь же великим притворством», и поведал слушающим о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта возродился на земле в облике огромной, чуть не с поросенка, мыши. Был он наделен большим умом и жил в лесу, предводительствуя многими сотнями других мышей. Однажды, увидав эту мышиную стаю, какой-то бродячий шакал подумал: «Войду-ка я к этим мышам в доверие, а потом их съем». Приняв такое решение, он расположился возле мышинной норы. Стоял на одной ноге и глядел не мигая прямо на солнце. Кормился он одним воздухом. Отправляясь на поиски корма, Бодхисатта увидел его в таком положении и, подумав: «Должно быть, это — великий святой», — подошел ближе и спросил: «Как твое имя, почтенный?» «Меня зовут Дхаммика — «Преданный дхамме», — ответил шакал. «Почему ты, стоя на земле, опираешься не на все четыре лапы, а только на одну?» — снова спросил Бодхисатта. «Если бы я оперся всеми четырьмя лапами, земля не выдержала бы моей тяжести; потому-то я и стою на одной ноге», — объяснил Бодхисатте коварный шакал. «Почему же ты так широко разинул пасть?» — продолжал расспрашивать Бодхисатта. «А потому, — сказал шакал, — что я не ем ничего другого, кроме воздуха: одним воздухом кормлюсь». «Почему ты глядишь прямо на солнце?» — спросил еще Бодхисатта. «А потому, — ответил шакал, — что я воздаю солнцу почести». «Должно быть, он очень добродетелен», — подумал Бодхисатта, выслушав шакала. И с тех пор он вместе с остальными мышами по утрам и вече-

рам приходил к шакалу и почтительно ему кланялся.

После того как мыши выражали таким образом свое почтение, шакал хватал заднюю мышь, мгновенно ее проглатывал, обтирал пасть и продолжал стоять как ни в чем не бывало. Вскоре мышинный род сильно уменьшился в числе, и мыши призадумались. «В прежние времена,— рассуждали они,— мы с трудом помещались в норе, хотя и непрерывно размножались; теперь же нас стало так мало, что даже не вся нора заполнена. В чем дело?» Они рассказали обо всем своему вожаку. «По какой же это причине так уменьшился мышинный род?»— рассуждал сам с собой Бодхисатта. Подозрения его пали на шакала, и с течением времени эти подозрения окрепли. «Испытаю-ка я шакала»,— решил наконец Бодхисатта. После того как мыши оказали шакалу обычные почести, Бодхисатта пропустил всех вперед, а сам замешкался и остался последним. Шакал тотчас кинулся на него. Однако Бодхисатта был насто-роже. Заметив еще раньше, что шакал готовится к нападению, он отпрянул в сторону и, поворачась к шакалу, воскликнул: «Так вот оно что! Теперь-то мне ясно, каково твое подвижничество: не ради дхаммы, истинной самой по себе дхаммы, ты прилагал усилия, но только ради того, чтобы, прикрываясь знаменем дхаммы, истреблять живых существ!» И он спел такой стих:

Кто стягом дхаммы прикрывает мысли,
исполненные скверны, и тайком
Живых существ нещадно истребляет,
того уместно называть «котом».

С этими словами царь мышей подпрыгнул, впился зубами шакалу в шею и, добравшись до горла, враз перекусил его, лишив тем шакала жизни. Тут набе-жало множество мышей, и все принялись пожирать останки шакала— только и слышалось: «Хруп! Хруп!» И говорят, мыши, поспевшие первыми, еще сумели добыть для себя довольно шакальего мяса, а последним ничего уже не досталось. С того дня мышинный род зажил, не страшась никого и ничего».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал слушателям джатаку, сказав: «Шакалом в ту пору был монах-притвора, мышинным же царем — я сам».

Джатака о Кóсии (130)

Словами: «Коль правду говорила — пей...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свое повествование об одной женщине из Саваттхи.

Рассказывают, что у некоего добропорядочного и чистого сердцем брахмана, жившего в миру, была жена — распутная, порочная и полная всяческой скверны. По ночам она занималась любовными делами, а днем отлынивала от любой домашней работы, прикидывалась больной, проводила целые дни в постели и стонала. «Что с тобой, моя милая?» — беспокоился, бывало, муж. «Живот пучит», — отвечала притворщица. «Чего бы ты хотела поесть?» — спрашивал заботливый супруг. «Сладостей — пожирнее и побольше, — говорила жена, — а также — каши на молоке и вареного риса с маслом и еще чего-нибудь». И все, что бы она ни пожелала, брахман тотчас подавал ей. Целыми днями, как простой слуга, он занимался домашним хозяйством. Жена же его, пока муж был дома, валялась в постели, но стоило ему выйти на улицу, как она спешила предаться утехам с любовниками.

«Нет конца болезни моей несчастной жены, — подумал как-то брахман. — Живот у нее все пучит и пучит». Прихватив с собой благовония, цветы и другие приношения, он отправился напрямик в Джетавану. Оказав Учителю положенные почести, брахман скромно сел чуть поодаль. «Что это ты так долго не показывался?» — спросил Учитель. «Достопочтенный, — ответил брахман, — моя жена все время жалуется на то, что живот пучит. Вот я и потчую ее всякими вкусными кушаньями, приправленными топленым, кокосовым или иным маслом. Она у меня счесь пополнела в теле, и цвет кожи у нее пре-

красный, но болезни все нет конца. Я целыми днями хожу за женой, вот и не смог выкроить ни одной свободной минутки, чтобы прийти сюда». Учитель был уже наслышан о дурном поведении жены брахмана. «О брахман,— сказал он,— ведь еще в прежние времена мудрые говорили тебе, какое снадобье следует дать женщине, страдающей подобным недугом, чтобы сразу поставить ее на ноги. Но из-за долгой череды перерождений все это совершенно выпало из твоей памяти». И, уступая настойчивым просьбам брахмана, Учитель поведал ему о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта был брахманом, происходившим из богатой и достойной семьи. Получив образование в Таккасии, брахман этот поселился затем в Бенаресе и стал всемирно прославленным наставником молодежи. Из всех царских столиц к нему толпами стекались юные кшатрии и брахманы, желавшие выучиться у него наукам. И был там один деревенский брахман, который ходил к Бодхисатте и выучился у него трем ведам и восемнадцати основным наукам, а потом купил себе дом в Бенаресе. Хотя он и обосновался в городе, но каждый день дважды или даже трижды являлся послушать поучения Бодхисатты. Жена же у этого брахмана была чрезвычайно порочной и полной всяческой скверны. И все было точно так, как только что рассказывалось: жена прикидывалась больной, а брахман ходил за ней, исполнял домашнюю работу и поэтому долго не посещал наставника.

«Давненько не беседовал я с тобой! Где ты пропал?»— спросил наставник, когда брахман наконец пожаловал к нему. Слушая объяснения брахмана, Бодхисатта, который уже знал, что притворщица-жена обманывает мужа, валяясь в постели, помыслил: «Я присоветую дать ей самое подходящее при такой «болезни» лекарство». Приняв это решение, он сказал брахману: «Послушай, любезный! Не давай ей ничего молочного или же стотовленного на топленом масле. И вообще — никаких лакомств!

Смешай с коровьей мочой сок пяти разных плодов и фруктов, слей все это в новую медную посудину и поддержи в ней некоторое время, пока смесь не начнет отдавать металлом. Возьми затем в одну руку эту посудину, а в другую — веревку, возжужь либо хворостину, ступай к жене и скажи ей: «Вот тебе самое подходящее при твоей болезни лекарство. Либо пей его — и тогда ты поправишься, либо подымайся и хлопочи сама по хозяйству». После этого спой ей еще стих, которому я тебя выучу. А если она откажется пить, вразуми ее веревкой, возжужь либо хворостиной — хлестни несколько раз, а потом потаскай за волосы и поколоти кулаками, увидишь: она в ту же минуту встанет и примется за работу».

Выслушав совет наставника, брахман поблагодарил его, отправился домой, изготовил, как ему было сказано, смесь и подошел к жене: «Выпей, милая, это лекарство!» — сказал он. «А кто велел мне дать его?» — спросила жена. «Наставник, милая!» — ответил брахман. «Вылей эту гадость, — сказала жена, — не стану я ее принимать!» «Так ты не хочешь ради своего же собственного блага пить лекарство? — воскликнул муж, хватаясь за веревку. — Или ты сейчас же выпьешь это лекарство, очень полезное при твоей болезни, или же встанешь и примешься за дела — этим ты и заслужишь право лакомиться кашей, рисом и прочими яствами». И брахман спел такой стих:

Коль правду говорила — пей... Лгала —
вставай скорее и готовь обед.
Ты, Кóсня, больна — иль сил полна,
одно из двух, тут середины нет.

Едва только женщина, которую и впрямь звали Кóсня, услышала, что поет ее муж, она тотчас же поняла, что наставник наслышан о всех ее проделках и может рассказать о них мужу. Страшась, как бы ее не вывели на чистую воду, она подумала: «Нет, уж наставника-то мне не провести», — быстро вскочила на ноги и припнялась за домашнюю работу. «Наставник, конечно же, знает все о моей дурной жизни, — рассуждала она сама с собой, — и потому

я не должна более вести себя столь недостойно». В страхе перед наставником, исполненная к нему почтения, она с тех самых пор перестала творить дурное, проявляла сдержанность и твердо следовала нравственным заветам».

И жена брахмана, предполагая, что Всепробужденный, должно быть, знает все ее проделки, отрицала притворство и, благоговей перед Учителем, никогда уже более не вела себя недостойно.

Заканчивая наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Супружеской четой в ту пору была нынешняя чета; наставником же — я сам».

Джатака о скупости дающего (131)

С восклицания: «Не правы те, кто порывает с другом...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал свой рассказ о Девадатте.

Однажды, сойдясь в зале собраний, бхиккху затеяли такой разговор: «Этот неблагодарный Девадатта и знать не хочет великих достоинств Татхагаты. Подумайте только, почтенные!» В эту самую минуту в залу вошел Учитель и спросил монахов: «О чем это вы, братия, здесь толкуете?» Выслушав ответ, он заметил: «Не только ведь ныне, бхиккху, Девадатта выказывает неблагодарность, он и в прежние времена был столь же неблагодарным». И Учитель поведал собравшимся о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда в Раджагахе, столице царства Магадха, восседал на троне правитель по имени Магадха, Бодхисатта жил также в Раджагахе и был торговцем. Обратных денег у этого торговца было не менее восьмидесяти коти, поэтому его и прозвали Сámкхасétтхи — «Богач». А в Бенаресе в ту пору жил торговец по имени Пíлня, и у него тоже было восемьдесят коти обратных денег. Обоих торговцев связывала тесная дружба.

Но вот однажды у бенаресского торговца Пили

случились большие неприятности, он дотла разорился.

Оказавшись в крайней нужде и не зная, куда податься, он решил попросить помощи у Самкхасеттхи и вместе с женой пешком отправился из Бенареса в Раджагаху. При виде Пилии Самкхасеттхи радостно воскликнул: «Прибыл мой дорогой друг!» — и заключил Пилию в объятия. Он оказал Пилии пышный прием, несколько дней кормил и развлекал его и только потом полюбопытствовал: «За каким же все-таки делом ты приехал, дорогой?» «Друг мой бесценный, меня постигло несчастье, — ответил Пилия, — я вконец разорен, будь же мне опорой!» «Конечно же, я помогу тебе, дорогой, — молвил Самкхасеттхи. — Ни о чем не беспокойся!» С этими словами Самкхасеттхи приказал открыть сокровищницу и выдать Пилии на руки сорок коти золотом; все же остальное имущество, какое у него было: движимое и недвижимое, живое и неживое, — он разделил на две части и ровно половину тоже отдал другу. Пилия взял свою долю и отправился назад в Бенарес. Вскоре его дела снова пошли на лад.

По прошествии некоторого времени такое же точно несчастье свалилось и на Самкхасеттхи. Обдумывая, к кому обратиться за помощью, он вспомнил: «Ведь я некогда оказал Пилии большую услугу, отдал ему половину всего, что у меня было. Он не откажет мне в помощи; отправлюсь-ка я к нему». Вместе с женой Самкхасеттхи направился пешком в Бенарес. Когда они добрались до города, он сказал жене: «Вот что, милая, негоже тебе таскаться вместе со мной по бенаресским закоулкам. Подожди здесь. Я пришлю за тобой повозку, а ты садись на нее и поезжай за мной следом в приличествующем тебе виде». Оставив жену на постоялом дворе, Самкхасеттхи один отправился в город, нашел дом Пилии и велел слуге доложить хозяину о приходе старого друга — торговца Самкхасеттхи из Раджагахи.

Пилия велел впустить Самкхасеттхи, но при появлении друга даже не привстал с ложа и не сказал ему тех дружеских приветливых слов, какие положено говорить гостям, а только осведомился: «Что

привело тебя ко мне?» «Я пришел повидаться с тобой»,— ответил Самкхасеттхи. «Где же ты остановился?»— спросил Пилия. «Да пока что нигде,— признался Самкхасеттхи,— жену свою я оставил на постоялом дворе, а сам — прямо к тебе». «Ну вот что,— молвил Пилия,— здесь тебе не след оставаться. Я дам тебе немного отрубей, где-нибудь в другом месте ты сварешь их и поешь. Ступай же — и чтобы глаза мои больше тебя не видали!» Он позвал слугу и велел ему: «Насыпь моему другу прямо в полу накидки меру отрубей и завяжи покрепче!»

Между тем, рассказывают, в тот самый день на двор к Пилии доставили целую тысячу телег отборного риса, которым и набили битком его амбары, однако этот неблагодарный, этот мошенник из мошенников, принявший в свое время из рук друга не моргнув и глазом сорок коти, теперь приказал выдать другу одну меру отрубей! Слуга насыпал отрубей в корзину и вышел к Бодхисатте. «Этот дрянной человек получил от меня сорок коти, а мне сует всего лишь меру отрубей! Братъ или же не братъ?»— подумал Бодхисатта. По зрелом размышлении он решил взять. «Этот неблагодарный, вероломный человек,— рассудил он,— забыл о нашей дружбе, потому что узнал про мое разорение. Если я не приму предложенную им меру отрубей только из-за того, что это даяние слишком мало, по моей вине разорвутся дружеские узы, а губить дружбу, отказываясь от слишком скромного даяния, способны только люди, ослепленные невежеством. Возьму-ка я у него эту меру отрубей и сделаю все возможное для укрепления нашей дружбы».

Самкхасеттхи завязал в полу накидки предложенную ему меру отрубей и, покинув дом Пилии, направился на постоянный двор. «Что ты принес, господин?»— спросила жена у Самкхасеттхи. «Милая,— ответил он,— наш друг торговец Пилия жалуется нам от своих щедрот меру отрубей, с тем чтобы мы отправлялись на все четыре стороны». «Зачем же ты принял это, господин? Мера отрубей вместо сорока коти!»— воскликнула жена торговца и залилась слезами. «Милая,— успокоил ее Бодхисатта,— не надо

плакать. Я принял от него эти отруби только потому, что боялся порвать дружеские узы, соединявшие нас, я изо всех сил старался сохранить нашу дружбу. Чего же ты огорчаешься?» И Бодхисатта спел жене такой стих:

Не правы те, кто порывает с другом,
как только убедится: это скряга,
А я приму и отрубей полмеры,
бесценно дружбы нерушимой благо.

Однако и после этого жена торговца не перестала плакать. В тот самый миг мимо дверей постоянного двора проходил работник, которого когда-то Самкхасеттхи передал торговцу Пилии. Услыхав рыдания супруги Самкхасеттхи, работник зашел на постоянный двор и, увидев бывшего своего хозяина, пал к его ногам и со слезами в голосе спросил: «Зачем вы приехали сюда, господин?» Торговец рассказал ему обо всем. «Ничего, господин,— молвил работник, выслушав рассказ Бодхисатты,— не огорчайтесь!» Ободрив Самкхасеттхи и его жену, работник повел их к себе домой, нагрел воды, добавил в нее благовоний и подал прежним хозяевам, чтобы они вымылись с дороги, а потом накормил их. Обойдя всех других бывших слуг Самкхасеттхи, он оповестил их о прибытии хозяев и пригласил к себе, чтобы они повидались с Самкхасеттхи. Через несколько дней, когда гости немного оправились, работник созвал всех бывших слуг торговца. Все вместе они отправились к царскому дворцу и подняли у ворот шум. Услыхав этот шум, царь призвал их к себе и расспросил, в чем дело. Слуги Самкхасеттхи рассказали царю обо всем происшедшем.

Выслушав их, царь приказал тотчас привести во дворец обоих торговцев и, когда его повеление выполнили, спросил у Самкхасеттхи: «О великий торговец, правду ли говорят, что ты передал торговцу Пилии сорок коти денег?» «Да, государь,— ответил Самкхасеттхи,— когда мой друг, разоренный, явился в Раджагаху, то я дал ему не только денег, но и половину всего своего движимого и недвижимого имущества, живой и неживой собственности». «Верно ли это?»— спросил царь у торговца Пилии. «Да, госу-

дарь», — подтвердил тот. «Когда твой друг пришел к тебе разоренный, — продолжал царь, — почему же ты не принял его с подобающим почетом и лаской?» Пилия ничего не ответил. «Скажи хотя бы, — настаивал царь, — верно ли, что ты велел отсыпать Самкхасеттхи меру отрубей, стремясь откупиться от него этим жалким подаянием?» Пилия и на этот раз ничего не мог ответить ему и молчал. «Как с ним следует поступить?» — спросил царь у своих приближенных. Посоветовавшись с ними, он огласил свое решение. «Ступайте, — приказал царь своим слугам, — в дом к торговцу Пилии и передайте все, чем он владеет, Самкхасеттхи!» «Великий государь, не надобно мне чужого богатства, пусть только он вернет мне то, что я ему дал», — сказал царю Самкхасеттхи. И царь велел возвратить Бодхисатте все, что ему когда-то принадлежало. Получив назад деньги и имущество, Бодхисатта в окружении многочисленных вернувшихся к нему слуг и прислужников направился обратно в Раджагаху. По возвращении он привел все свои дела в порядок и жил там до самой смерти, щедро подавая милостыню и творя иные добрые дела, а с истечением отведенного срока перешел в другое рождение в полном согласии с накопленными заслугами».

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Торговцем Пилией в ту пору был Девадатта, Самкхасеттхи же — я сам».

Джатака о золотопером лебеде (136)

Словами: «Доволен обретенным будь...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о монахине Тху́лланáнде — «Толстухе».

Жил в Саваттхи некий мирянин, который снабжал чесноком общину монахинь. Этот мирянин предупредил сторожа, охранявшего его огороды: «Если придут монахини, позволь каждой из них взять по две-три пригоршни чеснока». С тех самых пор,

когда монахиням нужен был чеснок, они шли домой к этому мирянину или же прямо на его огород.

Однажды был праздник, и на приготовление угощений мирянин израсходовал весь запас чеснока. Когда Тхуллананда и другие сестры обратились к нему с просьбой дать им чесноку, он сказал, что в доме чеснока не осталось, надо идти на огород. Тхуллананда и другие монахини отправились на огород и набрали чесноку, сколько могли унести, ибо мера была им неведома. «Что за жадные монахини: таскают чеснок, не зная никакой меры!» — воскликнул возмущенный этим сторож. Когда те из монахинь, которые привыкли довольствоваться немногим, услышали его упреки, они рассердились и обиделись, а вместе с ними вознегодовали и бхиккху, которым эти умеренные в своих желаниях монахини рассказали о происшедшем.

Глубоко уязвленные монахи явились к Всеблагому и поведали ему обо всем случившемся. Учитель выбрал монахиню Тхуллананду и сказал своим ученикам: «О бхиккху, ненасытный человек воистину не испытывает любви даже к матери, которая дала ему жизнь, и не радуется ее сердца. Такой человек, исполненный безмерной алчности, не способен просветить и наставить на путь истинный никого из блуждающих во мраке невежества, а тех, кто уже вступил на этот путь, он не в состоянии побудить к самосовершенствованию. Тех, кто отказывает ему в подаении, он не может склонить к щедрости. Там, где подают в изобилии, он теряет сдержанность. Только довольствующемуся немногим дано обратить неверующего, а в верующих — пробудить стремление к самосовершенствованию; скупых он превращает в щедрых, среди обильных щедрот являет воздержание». Подобными речами Учитель наставлял внимавших ему в дхамме, а в заключение добавил: «О бхиккху, не только ведь ныне Тхуллананда проявила алчность: она и в прежние времена была столь же неумеренной». И, уступая просьбам слушателей, он поведал о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился сыном брахмана. Когда он вырос, его женили на девушке равного с ним положения и рода. Жена за время жизни с Бодхисаттой родила ему трех дочерей, и всех их называли одним именем — Нанда. По смерти Бодхисатты его семью приютили родственники. Бодхисатта же между тем родился снова — на этот раз златоперым лебедем. Благодаря прошлым своим заслугам он сохранил память обо всех прежних существованиях. Однажды, когда лебедь подрос, он залюбовался своим стройным телом, украшенным дивными золотыми перьями, которые приносят их обладателям счастье, и подумал: «Каково же было мое обличье в предыдущей жизни?» Размышляя над этим, он припомнил, что в прежнем своем существовании жил среди людей, а вспомнив об этом, задумался вновь: «Как-то там поживают моя жена и дочери?» И, узнав, что жена его и дочери живут у родственников, которые держат их только из милости, златоперый лебедь решил: «Перья у меня на теле словно выкованы из чистого золота; если время от времени я буду давать моим близким по перышку, моя жена и дочери смогут жить безбедно!»

Лебедь полетел к своим прежним родственникам и уселся на крышу их дома. Завидев Бодхисатту, его жена и дочери спросили: «Откуда ты, господин?» «Я ваш муж и отец, — сказал им Бодхисатта. — После смерти я вновь родился на земле — на этот раз в облике златоперого лебедя — и прилетел сюда повидаться с вами. Отныне вы не будете зависеть от милости родни, вам не придется больше работать на них и жить впроголодь: я буду вам давать свои перья. Продавайте их и живите себе в полном благополучии и счастье!» И, обронив одно перо, лебедь улетел. Время от времени он возвращался к своим близким и каждый раз дарил им по золотому перу; прежняя жена Бодхисатты и его дочери продавали эти золотые перья и жили, не зная горя.

Но вот однажды мать сказала дочерям: «Милые мой, птичье сердце переменчиво: что, если ваш отец

перестанет прилетать? Давайте поймаем его и повыщиплем у него все золотые перья». «Но ведь ему будет очень больно», — возразили дочери и отказались одобрить замысел матери. Сердце жены Бодхисатты исполнилось великой жадности и корыстолюбия. Когда лебедь прилетел снова, она стала его подманивать, приговаривая: «Иди-ка, иди-ка сюда, господин!» Дождавшись, когда лебедь подошел к ней совсем близко, она набросилась на него, крепко ухватила обеими руками и мигом его ощипала. Но все перья, вырванные ею из тела Бодхисатты против его воли, тотчас же стали белыми, как перья цапли. И, сколько Бодхисатта ни вытягивал крыльев и ни махал ими, он никак не мог взлететь. Тогда жена посадила лебедя в бочку и стала его откармливать, покуда не отросли новые перья — уже не золотые, а простые, белые. Наконец лебедь расправил крылья, поднялся в воздух и улетел к себе в гнездо. Более он уже не возвращался».

В завершение своего рассказа о прошлом Учитель сказал: «Не только ведь ныне, бхиккху, сверх меры жадна Тхуллананда, но и прежде она была столь же алчной! В предыдущей своей жизни она лишилась из-за жадности золота, в нынешнем же рождении из-за этого порока она останется без чеснока! Хуже того, она пострадает не только сама, но и остальные монахини из-за этой ненасытной Тхуллананды не смогут больше брать чеснок! Вот отчего, монахи, так необходима умеренность даже среди изобилия. Когда же дается пусть совсем немного, надо им довольствоваться и не стремиться к большему!» И, говоря это, Учитель спел такой стих:

Доволен обретенным будь,
с алчностью постыдной незнаком.
Лишись перьев золотых,
коль будешь действовать силой.

В своих беседах с монахами Учитель потом еще не раз вспоминал о Тхуллананде и осуждал ее. Он запретил монахиням впредь есть чеснок, под страхом очистительного покаяния. А потом он истолковал джатаку, сказав: «Вдовой брахмана в ту пору

была эта вот самая Тхуллананда; тремя дочерьми брахмана были три сестры Тхуллананды; величавым же златоперым лебедем — я сам».

Джатака о коте (137)

Словами: «Где кот один добудет пропитанье...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свое повествование о матери Каны.

Жила, рассказывают, в Саваттхи некая женщина, которую все звали «Мать Каны»; она вступила на благой Восьмеричный Путь, сделавшись ученицей благороднейших тхер, но продолжала пребывать в миру. Дочь же свою Кану она выдала замуж за молодого человека из ближней деревни, равного ей по роду и положению.

Однажды Кана пришла по какому-то делу к своей матери. После того как она прогостила у матери несколько дней, муж прислал за ней человека из деревни с наказом: «Пусть Кана возвращается немедленно. Я хочу, чтобы она была здесь». Выслушав посланного, Кана сказала: «Что ж, надо идти, матушка». «Ты уже и так задержалась на несколько дней, — сказала мать. — Я не могу отпустить тебя с пустыми руками». И она принялась печь пирог. А тут как раз к ней зашел за подаянием некий бхиккху. Женщина, приверженная дхамме, усадила его и накормила свеженспекенным пирогом. Бхиккху рассказал об этом своему собрату. Мать Каны и его накормила свеженспекенным пирогом. Следом явился и еще один бхиккху, затем — по совету третьего — четвертый; и всех их хозяйка кормила пирогами: едва поспевал один пирог, как его съедал бхиккху. В конце концов не осталось ничего. Так и не смогла уйти дочь хозяйки. Муж посылал за ней и во второй раз, и в третий. С третьим гонцом он велел передать: «Если Кана тотчас не воротится, я введу в дом другую жену». По причине, о которой уже говорилось, Кана все никак не могла уйти домой, и ее муж взял себе другую жену. Когда до Каны дошла весть о том, она принялась плакать.

Узнав о ее беде, Учитель встал рано поутру, оделся, набросил на плечи накидку и, взяв в руки чашу для сбора подаяний, направился к матери Каны. Усевшись на почетном месте, он спросил у хозяйки: «Почему плачет Кана?»— и та поведала ему обо всем. Выслушав мать Каны, Учитель успокоил и ободрил ее, а затем, наставив в дхамме, поднялся и пошел обратно в монастырь. Вскоре вся монастырская община прознала о том, как четверо бхиккху один за другим являлись к матери Каны и съедали пироги, из-за них-то не смогла уйти Кана.

Однажды, сойдясь в зале собраний, монахи толковали между собой: «Вы знаете, почтенные, четверо монахов съедали пироги, испеченные матерью Каны, поэтому Кана не смогла уйти к мужу, а он потерял терпение и не захотел ее принять. Несчастье, приключившееся с дочерью, повергло ее мать, женщину замечательную, в большое горе». В эту минуту в залу вошел Учитель и спросил монахов: «О чем это вы, братия, здесь беседуете?» Выяснив, в чем дело, он сказал: «О бхиккху, не только ведь ныне эти четверо объели мать Капы и причинили ей горе: они и прежде уже поступали точно так же, заставляя ее страдать». И Учитель поведал монахам о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта родился в семье резчика по камню; когда он вырос, то и сам стал резчиком, и притом чрезвычайно искусным. А в одном из городов царства Каси жил очень богатый торговец, у которого в укромном месте было припрятано сорок коти золотых монет. Жена этого торговца умерла. При жизни она чрезмерно любила деньги, поэтому ей суждено было возродиться мышью, живущей прямо над зарытым кладом. Шло время, постепенно все члены семейства умерли, и сам торговец тоже наконец перешел в иное рождение. В конце концов городок опустел, покинутый всеми его прежними жителями. В ту пору, о которой речь, Бодхисатта обосновался на окраине этого заброшенного городка. Он находил себе подходящие камни и занимался их обработкой. Мышь, что

стерегла клад, каждый день выходила из норы на поиски пищи. Встречая Бодхисатту все на том же месте, она преисполнилась к нему теплого чувства и в конце концов решила: «Огромное богатство, которое я охраняю, все равно пропадет попусту: что, если мне договориться с резчиком и начать тратить эти деньги?»

Как-то раз мышь выбежала к Бодхисатте с монетой в зубах. «Зачем это ты, матушка, прибежала ко мне с монетой?» — ласково спросил ее Бодхисатта. «Возьми ее, дорогой, — ответила мышь. — купи себе еды, да и мне принеси немного мяса». «Хорошо», — согласился Бодхисатта, взял золотую монету, отнес ее домой, купил затем немного мяса и дал его мыши. Мышь утатила еду себе в нору и наелась досыта. С тех пор так и повелось: мышь что ни день приносила Бодхисатте по одной золотой монете, а он покупал для нее еду.

Но вот однажды мышь попала в лапы коту. «Не убивай меня, господин!» — стала она его молить. «Не убивать? — усмехнулся кот. — Но ведь я голоден и хочу мяса. Нет, нет, я не могу тебя пощадить!» «Скажи только, — стала уговаривать кота мышь, — что ты предпочел бы? Насытиться только сегодня или же есть мясо ежедневно?» «Конечно, я хотел бы есть мясо ежедневно», — сказал кот. «Ну что ж, коли так, отпусти меня, и я буду тебе каждый день давать мясо», — обещала мышь. «Ладно, — молвил кот, — только смотри не обмани!» И он отпустил мышь на волю. С тех пор все мясо, что приносил Бодхисатта, мышь делила на две равные части, половину — отдавала коту, другую — съедала сама.

Случилось так, что мышь поймал другой кот, но и от него она откупилась той же ценой. Немного погодя она угодила в лапы третьему коту, и его тоже уговорила отпустить ее. Наконец, изловил ее четвертый кот, но и его мышь убедила освободить ее. С того времени мышь принуждена была делить свое мясо на пятерых. Ей самой доставалась лишь пятая часть, поэтому она начала худеть и вскоре совсем отошла, остались от нее только кожа да

кости. Видя это, Бодхисатта спросил у мыши: «Почему ты так исхудала, матушка?» И мышь поведала ему обо всем. «Что же ты молчала до сих пор?» — воскликнул Бодхисатта. — Ну, да ничего: это дело поправимое». Ободрив мышь, Бодхисатта принес большой кусок прозрачного горного хрусталя, прорезал в нем ход и сказал мыши: «Полезай, матушка, в эту дыру. Когда подойдет какой-нибудь из этих четырех котов, осыпай его изнутри бранью и всячески угрожай ему». Мышь залезла через отверстие внутрь куска хрусталя, а тут как раз появился один из котов и начал требовать мяса. «Ах ты, паршивый кот! — стала поносить его мышь. — Да что я тебе — поставщица мяса? Ступай домой да сожри своих котят!» Кот пришел в ярость. Не заметив, что она спряталась в куске горного хрусталя, он бросился на нее и со всего маху стукнулся о прозрачную стенку. Глаза у него вылупились, сердце его от сильного удара лопнуло; с воем откатился кот в сторону и в тот же миг подох. Точно так мышь разделалась и со вторым котом, и с третьим, и с четвертым. Все они погибли в страшных мучениях. С того дня мышь никого не боялась и приносила Бодхисатте по две, а то и по три золотых монеты ежедневно. Со временем она передала Бодхисатте все хранившиеся под землей деньги. И всю оставшуюся жизнь двое друзей жили во взаимной любви и согласии, а с истечением отпущенного им срока перешли в иное рождение в полном соответствии с накопленными заслугами».

И, завершая свой рассказ о прошлом, Учитель — он был теперь уже Всепробужденным — спел такой стих:

Где кот один добудет пропитанье,
там тотчас явится другой проворно.
Примчатся третий и четвертый следом,
но помни о кончине их позорной.

Наставив слушателей в дхамме, Учитель истолковал затем джатаку. «В ту пору, — сказал он, — котами были четверо бхиккху, мышью — мать Каны, а резчиком по камню — я сам».

Джатака *о двойной неудаче (139)*

С восклицания: «Глаза поранил и нагим остался...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — приступил к рассказу о Девадатте.

Рассказывают, что как-то раз, сойдясь в зале собраний, монахи бранили Девадатту. «Почтенные, — говорили они, — обгорелое, загаженное поле из погребального костра, хоть и тоже деревянное, не может сравниться ни с лесными деревьями, ни с дровами, заготовленными в деревне. Так и этот Девадатта, отринувший мир ради наилучшего вероучения, намного уступает и мирянину, и монаху, ибо скитальческая жизнь лишила его семейных радостей, отпав же от общины, не стал он и подлинным подвижником, так что, можно сказать, его постигла двойная неудача!» В этот миг в залу вошел Учитель и спросил монахов: «О чем это вы, братия, тут беседуете?» Выслушав их ответ, он заметил: «О бхиккху, не только ведь ныне Девадатта потерпел двойную неудачу: он и в прежние времена тоже был кругом неудачлив!» И, сказав так, Учитель поведал им о том, что было в прошлой жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта был богиней дерева. Неподалеку лежала деревушка, где обитали рыбаки. Как-то раз один рыбак, прихватив с собой снасти, отправился вместе со своим маленьким сыном к омуту, где обычно ловили рыбу все деревенские рыбаки, и закинул бредень. Бредень зацепился за невидимую корягу. После долгих попыток вытащить его, рыбак наконец решил: «Должно быть, я поймал большую рыбу. Пошлю-ка я мальчишку к матери. Пусть она затеет ссору с соседями, чтобы никто не смог явиться сюда и потребовать себе долю от моего улова». Придя к этому решению, рыбак научил сына: «Ступай, сынок, к матери и скажи ей, что я поймал большую рыбу, пусть она затеет ссору и отвлечет внимание соседей».

Отослав сына, рыбак снова стал пытаться вытянуть бредень, но это ему никак не удавалось. Опасаясь упустить рыбу, жадный рыбак скинул с себя одежду, сложил ее на берегу и прыгнул в воду. Бросившись на то, что он считал рыбиной, рыбак с размаху напоролся на сучья коряги и поранил себе сразу оба глаза, а тем временем вор утащил оставленную на берегу одежду. Терзаемый сильной болью, рыбак зажал раненые глаза ладонями, выкарабкался на берег и, дрожа от холода, принялся на ощупь отыскивать одежду.

Жена рыбака долго размышляла, как бы ей затеять свару и добиться того, чтобы никто не смог попросить своей доли от улова мужа, и наконец придумала такую уловку: повесила на ухо лист кокосовой пальмы, один глаз вымазала сажей с горшка, бережно, словно младенца, взяла на руки собаку и пошла по домам соседей. «Зачем это ты повесила лист, как серьгу, выпачкала глаз сажей и взяв в руки, словно любимое дитя, собаку, бродишь по домам? — спросила жену рыбака подруга. — Уж не спятила ли ты?» «Я-то не спятила, — ответила ей жена рыбака, — а вот ты беспричинно оскорбляешь меня и поносишь, пошли к старосте; за это оскорбление ты мне заплатишь восемь монет». Завязалась перебранка, и обе женщины, продолжая ругаться, явились к деревенскому старосте. Разобравшись, кто зачинщик, староста решил наказать жену рыбака. «Всыпать ей как следует», — распорядился он. Люди связали виновнице руки за спиной и принялись бить ее палками.

Богиня дерева видела все, что произошло с женой рыбака в деревне, и все, что случилось с самим рыбаком в лесу. Встав во весь рост среди сучьев, она воскликнула: «О человек, и в воде и на земле все предпринятые тобой усилия оказались напрасными: ты потерпел двойную неудачу!» Сказав это, богиня дерева спела такой стих:

Глаза поранил и нагим остался,
жене твоей пришлось куда как худо.
Двойную потерпел ты неудачу,
в стихии водной и на суше — всюду!»

Заканчивая свое наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «В ту пору рыбаком был Девадатта, богиней же дерева — я сам».

Джатака о вороне (140)

Словами: «Извечно мы за жизнь свою трепещем...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал свой рассказ о прозорливом наставнике. Подробнее историю этого наставника мы узнаем из «Джатаки о Бхаддасале» в Двенадцатой книге, а вот что поведал Учитель о прошлом.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил на земле в обличье вороны. Как-то раз домашний жрец царя отправился за город, выкупался там в реке, умастил свою кожу благовонными мазями и украсил себя свежей цветочной гирляндой. Затем надел красивые одежды и пошел обратно в город. На перекладине городских ворот сидели в это время две вороны, и одна из них сказала своей подруге: «Сейчас, дорогая, я нагажу прямо на голову этому брахману». «Нет, подруга, — откликнулась другая, — не делай так — этот брахман облечен властью, враждовать с подобными людьми дело скверное. Он придет в ярость и захочет извести весь наш род». «Но я уже не могу не сделать этого!» — воскликнула первая ворона. «Что ж, тогда пеняй на себя», — сказала вторая и полетела прочь. И вот, едва только брахман оказался под перекладиной, первая ворона нагадила ему прямо на голову — словно украсила его венком. Брахман, конечно, разгневался и затаил злобу на ворон.

Немного погодя случилось так, что некая служанка, присматривавшая за амбаром с рисом, рассыпала на солнце рис для просушки, а сама села рядом, да и задремала. Воспользовавшись этим, туда тотчас же прискакал лохматый козел и принялся поедать рис. Служанка проснулась и, увидев прожорливое животное, прогнала козла прочь. Она

засыпала снова и снова, и каждый раз приходил козел и поедал рис. Прогнав козла в третий раз, служанка задумалась. «Ведь если он будет то и дело приходить сюда и пожирать рис,— размышляла она,— так он, пожалуй, истребит целую четверть риса и причинит мне большой убыток. Надо его отвадить раз и навсегда». С этим намерением она схватила горящий факел, села на свое место и притворилась спящей. Но только попробовал козел подступить к рису, как служанка быстро вскочила и стукнула его по спине горящим факелом. Шерсть на козле в то же мгновение вспыхнула, все его тело запылало, и, стремясь как-нибудь сбить пламя, козел кинулся под навес с сеном, находившийся рядом с загонем для слонов. Сено тотчас воспламенилось, и пламя перекинулось на загон для слонов. Многие слоны, находившиеся в загоне, пострадали от огня, и многие сильно обгорели, да так сильно, что лекари никак не могли поставить их на ноги. Обо всем доложили царю.

«Наставник,— сказал царь своему домашнему жрецу,— лекари никак не могут поставить слонов на ноги; не знаешь ли ты какого-нибудь средства?» «Как не знать, государь»,— отвечал царю жрец. «Чем же их нужно пользоваться?»— спросил в нетерпении царь. «Вороньим салом, государь»,— предложил коварный жрец. «Быть по сему,— повелел царь,— пусть ворон убивают на сало». С того дня люди принялись уничтожать ворон, но, не находя в них никакого сала, выбрасывали мертвые тела. Повсюду валялись кучи убитых ворон. И обуял воронье племя великий страх.

В ту пору, о которой речь, Бодхисатта возглавлял стаю в восемьдесят тысяч ворон. Все они жили в огромном лесу, куда свозили мертвецов. Как-то залетела к ним городская ворона и рассказала Бодхисатте о великом бедствии, обрушившемся на все их племя. И подумал тогда вожак стаи: «Ведь, кроме меня, среди моих сородичей и впрямь нет никого, кто смог бы избавить ворон от этой напасти. Придется мне их спасти». Приняв такое решение, он сосредоточил мысли на всех десяти доступных

ему совершенствах, покуда не пришел к заключению, что лучше всего руководствоваться высшим чувством любви к ближним. Взившись в воздух, он устремился к царскому дворцу, влетел через растворенное окно в тронный зал и забился под престол. Один из слуг принялся было ловить ворону, но государь, восседавший на троне, велел ему не трогать птицу. Отдышавшись немного, Великосущный сосредоточился на высшем всесовершенном чувстве любви к ближним, вылез из-под трона и обратился к царю с такой речью: «О великий владыка! Царь, управляющий царством, не должен поддаваться гневу и суетным страстям. Всякое действие должно быть тщательно и всесторонне обдумано, прежде чем владыка приступит к его исполнению. И делать он должен только то, что приносит пользу, иного совершать не должно. Действия же, которые не сулят решительно никакой пользы, обрушиваются на многочисленных подданных царя великими бедствиями, внушающими им смертельный ужас. Домашний твой жрец, царь, был охвачен чувством ненависти и солгал, когда посоветовал тебе убивать ворон: ведь у ворон нет никакого сала».

Вняв речам вожака ворон, царь Брахмадатта очистился душой. Он велел усадить Бодхисатту на почетное сиденье из золота и умастить его грудь, прикрытую перьями, благовонными мазями стоимостью в целую сотню, а может быть, и тысячу монет. После того как по его приказу Бодхисатту накормили изысканными яствами, поданными на золотых блюдах, и напоили вкусными напитками, государь спросил у Великосущного, исполненного высшего покоя и чуждого всякой суетности: «О мудрый, ты давеча сказал, что у ворон нет никакого сала, а почему же не быть салу у ворон?» «А вот почему», — молвил Бодхисатта и, желая наставить царя в дхамме, громко, на весь дворец, спел царю такой стих:

Извечно мы за жизнь свою трепещем,
жестокую питают к нам вражду,
Вот потому-то у ворон нет сала,
нет жирных никого у нас в роду.

К этому исчерпывающему ответу Великосущный добавил: «О великий! Царям поистине не следует предпринимать никакое дело, не изучив и не обдумав его с великим тщанием».

Довольный государь предложил было Бодхисатте править взамен него царством, но тот не принял этого предложения. Он только наставил царя в пяти нравственных заветах, попросив особо, чтобы царь впредь был милосерден ко всем живым существам и не внушал бы им страха. С тех пор, вняв слову дхаммы, царь был милосерден ко всем живым существам. К воронам же он относился с особенной добротой: по его приказу для них каждый день из целой меры риса варили похлебку, сдабривая ее разнообразными тонкими приправами, а затем скармливали эту похлебку воронам, самому же Великосущному подносили изысканных яств с царского стола».

И, завершая свое наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку: «Царем бенаресским в ту пору был Ананда, предводителем же ворон — я сам».

Джатака о шакале (142)

Словами: «Лежишь, не шелохнешься ты...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал свой рассказ о том, как некогда Девадатта покушался его убить.

Услыхав, как монахи, сойдясь в зале собраний, дружно ругают Девадатту, сказал им Учитель: «О бхиккху, не только ведь ныне Девадатта пытался лишить меня жизни, но и в прежние времена он тоже покушался на убийство, однако у него ничего не получилось». И, поясняя свою мысль, Учитель поведал монахам о прошлом.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта возродился шакалом; со временем он стал вожаком и жил со своей стаей в лесу, близ того места, где

сваливали мертвецов. Однажды в Раджагахе праздновали какое-то торжество, на котором упилося великое множество народу, так что потом говорили, будто все торжество и заключалось-то в винопитии. На одной из городских улочек собрались всякие проходимцы, они притащили с собой много вина и мяса и пировали, довольные и веселые: пели песни, пили вино и закусывали мясом. К полуночи оказалось, что все мясо съедено, но вина еще много. Тут один пьяница попросил приятелей: «Дайте-ка мне еще мяса!» «Кончилось мясо, больше нет»,— ответили они. «Я еще только разохотился,— воскликнул он с досадой,— а оказывается, мяса уже нет?! Так дело не пойдет: я сейчас отправлюсь на то место, куда сваливают мертвецов, подожду там, пока придут шакалы за мертвечиной, прикончу одного и принесу вам мяса!» Он взял дубинку и пустился в путь. Выбрался из города через сточную канаву, дошел до свалки и растянулся на земле, словно мертвец, крепко сжимая дубину.

В скором времени туда явился и Бодхисатта вместе с остальными шакалами. Едва глянув на пьяного обманщика, он сразу же заподозрил, что это не мертвец, однако решил проверить свои подозрения, забежал с подветренной стороны и принюхался. Убедясь по запаху, шедшему от тела обманщика, что перед ним не мертвец, Бодхисатта решил: «Выведу его на чистую воду, а потом, так и быть, отпущу». Он вцепился зубами в конец дубинки и потянул ее к себе, однако притворщик не только не отпустил дубинку, но еще сильнее сжал ее рукой. Лежал он ничком и не мог видеть, что шакал стоит совсем близко и все замечает. Бодхисатта отскочил в сторону и молвил, как бы рассуждая сам с собой: «Ежели бы ты и впрямь был мертв, человек, то, уж конечно, не мог бы сжать крепче свою дубину, когда я ее потянул. Так что теперь нельзя понять: мертвец ты или не мертвец?» Сказав это, он спел такой стих:

Лежишь, не шелохнешься ты, ни дать ни взять мертвец.
Зачем же палицу рукой сжимаешь, удалец?

Только шакал это произнес, как обманщик вскочил на ноги и с криком: «Сейчас ты поймешь, что я не мертвец», — запустил дубинкой в Бодхисатту, но промахнулся. «Что ж, ступай, — воскликнул он с досадой, — на этот раз я не попал в тебя!» Бодхисатта повернул при этих его словах голову и, сказав на прощанье: «В меня-то ты, человек, не попал, а вот уж в Великое чистилище и во все шестнадцать малых чистилищ ты непременно попадешь», побежал своей дорогой. Обманщик же ушел оттуда, так ничего и не добившись. По дороге он искупался в сточной канаве и вернулся в город тем же путем, каким его покинул.

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель истолковал джатаку, сказав: «Обманщиком в ту пору был Девадатта, вожаком же шакалов — я сам».

Джатака о блеске могущества (143)

Словами: «Твой череп сокрушен слоном...» — Учитель — он жил тогда в Бамбуковой роще — начал свой рассказ о том, как Девадатта прикидывался просветленным в Гайасисе.

Рассказывают, что, когда Девадатта утратил способность к сосредоточению, а заодно и уважение, которое к нему прежде питали, у него осталась надежда на одно-единственное средство, и он стал молить Учителя открыть ему тайну пяти основ. Получив отказ, Девадатта расколол общину и увел с собой в Гайасису пятьсот юных бхиккху, которые прежде обучались у двоих наставников, лучших из последователей Пробужденного. Эти юные бхиккху не успели еще укрепиться ни в дхамме, ни в знании правил поведения. Раскольники жили отдельной общиной и кормились за счет одного из приходов. Как только настало для монахов-раскольников время вкушать от плода истинной веры, Учитель послал к ним двоих своих самых лучших учеников.

Увидев их среди своих приверженцев, Девадатта обрадовался и решил, что на вечерней службе он сравняется величию с Пробужденным.

В тот же вечер Девадатта прикинулся просветленным и сказал одному из посланцев Учителя: «Почтенный Сарипутта, вся наша община еще бодрствует и не собирается отходить ко сну. Побеседуй с монахами о трудностях постижения дхаммы, а я ненадолго прилягу: у меня что-то поясницу заломило». Девадатта ушел в свою келью и тотчас же улегся спать. Оба лучших ученика Пробужденного принялись наставлять заблудших монахов в истинной дхамме и, пробудив в них стремление обрести подлинный Путь и Плоды, увели всех за собой в Бамбуковую рощу. Видя, что монастырь совершенно обезлюдел, бхиккху Кокалика зашел в келью к Девадатте и сказал ему возмущенно: «Ведомо ли тебе, почтенный Девадатта, что оба тхеры откололи от тебя твоих последователей и ушли вместе с ними, а монастырь совсем обезлюдел? Чего же ты здесь валяешься, как будто ничего не случилось?» И, сказав это, Кокалика в бешенстве сорвал с Девадатты покрывало, схватил Девадатту в охапку и швырнул об стену с такой силой, словно хотел в нее вдавить. Затем пнул Девадатту в грудь, так что изо рта у того хлынула кровь. От этих побоев Девадатта никогда уже больше не мог оправиться.

Учитель спросил у тхеры, когда тот вернулся: «Сарипутта, как вел себя Девадатта, когда вы к нему пришли?» «Почтенный,— ответил ему Сарипутта,— едва только Девадатта увидел нас, он тотчас вознамерился сравняться с тобой величию, однако тщетно он прикидывался просветленным, ему так никого и не удалось обмануть». «О Сарипутта,— заметил Учитель,— не только ведь ныне Девадатта напрасно пытается идти по моим стопам, он и в прежнее время стремился мне подражать, только ничего у него не получилось». И, сказав так, Учитель, по просьбе тхеры, поведал ему о прошлом.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта жил на

земле в облике гривастого льва. Обитал этот лев в золотой пещере в горах Гималайских. Встал лев однажды ото сна, вылез из своей золотой пещеры, огляделся кругом и с могучим рыком, который разнесся далеко по сторонам, отправился на поиски добычи. Убив огромного быка, лев съел самые вкусные части его тела, затем спустился к ручью, вдосталь напился кристально прозрачной воды и хотел уже было вернуться в свою пещеру. А тут на него чуть не натолкнулся какой-то шакал, который рыскал по лесу в поисках пищи. Видя, что удирать уже поздно, шакал кинулся льву в ноги и почтительно перед ним распростерся. «Чего тебе надобно?» — грозно спросил лев. «Господин, — ответил шакал, — я хочу прислуживать тебе». «Ладно, — милостиво согласился лев. — Пошли, будешь моим слугой. У меня ты сможешь кормиться отменными кусками мяса». Лев пошел к себе в золотую пещеру, а шакал поплелся за ним. С того времени шакал подъедал все, что оставалось от трапез льва, и уже через несколько дней заметно раздался в теле.

Как-то раз, отдыхая в пещере, лев предложил шакалу: «Заберись на вершину горы и, глядя на лежащие внизу горные долины, проследи взглядом пути слонов, диких лошадей, буйволов — словом, любых зверей, мяса которых ты хотел бы отведать. Потом спустись и скажи мне: хочу, дескать, попробовать мяса такого-то зверя. Почтительно склонись передо мной и попроси: «Яви, господин, свое могущество!» Я тогда задеру этого зверя и попробую его мяса, а заодно и тебе дам поесть». С тех пор так и повелось: шакал взбирался на вершину горы и высматривал разных зверей, мяса которых ему хотелось поесть, потом возвращался в золотую пещеру, рассказывал льву о том, что увидел, падал льву к ногам и говорил с почтением: «Яви свою мощь, господин!» Лев тут же пускался в погоню за жертвой и неизменно ее приканчивал — даже если это был огромный дикий слон в течке. Сам лев съедал лучшие части, потом делился с шакалом. Наевшись до отвала, шакал отправлялся вслед за львом в пещеру и заваливался спать.

По прошествии некоторого времени обуяла шакала гордыня. Стал он думать: «В конце концов и у меня четыре ноги, как у льва. Хватит мне быть у него на побегушках. С нынешнего дня я сам буду убивать слонов и других зверей и питаться их мясом! Ведь лев, хоть он и царь зверей, может убить дикого слона только благодаря тем волшебным словам, которые я всякий раз ему говорю: «Яви свою мощь, господин!» Пусть теперь лев говорит мне: «Яви свою мощь, шакал!» — а я сам буду убивать лучших из диких слонов и поедать их мясо!» Приняв такое решение, шакал подошел ко льву и сказал ему: «Господин, вот уже долгое время я кормлюсь мясом убитых тобою огромных лесных слонов, теперь я сам бы хотел убить слона и поесть его мяса! Что если на этот раз я лягу на твое ложе в золотой пещере, а ты пойдешь высматривать дикого лесного слона, бродящего по горным долинам? Заметишь такого слона — приди и скажи мне: «Яви свою мощь, шакал!» Прошу тебя, думай не только о своей собственной выгоде». «Послушай, шакал, — ответил ему лев, — убивать диких слонов под силу только нам, львам. Не родился еще такой шакал, который мог бы охотиться на лесных слонов. Это занятие не для тебя. Живи себе спокойно и питайся мясом от убитых мной могучих лесных слонов». Но, несмотря на все отговоры, шакал никак не хотел отказаться от своей затеи и все время приставал ко льву с этой просьбой.

Наконец, не в силах разубедить шакала, лев вынужден был сказать: «Ладно, забирайся на мое ложе и лежи там себе!» Уложив шакала отдыхать в золотой пещере, лев отправился на поиски жертвы; высмотрел в горной долине дикого слона в течение, вернулся к входу в пещеру и крикнул: «Яви свою мощь, шакал!» Встрепенувшись, шакал выскочил из золотой пещеры, огляделся по сторонам и, взвизгнув трижды, кинулся на слона, намереваясь вцепиться зубами ему в голову, однако промахнулся и упал прямо под ноги разъяренному великану. Слон поднял правую ногу и, опустив ее на голову шакала, раздавил ему череп. Затем превратил его

тело в кучу костей и кровавого мяса, нагадил на эту кучу, задрал хобот и, громко трубя, побежал в лес. Бодхисатта, который все это видел, сказал тогда: «Вот и являй теперь свою мощь, шакал!» И он спел по этому случаю такой стих:

Твой череп сокрушен слоном, разбрызганы мозги.
Видать, явил ты мощь свою, уstraшены враги.

Так спел Бодхисатта. Он прожил после этого еще много лет, а с истечением отпущенного ему срока перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Завершая свое наставление в дхамме, Учитель так истолковал джатаку. «В ту пору,— молвил он,— шакалом был Девадатта, львом же — я сам».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 21. *Всеблагой* — один из постоянных эпитетов Будды Шакьямуни. Другие постоянные эпитеты, встречающиеся в тексте «Джатак»: Пробужденный, Достославный, Великосущный, Всезнающий, Просветленный, Всесовершенный, Благословенный, Всепробужденный, Благостный, Десятисильный.

Саваттхи (санскрит. Шравастхи) — древняя столица царства Косалы, находившегося на северном берегу Ганги в Восточной Индии.

Дхамма (санскрит. дхарма) — закон; предписание; мораль; в буддизме тхеравады употребляется и в более узком значении — «учение Будды», «правила высоконравственного образа жизни, обеспечивающие достижение ниббаны (нирваны)».

Бхиккху — буддийский монах или монахиня. Одетые в шафранного цвета монашескую тогу, бхиккху странствовали большую часть года, прося у мирян подаяния и неустанно проповедуя дхамму; в дождливый сезон бхиккху жили в монастырях-вихарах; чрезмерно юные или старые, а также немощные бхиккху обитали в монастырях постоянно, заходя в ближайшие города или села ради сбора подаяния.

Джéтава́на (букв.: «роща Победителя») — располагавшийся в тенистой роще монастырь близ Саваттхи, в котором провел большую часть своей монашеской жизни Будда и в котором, по преданию, в основном и рассказывались «Джатаки» с целью наставления монахов.

Изучил оба свода Законов. — Усвоил две первые, важнейшие части «Абхидхаммы», третьей философской части буддийского Канона тхеравадинов. Весь Канон делился на три «корзины» (питаки): 1) «Винья-питаку», или «Корзину дисциплины», в которой излагался устав и правила монашеской и монастырской жизни; 2) «Сутта-питаку», или «Корзину изречений», в которую входили различные, не слишком сложные для усвоения тексты; 3) «Абхидхамма-

пйтаку», или «Корзину высшей дхаммы», в которую входили тексты философского или психологического характера, недоступные для большинства простых бхиккху, но обязательные для монахов высшего ранга (тхер). Примечательно, что весь Канон, как таковой, был составлен уже после смерти Будды, поэтому успешное постижение юношами «Абхидхаммы» не могло иметь места при жизни Учителя.

С помощью Учителя он вступил на избранный им самим путь сосредоточенного размышления. — Имеется в виду практика глубокой медитации, владеть которой был обязан тхера; «отправным пунктом» для вхождения в сосредоточенное размышление могло быть размышление над любыми несовершенствами «этого» мира. Конечной целью сосредоточенного размышления было осознание «ложности» мира и «истинности» ниббаны; соответствующий эффект мог достигаться и мгновенно: в последующих «Джатаках» приводятся примеры того, как герой осознает непостоянство «этого мира», созерцая быстротекущие воды реки, или же осознает преходящий характер всякой, в частности женской, красоты, взирая на белые зубы улыбающейся женщины и сопоставляя их белизну с белизной груди костей.

Не сумел ни обрести мгновенного озарения, ни достичь необходимой силы сосредоточения. — Палийский текст может предполагать и другие понимания, в частности, такое: «Не сумел сосредоточиться мыслью и достигнуть «наивысшего» состояния трансa (при котором тело «просветленного» якобы испускает сияние)».

Нет Пути... нет Плода... — Молодой монах, по-видимому, имеет в виду не само приобщение к учению буддизма, а путь, ведущий к состоянию арахатства, то есть полной сосредоточенности на ниббaне. Под «Плодом» подразумевается плод деяний, который «зреет» постепенно, во время многочисленных перерождений. Буддизм тхеравады в несколько измененном виде принял брахманистскую теорию метампсихоза, или «вечного странствия души»: поступки, намерения или подсознательные импульсы («карма») в этой жизни определяют судьбу в последующих рождениях; накопление «скверны» ввергает заблудшую душу в горнило страданий, тогда как накопление «святой заслуги» возвышает душу с каждым по-

следующим рождением. Говоря «нет Плода», монах подчеркивает, что его «я», вероятно, недостаточно «очищено» (недостаточно сотворило добра) в прежних существованиях, поэтому ему не суждено достичь необходимой «просветленности» в этом рождении, следовательно, оно не будет «последним». Последующие эпизоды показывают, что монах заблуждался: с помощью Будды он все-таки становится арахатом.

Стр. 22. *Арахат* (санскрит. архат; букв.: «достойный»). — Так называют бхиккху, которые еще при жизни причастились ниббана и обрели уверенность в том, что это их рождение — последнее.

Татхагата (букв.: «так пришедший» или «так ушедший») — постоянный эпитет Будды Шакьямуни.

Стр. 23. *Смысл события... утраченного их памятью.* — Согласно буддийскому Канону, Будда — единственный человек, при жизни вспомнивший все свои предшествующие рождения и осознавший иллюзорность бытия. Все остальные, переходя в новое рождение, полностью забывают прежнее существование. Поэтому только Будда и мог «установить соответствия» (как он и делает в конце «рассказа о прошлом») между людьми в разных существованиях.

Каси — древнее царство в среднем течении Ганги, его столицей был Бенарес (Варанаси).

Брахмадัตта (букв.: «Брахмой данный») — династическое имя многих царей Каси.

Бодхисатта (санскрит. бодхисаттва; букв.: «обладающий просветленной сущностью») — будущий Будда, то есть Будда Шакьямуни в одном из «прежних существований», а также и в «последнем рождении» до обретения просветления (бодхи).

Йбджана — мера длины в Древней Индии, чаще всего — 15 км.

Стр. 24. *Пробужденный* — достигший состояния просветления (бодхи) Будда; все прочие эпитеты относятся и к Будде, и к Бодхисаттам; «Пробужденный» или «Всепробужденный» — только к Будде.

Стр. 25. *Четыре благородные истины* — буддийская доктрина, суть которой состоит в следующем: 1) существование есть страдание; 2) страдание имеет причину и, следовательно, начало; 3) будучи начальным, страдание

должно иметь и конец и, следовательно, может быть прекращено; 4) причинно обусловленное и конечное страдание устраняется при условии вступления на Восьмеричный Путь, ведущий к достижению (после смерти) иного, неопишуемого и непознаваемого состояния — ниббаны.

Стр. 26. *Наделенный десятью совершенствами* — то же, что Десятисильный — один из постоянных эпитетов Будды и Бодхисатт, предполагающий совершенное владение всеми видами священного знания.

Ракшас — демон, питающийся плотью живых существ, живущий обычно в лесу или в глубинах вод, откуда он нападает на людей. Ракшасы считаются подданными бога богатств Куберы (Вессаваны). В облике ракшасов рождаются люди, совершившие дурные поступки в предшествующих существованиях; предполагается, что ракшасы способны к восприятию буддийской доктрины.

День наречения — церемония, совершаемая на одиннадцатый день после родов, когда тайное (присваиваемое сразу после родов и известное только родителям) имя младенца заменялось новым, постоянным именем.

Стр. 27. *Вессавана* — то же, что Кубера, — бог богатств, по традиции изображался уродливым карликом с тремя ногами и восемью зубами. Обитает на Севере. Повелевает ракшасам, яккхам, домовым.

Стр. 30. *Чистилище*. — За дурные поступки, совершенные в прошлых рождениях, люди возрождаются в различных чистилищах, где их подвергают очищению в течение многих тысяч лет; самым страшным в буддизме считается чистилище *авичи*, расположенное в нижайшем кругу «этого мира».

Восьмеричный Путь — согласно буддизму, путь, ведущий к освобождению от уз перерождений и обретению ниббаны. Состоял из восьми следующих ступеней: 1) «правильное видение» (усвоение четырех благородных истин); 2) «правильное желание» (стремление к ниббане); 3) «правильная (нелживая) речь»; 4) «правильное поведение» (не причиняющее страданий ни себе, ни другим); 5) «правильная (честная) жизнь»; 6) «правильное волевое усилие» (самоконтроль); 7) «правильное мышление» (отсутствие сосредоточения на ложном «я»); 8) «правильное сосредоточение» (достижение глубокого медитативного транса).

Ананда — по традиции считался любимейшим учеником Гаутáмы Шакьямуни (Будды). Его родственник. По преданию, именно Ананда после смерти Учителя, не разрешавшего ничего записывать, продиктовал по памяти всю «Корзину изречений», тем самым сохранив «Джатаки».

Сарипутта — предводитель воинства дхаммы, другой ученик Будды, принадлежавший к «первым», кому прощенный Будда открыл свое вероучение.

Кшатрийка. — Древнеиндийское общество членилось на четыре сословия (вáрьи): бра́хманов (жрецов), кша́триев (воинов и аристократов), вáйшьев (крестьян и ремесленников), шу́др (всех прочих, исполнявших самую тяжелую работу). Брачное законодательство Древней Индии, оберегая чистоту сословий, неодобрительно относилось к междусословным бракам.

Шудра. — См. выше.

Все подробности содержатся в джатаке о Вхáддасале... — Отсылки в палийских джатаках, как правило, не имеют фактического обоснования. Джатака, о которой упоминается, нередко существует под совсем другим названием и в иной книге, а очень часто — отсутствует. Это, возможно, свидетельство невнимательной обработки фольклорных сюжетов гипотетическими редакторами «Джатак» или же, что вполне правдоподобно, указание на иные редакции свода «Джатак», до нашего времени не дошедшие.

Стр. 31. *Косáла* (с а н с к р и т. Коша́ла). — Под этим названием известны два древних царства: расположенное между реками Джáмна и Махáна́ди (Южная Кошала) и находившееся на северном (левом) берегу Ганги в его среднем течении (Северная Кошала); в палийских джатаках, как правило, подразумевается второе.

Сочетался временным браком. — Палийское слово «мухúттика» может означать и «мгновенный» (однократный), и «временный» брак, выступая в последнем случае в качестве синонима термина «брак по обряду гандхарвов» (то есть брак, заключаемый по взаимному согласию и не требующий формальностей, кроме устного обещания). Дети, появившиеся на свет в результате «мгновенного» брака, не обладали никакими правами, но дети,

родившиеся от «временного» брака, рассматривались как обычные наследники.

Стр. 33. *Махámáйя* — по традиции считалась старшей женой царя шакьев Шúддходáны, матерью Гаутамы (напали Гóтамы) Шакьямуни, будущего Будды.

Великое Отрешение — подразумевает уход царевича Сиддхартхи Гаутамы (впоследствии Будды) из отчего дома, его вступление на путь подвижничества.

Видéха — древнее царство на востоке Индии, располагавшееся к северу от среднего течения Ганги (современный Тирхут); его столица Митхила и ныне существует под тем же названием в Индии.

Стр. 34. *Царь смерти* — Яма, повелитель царства мертвых.

Стр. 35. *Четыре ступени восхождения.* — Имеются в виду четыре высших состояния, достигаемые путем медитативного транса и составляющие суть последнего; истинный подвижник должен был развить в себе способность постоянно находиться в одном из этих состояний, а именно: в состоянии 1) доброжелательности, 2) возвышенной радости, 3) сострадания к близким, 4) полной беспристрастности.

И сделались тогда иные «вступившими в Поток»... — Подразумеваются четыре стадии продвижения к ниббане (см. выше): первая — «вступление в Поток» — предполагала твердое усвоение основ буддийского вероучения, в частности, принципов четырех благородных истин и Восьмеричного Пути; она избавляла от возрождения в облике демона, бесплотного духа, животного или рождения в чистилище. Вторая стадия — «возвращающиеся единожды» — подразумевала уже бо́льшую продвинутость по пути веры; достигавший ее должен был пройти только через одно возрождение (в облике человека) и затем уже достигнуть ниббаны. Третья — «вовсе не возвращающиеся» — предполагала обретение полной святости и уверенности в «невозвращении» на землю и переходе в ниббану. Четвертой стадией было достижение состояния арахатства, то есть совершенства, прижизненной ниббаны.

Рáхула — имя сына Будды Шакьямуни, также ставшего горячим приверженцем его учения.

Бамбуковая роща, или Вéлува́на, — название монасты-

ря в Восточной Индии, где, по преданию, во время сезона дождей нередко останавливался Будда.

Раджага́ха (с а н с к р и т. Раджагрíха; букв.: «царский дом») — город в Восточной Индии (современный Радж-гíр), одна из столиц древнего царства Ма́гадха, где позиции буддизма были очень сильны.

Де́вадатта (букв.: «богом данный») — имя двоюродного брата Будды Шакьямуни, который также приобщился к учению Будды, но затем откололся, создав собственную секту, выступавшую за бо́льшую суровость в аскетических подвигах. В «Джатаках» Девадатта рисуется беспощадным и коварным врагом своего прославленного брата, без конца покушающимся на его жизнь, воплощеннем сил космического зла.

Абхима́ра — то же, что *Ма́ра*, — бог чувственного желания и мирских утех, якобы искушавший Гаутаму Шакьямуни и мешавший ему обрести просветление, а позже — всячески пакостивший всей общине во главе с Буддой.

Стр. 36. *Пять поправок к Уставу монашеской жизни.* — Поправки, предполагавшие ужесточение аскетического начала в монашеской жизни; после того как Будда отверг поправки Девадатты, тот вышел из общины и тем положил начало официальному расколу.

Гайаси́са — гора близ городка Га́йя (к югу от Бена-реса), недалеко от которого, по преданию, состоялось «просветление» Будды Шакьямуни. Тщеславный Девадатта поселился со своими сторонниками на горе Гайасиса, стремясь принизить Будду и затмить его славу.

Стр. 38. *Мать Ра́хулы* — мирская жена Сиддхартхи, принцесса Ясодха́ра.

Стр. 41. *Мировой Век.* — В буддийской космогонии различаются четыре века (юги): золотой, серебряный, медный и железный (длящийся и поныне); они объединяются в один Великий Век (махаяугу), а тысяча последних составляет Мировой Век (каппу), объемлющий 4 320 000 000 обычных лет. В конце каппы мир сгорает в космическом пламени или затопляется космическими водами, а затем начинается новый цикл, не вполне тождественный первому.

Заяц на Луне. — Контур лунных гор при взгляде с земли напоминал древним индийцам очертания зайца.

Стр. 42. *Дханапалака* (букв.: «страж богатств») — гигантский слон, по преданию, натравленный на Будду завистником Девадаттой; Будда сумел укротить свирепое животное и наставил его в дхамме.

Сепанни. — Под этим названием известны несколько различных деревьев; по-видимому, здесь речь идет о дикой лесной яблоне.

Стр. 44. *Жеребенок синдской породы*. — Лучшие лошади в Древней Индии выращивались в низовьях Инда (Синда).

Рис третьего урожая — зимний рис, считавшийся наилучшим.

Стр. 45. *Джамбудипа* (букв.: «остров Джамбу») — название центрального из семи (или четырех) мифических материков, на котором растет мировое дерево «джамбу»; Индийский субконтинент.

Стр. 48. *Остронож* — на пали «сунакха» — буквально «хорошеносый», пес.

Стр. 49. *Эти шестеро...* — «Шестерка» — «дурное число» в буддизме, поэтому количество любых нарушителей правил монашеской жизни или доктрины (включая приверженцев Девадатты) часто составляет шесть.

Таккасила — столица Гандхары, крупнейший центр учености Древней Индии.

Гандхара — царство в Северо-Западной Индии, на территории современного Пакистана и Афганистана.

Стр. 50. *Сделал... на лбу священную мету*. — Древнейший магический обряд, предотвращавший действие «дурного глаза».

Безрогий — палийское «кута» — игра слов, построенная на многозначности термина «кута» («рог», «рогатый», «детородный член», «мошенник», «безрогий», «безобидный», «холощенный»); ругательства, с которыми обращается хозяин к нехолощеному быку, — обидный для него намек.

Стр. 52. *Путь нравственного совершенства* — усвоение буддийского этического кодекса в его минимальном варианте: не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не лги, не употребляй хмельного.

Стр. 54. *Бхиккху, который пил неотцеженную воду*. — Устав запрещал монахам пить воду непосредственно из источников: формально — чтобы не причинить вред оби-

тающим в воде живым существам, фактически же — из гигиенических соображений.

Стр. 55. *Летающая колесница* — атрибут брахманистских богов.

Пернатые — детеныши Гаруд, мифических гигантских орлов с человеческими головами; Гаруды дружелюбны к богам и к человеку и враждуют с родичами-змеями.

Сакка (санскрит. Шакья) — в брахманистской мифологии один из эпитетов царя богов Индры, повелевающего громами; в палийских текстах используется лишь имя Сакка (букв.: «Могущественный»), а «Индра» не встречается. Буддийский Сакка признает дхамму и чтит Будду.

Стр. 56. *Пять благородных установлений* (палийское «пáнча сйла») — то же, что *пять заповедей*, *пять основ*, *пять заветов*, то же, что *Путь нравственного совершенства* (см. примеч. к с. 52); буддийский моральный кодекс в минимальном варианте.

Стр. 59. *Тридцать три владыки небес* — брахманистские боги во главе с Саккой (Индрой), обитающие на шести небесах.

Асуры — антиподы и противники брахманистских богов.

Напиток богов — обеспечивающая вечное бессмертие амрита, которую боги и асуры когда-то совместно добыли при пахтании Мирового океана. Весь эпизод — весьма вольное буддийское переложение традиционных брахманистских мифов.

Гора Синэру — палийский вариант санскритского «Сумэру», то есть «прекрасная Меру». Так называлась Мировая Гора из чистого золота, которую охранял Сакка; центр мироздания.

Стр. 60. *Южный Океан* — один из четырех (или семи) Мировых Океанов, омывающих четыре (или семь) Мировых Островов (то есть материков), подобно лепесткам лотоса расходящихся от центра — горы Синэру.

Стр. 61. *Сакки из иных Круговых Миров*. — По представлениям буддистов, вселенная циклична не только во времени, но и в пространстве, и иные миры с иной периодичностью переживают сходные события.

Ураги — змеи, обитающие в нижних мирах или в Океане; *Гаруды* (см. примеч. к с. 55) населяют надземные сферы; *кумбханды* (чароден) и *яккхи* (оборотни), подданные

Вессаваны, обитают и на Земле, и в нижних небесных сферах.

Четыре владыки — брахманистские боги-стражи сторон света: повелитель богов Индра (Сакка) охраняет восток, повелитель вод Варуна — запад, бог богатств Кубера (Вессавана) — север, бог смерти Яма — юг.

Стр. 64. *Кóти* — сто тысяч.

И жил так Сакка. — В буддизме брахманистские боги не бессмертны: как и люди, они — во власти кармы.

Капи́лавáттху (с а н с к р и т. Капи́лава́сту) — столица шакьев, близ которой в роще Лумбини родился Гаутама Шакьямуни, будущий Будда; вскоре после смерти Будды Капилаваттху была разорена войсками соседнего царя, а племя шакьев уничтожено. В настоящее время окрестности Капилаваттху — святое место для буддийских паломников из всех стран Азии.

Стр. 68. *Ана́тхапáндика* — богатый купец, покровительствовавший Будде и его ученикам и, по преданию, выстроивший на свои деньги для них монастырь; возможно, историческая личность.

Виха́ра — буддийский монастырь.

Весáли (с а н с к р и т. Вайша́ли) — город в Восточной Индии, близ которого находился буддийский монастырь (вихара); знаменит тем, что в его стенах провел свой последний в жизни сезон дождей Будда с несколькими преданными учениками.

Стр. 69. *Шесть обособившихся бхиккху* — возможно, еще одно свидетельство разногласий в общине, начавшихся при жизни Будды; упоминаемые шестеро, видимо, не имеют отношения к раскольнику Девадатте.

Стр. 70. *Четыре высших мудрости* — ступени все более глубокого созерцательного самососредоточения: 1) радостное состояние, наступающее в результате отвлечения от всего внешнего и сосредоточения на одном мыслительном объекте; 2) состояние внутреннего покоя, обретаемого в результате «отключения» от всякой рассудочной деятельности; 3) восторг, рождаемый в результате отвлечения от чувственно-эмоциональной деятельности; 4) состояние транса, предполагающего полную изолированность от любых внешних и внутренних раздражителей.

Три ступени познания — осознание трех свойств бытия: страдания, непостоянства, бездуховности.

Шесть откровений или шесть знаний — шесть способностей, служащих признаками арахатства: 1) способность творить чудеса: парить в воздухе, переноситься в любое место или в любое время и т. п.; 2) способность слышать на любом расстоянии; 3) всевидение; 4) всеведение и всепонимание, абсолютная память — в частности, о всех своих предшествующих рождениях; 5) память о прошлых рождениях всех других живых существ; 6) полная уверенность в том, что освобождение (то есть ниббана) уже достигнуто.

Начитан в сѹтрах (на пали — «сѹтта»). — По-видимому, Будда имеет в виду не Канон (который при нем не был записан), но любую философско-религиозную литературу, включая и трактаты противников буддизма; позже «суттами» называли только буддийские канонические сочинения, входившие в «Сутта-питаку».

Старший — палийское «бѹддхатáро» можно понимать и как «старейший» (по возрасту), и как «старший» (по положению).

Вращал колесо дхаммы. — Образное выражение, имеющее отношение к первой, бенаресской, проповеди Будды, прочитанной им пятерым бывшим товарищам по аскезе (Сарипутты среди них не было); «вращать колесо дхаммы» означает: «проповедовать буддийскую доктрину», и в этом Сарипутта действительно был едва ли не самым знающим и активным среди учеников Будды.

Стр. 72. *Мир чувств* (на пали «кáма-лóка») — включал в себя пять миров небожественных существ (людей, асуров, бесплотных духов, животных, чистилища) и шесть низших небес, где обитают боги и полубоги.

Мир высших истин (на пали «брáхма-лóка») — или мир Брахмы, включавший в себя двадцать мифических вселенных: шестнадцать наделенных формой и четыре не имеющих формы; рождение в мире высших истин приближает живое существо к ниббане.

Моггалáна (с а н с к р и т. Маудгальяяна) — один из главных учеников Будды, друг Сарипутты.

Стр. 77. *Божество, обитавшее в дереве* (на пали «рѹк-кха-дѣвата») — дух дерева (обычно смоковницы), которому поклонялись жители ближайшего городка и деревни, у которого просили покровительства, принося жертвы цветами, топленным маслом и разной снедью. Частое рожде-

ние Бодхисатт в палийских «Джатаках» в виде древесных духов, как и сохранившийся до сего времени на Шри-Ланке культ деревьев, выделяющих млечный сок, свидетельствуют о глубоких связях буддизма при его зарождении и развитии с местными анимистическими культами, характерными для неарийских народов Индостана.

Стр. 79. *Холоп*. — Имеется в виду санскритский и палийский термин «даса», семантика которого вызывает до сих пор споры, связанные с проблемой существования рабства в Древней Индии. «Даса» можно переводить и как «раб», «слуга», «холоп», «зависимый».

Стр. 80. *Нандака* — уменьшительное от «нанда» (букв.: «радость») со слегка пренебрежительным оттенком; имя холопа.

Стр. 81. *Три сокровища веды* — Будда, дхамма и санга (буддийская община). Новообращенный трижды повторяет «тройственную формулу»: «Я иду к Будде как к прибежищу, я иду к дхамме как к прибежищу, я иду к санге как к прибежищу»; после произнесения этой формулы и наставления в благородных истинах, Восьмеричном Пути и установлениях мирянин становится монахом.

Стр. 82. *Готама* — родовое имя Будды Шакьямуни; называть Шакьямуни уже после его просветления «Готамой» означало выказывать ему полнейшее неуважение; женщина-дух (частое упоминание о них в текстах — еще одно доказательство тесной связи буддизма с верованиями анимистов) делает это сознательно.

Стр. 83. *Велáма* — имя женщины, якобы обращенной Буддой в его предпоследнем рождении в облике Вессáнтары.

Джáмбу — то же, что *Джáмбудýпа* — Индийский субконтинент.

Семь сокровищ веры. — Не вполне ясно, что именно имеется в виду, так как речь идет о «предпоследнем рождении» Будды, когда еще никакой «веры» (в смысле — буддийского вероучения) не существовало. Выражение «семь сокровищ» в иных контекстах имеет прямой смысл: золото, серебро, жемчуг, кораллы, топазы, рубины, алмазы.

Три прибежища — то же, что *три драгоценности* (см. примеч. к с. 81).

Велáмака-сутта — наставление о необходимости самоконтроля над душой и телом, до нашего времени дошли лишь отрывки этого сочинения.

Стр. 84. *Черноухое создание*. — Древние индийцы считали, что носители зла имеют свои отличительные признаки, которые только надо уметь замечать; черные родинки на ушах — примета злодея.

Стр. 85. *Стражи Мира* — боги, охраняющие стороны света (см. примеч. к с. 61).

Яккхи — полубожества, подданные бога богатств Весаваны (Куберы); могут принимать любой облик; как и ракшасы, яккхи нередко враждебны к человеку, но способны воспринимать буддийское вероучение.

Стр. 87. *«Дхаммапада»* (букв.: «стопы дхаммы») — знаменитый буддийский памятник в стихах, наставляющий в правилах морали.

...припав к ногам Учителя, которые и были колесом дхаммы. — По преданию, новорожденный Гаутама Шакьямуни имел на ступнях ног изображение колеса — счастливый знак, указывающий на будущее величие его носителя. Позже выражение «припасть к ногам Учителя» сделалось синонимом «приобщиться к дхамме».

Стр. 88. *Мáра*. — См. примеч. к с. 35.

Паччэка будда — Будда-одиночка («одинокий, как рог носорога»), самостоятельно дошедший до истинного знания и веры, но не открывающий их миру и заботящийся лишь о своем собственном спасении; такие будды признаются лишь буддизмом тхеравады.

Стр. 89. *Дерево бо* — вероятно, смоковница; по преданию, именно под гигантской смоковницей Шакьямуни, предававшийся в течение сорока девяти дней созерцательному размышлению, обрел наконец просветление и сделался Буддой.

Авйчи. — См. примеч. к с. 30.

Стр. 91. *Великий и окончательный Исход* — смерть, не влекущая за собой возрождение в «этом мире»; то же, что ниббана.

Стр. 93. *Запас соделателей* — обусловленные прошлыми существованиями физические и духовные «жизненные силы», предопределяющие новые и новые рождения.

Стр. 94. *Сансара* — земное бытие, жизнь, «этот мир»; бесконечный круговорот смертей и рождений носит название «колеса сансары».

Стр. 95. *Впрягшись в йогу*... — Буквальное значение слова «йога» — «упряжка, ярмо»: «впрягающийся в йогу» подвижник стремится «прекратить круговращение мыслей»; в буддизме «йога» — это прежде всего особая техника медитации, обеспечивающая вхождение в состояние транса и отключение от любых раздражителей.

Непостоянство, Сстрадание и Бесконечность — три основных свойства земного бытия, которые осознал при своем просветлении Будда; в палийском тексте, вероятно, ошибка, хотя другие рукописные версии повторяют ее: третьим компонентом должна быть не «бесконечность» (на пали «ананта»), а «бездуховность» («анатта»).

Будда Кассапа. — По преданию, до Будды Шакьямуни существовали еще двадцать четыре будды; трое из них жили в нашей вселенной («в этом мире») в отдаленные времена: Кракуччанда, Канакамуни и непосредственно предшествовавший Гаутаме — Кассапа.

Стр. 99. *Деревня Гамбхира* (букв.: «глубинная») — символическое название, указывающее на то, что «деревня», куда попадает Миттавиндака, — возможно, одно из чистилищ.

Стр. 105. *Пять ступеней истинного знания* — то же, что *шесть откровений*, за вычетом последнего: бытия в ниббанае (см. примеч. к с. 70).

Восемь совершенств — восемь стадий сосредоточенно-го размышления и восемь соответствующих способностей: 1) отключение внешних раздражителей; 2) отключение внутренних раздражителей; 3) полное прекращение рас-судочно-эмоциональной деятельности; 4) экстатическое состояние полной отрешенности; 5) преодоление пространства — времени; 6) осознания ложности «я» и выход за его пределы; 7) осознание «пустоты» всего сущего; 8) преодоление антиномии «сознательное — бессознательное».

Стр. 106. *Четыре величайшие добродетели* — то же, что *четыре ступени восхождения*; см. примеч. к с. 35.

Стр. 107. *Магадха* — царство в Восточной Индии, со-временный Южный Бихар; оплот буддизма. В последние века до нашей эры литературным языком Магадхи был

пали, поэтому буддисты называли пали «магадхийским языком»; исторические данные свидетельствуют, однако, о том, что диалектальная база этого языка находилась в Центральной или даже Западной Индии. С распространением буддизма из Восточной Индии на Шри-Ланку туда в качестве литературного языка был занесен и пали, который буддийская традиция и поныне считает «языком Магадхи».

Стр. 109. *Царство Чéти*. — Под этим названием известно несколько царств Древней Индии; возможно, речь идет о «Чéди» брахманистских текстов, тогда это — Центральная Индия (современный Бунделькханд).

Стр. 113. *Аджд́ивака или аджд́ивика* (букв.: «безжизненный») — секта, практиковавшая суровое истязание плоти; Шакьямуни, некоторое время примыкавший к адживакам, позже разошелся с ними.

Стр. 116. *Три веды* («веда» — букв.: «ведение», «священное знание») — древнейшие памятники брахманистской литературы, создание которых относят к XIII—XII вв. до н. э., но окончательное оформление которых состоялось, видимо, не ранее середины первого тысячелетия до н. э., а запись — еще на полтысячелетия позднее. Знать и толковать веды было обязанностью брахманистских жрецов; буддизм подходил к ведам, как и к другим памятникам культуры, с позиций «срединности»: не отвергал полностью, но и не признавал — как брахманизм — единственным и истинным источником знаний. Три веды — это: Ригведа — веда гимнов, Сама́веда — веда песнопений, Яджурведа — веда жертвенных формул; позже к этим трем древнейшим сборникам была подключена и четвертая веда — Атхárваведа — веда магических заклинаний, признаваемая не всеми направлениями брахманизма, но отображающая весьма архаичные, явно доарийские культы.

Восемнадцать наук и ремесел. — В Древней Индии существовали разные классификации областей знаний. По одной из них число восемнадцать составляли: четыре веды, шесть веданг, то есть «приложений к ведам», (а именно: фонетика, просодика, грамматика, лексикология, астрология, ритуально-жреческая практика), четыре упавéды, то есть «прикладные веды» (а именно: медицина, военное дело, музыка и ремесло), пура́ны (мифологические поэмы), итихáса (псевдоисторические предания), ньяя (ло-

тика) и миманса (философия). По другой, распространенной в буддизме, классификации было пять областей знания: наука, ремесла, искусства, волхование и магия; внутри каждой из этих пяти областей имелись еще подразделения, так что конечное число сфер знания также было равно восемнадцати.

Стр. 117. *Обошел его кругом.* — Процедура, движение по часовой стрелке вокруг почитаемого или охраняемого от «дурного глаза» объекта; цари и военачальники, заботясь о благе подданных, также обязаны были объезжать, двигаясь слева направо, город или лагерь.

Четыре пути скверны. — У царей это: неуравновешенность и приверженность страстям, дурные поступки и поощрение их, иррациональность и легкомыслие, подозрительность и коварство.

Десять царственных добродетелей — щедрость в даянии, строгое следование этическим нормам, терпимость, прямоту, кротость, самоограничение, негневлимость, непричинение ни малейшего — умышленного или неумышленного — зла живым существам, милосердие, стремление не отвечать силой на воздействие силы.

Пять скверн — отрицание пяти благородных установлений, то есть убийство, кража, прелюбодеяние, ложь, пьянство.

Десять зол — пять скверн, а также: чревоугодие; чрезмерная увлеченность музыкой, пением, танцами и театром как потакание чувству слуха; чрезмерная любовь к притираниям, благовониям, цветам, драгоценностям и т. п. как ублажение зрения и обоняния; пристрастие к чрезмерно мягкому ложу как ублажение чувства осязания; корыстолюбие.

Стр. 119. *Сын царя от старшей жены* — обычно наследник престола.

Стр. 121. *Громовая стрела* (на пали «вэджира») — не знающее промаха страшное оружие (гром и молния).

Стр. 123. *Мертвец, которого... бросили...* — Брахманн-стские кладбища — места кремации, но описываемые в буддийских текстах кладбища представляют собой просто свалку трупов: их сваливали с телег и оставляли на съедение хищным зверям, птицам и различным мифическим существам, питающимся мертвечиной: яккхам, ракшасам и т. п.; вероятно, такова была практика прежде всего

в Восточной Индии, колыбели буддизма, и она, без сомнения, характерна для доарийских насельников Индостана.

Стр. 124. *Бетель* — жевательная смесь из кусочка листа бетеля, растения семейства перечных, извести, соды, пряностей и других компонентов.

Стр. 133. *Вáджира* — оружие (см. примеч. к с. 121) или алмаз; в буддизме — синоним дхаммы, истинного знания.

Стр. 134. *Пять видов неправедных деяний* — то же, что пять скверн (см. примеч. к с. 117).

Пять видов праведных поступков — то же, что пять благородных установлений (см. примеч. к с. 56).

Стр. 135. *Ангулима́на* — имя демона-карлика, обращенного Буддой.

Стр. 139. *Бог Агги* (санскрит. Агни) — повелитель огня; одно из главных божеств брахманизма; его присутствие и роль в буддийской джатаке — указание на то, что соответствующий фольклорный сюжет восходит, вероятно, к добуддийским временам. Это предположение подтверждается и тем, что вариант сюжета «Джатаки о заклинании от тоски» обнаруживается в сказочном цикле индунтской литературы, в «Кáтхасáритса́гаре» (гл. 15).

Стр. 143. *Ка́пила́ни* (букв.: «рыжая») — имя одной из последовательниц Будды.

Маха́касса́па или просто *Касса́па* (санскрит. кашьяпа; букв.: «черепаха») — один из учеников Будды; после смерти Будды Кассапа был одним из инициаторов созыва Первого собора.

Стр. 146. *Листья арековой пальмы* — использовались для приготовления бетеля и в косметических целях.

Стр. 148. *Ви́на* — многострунный музыкальный инструмент.

Шлепнуть вас по голове. — Удар по голове рассматривался как сильнейшее оскорбление; однако он допускался в эротических играх.

Стр. 149. *Готова взойти на костер.* — Предполагалось, что бог огня Агги не допустит гибели невинного.

Стр. 152. *Та́кка-па́ндит.* — Палийское «такка» значит и «изворотливый, хитроумный», и «торговец молоком и пахтой»; слово «пандит» в брахманизме означало брамана, начитанного в священных текстах; в буддизме оно значит просто «мудрец».

Стр. 155. *Пять ступеней мудрости.* — То же, что пять ступеней истинного знания или шесть откровений (кроме последнего) — см. примеч. к с. 105.

Стр. 158. *Берестяные одеяния.* — Брахманистские отшельники (а здесь речь именно о них) одевались в одежду из бересты или в шкуру черной антилопы; считалось, что эти подвижники способны к преодолению пространства и времени.

Стр. 161. *Уппалавάνна* — имя буддийской монахини, одной из любимых учениц Будды.

Стр. 163. *Чъттахаттха-Сарипутта* (букв.: «красиворукий — видимо, прозвище — Сарипутта») — очевидно, прозвание монаха, данное ему, чтобы отличать от другого Сарипутты.

Стр. 164. *«Абхидхамма».* — См. примеч. к с. 21.

Стр. 166. *Поза лотоса* — особая поза (со скрещенными ногами и благословляющим жестом рук), принимаемая обычно подвижниками.

Стр. 167. *Вйссакáмма* (с а н с к р и т. «вйшва-кáрман»; букв.: «делатель мира») — имя божественного зодчего, строителя рая.

Стр. 168. *Мир богов* — шесть нижних небес, входящих в мир чувств (см. примеч. к с. 72), тогда как *мир Брахмы*, представленный двадцатью вселенными, расположен выше, вне мира чувств.

Стр. 169. *Сáмана* — первоначально странник, затем странствующий буддийский монах; позже — старший монах.

Стр. 170. *Павáрана* — церемония плетения венков из листьев и совершения иных магических обрядов, отмечающих конец сезона дождей; несомненно, связана с древними культами плодородия. Сохранилась как буддийский праздник на Шри-Ланке, в Бирме и других местах распространения тхеравады.

Стр. 172. *Видя, что уже поздно, а еда не готова...* — Правила монашеской жизни запрещали принимать горячую пищу с полудня и до захода солнца (иногда с восхода и до заката).

Стр. 176. *Кайлáса* — мифическая гора в Гималаях, место, где обитают боги.

Стр. 177. *Пояс Мировых Гор.* — По одному из вариантов космогонических мифов, Земля, плоский диск, пла-

вающий в Мировом Океане, окружена кольцом Мировых Гор, главная из которых — Мёру (см. примеч. к с. 59).

Стр. 179. *Брахманов, уроженцев северо-запада...* — Северо-западные брахманы традиционно считались занимающими верхнюю ступень в иерархии различных разрядов внутри брахманского сословия; возможно, это связано с идеей «арийской прародины», «происходить с северо-запада» — то же, что «быть благородного рождения». Буддизм отвергал эти различия, тем не менее Бодхисатты, как правило, рождаясь брахманами, происходят с северо-запада.

Стр. 184. *Рёхини* (букв.: «красная») — древнее название нескольких рек в Восточной Индии; из текста не ясно, о которой именно идет речь.

Стр. 189. *Паджджунна* (санскрит. «парджанья») — бог грозы и дождя, в древности самостоятельный, но позже слившийся с Индрой (Саккой) и рассматривавшийся только как ипостась последнего. В пали Паджджунна — синоним Сакки.

Стр. 192. *Поднялась на крышу...* — Плоская и огражденная со всех сторон барьером крыша индийских домов в прохладную погоду или вечером служит обычным местом отдыха или хозяйственных дел.

Стр. 195. *Даяние — вот истинная жертва.* — Полемический выпад против брахманистов, приносивших жертвы своим богам; единственный вид жертвы, допускавшейся буддизмом, — подача милостыни странствующим монахам-бхиккху.

Трон мудрости — возвышенное название места в общей зале монастыря, отведенного для Будды.

Стр. 205. *Махймсака* (букв.: «порядочное») — вымышленное царство.

Стр. 209. *Гхёситарáма* (букв.: «зовущая к отдыху») близ *Косáмби* — буддийский монастырь, в котором иногда останавливался Будда; ныне — деревня Косам на берегу реки Джамны, близ Аллахабада, где сохранились развалины монастыря.

Наги — мифические змьи (нередко человеческого облика), обитающие в нижнем мире. Повествование об укрощении нага, обитавшего в титтхи, — вероятно, иносказание: подразумевается победа, одержанная буддистами на диспуте с противниками, скорее всего, джайнами.

Амба-тйттхика — букв.: «обитающий в манговых зарослях близ сходов к реке»; «титтхи» — букв.: «ступени, сходы» — святые места по берегам священных рек, почитаемые брахманами и джайнами.

Стр. 210. *Жаром одолев нага*. — Игра слов: «тэджо» означает и «жар, пламя», и «религиозное рвение, пыл».

Стр. 211. *Лег ногами к Учителю*. — Признак крайнего неуважения.

Стр. 217. *Носильная пара*. — Обычная одежда брахмана-мирянина состояла из нижней рубахи и штанов или особым образом обматываемого вокруг бедер куска ткани и верхнего длинного сюртука.

Стр. 221. *Длинноволосый отшельник* — то есть подвижник иной религии (бхиккху наголо брились): скорее всего — брахманист.

Стр. 225. *Начитан в канонических текстах*. — То есть в агамах, красочных биографиях буддийских святых и мифологических поэмах; термин «агама» может означать и «философская часть Канона». В любом случае это — вставка очень позднего происхождения.

Стр. 229. *Деревенский малый, который... приносил жертву своим богам*. — То есть брахманист, совершавший подношения одному из многочисленных богов (возможно, духу дерева) — цветами, сладостями и т. п.

Стр. 235. *Варака* — городок в Восточной Индии.

Месяц каттика — время, когда, по представлениям древних индийцев, Луна находится в созвездии Плеяд; последний месяц дождливого сезона, соответствует октябрю — ноябрю.

Кусина́ра (с а н с к р и т. Кушинагара) — маленький городок, в котором якобы умер Будда, заболев дизентерией. Эта история, представленная во многих, канонических и неканонических, буддийских памятниках, — несомненно, поздняя интерполяция в уже «готовый» свод «Джатак».

Стр. 236. *Кунжутное семечко* — символ самого мельчайшего, атомарного. Будда излагает здесь (словами умирающего Судассаны) весьма важный для буддизма закон непостоянства всего сущего в «этом мире».

Стр. 237. *Сумбха* — древнее царство на правом берегу Ганги, в среднем течении последней; может быть также отождествлено с Шумбхой брахманистских текстов (на плато Чхота-Нагпур).

Стр. 242. *Все, что не имеет хозяина, принадлежит гостю...* — Цитата из древнего уложения.

Стр. 243. *Я не властен над всеми, кто живет в моем царстве.* — Также весьма архаичные представления (отраженные в древних правовых сборниках) о царе — защитнике, но не самодержце.

Стр. 244. *Четыре ложных пути* — то же, что четыре пути скверны (примеч. к с. 117). *Десять царских заповедей справедливости* — то же, что десять царственных добродетелей (см. примеч. к с. 117).

Стр. 245. *Имя — всего лишь отличительная метка.* — Полемика с брахманистами, считавшими, что выбором правильного имени (определявшегося по положению звезд в момент рождения) можно как-то воздействовать на последующую судьбу новорожденного. Здесь отображена весьма важная для буддизма концепция «*нама-рупа*» (букв.: «*имя и форма*», то есть «*духовное и материальное*»), предполагавшая, в частности, условность всяческих наименований и понятий, поскольку в «этом мире» нет ничего постоянного и не состоящего из частей, в том числе нет и устойчивого «я».

Стр. 247. *Распутная девка.* — В Древней Индии существовали не только публичные дома и узаконенная проституция, но и «проституция по принуждению»: богатые миряне могли отправлять своих «*даси*» (то есть «*рабынь*» или «*служанок, зависимых*») на заработок, изымая у них полученные деньги.

Стр. 251. *Ачйравати* (букв.: «непротяженная») — небольшая река в окрестностях Саваттхи; см. примеч. к с. 21.

Стр. 253. *Когда исцелишься...* — В отличие от коровьего, козий навоз считался оскверняющим ритуальную чистоту.

Стр. 254. *Личчхави* — имя предводителя племени личхавов, обитавшего в предгорьях Гималаев и, возможно, неарийского.

Махавана (букв.: «большой лес») — название деревни в районе Весали, в роще близ которой располагался один из крупных буддийских монастырей, где бывал и Будда.

Стр. 255. *Рисовая крошка* — измельченная шелуха рисовых зерен, остающаяся после провенания и просеивания риса; красноватого цвета. Не содержит никаких пита-

тельных веществ, потому могла использоваться в пищу только «неимущими из неимущих».

Стр. 265. *Уттарасеттхи* — букв.: «сверхбогач»; палийское «сеттхи» могло значить также «купец», «ростовщик», «цеховой староста» и просто «богатый человек».

С прекрасным белым лицом... — В соответствии с эстетическими нормами древних индийцев белый цвет кожи в Индии ассоциировался с красотой; соответственно, «белый» и «красивый» и в древних и в современных языках Индии обычно обозначаются одинаково, одним словом.

Стр. 271. *Чинча* — имя подвижницы из враждебной буддизму религиозной секты; пыталась оклеветать Будду, обвиняя его в посягательстве на ее честь, за что, по преданию, была еще при жизни низвергнута в чистилище.

«Джатака о великом лотосе» — истинная отсылка на джатаку № 488 двенадцатой нипаты палийского свода джатак.

Стр. 273. *Расцарапала ногтями все тело.* — То есть изобразила следы бурных ласк.

Стр. 276. *Куса* — трава с длинными острыми стеблями; издревле использовалась в ритуально-магических целях.

Стр. 277. *Руча или муккхака* — «фикус религиоза» — один из видов индийской смоковницы.

Стр. 278. *Хамелеон* — в Индии традиционный символ несчастья в связи со способностью менять окраску; хамелеонам приписываются различные вредные качества, которыми они на самом деле не обладают.

Стр. 280. *Пары враждующих... стихий.* — Особенность, присущая только Будде, который якобы являл чудеса, совмещая несовместимые субстанции (например, испускающая одновременно струи воды и языки пламени) и тем наглядно демонстрируя «срединность» буддизма.

Стр. 281. *Гора Вэпулла* — небольшой холм близ Раджагахи, одна сторона которого круто обрывается книзу.

Стр. 285. *Подпорки под ложе.* — Вероятно, на день подпорки убирались, и ложе вместе с ними прислонялось к стене, как это делается в современной Индии.

Стр. 293. *Волшебный круг* (на пали «мáнда́ла») — магический круг, часто использовавшийся в ритуальной практике брахманизма. Джатака, безусловно, содержит сатиру в адрес брахманнстов, санкционировавших веру

в приметы, знаки и т. п. и включивших в свою систему элементы первобытной магии.

Стр. 296. *Кормился он одним воздухом.* — Издевка по адресу брахманистских и джайнских подвижников, аскетические упражнения которых описываются в аналогичных терминах.

Земля не выдержала бы моей тяжести. — Опять-таки проиная по адресу брахманистских святых, добродетели которых якобы прогибают земную твердь и сотрясают небеса.

Стр. 297. *Кот* — символ любого коварного хищника.

Стр. 298. *Сладостей — пожирнее и побольше...* — Отражает бытовавшее в Древней Индии мнение, что сластены — тайные распутники.

Стр. 308. *Он запретил монахиням впредь есть чеснок.* — Устав буддийской общины действительно запрещает бхиккху есть чеснок (скорее всего, из-за неприятного запаха).

Стр. 309. *Накормила... пирогом.* — Правила «хорошего тона» предписывали мирянам кормить бхиккху лучшими кушаньями.

Введу в дом другую жену. — Вторичная женитьба не означала разрыва с первой женой и объяснялась обычно чисто экономическими мотивами; для собственно «развода», юридически оправданного, фактов, изложенных в джатаке, явно недостаточно, так что вся «история о настоящем» надуманна.

Стр. 313. *Полено из погребального костра.* — Все, связанное со смертью, считалось оскверняющим, ритуально нечистым, дурным.

Стр. 320. *Пять основ* — то же, что шесть откровений без последнего откровения (см. примеч. к с. 70).

Стр. 321. *Кокалика* — вероятно, историческая личность; неоднократно упоминается в «Джатаках»; Кокалика примкнул к раскольнику Девадатте, но позже порвал и с Девадаттой и основал собственную секту.

Б. Захарьин

Содержание

Б. Захарьин. Палийские джатаки	3
--	---

Джатаки

Джатака о пустыне (2)	21
Джатака о высшей дхамме (6)	25
Джатака о сборище топлива (7)	30
Джатака о Мákхадéве (9)	33
Джатака об отмеченном удачей (11)	35
Джатака о тростинке для питья (20)	38
Джатака об олене (21)	42
Джатака о боевом коне (23)	44
Джатака о постоянстве (27)	47
Джатака о Многославном (28)	49
Джатака о Мунíке (30)	52
Джатака о гнездах (31)	54
Джатака о согласии (33)	64
Джатака о рыбе (34)	67
Джатака о куропатке (37)	68
Джатака о цапле (38)	73
Джатака о Нáнде (39)	78
Джатака о пылающих углях (40)	80
Джатака о Лóсакe (41)	91
Джатака о голубе (42)	101
Джатака о змее (43)	103
Джатака о моските (44)	107
Джатака о «ведаббхе» (48)	109
Джатака о созвездиях (49)	113
Джатака о скудоумных (50)	116
Джатака о муже добродетельном (51)	119
Джатака о полных чашах (53)	126
Джатака о плодах (54)	128
Джатака о царевице Пáнчавúддхе (55)	131

Джатака о трех достоинствах (58) . . .	135
Джатака о бое барабанном (59) . . .	138
Джатака о «заклинании от тоски» (61)	139
Джатака об одураченном (62)	143
Джатака о Тákке (63)	151
Джатака о Мúдулáккхане (66)	155
Джатака о зменном яде (69)	161
Джатака о лопате (70)	163
Джатака о вязанке хвороста (71) . . .	168
Джатака о добром слоне (72)	173
Джатака об истине (73)	178
Джатака о деревьях (74)	184
Джатака о рыбе (75)	186
Джатака об Иллýсе (78)	190
Джатака о Бхýмасéне (80)	204
Джатака о пьянстве (81)	209
Джатака об испытании добродетелей (86)	213
Джатака о приметах (87)	217
Джатака о мошеннике (89)	221
Джатака о драгоценности (92)	223
Джатака о доверии к еде (93)	232
Джатака о великом Судáссане (95) . .	235
Джатака о чаше, полной масла (96) . .	237
Джатака о вере в имена (97)	245
Джатака о торговце-мошеннике (98) . .	248
Джатака о трубке для стрельбы (107)	250
Джатака о деревенской женщине (108)	254
Джатака о пирожке из рисовой крош- ки (109)	255
Джатака о здравом смысле (114) . . .	259
Джатака о донимающей предостережен- нии (115)	261
Джатака об упрямце (116)	263
Джатака о перепеле (118)	265
Джатака о шуме некстати (119) . . .	269
Джатака о непривязывании (120) . . .	271
Джатака о траве кýса (121)	276
Джатака о глупце (122)	280
Джатака о рукоятти плуга (123)	283
Джатака о Катáхакe (125)	287
Джатака о приметах мечей (126) . . .	291

Джатака о кошачьих повадках (128) . .	296
Джатака о Кóсни (130)	298
Джатака о скупости дающего (131) . .	301
Джатака о златопером лебеде (136) . .	303
Джатака о коте (137)	309
Джатака о двойной неудаче (139) . . .	313
Джатака о вороне (140)	315
Джатака о шакале (142)	318
Джатака о блеске могущества (143) . .	320
Примечания	323

Д 40 **Джатаки:** Из первой книги «Джатак»/
Пер. с пали Б. Захарьина; Вступит.
статья, сост. и примеч. Б. Захарьина;
Стихи в пер. А. Голембы. — М.: Худож.
лит., 1979 — 351 с.

«Джатаки», или «Рассказы о житиях Бодхисатт» — один из древнейших памятников индийской литературы на языке пали. Приблизительное время их создания — IV—III вв. до н. э. В жанровом отношении «Джатаки» — орнаментированные притчи. Их основу составляют фольклорные сюжеты, подвергшиеся соответствующей обработке, с привязкой к этическим постулатам буддизма. Народная основа «Джатак» сообщает им непреходящую художественную ценность. Их занимательность привлекает до сих пор читателей не только в Индии, но и во всем мире.

Это издание — первое собрание «Джатак» на русском языке.

Д 70304-050
028(01)-79 193-79

8А

Джатаки

Редактор

А. Ибрагимов

Художественный редактор

Ю. Коннов

Технический редактор

А. Кузнецова

Корректоры

Г. Асланянц и Н. Гришина

.....

ИБ № 1141

Сдано в набор 08.06.78. Подписано в печать 05.01.79. Формат 84×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Елизаветинская». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,116. Уч.-пзд. л. 16,79. Тираж 30 000 экз. Заказ 1997. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Художественная литература», Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская, 26.

